ПУТЕШЕСТВИЯ ТАФА

ДЖОРДЖ МАРТИН

ПУТЕШЕСТВИЯ ТАФА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЖОРДЖ МАРТИН

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

GEORGE

MARTIN

TUF VOYAGING

ДЖОРДЖ
МАРТИН

ПУТЕШЕСТВИЯ ТАФА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

ББК 84.4П
М29

Серия основана в 1999 году

George Martin
TUF VOYAGING
1988

Серийное оформление А. Кудрявцева
Перевод с английского
Художник А. Дубовик

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов
Ralph M.Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Мартин Дж.
М29 Путешествия Тафа: Фантастические повести / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 512 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-001041-9

Кто же он, профессиональный спаситель, летающий из мира в мир, с планеты на планету, из системы в систему?

Кто же он — великий герой и неудачливый бизнесмен, безуспешно пытающийся распродать «отборные товары по низким ценам»?

Он — Хэвиланд Таф. Лучший из лучших — или отъявленный неудачник? Положим, считают по-разному — те инопланетяне, которым Таф оказывал серьезные услуги, и те, коим он оказывал услуги медвежьи...

© George Martin, 1988
© ООО «Издательство АСТ», 2000

ПУТЕШЕСТВИЯ ТАФА

ЧУМНАЯ ЗВЕЗДА*

ПРОЛОГ

КАТАЛОГ ШЕСТЬ
ИНВЕНТАРНЫЙ НОМЕР 37433-800912-5442894
ШАНДИЛЛОРСКИЙ ЦЕНТР КСЕНОАНТРОПОЛОГИИ

описание объекта: кристалл звукозаписи
место находки: Хро Б'Брана (координаты SQ19 V7715 121)
предполагаемый возраст 276 стандарт-лет
относится к разделам классификации
порабощенные расы *хранганийцы*
легенды и мифы *хруун*
медицина *болезни неидентифицированные*
торговые базы *заброшенные*

Раз, два, три, раз, два.

Ага, вижу, работает. Хорошо.

Меня зовут Рейрик Гортвензи. Я... начинающий торговый агент... говорю, чтобы предупредить об опасности того, кто найдет эту запись.

Снова поднимается пыль, для меня — в последний раз. Солнце опускается за вершины западных гор, окрашивая землю в цвет крови, и сумерки неумолимо надвигаются на меня. На небе появляются звезды, одна за другой, но эта звезда остается на нем днем и ночью, ночью и днем. Она всегда надо мной, уступая по яркости лишь солнцу. Чумная звезда.

---

* Plague Star © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. О. Колесникова.*

Сегодня я похоронил Джейнил. Собственными руками я выкопал могилу. Я рыл ее с раннего утра до полудня, пока руки не стали саднить. И когда мой долг был исполнен, когда последняя пригоршня этой враждебной земли упала в могилу, когда последний камень лег в маленькое надгробие, я встал над ней и оросил землю своими слезами.

Все это случилось из-за нее. Я говорил ей об этом, и не раз, и незадолго до смерти она признала свою вину. Из-за нее мы прилетели сюда. Из-за нее мы не улетели отсюда, когда могли сделать это. Она погибла по собственной вине — да, по собственной, но из-за нее и мне суждено остаться непохороненным, и над моим телом будут пировать звери, летяги и те самые ночные охотники, с которыми мы надеялись наладить торговлю.

Чумная звезда — маленькая, но яркая — заливает землю безжизненным белым светом. «Так не должно быть, — сказал я Джейнил. — Чумная звезда должна быть красной. Она должна мерцать, быть окруженной красным ореолом, окрашивать ночь в цвет огня и крови. А это безжизненное белое свечение — какое отношение оно имеет к чуме?» Это было в самый первый день, когда транспортный корабль высадил нас вместе с нашим маленьким торговым комплексом, высадил и улетел. В то время чумная звезда была лишь сорок первой по яркости на этом враждебном небе и ничем не привлекала к себе внимания. В то время мы смеялись над предрассудками тех простаков, тех сбежавших отсюда глупцов, которые полагали, что с неба на них посыплются болезни.

Мы смеялись и тогда, когда свет чумной звезды начал прибывать. Ночь от ночи она светила все ярче и ярче, пока наконец не стала видна даже днем. Но задолго до этого появились первые признаки ее губи-

тельного воздействия. По вечерам на темнеющем небе появлялись летяги. Издали они напоминали мне тенечаек, ночных птиц моей родины, Буда-хара, стоящего на берегу жизнеобильного моря, на планете под названием Разъяр. Моря здесь не было, только холмы, горы и сухие равнины, но я и так знал, что если посмотреть на них поближе, то ничего приятного я не увижу. Злобные и страшные, ростом почти мне по пояс, они больше всего походили на ожившие мумии. Иссохшая кожа туго обтягивала полые кости их скелетов, крылья были прочными и плотными, как мембрана барабана, когти — острыми, как клинки, грудная клетка выдавалась вперед, под сплющенной головой во все стороны торчали шипы, а глаза были мерзкого красного цвета.

Джейнил говорила мне, что они — хрупкие создания, и у них есть свой язык. Услышав их голоса, эти резкие крики, словно скребущие по обнаженным нервам, я даже не стал пытаться изучить их язык. Джейнил тоже. «Хрупкие создания, — говорила она, — мы будем торговать с ними». Ха, не нужны были им ни мы, ни наша торговля. Их знаний хватало, только чтобы воровать, и на этом вся их хрупкость заканчивалась. И все же у них и у нас было нечто общее — смерть.

Все летяги умерли. Ночные охотники, создания с массивными сдвоенными конечностями и неуклюжими двупалыми руками, с глазами, светившимися на их выпуклых черепах, как угольки затухающего огня, умерли тоже. Они были потрясающе сильными, а их странные большие глаза могли видеть в темноте, когда тяжелые грозовые облака закрывали даже чумную звезду. В своих пещерах они поклонялись Великому Мыслителю, повелителю, которому они служили, полагая, что когда-нибудь он вернется и снова пове-

дет их на войну. Мыслитель так и не пришел, а ночные охотники все умерли, точно так же, как летяги, точно так же, как и многие другие существа, тела и скелеты которых мы находили на холмах, точно так же, как неразумные звери, точно так же, как кусты и деревья, точно так же, как Джейнил и я.

Джейнил говорила, что это будет для нас мир золота и бриллиантов. Он оказался для нас миром смерти. На ее древней карте он назывался Хро Б'Брана, но я никогда не называл его так. Она знала названия всех рас, обитавших на нем. Я запомнил только одно — хруун. Так на самом деле назывались ночные охотники. «Поработившая их раса, — говорила она, — хранганийцы, — их великие враги, теперь уже совсем исчезли, разгромленные тысячу лет назад, и их рабство уже забылось. Здесь расположена заброшенная колония, — говорила она, — и очень немногие поддерживают с ней торговые отношения». Она знала так много, а я так мало, но вот я похоронил ее и знаю теперь самое главное. Рабы здесь жили, рабами и остались, ибо повелители повергли их в настоящий ад — они создали безжалостный свет чумной звезды.

Последний торговый корабль залетал сюда полгода назад. Мы могли бы улететь на нем. Чума тогда уже начиналась. Трупы летяг лежали на склонах гор, падали со скал. Я осмотрел несколько, их кожа казалась обожженной и источала какую-то жидкость, крылья растрескались. К нам приходили покрытые волдырями ночные охотники, они унесли от нас превеликое множество зонтиков, держа их так, чтобы закрывать себя от света чумной звезды. Когда приземлился корабль, мы могли бы улететь на нем. Но Джейнил сказала, что мы останемся. Она знала, как называются эти хвори, которые изничтожали летяг и ночных охотников. Она знала, как называются ле-

карства, способные исцелять от этого. «Знать название чего-то — значит понимать, что это такое, — так считала она. — Мы должны быть целителями, мы должны избавить их от злого рока, и тогда удача будет в наших руках». Она забрала все медикаменты, что были на том корабле, и заказала другие, и мы стали лечить от этих болезней, названия которых она знала.

Когда появилась еще одна болезнь, она знала и ее название. И следующей за ней, и еще одной следующей, и еще одной. Но болезням не было числа. Сначала кончились лекарства, затем у нее кончились названия для болезней, а сегодня на заре я начал копать для нее могилу. Она была живой, подвижной женщиной, но перед смертью стала вялой, и ее конечности опухли почти вдвое. Мне пришлось выкопать большую могилу, чтобы в нее поместилось ее разбухшее окоченевшее тело. Я дал название тому, что убило ее: болезнь Джейнил, так я назвал это. Я не специалист по названиям. Моя болезнь другая и названия не имеет. Когда я двигаюсь, по костям словно бы пробегает огонь, а кожа стала серой и хрупкой. Каждое утро, просыпаясь, я нахожу в постели кусочки своей плоти, отвалившиеся от костей, и все белье испачкано кровью, которая при этом сочится.

Чумная звезда, огромная и ослепительно яркая, висит прямо надо мной. Теперь я понимаю, почему она белая. Белый — это цвет чистоты, ха, и чумная звезда очищает эту землю, но использует для этого порчу и разложение. В этом есть ирония, не так ли?

Мы привезли сюда много оружия, но продали очень мало. Ночные охотники и летяги не могут с помощью оружия избавиться от того, что их уничтожает, и потому больше верят в полезность зонтиков, чем лазеров. Я вооружился огнеметом из нашего арсенала, взял с со-

бой бутылку темного вина. Я буду сидеть здесь, в прохладе, и излагать свои мысли кристаллу, буду пить вино и наблюдать за теми летягами, которые пока еще живы, как они танцуют и парят в ночном небе. Издалека они похожи на тенечаек, летающих над моим родным жизнеобильным морем. Я пью вино и вспоминаю, как шумело море, когда будахарский мальчишка сидел на его берегу и мечтал о звездах. Когда вино у меня кончится, я воспользуюсь огнеметом.

(долгое молчание)

Пожалуй, мне просто больше нечего сказать. Джейнил знала много, она знала много слов и названий, но ее я сегодня похоронил.

(долгое молчание)

Если эту звукозапись когда-нибудь найдут...

(долгое молчание)

Если это найдут когда-нибудь, когда чумная звезда поблекнет (а ночные охотники говорят, что это случится), то не обманывайтесь. Этот мир недобрый, этот мир не для жизни. Это мир смерти и бесчисленных болезней. Чумная звезда взойдет снова.

(долгое молчание)

Вино кончилось.

(конец записи)

1

— Нет, — обращаясь к остальным, твердым голосом сказал Кай Невис. — Об этом даже и не думайте. С большим транспортом связываться просто глупо.

— Ерунда, — проворчала в ответ Целиза Ваан. — В конце концов, нам ведь надо как-то добираться. А

это значит, нам нужен корабль. Я раньше уже нанимала корабли СТАРСЛИПа и ничего против них не имею. Экипажи предупредительные, и кухня более чем приличная.

Невис одарил говорившую уничтожающим взглядом. Его лицо было будто специально создано для таких взглядов — грубо высеченное, угловатое, волосы зачесаны назад, огромный орлиный нос, маленькие темные глазки сверкают из-под кустистых черных бровей.

— И с какой целью вы нанимали эти корабли?

— То есть как это? Для научных экспедиций, конечно, — ответила Целиза Ваан. Она выхватила из стоящей перед ней вазы очередной кремовый шарик и, чопорно держа его большим и указательным пальцами, затолкала в рот. — Я была наблюдателем в целом ряде важных разведывательных полетов. Средства выделял Центр.

— Вы хоть бы попытались понять своим умишком одну мелочь, — сказал Невис. — У нас не научная экспедиция. Мы не суем нос в свадебные обряды туземцев, как это привыкли делать вы. Мы не выкапываем сомнительные артефакты, на которые всякому нормальному человеку просто наплевать. Цель нашего маленького секретного мероприятия — поиски неизмеримо ценных сокровищ. И если мы их найдем, нам вовсе не захочется передавать их компетентным специалистам. Я вам нужен, потому что могу обеспечить не совсем легальные каналы для их продажи. А вы настолько не доверяете мне, что даже не хотите сказать, где находятся эти проклятые сокровища, пока мы не отправимся в путь, а Лайон даже нанял личную охрану. Ладно, меня это не беспокоит. Но вы должны понять одно — я, конечно, не единственный достойный доверия человек на Шан-Диллоре. Здесь

на карте стоит потеря богатства и затраченная энергия, и если вы и дальше намерены вешать мне на уши лапшу о корабельной кухне, я убираюсь. У меня найдутся дела поинтереснее созерцания ваших рож.

Целиза Ваан презрительно шмыгнула носом. Это была высокая полная женщина с красным лицом, и ее шмыганье больше напоминало громкое бульканье.

— СТАРСЛИП — уважаемая фирма, — сказала она. — Кроме того, законы о находках...

— Совершенно не имеют значения, — закончил Невис. — Есть свод законов здесь, на Шан-Диллоре, другой — на Клерономасе и третий — на Майе, и все они не имеют ни малейшего значения И если будет применен закон Шан-Ди, нас ждет только четверть стоимости находки — если мы вообще что-нибудь найдем. Предположим, чумная звезда, о которой вы говорите, действительно то, чем ее считает Лайон, и предположим еще, что она в пригодном состоянии; тогда тот, кто ее контролирует, станет самой могучей силой в этом районе космоса. СТАРСЛИП и другие крупные транспортные компании точно так же жадны и бессовестны, как и я, могу вас заверить. Кроме того, они так богаты, что планетарные правительства послушны им во всем. Вдобавок, если этот пункт ускользнул от вашего внимания, позвольте напомнить, что нас сейчас четверо. Пятеро, если считать эту наемницу, — продолжал он, кивнув на Рику Даунстар, тут же одарившую его холодной улыбкой. — На большом лайнере одних поваров не менее пяти. Даже на маленьком курьерском корабле больше персонала, чем вам кажется. И если эти люди вдруг узнают, что мы нашли... неужели вы думаете, что они так вот запросто нас отпустят?

— Если они нас ограбят, мы подадим на них жалобу, — брезгливо сказала толстая антропологиня и взяла из вазы последний шарик крема.

Кай Невис расхохотался ей в лицо.

— В какой суд? На какой планете? Для этого надо еще остаться в живых, что вообще-то не очень вероятно. Вы поразительно глупая и уродливая женщина.

Джеффри Лайон, с неудовольствием следивший за этой перепалкой, не выдержал.

— Эй, эй, — прервал он, — без оскорблений, Невис. Мы все тут дали маху.

Лайон, приземистый, неуклюжий мужчина, носил китель из ткани-хамелеона, украшенный рядами орденских планок за какие-то уже забытые кампании. В тускло освещенном зале маленького ресторана китель стал пепельно-серым, такого же цвета была и взъерошенная борода историка. Широкий, выпуклый лоб покрывала тонкая пленка пота. Да, поведение Невиса вполне соответствовало его репутации, и это не могло не раздражать Лайона. Целиза Ваан, выпятив нижнюю губу, уставилась на пустую вазу, как будто ее взгляд мог снова наполнить ее кремовыми шариками. Рика Даунстар — «наемница», как ее назвал Невис, — откинулась назад с выражением шутливой веселости в светлых глазах. Под песочным дорожным костюмом и серебристой рубашкой-кольчугой ее жилистое тело выглядело расслабленным, почти вялым. Всем своим видом она демонстрировала полнейшее равнодушие к затянувшейся дискуссии.

— Какой прок в оскорблениях? — сказал Анитта. Прочесть мысли киборга по лицу было трудновато: помимо живой плоти, оно состояло из полированного металла и прозрачного стекла, и его способность менять выражение была ограничена. Сплетя сверкающие стальные пальцы правой руки кофейного цвета с обычными пальцами левой, он уставился на Невиса блестящими серебристыми глазами, свободно скользящими в пластиковых глазницах. — Кай Невис сде-

лал полезные замечания. В отличие от нас он разбирается в этих делах. Зачем же вы тогда его пригласили, если не желаете слушать советов?

— Да, вы правы, — согласился Джеффри Лайон. — Итак, Невис, что вы предлагаете? Если нам надо остерегаться транспортных корпораций, то как же мы доберемся до чумной звезды?

— Нам нужен корабль, — резюмировала Целиза Ваан.

— У транспортных корпораций нет монополий на корабли, — улыбнулся Кай Невис. — Именно поэтому я предложил встретиться здесь, а не в бюро Лайона. Эта лачуга ближе к космопорту. Здесь мы наверняка найдем нужного нам человека.

— Независимого? — глубокомысленно произнес Лайон. — У некоторых из них... э-э... плохая репутация, разве не так?

— Как и у меня, — напомнил ему Невис.

— Говорите тише. До меня доходили слухи о контрабанде... даже о пиратстве. Неужели нам обязательно так рисковать, Невис?

— Мы совершенно не рискуем, — возразил Кай Невис. — Надо только знать подходящих людей. Я знаю целую кучу. Настоящих людей. И двуличных тоже. — Он сделал рукой указующее движение. — Вон там, например, сзади, смуглая женщина с черным ожерельем. Это Джессамин Кейдж, владелица «Собственного риска». Она, несомненно, сдала бы нам корабль внаем. За очень разумную плату.

Целиза Ваан повернула голову, чтобы посмотреть.

— Значит, она настоящая? Надеюсь, в ее корабле есть гравитационная сеть. Я плохо переношу невесомость.

— Вы к ней подойдете прямо сейчас? — осведомился Джеффри Лайон.

— Вовсе нет, — ответил Кай Невис. — О, пару раз я доверял Джессамин грузы, но никогда не осмелюсь лететь с ней сам, и даже во сне мне не придет мысль посвятить ее в такое крупное дело, как наше. На «Собственном риске» экипаж из девяти голов — вполне достаточно, чтобы управиться со мной и наемницей. Не сочтите оскорблением, Лайон, но вас я в расчет не беру.

— Не забывайте, что я солдат, — обиженно сказал Джеффри Лайон. — Я участвовал во многих сражениях.

— Сто лет назад, — ответил Невис. — Как я уже сказал, вы не в счет. И Джессамин запросто угробит нас. — Маленькие темные глаза пристально оглядели всех по очереди. — Это тоже одна из причин, почему я вам нужен. Без меня у вас хватило бы наивности запрячь Джессамин или одну из транскорпораций.

— Моя племянница работает на одного очень преуспевающего независимого торговца, — сказала Целиза Ваан.

— И как его зовут? — осведомился Кай Невис.

— Ной Уокерфус, — ответила она, — владелец «Мира торговли».

Невис кивнул.

— Жирный Ной, — сказал он. — Это уж точно было бы сумасбродством. Может, к месту будет заметить, что в его корабле постоянно царит невесомость. Гравитация убила бы старого дегенерата... нет, я бы об этом жалеть не стал. Уокерфуса не назовешь чересчур кровожадным, это верно. Пятьдесят на пятьдесят, что он оставил бы нас в живых. А вообще-то он так же жаден и хитер, как и все остальные. Он бы нашел способ оттяпать у нас по меньшей мере половину. В худшем случае — забрал бы все. И на его корабле экипаж в двадцать голов... все женщины. Вы никогда не спрашивали вашу племянницу о ее фактических обязанностях?

Целиза Ваан покраснела.

— Неужели я должна выслушивать бесстыдства этого человека? — спросила она Лайона. — В конце концов, это ведь я сделала открытие. Я не позволю какому-то третьеразрядному гангстеру оскорблять меня, Джеффри.

Лайон сморщился.

— Действительно, пора кончать эту бесполезную болтовню. Невис, вам нет нужды хвастаться вашим знанием дела. Мы пригласили вас именно для совета и, по-моему, с общего согласия. У вас появилась идея, где найти человека, который доставит нас к чумной звезде, я прав?

— Разумеется, — согласился Невис.

— Итак, кто? — требовательно спросил Анитта.

— Этот человек — независимый торговец, он сидит на Шан-Диллоре и ждет груза. Сейчас он должен быть уже в достаточном отчаянии... я имею в виду в достаточном отчаянии, чтобы ухватиться за такое предложение. У него маленький, даже крошечный корабль с длинным дурацким названием. Он не особенно приветлив, но доставит нас куда надо, а это все, что требуется. Никакого экипажа, о котором надо было бы беспокоиться, только сам владелец. А он... ну, он тоже немного сдвинутый. С ним у нас не будет трудностей. Он большой, но мягкий — и внутри, и снаружи. Как я слышал, он держит кошек. О людях он не слишком высокого мнения. Пьет очень много пива и так же много ест. Я даже сомневаюсь, носит ли он при себе оружие. Думаю, он едва ли сойдет с обычного круга, порхая от мира к миру, растрясая смешное барахло и ничего не стоящие мелочи в своей коробчонке. Уокерфус вообще считает его насмешкой над человеком. Но даже если он ошибается, что человек может сделать в одиночку? Если он такой обороноспособный,

как о нем говорят, то мы с наемницей легко с ним справимся и скормим его же кошкам.

— Невис, я не потерплю подобные разговоры! — возмутился Джеффри Лайон. — В этом полете никого не убьют.

— В самом деле? — возразил Невис и кивнул в сторону Рики Даунстар. — А зачем же вы тогда наняли ее?

Он довольно ухмыльнулся, а она ответила ему улыбкой, более напоминающей злобный оскал.

— Ага, — сказал Невис, — я же знал, что мы в нужном месте. Вот и наш человек.

Только Рика Даунстар, имевшая некоторый опыт в щекотливом искусстве заговоров, осталась на месте; трое ее спутников тут же как по команде повернулись и уставились на мужчину, который вошел в дверь. Он был очень высок, почти двух с половиной метров ростом, и его большой мягкий живот переваливался через узкий металлический пояс. У него были большие руки, длинное лицо, на котором словно застыло удивленное выражение, он казался каким-то оцепенелым и неуклюжим. Его кожа была белой, как выцветшая на солнце кость, и совершенно лишенной волос. Одет он был в блестящие голубые брюки и светло-коричневую рубашку, рукава которой по краям были отделаны буфами. Он, видимо, почувствовал любопытные взгляды и повернулся к ним, но выражение его бледного лица при этом совершенно не изменилось. Этот молчаливый обмен взглядами продолжался довольно долго. Первой не выдержала и отвела глаза Целиза Ваан, потом Джеффри Лайон и, наконец, Анитта.

— Кто это? — поинтересовался киборг у Кая Невиса.

— Уокерфус зовет его Тафом, — ответил Невис. — Его полное имя, насколько я знаю, Хэвиланд Таф.

2

Хэвиланд Таф грациозным движением, находящимся в противоречии с его массивностью, взял последнюю зеленую звездную крепость, выпрямился и с удовлетворением оглядел игровую доску. Все поле было красным: крейсера и линкоры, звездные крепости и колонии — только красные, куда ни кинь взгляд.

— Я вынужден признать себя победителем, — сказал он.

— Опять, — ответила Рика Даунстар. Она потянулась, чтобы сбросить напряжение, вызванное многочасовым сидением над доской. В ней чувствовалась смертоносная гибкость львицы, а под серебристой кольчугой, в наплечной кобуре, скрывался игольник.

— Могу я осмелиться предложить еще одну партию? — сказал Хэвиланд Таф.

Даунстар рассмеялась.

— Нет, большое спасибо, — сказала она. — Вы слишком хороши для этой игры. Я хоть и люблю играть, но с таким противником, как вы, — это не игра. Мне обидно постоянно быть второй.

— Во всех предыдущих играх мне просто везло, — сказал Хэвиланд Таф. — Несомненно, полоса везения теперь закончилась, и вы без труда разобьете меня в следующей попытке.

— О, несомненно, — ответила, улыбаясь, Рика Даунстар. — Однако вы должны простить меня за то, что я отложу следующую попытку до тех пор, пока меня не одолеет скука. Но я все же лучше, чем Лайон. Верно, Джеффри?

Джеффри Лайон сидел в углу корабельной рубки над стопкой старых книг по военному искусству. Его китель из ткани-хамелеона принял тот же коричне-

вый цвет, что и стена с покрытием из синтетического дерева.

— Правила игры не соответствуют реальному ходу боевых действий, — сказал он слегка осуждающим тоном. — Я применял ту же стратегию, которой пользовался Стивен Кобальт Нортстар, когда Тринадцатый флот Земли окружил Хреккин. Ответный удар Тафа в этих условиях был совершенно неверным. Если бы правила соответствовали действительности, он должен был отступить.

— Конечно, — согласился Таф, — вы превосходите меня, сэр. Преимущество на вашей стороне, вы — военный историк. А я всего лишь скромный торговец и далек от того, чтобы хвастать своей близостью к великим битвам прошлого. И поэтому я склоняюсь к мнению, что моя игра полна несоответствий, надеюсь, что вы снизойдете к моему невежеству. Тем не менее я буду рад всякой возможности хоть как-то восполнить недостаток моих знаний военных дисциплин. Если вы удостоите меня еще хотя бы одной игрой, я смогу тщательнее изучить вашу тонкую стратегию, чтобы в будущем использовать более соразмерные с действительностью формы моей неуклюжей игры.

Джеффри Лайон, чей серебряный флот во всех играх прошедшей недели выметался с доски первым, сердито откашлялся и отвел взгляд.

— Ну, ладно... посмотрите, Таф... — начал было он, но его прервал внезапный крик из соседней каюты, за которым последовала серия проклятий.

Хэвиланд Таф тут же вскочил на ноги, Рика Даунстар последовала за ним. Они оказались в коридоре в тот самый момент, когда из своей каюты вылетела Целиза Ваан. Она преследовала маленькую юркую черно-белую фигурку.

— Хватайте ее! — закричала Целиза. Ее лицо раскраснелось, глаза яростно сверкали.

Коридор был узким, а Хэвиланд Таф — большим.

— В чем дело, осмелюсь спросить? — сказал он, загородив проход.

Антропологиня протянула ему левую руку ладонью вверх. Из трех коротких глубоких царапин сочилась кровь.

— Посмотрите, что она со мной сделала!

— Я вижу, — ответил Хэвиланд Таф. — А что сделали ей вы?

Из каюты вышел Кай Невис, на лице которого змеилась тонкая улыбка.

— Она схватила ее, чтобы вышвырнуть из каюты, — сообщил он.

— Она лежала на моей постели! — сказала Целиза Ваан. — Я хотела немного вздремнуть, а на моей постели спала эта проклятая скотина. — Она повернулась и уставилась на Невиса. — А вы... лучше позаботьтесь о том, чтобы с вашего лица исчезла эта ухмылка. Втиснули нас в этот жалкий корабль и ухмыляетесь теперь! Я не собираюсь делить и без того тесную каюту с этими маленькими грязными тварями. Это ваша ошибка, Невис. Вы заварили эту кашу. Сделайте же что-нибудь. Я требую, чтобы вы приказали Тафу избавить нас от этих злобных тварей. Понимаете, требую!

— Позвольте, — сказала Рика Даунстар.

Таф посмотрел на нее через плечо и отступил в сторону.

— Это и есть та тварь, о которой вы только что говорили? — ухмыльнувшись, спросила Рика. Левой рукой она прижимала к груди представителя семейства кошачьих, а правой гладила его. Это был огромный кот с длинной серой шерстью и надменными желтыми глазами. Весил он, должно быть, фунтов двадцать, но Рика держала его так легко, как будто это был маленький котенок.

— И что, по-вашему, Таф должен сделать со своим старым Грибком? — спросила она. Кот тут же замурлыкал.

— Меня оцарапала другая, черно-белая, — объяснила Целиза Ваан, — но этот такой же злобный. Посмотрите на мое лицо! Видите, что она наделала? Я едва дышу, у меня все время сыпь, и каждый раз, когда я пытаюсь хоть немного поспать, одна из этих бестий прыгает мне на грудь и будит меня. Вчера у меня остался после обеда маленький кусочек пирога, я принесла его к себе в каюту и лишь на мгновение вышла, когда же я вернулась, черно-белая сбросила тарелку на пол и катала мой пирог по грязи, как будто это игрушка! От этих бестий невозможно ничего спрятать. Я потеряла два карандаша для светописи и самое красивое розовое кольцо. А теперь еще и это... нападение! Невыносимо. Я вынуждена требовать, чтобы их срочно заперли в грузовом отсеке. Срочно, слышите?

— От вашей речи я совсем оглох, — сказал Хэвиланд Таф. — Если собственность, отсутствие которой вы обнаружили, не найдется до конца путешествия, мне доставит большое удовольствие возместить вам ущерб. Однако ваше требование в отношении Грибка и Опустошительницы я вынужден с глубоким сожалением отклонить.

— Но ведь я пассажир этого издевательства, гордо именуемого космическим кораблем! — вскричала Целиза Ваан.

— Надругавшись над моим слухом, вы теперь хотите проделать то же самое с моими умственными способностями? — осведомился Таф. — Ваш статус пассажира здесь очевиден, госпожа, и нет никакой необходимости указывать мне на это. И все же позвольте обратить ваше внимание на то, что этот маленький корабль, который вы незаслуженно обругали

такими отвратительными словами, является моим домом и источником средств к существованию, в то время как вы, бесспорно, только пассажир и должны с благодарностью принимать известные привилегии, которые, само собой, не могут быть такими значительными, как у Грибка и Опустошительницы, так как этот корабль является, так сказать, их постоянным местом жительства. Я не имею обыкновения брать на борт «Рога изобилия отборных товаров по низким ценам» пассажиров. Как вы должны были заметить, имеющиеся помещения едва ли можно назвать достаточными даже для моих собственных нужд. К сожалению, в последнее время дела у меня шли не слишком хорошо, и факты не позволяют отрицать, что, когда Невис обратился ко мне со своим предложением, моя обеспеченность жизненно необходимым приближалась к опасному уровню. Я предпринял все возможное, чтобы сделать сносным ваше пребывание на борту этого корабля, и даже освободил для ваших нужд жилой отсек, перебравшись со своими скудными пожитками в рубку. Несмотря на грозящую мне нужду, я все же начинаю сожалеть о безрассудном импульсе альтруизма, который заставил меня принять ваши условия, особенно если учесть тот факт, что полученной от вас платы едва хватило на приобретение необходимого для этого путешествия количества горючего и провианта и уплату налога за посадку на Шан-Ди. Боюсь, вы просто воспользовались моим отчаянным положением. И все же я человек слова. Я сделаю все возможное, чтобы доставить вас к вашему таинственному месту назначения. Однако на время путешествия я вынужден просить вас потерпеть Грибка и Опустошительницу точно так же, как я терплю вас.

— Ну, что касается меня, то я терпеть не буду, — объявила Целиза Ваан.

— В этом я не сомневаюсь ни в малейшей степени, — ответил Хэвиланд Таф.

— Я не стану больше мириться с подобным положением, — сказала антропологиня. — Нет никакой нужды ютиться всем вместе, как солдатам в казарме. Снаружи корабль выглядит чуть ли не вдвое больше. Что за той дверью? — указав рукой в конец коридора, спросила она.

— Грузовые и складские помещения, — хладнокровно ответил Таф. — Их всего шестнадцать, и, разумеется, даже наименьшее из них чуть ли не вдвое больше моей скромной каюты.

— Ага! — сказала Целиза. — А есть ли у вас на борту груз?

— Шестнадцатое отделение заполнено пластиковыми копиями куглийских масок, которые мне, к несчастью, не удалось продать на Шан-Диллоре. И все из-за того, что я сел прямо у грузового люка Ноя Уокерфуса, который сбил мои цены и украл надежду на малейшую прибыль. В двенадцатом отделении я разместил предметы моего личного обихода и различное оборудование, которое приобретал от случая к случаю. Остальные отделения совершенно пусты, мадам.

— Отлично! — сказала Целиза Ваан. — В таком случае мы превратим маленькие отсеки в каюты для каждого из нас. Думаю, переставить кровати будет не очень трудно.

— Это самое простое дело на свете, — ответил Хэвиланд Таф.

— Ну так сделайте это! — скомандовала Целиза Ваан.

— Как пожелаете, — сказал Таф. — А какой скафандр вы соизволите взять?

— Что?

Рика Даунстар ухмыльнулась.

— Грузовые помещения не относятся к системе жизнеобеспечения корабля, — сказала она. — Там нет воздуха. Нет обогрева. И даже гравитации.

— Вам как раз подойдет, — бросил Кай Невис.

— Верно, — согласился Хэвиланд Таф.

3

«День» и «ночь» на борту звездолета — всего лишь абстрактные понятия, но древние ритмы человеческого тела постоянно заявляют о своих правах, и техника вынуждена учитывать это. Поэтому на «Роге изобилия», как и на других кораблях, кроме разве что лайнеров транскорпораций и гигантов-крейсеров, на которых вахту несут три смены, существовала «ночь» — время темноты и тишины. Рика Даунстар поднялась со своей походной кровати и по многолетней привычке проверила игольник. Целиза Ваан выводила носом громкие рулады, Джеффри Лайон крутился и ворочался, выигрывая во сне битвы, а Кай Невис лежал спокойно: в своих снах он был облечен властью и богатством. Киборг тоже спал, хотя в его случае сон был более глубоким. Чтобы избежать скуки путешествия, Анитта улегся на походную кровать и, подсоединив себя к корабельному компьютеру, отключился. Его киберполовина следила по монитору за состоянием человеческой половины. Дыхание было медленным, как сползание ледника, и очень равномерным, температура тела сильно понизилась, а потребление энергии упало почти до нуля, но серебристые сенсоры без век, служившие ему глазами, время от времени слегка двигались, словно следя за невидимыми видениями.

Рика Даунстар тихо вышла из каюты.

Наверху, в рубке, одиноко сидел Хэвиланд Таф. Его пухлые руки порхали над клавиатурой компьютера. Огромный серый кот устроился у него на коленях, а Опустошительница, черно-белая кошка поменьше, играла на полу, катая лапками карандаш для светописи. При желании Рика могла передвигаться совершенно бесшумно, и поэтому Таф не услышал, как она вошла.

— Вы все еще не спите, — сказала она, прислонясь к косяку двери.

Кресло Тафа повернулось, и он раздраженно посмотрел на нее.

— Потрясающая дедукция, — сказал он. — Вот я сижу перед вами, деятельный, прилежный, занятый нуждами моего корабля. И на основе скудных показаний ваших глаз и ушей вы заключаете, что я бодрствую. Сила вашего ума вызывает уважение.

Рика Даунстар пересекла комнату и растянулась на походной кровати Тафа, которая, очевидно, не использовалась с прошлой «ночи».

— Я тоже не сплю, — сказала она с улыбкой.

— Не могу в это поверить, — ответил Таф.

— Спокойно верьте, — сказала Рика. — Я сплю мало, Таф, часа два-три. В моей профессии это очень удобно.

— Несомненно, — согласился Таф.

— Но у краткого сна есть и отрицательные стороны. Мне скучно, Таф.

— Может, вы хотите сыграть?

Она улыбнулась.

— Хочу, но в другую игру.

— Я всегда был падок на новые игры.

— Хорошо. Давайте сыграем в заговор.

— Но я не знаю правил.

— О, они совсем просты.

— Ну, раз вы так говорите... Может, вы будете так любезны, что объясните мне их. — Длинное лицо Тафа оставалось неподвижным и бесстрастным.

— Вы бы никогда не выиграли последнюю игру, если бы Ваан сдалась вместе со мной, как я ей предлагала, — наставительно сказала Рика. — Союзы, Таф, могут быть полезны для всех участников. Вы и я — мы оба здесь посторонние. Мы — наемники. Если гипотеза Лайона о чумной звезде оправдается, остальные поделят богатство, превосходящее всякие разумные пределы, а мы получим лишь наше жалованье. Мне это кажется не совсем справедливым.

— Часто очень трудно познать справедливость и еще труднее ее добиться, — сказал Таф. — Я, конечно, хотел бы, чтобы мое вознаграждение было отмерено более великодушно, но, несомненно, подобное желание далеко не оригинально. Но, так или иначе, некоторую сумму я выторговал и надеюсь получить.

— Переговоры можно было бы возобновить, — многозначительно сказала Рика Даунстар. — Мы им нужны. Мы оба. Я тут подумала, что мы, действуя согласованно, могли бы... э-э... добиться лучших условий. Равного дележа. На шесть равных частей. А что об этом думаете вы?

— Очаровательное предложение, в пользу которого говорит многое, — ответил Таф. — Конечно, кто-нибудь скажет, что это аморально, но действительно мудрый всегда оставляет за собой право на моральную гибкость.

Рика Даунстар долго изучала длинное белое невыразительное лицо, потом улыбнулась.

— Этого они у меня не купили, верно, Таф? Глубоко внутри они все же фанатично верят в правопорядок.

— Правила — это сущность игры, ее истинная душа, если хотите. Они придают нашим незначительным битвам порядок и смысл.

— Иногда веселее и эффективнее просто встать из-за игровой доски, — сказала Рика Даунстар.

Таф хлопнул перед лицом в ладоши.

— Мысли о скудной плате неотступно преследуют меня, но все же я должен выполнить мой договор с Невисом. Я не могу допустить, чтобы он плохо говорил обо мне или о моем «Роге изобилия отборных товаров по низким ценам».

Рика расхохоталась.

— О, сомневаюсь, что он будет плохо говорить о вас. Сомневаюсь, что он вообще будет о вас говорить, если вы выполните вашу задачу и он вас отпустит. — Она обрадовалась, увидев, что ее замечание попало в цель.

— В самом деле, — сказал Таф.

— И вам не любопытна вся эта история? Место назначения и причина, по которой Ваан и Лайон держали цель в тайне, пока мы не оказались на борту? И почему Лайон нанял телохранителя?

Хэвиланд Таф погладил длинную серую шерсть Грибка, но взгляд его остался прикованным к лицу Рики.

— Любопытство — мой большой порок. Боюсь, вы заглянули мне в душу и, познав ее сокровенные струны, ищете теперь способ извлечь пользу из моей слабости.

— Любопытство кошку погубило, — сказала Рика.

— Невеселая перспектива, но в настоящий момент не очень вероятная, — заметил Таф.

— Но удовлетворение любопытства может претворить ее в жизнь, — сказала Рика. — Лайон знает, что это огромное дело. И огромная опасность. И чтобы при таких обстоятельствах получить то, чего они хо-

тят, им нужен Невис или кто-то вроде него. Они договорились честно поделить все на четверых, но репутация Кая заставляет сомневаться, что он удовлетворится своей четвертью. Я тут для того, чтобы он все-таки это сделал. — Она повела плечом и ласково похлопала по кобуре, из которой торчал игольник. — Кроме того, я являюсь гарантией против всяких других осложнений, которые могут возникнуть.

— А позволительно ли мне будет указать на то обстоятельство, что вы сами представляете собой дополнительное осложнение?

Она холодно улыбнулась.

— Лайон об этом не задумывался, — ответила она, поднялась и потянулась. — Подумайте над этим, Таф! Мне кажется, Невис вас недооценивает. Не сделайте сами такой ошибки в отношении него. Или в отношении меня. Прежде всего не дай вам Бог недооценить меня — никогда. Никогда! Может наступить время, когда вам захочется иметь союзника. И оно может прийти раньше, чем вам хотелось бы.

4

После трехдневного молчания Целиза Ваан разбушевалась снова, теперь причиной ее гнева стала еда. Таф приготовил пряное овощное брухаха по-халагрински — изысканное блюдо, но за время полета предложенное уже в шестой раз.

Антропологиня поковырялась в овощах на своей тарелке, скривила лицо и сказала:

— Почему здесь невозможно нормально поесть?

Таф изумился, наколол на вилку экзотический гриб и поднял его на уровень глаз. Некоторое время он молча разглядывал его, потом повернул и снова осмотрел,

потом опять повернул вилку и рассмотрел с третьего положения и, наконец, потрогал его пальцем.

— Мне, к сожалению, неясен смысл вашего вопроса, мадам, — сказал он. — По крайней мере моим несовершенным органам чувств этот гриб кажется достаточно реальным. Хотя, согласен, он представляет лишь малую часть всего блюда. Может быть, все остальное брухаха иллюзорно. Но мне трудно в это поверить.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, — ответила Целиза Ваан звенящим от гнева голосом. — Я хочу чего-нибудь мясного.

— В самом деле, — сказал Таф. — И мне хочется неизмеримого богатства. Подобные фантазии легко приходят в голову, но реализовать их не так просто.

— Я по горло сыта этими дурацкими овощами! — взвизгнула Целиза Ваан. — Может, вы хотите сказать, что на этом дурацком корабле нет ни кусочка мяса?

Таф сложил пальцы домиком.

— Я вовсе не намеревался распространять такую сбивающую с толку информацию, — ответил он. — Я лично вегетарианец, но несколько небольших порций мяса на борту «Рога изобилия отборных товаров по низким ценам», скажу вам откровенно, все же есть.

На лице Целизы Ваан мелькнуло выражение дикого восторга. Она обежала взглядом всех остальных обедающих. Рика Даунстар изо всех сил пыталась сдержать усмешку, а Джеффри Лайон выглядел недовольным.

— Вот видите, — сказала она наконец, — я же говорила, что хорошую пищу он резервирует для себя. — Она немедленно схватила свою тарелку и швырнула через комнату. Тарелка ударилась о металлическую переборку, и ее содержимое вывалилось на неубранную постель Рики Даунстар.

Рика сладко улыбнулась.

— Мы только что поменялись постелями, Целиза, — сказала она.

— Мне все равно, — ответила Целиза Ваан. — Я немедленно получу приличную еду. Полагаю, остальные тоже захотят принять участие.

Рика снова улыбнулась.

— О нет, дорогая. Пусть все будет ваше. — Она доела свою порцию и вытерла тарелку кусочком хлеба.

Видно было, что Лайон чувствует себя неуютно, и Кай Невис сказал:

— Если вы сможете выпросить у Тафа это мясо, пусть оно будет только вашим.

— Отлично! — обрадованно воскликнула она. — Таф, приготовьте мне мясо!

Хэвиланд Таф хладнокровно посмотрел на нее.

— В самом деле, договор, что я заключил с Каем Невисом, обязывает меня кормить вас в течение всего полета. Но в нем ничего не сказано о меню. Я всегда был глупцом. Теперь оказывается, будто я обязан давать вам именно то, чего требуют ваши кулинарные пристрастия. Ну ладно, такова моя участь! Но что это? Меня тоже вдруг охватило страстное желание. И если я должен пойти навстречу вашему желанию, не будет ли справедливо, чтобы и вы, со своей стороны, пошли навстречу моему!

Ваан недоверчиво посмотрела на него.

— О чем вы говорите?

Таф растопырил пальцы.

— Ничего существенного, в самом деле. В качестве ответной услуги за мясо, которое вы требуете, я прошу лишь небольшого снисхождения. С недавних пор я стал очень любопытен и хотел бы удовлетворить это любопытство. Рика Даунстар предупредила меня, что неудовлетворенное любопытство непременно погубит моих кошек.

— Это соответствует моим желаниям, — ответила жирная антропологиня.

— Безусловно, — сказал Таф. — Но я вынужден быть твердым. Я предлагаю вам торг: то блюдо, что вы так мелодраматично требовали, в обмен на кое-какую бесполезную отрывочную информацию, которая не будет вам стоить ни гроша. Мы скоро достигнем системы Хро Б'Браны, места назначения оплаченного вами путешествия. Я охотно узнал бы, зачем мы туда летим и что вы надеетесь отыскать на чумной звезде, о которой вы недавно говорили.

Целиза Ваан снова повернулась к остальным.

— Мы заплатили за питание хорошие деньги, — сказала она. — Это шантаж. Джеффри, приготовьтесь!

— Всегда готов, — сказал Джеффри Лайон. — Но, Целиза, подумай сама, какая разница? Он все равно узнает, когда мы доберемся. Может быть, пора ему рассказать?

— Невис, — спросила Целиза Ваан, — вы ничего не хотите предпринять?

— Зачем? — небрежно ответил тот. — Это не играет никакой роли. Расскажите ему, и пусть он даст вам поесть, или оставьте все как было. Мне плевать.

Ваан с ненавистью посмотрела на Кая Невиса, а потом, бросив еще более яростный взгляд на холодное бледное лицо Хэвиланда Тафа, скрестила руки и сказала:

— Ну хорошо, ради своего желудка я готова даже петь.

— Меня вполне удовлетворит проза, — возразил Таф.

Целиза не обратила на замечание никакого внимания.

— Я буду краткой. Открытие чумной звезды — это мой величайший триумф, кульминация моей карье-

ры, но разве у вас достанет ума и благородства, чтобы оценить по достоинству проделанную мной работу? Я сотрудник Центра Ксеноантропологии на Шан-Диллоре. Моя научная специализация — примитивные культуры определенной категории, культуры колониальных миров, которые вследствие Великой Войны оказались в изоляции и претерпели технический регресс. Естественно, это коснулось и многих планет, заселенных людьми, и некоторые из них интенсивно исследуются. Я же работала в менее изученной области — это антропология негуманоидных культур, в особенности бывших порабощенных хранганийских миров. И одним из тех миров, что я изучала, была Хро Б'Брана. Когда-то цветущая колония, место, где обитали хруун, дактилоиды и низшие хранганийские расы, теперь эта планета — сплошная пустыня. Все ее обитатели влачат жалкое существование, и всю свою короткую жизнь они проводят в постоянной борьбе с нищетой и лишениями. Как и у большинства выживших представителей деградировавших культур, у них есть свои легенды. Так вот, объяснение трагической судьбы Хро Б'Браны у всех народов практически одинаково и уникально: это тоже легенда, единственная в своем роде легенда... о чумной звезде. Позвольте мне подчеркнуть, что опустошение Хро Б'Браны экстремально и драматично, особенно если учесть, что условия на ней отнюдь не экстремальны. Вы спросите почему? Дегенерировавшие потомки хруун и дактилоидных колонистов, чьи культуры совершенно не похожи и предельно враждебны друг другу, имеют на этот вопрос один общий ответ: чумная звезда. В каждое третье поколение, когда становится стабильным прирост населения, на ночном небе появляется чумная звезда, которая с каждым днем светит все ярче. И в тот момент, когда ее блеск дос-

тигает максимума, приходит чума. По Хро Б'Бране идут болезни, одна ужаснее другой. Лекари бессильны. Портятся плоды, дохнут животные, вымирает три четверти населения. Немногие, кого миновала эта участь, опять втягиваются в жесточайшую борьбу за выживание. Потом чумная звезда снова гаснет, и с нею на ближайшие три поколения исчезают мучения Хро Б'Браны. Так гласит легенда.

Лицо Хэвиланда Тафа, пока он слушал Целизу Ваан, оставалось бесстрастным.

— Интересно, — сказал он, как только она замолчала, — но я никак не могу отбросить предположение, что эта экспедиция организована не только для того, чтобы упрочить ваше реноме разгадкой этой захватывающей демографической головоломки.

— Нет, — согласилась Целиза Ваан. — Хотя сначала я ни о чем другом и не помышляла. Легенда показалась мне отличной темой для монографии. Я ходатайствовала перед Центром об организации полевых исследований, но мое предложение отклонили. Я очень разозлилась и была права. Близорукие глупцы! О моем недовольстве и его причине я рассказала своему коллеге Джеффри Лайону.

Лайон откашлялся.

— Да, — сказал он. — А моя область, как вы знаете, военная история. Конечно, эта легенда вызвала у меня интерес. Я закопался в банк данных Центра. Наш банк далеко не так полон, как на Авалоне или Ньюхоуме, но для детальных исследований уже не было времени. Нужно было действовать быстро. Вот увидите, моя теория... ну, это больше, чем теория. Уверяю вас... мне кажется, или, лучше сказать, я почти уверен, что знаю, в чем там дело с этой чумной звездой. Это не легенда, Таф! Это действительность. Это забытый реликт — покинутый, но действующий, все

еще работающий по вложенной в него программе, через тысячу лет после коллапса. Вы меня понимаете? Догадываетесь?

— Пусть меня поколотят, — сказал Таф, — мои познания в этой области полны досадных пробелов.

— Это военный корабль, Таф, военный корабль на вытянутой эллиптической орбите вокруг Хро Б'Браны. Речь идет о самом опустошительном оружии Старой Земли, которое когда-либо применялось против хранганийцев, в своем роде таком же ужасном, как и тот мифический Адский Флот, который якобы должен был появиться под конец войны, — продолжал Джеффри. — И это оружие не только великое зло, но и столь же великое благо! И эта сокровищница великих достижений биогенетиков Космической Федерации, битком набитая тайнами науки, которая, казалось, была навсегда утеряна для остатков человечества, до сих пор находится в исправном состоянии.

— В самом деле? — сказал Таф.

— Этот корабль, — сказал Лайон, — звездолет Общества Экологической Генетики, предназначенный для ведения войн.

— И он наш, — с довольной ухмылкой добавил Кай Невис.

Хэвиланд Таф пытливо посмотрел на него, кивнул, поднялся.

— Мое любопытство удовлетворено, — сказал он. — Теперь я обязан выполнить свою часть сделки.

— А-а, — сказала Целиза Ваан. — Мое мясо.

— Запас его достаточен, но разнообразия, должен признаться, никакого, — ответил Хэвиланд Таф. — Я распоряжусь приготовить мясо так, как нравится вам. — Он подошел к шкафу для припасов, набрал код, вынул маленькую коробку и, зажав ее под мышкой, принес к столу. — Другого мяса у меня на борту нет. За вкус и качество лично я ручаться не могу, но какого-либо рода жалоб пока не слышал.

Рика Даунстар расхохоталась, Кай Невис закашлялся. Хэвиланд Таф манерно и методично вынул из коробки десяток банок кошачьего корма и положил их перед Целиной Ваан. Опустошительница вспрыгнула на стол и замурлыкала.

5

— Вопреки моим ожиданиям он не так велик, — как всегда недовольно сказала Целиза Ваан.

— Мадам, — ответил Хэвиланд Таф, — глаза часто подводят. Диагональ моего главного обзорного экрана — всего лишь метр, и, естественно, это обстоятельство уменьшает кажущиеся размеры всех объектов, что на нем появляются. На самом деле корабль поразительно большой.

— Какой? — спросил, выходя вперед, Кай Невис.

Таф сложил руки на выпуклости своего живота.

— Точно сказать не могу. «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» — лишь скромный торговый корабль, и его оснащение механическими сенсорами не такое совершенное, каким могло бы быть.

— Ну так назовите хотя бы приблизительные размеры, — проворчал Кай Невис.

— Приблизительные, — повторил Таф. — Учитывая угол, под которым мой обзорный экран показывает объект, и предполагая, что бывшие хозяева, уходя, договорились назвать главную ось корабля длиной, корабль, к которому мы приближаемся, имеет длину примерно тридцать километров, ширину — пять километров и высоту около трех километров, не считая

надкупольных секций в центре корабля и расположенной впереди башни, вздымающейся над палубой еще примерно на километр.

Как только был остановлен двигатель, все собрались в рубке управления, даже Анитта, восставший от своего поддерживаемого компьютером сна. Все молчали, даже Целиза Ваан не заметила, что сказала. Все глаза смотрели на обзорный экран — на длинную, черную, заслоняющую звезды тень странной формы, прерываемую в некоторых местах матово сверкающими огнями и вибрирующую от невидимых потоков энергии.

— Я был прав, — пробормотал наконец Джеффри Лайон, чтобы нарушить молчание. — Корабль-сеятель... Корабль-сеятель ОЭГ! Только он может быть таким большим!

Кай Невис улыбнулся и невнятно выругался.

— Система, должно быть, покинута, — подумал вслух Анитта. — Но компьютеры имперской Земли сильно отличались от наших. Может быть, там есть Искусственный Разум.

— Мы богаты... — Целизу Ваан так потрясла эта перспектива, что она даже не придралась к словам киборга. Схватив за руки Джеффри Лайона, она исполнила с ним довольно неуклюжий танец. — Мы богаты, богаты, мы богаты и знамениты, мы все богаты.

— Это не совсем так, — сказал Хэвиланд Таф. — Я не сомневаюсь, что в ближайшем будущем вы разбогатеете, но в настоящее время в ваших карманах стандартов не больше, чем было до этого момента. К тому же ни Рика Даунстар, ни я не разделяем ваших перспектив на экономическое улучшение.

Невис окинул его презрительным взглядом.

— Собрались жаловаться, Таф?

— Я далек от такого намерения, — как бы мимоходом ответил Таф. — Я хотел только уточнить утверждение Целизы Ваан.

— Хорошо, — кивнув, сказал Кай Невис. — А теперь, пока еще никто из нас не стал ни на йоту богаче, нам нужно попасть на борт этой штуки и посмотреть, как она выглядит изнутри. Даже покинутый корабль должен дать нам прекрасное вознаграждение за находку, но если он еще и в рабочем состоянии, то богатству не будет границ, вообще никаких границ.

— Он, очевидно, в рабочем состоянии, — сказал Джеффри Лайон. — В течение тысячи лет он просыпал заразу на каждое третье поколение Хро Б'Браны.

— Да, — ответил Невис, — это верно, но это только часть истории. Сейчас он просто летит по инерции. Что с энергией для двигателей? Что с коллекцией генетического материала? Нам нужно провести массу исследований. Как же нам попасть на борт, Лайон?

— Может быть, нам удастся причалить, — ответил Джеффри Лайон. — Таф, вы видите этот купол? — спросил он, показав на экран пальцем.

— На зрение я не жалуюсь.

— Ага... мне кажется, что под ним посадочная палуба. Она размером с космопорт. Если нам удастся открыть этот купол, вы смогли бы завести свой корабль прямо туда?

— Если, — сказал Хэвиланд Таф, — до невозможности трудное слово. Такое короткое, но так часто обремененное разочарованиями и огорчениями.

Как будто для того, чтобы подчеркнуть его высказывание, под обзорным экраном вспыхнул маленький красный огонек. Таф поднял длинный указательный палец.

— Обратите внимание! — сказал он.

— Что это? — спросил Невис.

— Сообщение, — объяснил Таф. Он наклонился и коснулся поцарапанной кнопки на своем лазерном коммуникаторе.

Чумная звезда исчезла с экрана. На ее месте возникло изможденное лицо... Оно принадлежало мужчине средних лет, сидевшему в зале связи. Его лоб был изборожден глубокими морщинами, щеки запали, из-под густых черных бровей устало глядели серо-голубые глаза. На нем был мундир из исторического учебного фильма, а на голове — черная фуражка с высокой тульей и золотой «тэтой» на кокарде.

— Говорит «Ковчег», — сказал он. — Вы вторглись в нашу сферу самозащиты. Назовите себя, иначе мы откроем огонь. Это первое предупреждение.

Хэвиланд Таф нажал кнопку передатчика.

— Здесь «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам», — сказал он ясно и отчетливо, — под командованием Хэвиланда Тафа. Мы безобидные торговцы с Шан-Диллора без всякого оружия. Просим разрешения приблизиться, чтобы совершить посадку.

Целиза Ваан раскрыла рот.

— Он с экипажем, — сказала она. — И экипаж все еще жив!

— Очаровательно! — заметил Джеффри Лайон и подергал себя за бороду. — Может быть, это потомки экипажа ОЭГ? Или у них временной индуктор? Они могли по отдельности прясть каждую нить временной ткани, ускоряя или замедляя время: да-да, возможно, они умели даже это! Временной индуктор! Подумать только!

Кай Невис презрительно рыкнул.

— Тысяча проклятых лет, и вы хотите меня уверить, что кто-то еще жив? Как, черт побери, это понимать?

Изображение на экране на мгновение стало нечетким. Потом тот же самый усталый человек в мундире имперской Земли сказал:

— Говорит «Ковчег». Вы летите через нашу защитную зону. Назовите себя, или мы откроем огонь. Это второе предупреждение.

— Сэр, — сказал Хэвиланд Таф, — я вынужден протестовать. Мы не вооружены и беззащитны. У нас нет никаких агрессивных намерений. Мы мирные торговцы — ученики и братья всех людей. В наших намерениях нет ничего враждебного, и, более того, у нас нет ни малейших причин причинять вред такому достойному удивления кораблю, как ваш «Ковчег». Что за нужда встречать нас так враждебно?

Экран замерцал.

— Говорит «Ковчег». Вы проникли через наш защитный экран. Немедленно назовите себя, иначе вы будете уничтожены. Это третье и последнее предупреждение.

— Запись! — воскликнул Кай Невис. — Вот решение загадки! Никаких криогенных камер, никакого проклятого стасис-поля. На борту никого нет. Компьютер пугает нас видеозаписью.

— Боюсь, вы правы, — сказал Хэвиланд Таф. — Только возникает вопрос: если компьютер запрограммирован проигрывать приближающимся кораблям записанное послание, то на что он запрограммирован еще?

— Наверное, он реагирует только на специальный кодированный сигнал, — предположил Невис. — Но как узнать код?

Джеффри Лайон фыркнул:

— Код? В моем банке данных весь архив кодов Космической Федерации и идентификационные пароли на кристалл-чипе. Я иду за ними.

— Отличное предложение, — ответил Хэвиланд Таф, — но оно, к сожалению, имеет один очевидный недостаток: у нас нет времени искать этот чип и использовать его. Если бы у нас было время, я бы согласился с вами, но, боюсь, времени у нас как раз и нет. «Ковчег» только что выстрелил в нас. — Хэвиланд Таф развел руками. — Я включаю двигатели, — объявил он. Его длинный и бледный палец еще висел над кнопкой, когда «Рог изобилия» содрогнулся.

Целиза Ваан взвизгнула и упала на пол, Джеффри Лайон споткнулся и налетел на Анитту, даже Рика Даунстар вынуждена была ухватиться за спинку капитанского кресла, чтобы удержаться на ногах. А потом погасли все огни.

В темноте снова раздался голос Хэвиланда Тафа:

— Боюсь, я говорил слишком долго. Или, лучше сказать, начал действовать слишком поздно.

6

Несколько минут, показавшихся всем вечностью, рубка была погружена в темноту. А потом забрезжил свет: на приборных стойках затлели матовые огоньки, показывавшие, что приборы «Рога изобилия» кое-как возвращаются к жизни.

— Мы не совсем беспомощны, — объявил Хэвиланд Таф из своего командирского кресла. Его большие ладони парили над клавиатурой компьютера. — Я сейчас соберу сведения о масштабах повреждений. Может, мы еще сумеем отступить.

Все еще лежавшая на полу Целиза Ваан издала короткий вопль, перешедший в тихое монотонное хныканье. Кай Невис повернулся к ней.

— Да заткнись ты наконец, проклятая корова! — скомандовал он и пнул ее. Хныканье перешло во всхлипывание. — Если мы что-нибудь не предпримем, нам конец, — сказал Кай Невис громко. — Следующий выстрел разнесет корабль на куски. Проклятие, Таф, ну сдвиньте же эту чертову штуку с места!

— Мы движемся с прежней скоростью, — возразил Таф. — Попадание не остановило нас, а лишь отклонило от «Ковчега». Может быть, поэтому в нас больше и не стреляют. — Он начал изучать тускло-зеленые диаграммы, появившиеся на маленьком экране. — Боюсь, мой корабль получил ощутимые повреждения. Запускать в таком состоянии двигатель было бы неразумно: связанные с этим нагрузки, несомненно, разорвут корабль на куски. Система жизнеобеспечения тоже повреждена. Графики показывают, что кислорода хватит примерно на девять стандартных часов.

Кай Невис выругался, Целиза Ваан, лежавшая на полу, закусила костяшки пальцев.

— Я могу помочь сэкономить кислород — снова отключиться, — предложил Анитта.

— Еще надо убить кошек, — выпалила Целиза Ваан.

— Мы можем двигаться? — осведомилась Рика Даунстар.

— Маневровые двигатели в рабочем состоянии, — ответил Таф, — но мы не можем переключиться на звездный привод, а без него нам понадобится почти два шандийских года, чтобы добраться хотя бы до Хро Б'Браны. Четверо могли бы отсидеться в скафандрах. Модифицированные бактерии в системе дыхания могут неограниченно долго синтезировать кислород.

— Я отказываюсь жить два года в скафандре, — с нажимом сказала Целиза Ваан.

— Отлично, — сказал Таф. — Для меня это большое облегчение, так как у меня только четыре скафандра. Ваше благородное самопожертвование не будет забыто, мадам. Но прежде чем осуществить этот план, нам нужно, по-моему, обдумать и другие возможности.

— А какие могут быть еще? — спросил Невис.

Таф повернулся вместе с креслом и сквозь сумрак командирской рубки оглядел всех присутствующих.

— Мы не должны терять надежды, что кристалл Джеффри Лайона в самом деле содержит правильный код сближения; тогда мы сможем причалить к «Ковчегу» и перестанем быть мишенью для этого древнего оружия.

— Чип! — воскликнул Джеффри Лайон. Его трудно было разглядеть. В темноте его куртка-хамелеон приобрела глубокий черный цвет. — Я принесу его!

Он повернулся и заспешил к каюте.

Через рубку бесшумной рысью пронесся Грибок и вспрыгнул Тафу на колени. Таф погладил его, и огромный кот громко замурлыкал. Этот звук немного разрядил напряжение. Может, все еще образуется к лучшему.

Но Джеффри Лайон отсутствовал слишком долго.

Заслышав его шаркающие шаги, все сразу же поняли, что он чем-то подавлен.

— Ну? — спросил Невис. — Где чип?

— Исчез, — ответил Лайон. — Я пересмотрел все. Готов поклясться, что он был со мной. Мои данные... Кай, это правда, я был твердо убежден, что взял его с собой. Конечно, я не мог взять все, но я скопировал большую часть важнейших записей: данные, которые, по моему мнению, могли нам понадобиться... Материалы о войне, об ОЭГ и исторические сведения об этом секторе космоса. Моя серая сумка, вы ее знаете.

В ней был мой маленький компьютер и больше тридцати чипов. Некоторые еще этой ночью я перепроверял, лежа в постели, разве вы не помните? Я просматривал материал о кораблях-сеятелях, то немногое, что мы о них знаем, и вы еще сказали, что я мешаю вам спать. У меня был целый чип этих кодов. Я точно знаю их. Я действительно считал, что взял его с собой. Но его нет.

Он подошел поближе, и они увидели, что он принес с собой свой маленький компьютер и теперь протягивал его им словно жертву.

— Я четыре раза перерыл сумку, осмотрел все чипы, разложенные на постели, на столе, везде. Его там нет. Мне очень жаль. Никто из вас его не брал? — Джеффри Лайон огляделся. Никто не произнес ни слова. — Тогда, должно быть, я оставил коды на Шан-Диллоре, — сказал он. — Мы так спешили стартовать, и я...

— Вы — старый маразматик, — сказал Кай Невис. — Мне бы надо просто убить вас для экономии воздуха.

— Мы погибли, — простонала Целиза Ваан, — мы погибли, погибли, погибли!

— Мадам, — сказал Хэвиланд Таф и почесал Грибка за ушами. — Как обычно, вы чересчур торопитесь. Сейчас вы так же мертвы, как мгновение назад были живы.

Невис повернулся к нему:

— У вас есть идея, Таф?

— Да, в самом деле, — ответил Хэвиланд Таф.

— Ну? — требовательно спросил Невис.

— Возможность спасения нам предоставит сам «Ковчег», — ответил Таф. — Нам нужно попасть на борт. Без кристалла Джеффри Лайона мы не сможем подвести «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» достаточно близко, чтобы пришвартоваться,

не рискуя вызвать новый обстрел. Это очевидно. Но мне пришел в голову интересный маневр. — Он поднял палец. — Может быть, в отношении мелкой цели «Ковчег» поведет себя менее враждебно... скажем, человека в скафандре с реактивным двигателем...

Кай Невис задумчиво уставился на него.

— Ну, предположим, этот человек добрался до «Ковчега», а как попасть внутрь? Постучаться в стенку?

— Это вряд ли поможет, — согласился Хэвиланд Таф. — И все же, мне кажется, можно решить эту проблему.

Все ждали. Таф гладил Грибка.

— Ну, валяйте! — нетерпеливо сказал Кай Невис.

Таф прищурился.

— Это вы мне? Ах да, в самом деле. Я вынужден просить вас о снисхождении. Я несколько отвлекся. Мой бедный корабль получил ужасные повреждения. Мое скромное имущество пришло в негодность, а кто оплатит необходимый ремонт? Может, меня осыплет своим великодушием Кай Невис, который скоро будет радоваться такому большому богатству? Боюсь, он не сделает этого. Может, Джеффри Лайон и Анитта купят мне новый корабль? Весьма маловероятно. Может, почтенная Целиза Ваан выдаст мне премию, чтобы возместить мои большие потери? Она уже грозила мне законом — конфисковать мой бедный корабль и отобрать право на посадку. Как оправиться от такого удара? На кого надеяться? Кто поможет мне в моей нужде?

— Не морочьте нам голову! — властно сказал Кай Невис. — Как нам попасть внутрь «Ковчега»? Вы сказали, что видите путь!

— Разве я говорил? — спросил Хэвиланд Таф. — Мне кажется, вы правы, сэр. Но, к сожалению, я опа-

саюсь, что бремя личных забот вытеснило из моих бедных запутанных извилин этот способ. Я его забыл. Я не способен думать ни о чем другом, кроме как о моем достойном сожаления экономическом положении.

Рика Даунстар расхохоталась и хлопнула Тафа по широкой спине.

Он поднял на нее глаза.

— А теперь меня вдобавок колотит, прямо-таки избивает эта несдержанная Рика Даунстар. Пожалуйста, не трогайте меня, мадам!

— Это шантаж! — воскликнула Целиза Ваан. — Мы упрячем вас за это в тюрьму!

— А теперь оскорбляют мою честь и осыпают меня угрозами. Неудивительно, что в таких обстоятельствах я не в состоянии думать, а, Грибок?

— Ну хорошо, Таф, — прорычал Кай Невис. — Вы выиграли.

Он огляделся вокруг.

— У кого-нибудь есть возражения против того, чтобы сделать Таффи нашим полноправным партнером? Все делим на пятерых?

Джеффри Лайон откашлялся.

— Это самое малое, чего он заслуживает, если его план удастся.

Невис кивнул.

— Вы в доле, Таф.

С неподражаемым церемонным достоинством Хэвиланд Таф поднялся и сбросил Грибка с колен.

— Память возвращается ко мне! — объявил он. — Там в сейфе четыре скафандра. Если кто-то из вас будет так любезен и поможет мне, мы вместе сходим в двенадцатый отсек, чтобы взять оттуда чрезвычайно необходимый предмет.

7

— Что за чертовщина! — воскликнула Рика Даунстар и засмеялась, когда двое вернулись, таща что-то за собой.

— Что это? — поинтересовалась Целиза Ваан.

Шагавший впереди в серебристо-голубом скафандре Хэвиланд Таф опустил предмет на пол и помог Каю Невису установить его вертикально. Потом он снял шлем и с удовлетворением оглядел добычу.

— Это космический скафандр, мадам, мне казалось, что это очевидно.

Предмет, похоже, действительно был космическим скафандром, но он не имел ничего общего со скафандрами, которые они когда-либо видели, и кем бы ни был его конструктор, он, очевидно, проектировал свое творение совсем не для человека. Скафандр был выше всех, даже Тафа: устрашающе выгнутая вперед башенка шлема находилась почти в трех метрах над палубой, едва не задевая потолок. У него было четыре толстых рукава с двумя локтевыми суставами, причем оба нижних заканчивались блестящими зазубренными клешнями; ноги могли вместить стволы небольших деревьев, а подошвы напоминали большие круглые тарелки. Из широкой спины горбом выпирали объемистые баки, правое плечо украшала радарная антенна, а прочный черный металл конуса был покрыт диковинным красно-золотым узором. Скафандр стоял между ними словно закованный в древнюю броню рыцарь.

Кай Невис ткнул пальцем в панцирь.

— Теперь он здесь, — сказал он, — и что? Неужели этот монстр может помочь нам? — Он покачал головой. — Мне он кажется кучей хлама.

— Это ваше дело, — сказал Таф. — Механизм, о котором вы так пренебрежительно отзываетесь, имеет свою историю, и притом весьма древнюю. Этот увлекательный артефакт чужаков я приобрел за немалую сумму на Ункви, путешествуя в том секторе. Это подлинный унквийский боевой костюм, сэр, использовавшийся хамерийской династией, исчезнувшей около полутора тысяч лет назад, задолго до того, как человечество достигло унквийских звезд. Он полностью реставрирован.

— И что может этот костюм, Таф? — спросила Рика Даунстар, всегда спешившая добраться до сути.

Таф прищурился.

— Его возможности многочисленны и разнообразны. Две из них имеют прямое отношение к теперешнему состоянию дел. Он оснащен жестким экзоскелетом, почти удесятеряющим силу своего носителя. В его оснащение входит и отличный лазер-резак, способный резать сплавы толщиной до полуметра или соответственно значительно более толстые обычные стальные плиты. Короче говоря, этот очень древний боевой костюм — наша гарантия того, что мы сможем проникнуть в не менее древний боевой корабль, а это, по-моему, и есть наш единственный шанс на спасение.

— Великолепно! — сказал Джеффри Лайон и от избытка чувств захлопал в ладоши.

— Но как нам воспользоваться этим шансом? — спросил Кай Невис. — В этом-то и вся загвоздка.

— Я должен обратить ваше внимание на недостаточное количество устройств для маневрирования в глубоком космосе, — ответил Таф. — У нас четыре стандартных скафандра и всего два реактивных ранца. Унквийский же боевой костюм имеет — и я рад, что могу сообщить вам это, — свой собственный ре-

активный двигатель. Поэтому я предлагаю следующий план. Я надену боевой костюм и покину «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» в сопровождении Рики Даунстар и Анитты в скафандрах с ранцами. Мы приблизимся к «Ковчегу» на максимально возможной скорости. Если это путешествие нам удастся, мы применим отличные возможности боевого костюма, чтобы войти через воздушный шлюз. Мне сказали, что Анитта — эксперт в области кибернетических систем и древних компьютеров. Это будет очень полезно. Если мы попадем внутрь «Ковчега», он, конечно, без особых затруднений возьмет под контроль его компьютер и заменит враждебную программу, которая действует в настоящее время. После этого Кай Невис сможет подвести мой поврежденный корабль и причалить, и мы все будем в безопасности.

Лицо Целизы Ваан стало пунцовым.

— Вы бросите нас и предадите смерти! — взвизгнула она. — Невис, Лайон, мы должны помешать этому! Как только эти трое попадут на «Ковчег», они разнесут нас в пыль! Им нельзя доверять.

Хэвиланд Таф моргнул.

— Почему моя честность постоянно ставится под сомнение приписыванием мне подобных намерений? — спросил он. — Я — почтенный человек, и, само собой разумеется, упомянутые вами акции никогда не приходили мне в голову.

— Это хороший план, — сказал Кай Невис, улыбнулся и начал снимать свой скафандр. — Анитта и наемница, наденьте скафандры!

— Вы действительно допустите, чтобы нас оставили тут беззащитными? — спросила Целиза Ваан у Джеффри Лайона.

— Я уверен, что они не желают нам ничего плохого, — ответил Лайон и погладил бороду. — А если и так, как я смогу помешать им, Целиза?

— Помогите мне перетащить боевой костюм к главному шлюзу, — обратился Таф к Каю Невису, пока Даунстар и киборг надевали свои скафандры.

Невис кивнул, выбрался из своего защитного костюма и пошел помогать Тафу.

Они с немалым трудом доставили громоздкий унквийский боевой костюм к главному шлюзу «Рога изобилия». Таф снял свой скафандр, открутил бронированный входной люк, подтащил лесенку и осторожно полез внутрь.

— Минуточку, Таффи, — сказал Кай Невис и схватил его за плечо.

— Сэр, — ответил Хэвиланд Таф. — Я очень и очень не люблю, когда меня хватают. Отпустите меня. — Он повернулся и от неожиданности зажмурился. В руке Кая Невиса жужжал вибронож. Дрожащие контуры узкого жужжащего лезвия, которое без труда могло резать солидной толщины сталь, были менее чем в сантиметре от носа Тафа.

— Ваш план хорош, — сказал Кай Невис, — но мы изменим в нем кое-какие мелочи. Я надену суперскафандр и пойду с Аниттой и маленькой Рикой. Вы останетесь здесь или умрете.

— Мне снова угрожают, — сказал Хэвиланд Таф. — Мне очень печально слышать, что и вы разделяете эти необоснованные подозрения относительно моих намерений. Уверяю вас, как уже уверял Целизу Ваан, что мысль об обмане даже не приходила мне в голову.

— Странно, — сказал Кай Невис, — так как мне в голову эта мысль пришла. И она мне очень понравилась.

Таф ответил ему взглядом оскорбленного достоинства.

— Ваш низкий план обречен на провал, сэр, — твердо сказал он. — Анитта и Рика уже сзади вас, а

Рика нанята как раз для того, чтобы воспрепятствовать подобным авантюрам. Я настоятельно советую вам сдаться. Для вас это будет лучше всего.

Кай Невис ухмыльнулся.

Рика несла под мышкой свой шлем. Увидев эту сцену, она нежно покачала красивой головкой и вздохнула.

— Вы должны были принять мое предложение, Таф. Я же предсказывала, что наступит время, когда вы пожалеете о том, что не имеете союзников. — Она надела шлем, застегнула его и взяла реактивный ранец. — Пропустите нас, Невис!

Наконец выражение понимания мелькнуло на широком лице Целизы Ваан. На этот раз ее реакция не была истеричной. Оглядевшись в поисках оружия и не найдя ничего подходящего, она схватила Грибка, стоявшего рядом и с большим интересом следившего за происходящим.

— Вы... вы... вы!!! — крикнула она и швырнула тяжелого кота через все помещение.

Кай Невис пригнулся. Грибок душераздирающе заорал и отлетел от Анитты.

— Пожалуйста, будьте так любезны, не швыряйтесь моими кошками, — сказал Хэвиланд Таф.

Невис, быстро пришедший в себя от испуга, с очень недружелюбной миной замахнулся виброножом на Тафа, и тому пришлось отступить. Невис поднял брошенный Тафом скафандр и ловко разрезал его на дюжину длинных серебристо-голубых полос. Затем он осторожно влез в унквийский боевой костюм, и Рика Даунстар завинтила люк.

Невис не сразу разобрался с незнакомым управлением, но уже минут через пять выпуклое смотровое окно начало наливаться гибельной кровавой краснотой, а громоздкие верхние конечности неуклюже за-

двигались. Пока Анитта открывал внутреннюю дверь шлюза, Кай Невис для пробы переключился на нижние, оканчивающиеся клешнями руки, и под клацанье этих клешней тяжело потопал следом за киборгом и Рикой Даунстар.

— Мне действительно жаль вас, — заметила Рика, задвигая за собой дверь. — В этом нет ничего против вас лично. Только простая арифметика.

— В самом деле, — сказал Хэвиланд Таф. — Всего лишь абстракция.

8

Развалившись в своем командирском кресле, Хэвиланд Таф внимательно изучал показания приборов. Грибок, чья гордость была совсем недавно так уязвлена, развалился у Тафа на коленях и наслаждался нежным поглаживанием.

— «Ковчег» не стреляет по нашим бывшим коллегам, — сказал Таф Джеффри Лайону и Целизе Ваан.

— Это моя ошибка, — сказал Джеффри Лайон.

— Нет, — возразила Целиза Ваан, — это его ошибка. — И она указала жирным пальцем на Тафа.

— Вы не особенно благодарны, — сказал Хэвиланд Таф.

— Благодарна? За что же я должна быть благодарна? — сердито спросила она.

Таф сложил ладони вместе.

— Ну, мы не совсем уж без ресурсов. Для начала Кай Невис оставил нам один функционирующий скафандр, — и он выпрямил один палец.

— И ни одного реактивного ранца.

— С нашим запасом воздуха мы теперь протянем вдвое дольше, так как нас стало меньше.

— Но он все же кончится, — жалобно сказала Целиза Ваан.

— Следует радоваться, что Кай Невис не воспользовался унквийским скафандром, чтобы разрушить «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» после того, как эти трое нас покинули, а ведь они могли это сделать.

— Невис предпочел, чтобы мы умерли медленной смертью, — возразила антропологиня.

— Я так не думаю. Он, что вероятнее и реальнее, сохранил этот корабль как последнее убежище на тот случай, если его план проникновения на борт «Ковчега» не выгорит, — размышлял вслух Таф. — А пока у нас есть приют, продовольствие и возможность, хоть и ограниченная, маневрировать.

— Что у нас есть на самом деле — так это нефункционирующий корабль с постоянно уменьшающимся запасом воздуха, — сказала Целиза Ваан. Она собиралась продолжить, но в это мгновение в рубку влетела Опустошительница, которая, как заправский футболист, катила перед собой какой-то предмет. Он затормозил у ног Целизы Ваан, но Опустошительница подпрыгнула и коротким взмахом лапы послала его дальше.

— Это мой перстень! — вскричала Целиза Ваан. — Как я его искала! Будь ты проклята, грязная воровка! — Она наклонилась и попыталась выхватить кольцо прямо из-под носа у Опустошительницы. Та атаковала ее ладонь, и Целиза Ваан замахнулась на кошку. Но промазала. Когти Опустошительницы попали в цель. Целиза Ваан вскричала от боли.

Хэвиланд Таф поднялся с кресла, схватил кошку и кольцо, зажал Опустошительницу под мышкой и резко протянул кольцо окровавленной владелице.

— Вот ваша собственность, — сказал он.

— Прежде чем я умру — клянусь! — я схвачу эту скотину за хвост и разобью ей голову о переборку, чтобы мозги повылетали. Если у нее вообще есть мозги.

— Не стоит недооценивать способности кошачьих, — возразил Таф, снова занимая свое место. Он успокоил раздраженную кошку, как сделал это недавно с Грибком. — Кошки — умные животные. В самом деле я много раз слышал, что кошки имеют зачатки парапсихических способностей. Первобытные люди Древней Земли знали об этом и почитали кошек.

— Я изучала и таких первобытных, которые почитали фекалии, — раздраженно ответила антропологиня. — Это животное — просто грязная скотина.

— Кошачьи — невероятные чистюли, — невозмутимо сказал Таф. — Опустошительница почти котенок, ее игривость и дикий темперамент еще не совсем истощились, — продолжал он. — Она очень своеобразное создание, но именно это и придает ей шарм. Кому-то это может показаться очень странным, и тем не менее она легко приручается. У кого не потеплеет на сердце при виде радости этого котенка, играющего с мелкими вещицами, которые кто-то необдуманно оставил лежать на виду? Кто не засмеется, увидев, что игривая киска затолкала свою игрушку под пульт так далеко, что и сама не может достать? Мне кажется, никто не устоит перед этим. Только до невозможности мрачные и бессердечные люди. — Таф несколько раз моргнул. Его длинное неподвижное лицо приняло озабоченное выражение. — Ну, хватит, Опустошительница, — сказал он, столкнул с колен кошку, встал и, с гордым видом опустившись на колени, начал ползать на четвереньках, шаря руками под пультом.

— Что вы там делаете? — удивилась Целиза Ваан.

— Ищу игрушки Опустошительницы, — ответил Таф.

— Я истекаю кровью, у нас кончается кислород, а вы ищете игрушки! — возмущенно воскликнула Целиза Ваан.

— Мне кажется, именно об этом я только что говорил, — сказал Таф. Он выгреб из-под пульта пригоршню мелких предметов, потом еще несколько. Пошарив еще раз-другой, он наконец сдался, собрал свои находки, отряхнулся и начал очищать от пыли найденные сокровища. — Интересно, — сказал он.

— Что интересно? — спросила Целиза Ваан.

— Это ваше, — ответил Таф и протянул ей еще одно кольцо и два карандаша для светописи. — А это мое, — продолжал он, откладывая в сторону еще два карандаша, три красных космических крейсера, желтый линкор и серебристую звездную крепость. — А это, мне кажется, ваша собственность. — Он протянул предмет, о котором говорил Джеффри Лайон. Это был изящный кристаллик размером с ноготь большого пальца. Лайон подпрыгнул.

— Чип!

— И в самом деле, — сказал Хэвиланд Таф.

9

После того как Таф просигналил лазером запрос на разрешение причалить, все застыли в напряженном ожидании. Сначала в центре большого черного купола появилась тонкая щель, затем вторая, под острым углом к первой. Потом третья, четвертая, все больше и больше. Купол, который сейчас напоминал

разрезаемый торт, разделился на сотню сегментов, ушедших затем внутрь оболочки «Ковчега». Джеффри Лайон судорожно выдохнул.

— Работает! — сказал он, и в его голосе прозвучало удивление и облегчение.

— Я понял это еще раньше, — сказал Таф, — когда мы прошли сквозь защитный экран, не встретив никакого сопротивления. То, что мы видим, лишь подтверждение.

Они продолжали смотреть на экран. Под куполом стала видна посадочная палуба, не уступавшая размерами космодромам провинциальных планет. Палуба была усеяна круглыми площадками, большая часть которых была занята. Пока они наблюдали, вокруг одной из свободных площадок вспыхнуло кольцо голубовато-белых огней.

— Я далек от того, чтобы приказывать вам, — сказал Хэвиланд Таф, не сводя глаз с приборов, и его руки снова забегали по пульту. — Но все же я посоветовал бы всем пристегнуться. Я выпускаю посадочные опоры и программирую посадку на указанное нам место, но я не знаю, повреждены или нет опоры, не знаю даже, все ли три ноги на своих местах. Поэтому рекомендовал бы предельную осторожность.

Под ними распростерлась темная посадочная палуба. «Рог изобилия» опускался в пещероподобную пропасть. На одном из мониторов все увеличивалось и увеличивалось светящееся кольцо посадочной площадки, второй экран показывал мерцающее отражение выхлопа двигателей «Рога изобилия» от далеких металлических переборок и контуры других кораблей. На третьем экране они увидели, что купол снова закрывается; десятки острых зубьев двигались навстречу друг другу, словно «Рог» только что был проглочен гигантским космическим хищником.

Посадка была неожиданно мягкой. Корабль с каким-то вздохом, шипением и едва заметным сотрясением сел на отведенную ему площадку.

Хэвиланд Таф выключил двигатели и некоторое время наблюдал за приборами и изображениями на экранах.

Потом он повернулся к остальным.

— Мы причалили, — объявил он, — и пора планировать наши действия.

Целиза Ваан принялась расстегивать ремни.

— Мне бы только выбраться отсюда, — пробормотала она. — Найти Невиса и эту потаскуху Рику и сообщить им, что я о них думаю.

— Почти все, что вы о них думаете, представляет простую риторику, — сказал Хэвиланд Таф. — Я считаю ваше предложение чрезвычайно неумным. Нам нужно теперь рассматривать наших бывших коллег как соперников. После того как совсем недавно они обрекли нас на верную смерть, их, несомненно, очень удивит то, что мы живы, и было бы неплохо, если бы наши шаги не сделали это противоречие слишком уж бросающимся в глаза.

— Таф прав, — заметил Джеффри Лайон. Он ходил от одного экрана к другому и увлеченно вглядывался в них. Древний корабль-сеятель снова пробудил в нем боевой дух и силу воображения, и его буквально распирало от избытка энергии. — Заповедь гласит: «Мы против них», Целиза. Это война. Они убьют нас, если смогут, в этом нет сомнений. Значит, мы должны действовать очень осмотрительно. Это пока самая подходящая тактика.

— Я преклоняюсь перед вашей смелостью, — сказал Таф. — А какую вы предлагаете стратегию?

Джеффри Лайон погладил свою бороду.

— Ну, — сказал он, — ну... дайте мне подумать. Какова ситуация? У них Анитта, а он — наполовину

компьютер. Как только он подключится к системе управления «Ковчега», он сможет определить, в каком состоянии находится «Ковчег», и, возможно, сумеет даже в известной степени контролировать функции корабля. Это опасно. Может быть, как раз сейчас он и пытается это сделать. Мы знаем, что они первыми попали на борт. Возможно, они уже знают о нашем присутствии, но, может быть, преимущество внезапности все еще на нашей стороне.

— Но у них преимущество всего вооружения, — сказал Хэвиланд Таф.

— Это не представляет проблемы, — возразил Джеффри Лайон, потирая от нетерпения ладони. — Это же, в конце концов, военный корабль. Конечно, ОЭГ специализировалось на ведении биологической войны, но «Ковчег» — военный корабль, и я уверен, что экипаж носил и всевозможное личное оружие. Нам нужно только найти его.

— В самом деле — всего лишь, — сказал Хэвиланд Таф.

Лайон разговорился:

— Наше преимущество... Итак, я не хочу быть нескромным, но я сам являюсь нашим преимуществом. Несмотря на все то, что Анитта найдет с помощью корабельного компьютера, они в той или иной степени будут блуждать в потемках. А я обстоятельно занимался старыми кораблями Космической Федерации. Я знаю о них все. — Он наморщил лоб. — Ну, по меньшей мере все, что не потеряно и не засекречено. По крайней мере я знаю основные принципы конструкции этого корабля. Во-первых: нам нужно найти арсенал, который, надо полагать, закрыт. Повсеместно было принято хранить оружие вблизи от посадочных палуб, так как оно использовалось при посадках. После того, как мы вооружимся, нам нужно будет...

хм-м... дайте-ка подумать... да, нам нужно будет найти библиотеку клеточного материала, это очень важно. Корабли-сеятели имели огромные библиотеки клеточных культур, клон-материалов буквально с тысяч миров — законсервированных в стасис-поле. Нам нужно определить, жизнеспособен ли еще этот клеточный материал? Если стасис-поле нарушено и клетки погибли, то мы захватим лишь просто очень большой корабль. Но если системы еще работают, то «Ковчег» буквально не имеет цены.

— Я далек от того, чтобы оспаривать значение библиотеки клеток, — сказал Таф, — но, несмотря на это, мне кажется намного более важным разведать местоположение командирского мостика. Если исходить из, вероятно, неверной, но очень желательной предпосылки, что спустя тысячелетие никого из первоначального экипажа «Ковчега» нет в живых, то мы с нашими врагами на корабле одни, и та партия, которая первой возьмет контроль над корабельными системами, сможет считать это большой удачей.

— Это важно, Таф! — сказал Лайон. — Итак, идем искать мостик!

— Отлично, — сказала Целиза Ваан. — Я так хочу вырваться из этой кошачьей ловушки.

Хэвиланд Таф поднял указательный палец.

— Минуточку, пожалуйста. Еще одна проблема. Нас трое, а скафандр один.

— Но мы же находимся в корабле, — сказала Целиза Ваан почти саркастически, — зачем нам скафандры?

— Может быть, они и не нужны, — согласился Таф. — Действительно, как вы видите, эта посадочная площадка играет роль очень большого воздушного шлюза: мои приборы показывают, что в данный момент мы находимся во вполне пригодной для ды-

хания атмосфере, заполнившей купол, когда он полностью закрылся.

— Так в чем же проблема, Таф?

— Несомненно, я чересчур осторожен, — ответил Хэвиланд Таф. — Но я все же не могу побороть некоторое беспокойство. Этот «Ковчег» хотя, возможно, покинут и брошен, но тем не менее продолжает выполнять свою задачу. В доказательство этому можно было бы упомянуть тот факт, что на Хро Б'Бране все еще свирепствуют эпидемии. Кроме того, доказательством может служить то упорство, с которым корабль оборонялся при нашем приближении. Сейчас мы еще не можем знать, по какой причине покинут «Ковчег» или от чего умерли последние члены экипажа, но кажется все же, что они хотели, чтобы «Ковчег» продолжал функционировать. Возможно, внешний защитный экран — это лишь первая автоматическая система защиты среди многих других.

— Интересное предположение, — сказал Джеффри Лайон. — Вы думаете о ловушках?

— О вполне определенном виде ловушек. Воздух, которым мы будем дышать, может быть насыщен возбудителями болезней: бактериями или мутированными вирусами. Стоит ли нам рисковать? Лично я чувствовал бы себя увереннее в скафандре, но, естественно, каждый волен решать за себя сам.

Целиза Ваан заколебалась.

— Костюм должна получить я, — сказала она. — Он у нас только один, и вы должны отдать его мне, особенно после того, как по-свински обошлись со мной.

— Не надо затевать дискуссию об этом снова, мадам, — сказал Таф. — Мы находимся на посадочной палубе. По соседству я могу разглядеть еще девять космических ракет различных конструкций. Одна из

них — хруунианская боевая шлюпка, другая — рианнезианский торговый корабль, еще две — незнакомой мне конструкции. А остальные пять — обычные корабли того же типа, что и мое собственное судно, только побольше, — без сомнения, относятся к оснащению «Ковчега». Мой опыт говорит мне, что космические корабли обязательно оснащаются скафандрами. Поэтому наш единственный скафандр намерен надеть я, я выйду и обыщу соседние корабли и, надеюсь, найду скафандры для вас.

— Ну вот еще, — вскинулась Целиза Ваан. — Вы уйдете и оставите нас взаперти.

— Что поделаешь? — проговорил Таф. — Время от времени всем нам приходится с чем-то мириться.

10

С воздушным шлюзом пришлось повозиться. Это был маленький аварийный шлюз с ручным управлением. Открыть внешнюю дверь, войти и запереть ее за собой не представляло труда, но внутренняя дверь задала им задачу. Как только внешнюю дверь закрыли, воздух заполнил большую камеру, а вот внутренняя дверь не поддавалась.

Массивное стальное колесо не проворачивалось, и рукоятка не двигалась с места.

— С дороги, — сказал Кай Невис, тембр его голоса искажал унквийский боевой костюм, из динамика вырывались хриплые оглушающие звуки. Тяжело ступая, он опередил Рики, прогрохотал по полу ступнями-тарелками, обхватил верхней парой рук колесо и повернул его. Некоторое время колесо сопротивля-

лось, потом согнулось, смялось и в конце концов совсем отскочило от двери.

— Ну, ты даешь! — захохотала Рика в громкоговоритель своего скафандра.

Кай Невис неразборчиво проворчал что-то, схватил задвижку и попытался сдвинуть ее с места, однако ему удалось лишь отломить ее.

Анитта подошел поближе к внутреннему запирающему механизму.

— Ряд кодирующих кнопок, — сказал он и указал на них. — Если бы мы знали нужную последовательность цифр, нас бы впустили автоматически. Здесь есть и гнездо подключения к компьютеру. Если бы я смог к нему подключиться, мне, возможно, удалось бы узнать правильный код системы.

— Что же вас удерживает? — требовательно прогремел Кай Невис. Его лицевая пластина вспыхнула красным огнем.

Анитта поднял руки и беспомощно махнул ладонями. Сейчас, когда его тело было закрыто серебристо-голубым скафандром, а серебристо-металлические глаза смотрели сквозь пластик, он больше чем когда-либо походил на робота.

Кай Невис, который буквально навис над Анитой, тоже казался роботом, но намного большим.

— Этот костюм, — проговорил Анитта, — не приспособлен для такой работы. Я не могу подключиться, не сняв его.

— Ну так сделайте это! — крикнул Невис.

— Это не опасно? — спросил Анитта.

— Здесь внутри воздух, — сказала Рика Даунстар и показала на указатель.

— Но ни один из вас скафандра не снял, — упрекнул их Анитта. — Если я ошибусь и открою вместо внутренней двери внешнюю, я могу погибнуть еще до того, как успею снова загерметизировать скафандр.

— Так не делайте ошибок! — загремел Кай Невис. Анитта скрестил руки.

— Воздух может быть испорченным. Корабль покинут уже тысячу стандартных лет назад, Невис. Даже умнейшие технические системы время от времени отказывают, и даже очень умелые и опытные люди ошибаются. Я не хочу рисковать своей жизнью.

— В самом деле? — загрохотал Невис.

Раздался скрип, и одна из нижних рук медленно поднялась вверх, зазубренные металлические клешни раскрылись, ухватили Анитту поперек туловища и прижали к ближней стене.

Киборг протестующе заорал.

Вторая нижняя рука Кая Невиса поднялась и ухватила скафандр Анитты под воротником. Шлем и вся верхняя часть скафандра были сорваны с его тела едва ли не вместе с головой.

— Мне нравится этот костюм, — заявил Кай Невис и схватил Анитту своими клешнями: кожа прорвалась, потекла кровь. — Вы дышите или нет?

Анитта, получивший достаточно кислорода, кивнул.

Боевой костюм поставил его на пол.

— Тогда принимайтесь за работу! — приказал ему Невис.

В этот момент Рика Даунстар занервничала. Она отшатнулась от Невиса и прислонилась к двери. Анитта снял с себя разорванный скафандр и перчатки и ввел голубые стальные пальцы правой руки в открытые разъемы компьютерного входа. Рика Даунстар носила кобуру на плече скафандра для того, чтобы можно было легче достать игольник, однако в данной ситуации игольник не мог обезопасить ее, и она подумала, так ли уж непроницаем унквийский боевой костюм и хороших ли

соратников она себе выбрала? Если разделить на троих, получится больше, чем скупое жалованье у Джеффри Лайона, — это верно. Но что, если Невис решит, что ему не хочется делить на троих?

Она услышала резкий щелчок, и внутренняя дверь скользнула вверх. За ней шел узкий коридор, терявшийся во тьме.

Кай Невис приблизился к двери и посмотрел в темноту, его раскаленная докрасна лицевая пластина отбрасывала яркие отблески на стены. Потом он тяжело повернулся.

— Эй, наемница! — загремел он над Рикой Даунстар. — Идите и узнайте, куда ведет этот коридор!

Рика быстро приняла решение.

— Как прикажете, начальник, — сказала она, вынула игольник, быстро вышла через дверь в коридор и прошла по нему около десяти метров до перекрестка.

У перекрестка оглянулась.

Невис, громадный и громоздкий в своем боевом костюме, заполнял собой вход в воздушный шлюз. Рядом стоял Анитта. Заметно было, что киборг, обычно прекрасно умевший владеть собой, дрожал.

— Не двигайтесь! — крикнула Рика. — Здесь небезопасно! — Потом повернулась и стремительно понеслась вперед.

11

Хэвиланду Тафу понадобилось намного больше времени, чем он рассчитывал, чтобы отыскать скафандры. Ближайшим из чужих кораблей был хруунианский крейсер-охотник, неуклюжая зеленая машина, вся ощетинившаяся оружием. Она была хорошо за-

щищена: Таф много раз обошел ее и изучил приборы, которые, казалось, предназначались для того, чтобы обеспечить доступ на корабль, но сколько он ни дергал, ни тряс разные приспособления, ни нажимал на различные кнопки, толку не было; он был вынужден сдаться и продолжить свои поиски на других объектах.

Вход в следующий чужой корабль был широко открыт, и он вошел в него с немалым любопытством. Внутренность корабля представляла собой лабиринт узких коридоров с неровными и бугристыми, как в пещере, стенами. Приборы были незнакомые, неизвестно, что было с ними делать. Скафандры — если то, что он нашел, можно было так назвать, — казалось, были исправными, но никто, чей рост был выше метра, не смог бы ими воспользоваться.

Рианнезианский торговый корабль, который он осмотрел третьим, был разграблен: Таф не нашел в нем ничего полезного.

В конце концов ему ничего не оставалось, как отправиться к одному из пяти наиболее удаленных космических грузовиков, стоявших на равных расстояниях друг от друга. Это были большие корабли, больше, чем «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам», с черными, покрытыми царапинами фюзеляжами и с элегантными крыльями, но они, очевидно, были сотворены людьми и, по крайней мере на первый взгляд, находились в хорошем состоянии.

Таф некоторое время пытался проникнуть в корабль, на посадочной площадке которого была укреплена металлическая табличка с силуэтом фантастического животного и надписью, судя по которой корабль назывался «Гриф».

Скафандры находились там, где им положено было быть. Они были в исправности, хотя их возраст на-

считывал более тысячи лет, и выглядели довольно внушительно: темно-зеленого цвета; шлемы, перчатки и сапоги — золотистые, на корпусе — золотая «тэта».

Таф выбрал два костюма и, сопровождаемый эхом своих шагов, понес их через лежавшую в сумерках равнину посадочной палубы к представлявшему печальное зрелище изрытому оспинами и не пригодному к космическим полетам «Рогу изобилия», сидевшему на трех уже отслуживших свое ногах.

Добравшись до нижнего края площадки, ведущей к главному шлюзу, Таф едва не споткнулся о Грибка.

Огромный кот сидел на палубе. Он поднялся, издал жалобный звук и потерся о его ноги.

Хэвиланд Таф на мгновение остановился, посмотрел на старого серого кота, потом неловко наклонился, поднял его и погладил. Поднявшись к шлюзу, он отогнал сопровождавшего его Грибка, затем протиснулся в шлюз, зажав в каждой руке по скафандру.

— Долго же вас не было, — заметила Целиза Ваан, когда Таф вошел.

— Я же говорил вам, что он не бросит нас на произвол судьбы, — сказал Джеффри Лайон.

Хэвиланд Таф швырнул скафандры на палубу, и они растеклись по ней, как золотисто-зеленые лужи.

— Грибок на палубе, — сказал Таф безразличным голосом.

— Понятно, — ответила Целиза Ваан, подняла один из скафандров и сразу же начала облачаться в металлическую ткань. Она туго охватила ее талию — члены Общества Экологической Генетики были, очевидно, более изящными, чем она.

— Вы не могли принести мне костюм подходящего размера? — спросила она жалобно. — Вы уверены, что спустя столько лет они в исправности?

— На вид они сделаны добротно, — ответил Таф. — Возможно, нам придется установить для регенерации

воздуха патроны с живыми бактериями, которые еще остались на корабле. Как получилось, что Грибок оказался снаружи?

Джеффри Лайон неловко откашлялся.

— Ах... э-э... — начал он, — ...Целиза испугалась, что вы не вернетесь, Таф. Вас так долго не было. Она думала, вы нас бросили.

— И совершенно напрасно, — ответил Таф.

— Э... да, — пробормотал Лайон, отводя взгляд и протягивая руку за своим скафандром.

Целиза Ваан натянула золотой сапог и застегнула его.

— Вы сами виноваты, — сказала она Тафу. — Если бы вы не отсутствовали так долго, я бы не забеспокоилась.

— В самом деле, — кивнул Таф. — А как, если вы позволите спросить, связано это ваше беспокойство с Грибком?

— Ну... это... я думала, вы не вернетесь и нам придется покинуть «Рог изобилия», — ответила антрополог, застегивая второй сапог. — Вы, знаете ли, своими разговорами об инфекциях встревожили меня Ну, я и отправила кошку через шлюз. Пыталась поймать ее, проклятую, но она вырвалась и убежала. Я говорю о черно-белой, а серая далась мне в руки, я выбросила ее за дверь, и мы наблюдали за ней по монитору. Думала, если ей станет плохо, то мы это увидим. А если ее состояние не изменится, то и нам, несомненно, было бы не страшно выходить.

— Принцип я понял, — сказал Хэвиланд Таф. В комнате появилась Опустошительница, что-то толкая впереди себя лапами. Она увидела Тафа и остановилась возле него с чрезвычайно довольным видом.

— Джеффри Лайон, — сказал Таф, — если вам не трудно, поймайте Опустошительницу, отнесите в жилой отсек и заприте ее там.

— Э... конечно, — ответил Лайон. Он поднял Опустошительницу и спросил: — А почему, собственно?

— Сейчас я предпочитаю держать Опустошительницу отдельно от Целизы Ваан, чтобы в будущем быть уверенным в ее безопасности, — ответил Таф.

Целиза Ваан зажала шлем под мышкой и язвительно фыркнула.

— Какие глупости. С серой все в порядке.

— Позвольте напомнить вам обстоятельство, которое, может быть, ускользнуло от вашего внимания, — сказал Хэвиланд Таф. — Медицине известен такой феномен, который называется инкубационным периодом.

12

— Я убью эту потаскуху! — гремел Кай Невис, спускаясь вместе с Аниттой в темный коридор. — Будь она проклята! Невозможно найти приличной наемницы. — Могучая голова боевого костюма повернулась к кибертеху, лицевая пластина горела огнем. — Поторопитесь!

— Я не могу поспеть за вами, — сказал Анитта и ускорил шаги. У него уже кололо в боку от попыток держаться вровень с Невисом, его кибернетическая половина была крепкой, как металл, и быстрой, как электронные схемы, но биологическая половина была несчастной, истощенной и измученной плотью, и из ран, что нанес ему Кай Невис, все еще сочилась кровь. Он чувствовал себя усталым и подавленным. — Уже недалеко, — сказал он. — Спускайтесь по этому коридору и идите до третьей двери налево. Это важная

вспомогательная станция. Я почувствовал это, когда подключился. Оттуда я смогу связаться с главной системой. — И, наконец, отдохнуть, подумал он. Анитта чрезвычайно ослаб, его биополовина болела и дрожала от усталости.

— Я хочу, чтобы зажглись проклятые лампы, — приказал Кай Невис. — А потом я хотел бы, чтобы вы нашли мне эту бабу. Понятно?

Анитта кивнул и заставил себя прибавить шаг. В щеки его, которые он не мог видеть своими серебристыми металлическими глазами, вонзились две маленькие раскаленные иглы, на мгновение в глазах все поплыло и заколебалось, он услышал громкий голос и остановился.

— Что там опять стряслось? — осведомился Кай Невис.

— Я обнаружил, что некоторые системы отказали, — ответил Анитта. — Мне нужно добраться до компьютера и проверить свои системы. — Он встал и вдруг споткнулся. Потом он совершенно потерял равновесие и рухнул на пол.

13

Рика Даунстар была уверена, что оторвалась от остальных. В своем оснащении Кай Невис был похож на гигантскую обезьяну и одним своим видом мог нагнать страх. К тому же он обладал сильным свирепым голосом. В темноте Рика могла видеть, как кошка, — это было еще одним преимуществом в ее профессии. В совершенно темных коридорах она шла на ощупь так быстро, как только могла. В этой части

«Ковчег» представлял собой лабиринт из комнат и коридоров. Рика прокладывала себе путь сквозь этот лабиринт, возвращалась, шла назад по новым ответвлениям и опять возвращалась, узнавала уже знакомые коридоры и напряженно прислушивалась к грохочущим шагам Невиса, которые были слышны все слабее и слабее и, наконец, стихли совсем.

И только почувствовав себя в безопасности, Рика Даунстар начала подробно изучать лабиринт, в котором находилась.

В стены его были встроены светящиеся поля. Некоторые из них реагировали на касание ее руки, другие нет. Она освещала себе путь, где это было возможно.

Первая секция, которую она торопливо прошла, была, видимо, жилой зоной — маленькие каюты по обеим сторонам тесных коридоров, и в каждой кровать, письменный стол и компьютерный терминал с экраном. Некоторые помещения были пустыми, без оборудования, в других остались неприбранные постели и разбросанная одежда. Однако всюду была идеальная чистота. Казалось, эти жилые помещения были покинуты или вся эта часть «Ковчега» была закрыта на ремонт и так и осталась нетронутой до тех пор, пока Рика, вторгшись сюда, не нарушила покой этого помещения.

Следующая зона не так хорошо сохранилась. Все было в пыли, повсюду валялся мусор, а однажды она даже увидела на бесформенной куче гнилья скелет. Видимо, столетия назад это была постель. Вот что может сделать свежий воздух, подумала Рика.

Коридоры переходили в другие коридоры — более широкие. Рика заглядывала в кладовые, в помещения, заполненные предметами экипировки, и в другие, забитые до потолка пустыми клетками, в

бесконечный ряд безупречно белых лабораторий слева и справа от коридора — широкого, как бульвар Шан-Ди-Сити. Идя вдоль него, она вышла к пересечению с другим, еще более широким коридором.

Она немного помедлила и, решив сохранять осторожность, вытащила игольник. «Это путь к рубке, — подумала она, — или, во всяком случае, к важному устройству». Она вышла на этот главный путь и тут что-то увидела в углу: неясные контуры в маленькой нише в стене. Рика осторожно приблизилась.

Подойдя ближе, она расхохоталась и снова сунула оружие в кобуру. Перед нею стояли мотороллеры, маленькие трехколесные машины, каждая с двумя сиденьями и большими эластичными надувными колесами. Они стояли наготове в своих укрытиях.

Рика вытащила один из мотороллеров, села на сиденье и запустила двигатель. Все указатели стояли на «готов». Был даже прожектор, свет которого разгонял темноту, проникая в затененные закоулки. Рика, улыбаясь, поехала по широкому коридору. Двигалась Рика медленно. Однако это не имело значения. В конце концов до цели она все равно доберется.

14

Джеффри «Лайон провел их к оружейной камере. Именно там Хэвиланд Таф и собирался убить Грибка.

Лайон широко размахивал факелом и радостно заорал увидев штабеля лазерных и ультразвуковых ружей, разрывного оружия и световых гранат.

Целиза Ваан жаловалась на то, что не умеет обращаться с оружием, но считала, что все равно не смог-

ла бы кого-либо убить. Сказала, что она, в конце концов, ученый, а не солдат, и считает все это варварством.

Хэвиланд Таф держал в руках Грибка. Большой кот громко замурлыкал, но когда Таф опять вышел из «Рога изобилия» и взял его на руки, затих. Теперь он лишь слегка пыхтел. Когда Таф гладил кота, в его ладонях оставались целые клочья мягкой длинной серой шерсти. Грибок жалобно кричал. Что-то раздирало челюсти животного. Он снова закричал, еще громче, и завертелся, пытаясь вырваться из рук Тафа, царапал когтями металлический скафандр. Его большие желтые глаза подернулись пленкой.

Остальные ничего этого не видели: их внимание привлекали более важные вещи, чем кот, сопровождавший Тафа во всех его путешествиях. Джеффри Лайон и Целиза Ваан беседовали друг с другом.

Таф держал Грибка, несмотря на все попытки кота освободиться, очень крепко. Он последний раз погладил его, нежно разговаривая с ним, а потом одним быстрым движением свернул коту шею.

— Невис уже однажды пытался убить нас, — сообщил в этот момент Джеффри Лайон Целизе Ваан. — Поэтому я не могу считаться с вашей чувствительностью. Надо выполнять свой долг. Вы не имеете права рассчитывать на то, чтобы мы с Тафом одни несли бремя самообороны.

Джеффри наморщил лоб за толстым пластиковым забралом.

— Я очень хотел бы узнать побольше о боевом костюме, который сейчас на Невисе, — сказал он, помолчав. — Таф, как вы думаете, пробьет ли лазер унквийскую броню? Или надежнее будет использовать разрывные пули? Мне кажется, надо попытаться лазером, Таф.

Он повернулся и при этом так резко махнул факелом, что на стенах оружейной камеры в диком танце заплясали тени.

— Таф, где вы? Таф?

Никто не ответил. Хэвиланд Таф исчез.

15

Дверь в компьютерную комнату не открывалась. Кай Невис пнул ее ногой. Металл внизу двери прогнулся, и верхняя часть ее выскочила из проема. Невис начал бить по двери снова и снова, его тяжелая бронированная нога со страшной силой ударяла в тонкий металл. Потом он отбросил изогнутые останки двери в сторону и вошел. Анитту он нес, как ребенка, на согнутых руках.

— Мне этот проклятый костюм начинает понемногу нравиться, — сказал он.

Анитта застонал.

Станция была наполнена тонким, едва слышимым звуком — шепотом страха. Маленькие разноцветные огоньки вспыхивали, как огненные мушки, и снова исчезали.

— Я должен подключиться к схеме, — сказал Анитта и бессильно пошевелил рукой, а может быть, у него началась судорога. — Подключите меня к схеме, — повторил он. Его бренное тело выглядело ужасно. Кожа покрылась жемчужинами пота, мелкие капли влаги выступали из каждой поры. Из носа непрерывно текла слизь, а из органического уха — кровь. Он не мог ни стоять, ни идти, а слова он произносил все более невнятно. Мрачное красное сияние, исходившее от шлема боевого костюма, создавало ауру глубо-

кого красного цвета, которая придавала облику Невиса еще более устрашающий вид. — Поторопитесь же! — простонал Анитта. — Мне нужно в схему, пожалуйста, подключите меня к схеме!

— Заткнись, иначе я брошу тебя здесь, — прорычал Невис.

Анитта содрогнулся, как будто голос Невиса ударил его. Тот осматривал комнату, пока не обнаружил прорезь разъема. Он подтащил к ней кибертеха и посадил его в белое пластиковое кресло, которое, казалось, вырастало прямо из консоли и палубы. Анитта снова издал жалобный звук.

— Заткнись! — рявкнул Невис и так грубо схватил руку кибертеха, что едва не вырвал ее. Ему в этом проклятом костюме было нелегко правильно рассчитывать свою силу, а тонкие манипуляции он проделывал с еще большим трудом, но все же Невис не хотел снимать этот костюм... он ему нравился. Да, очень нравился.

Анитта опять закричал.

Невис не обратил на это внимания, выпрямил металлический палец кибертеха и сунул его в разъем.

— Вот, — сказал он и отступил назад. Анитта обвис, его голова ударилась о металл и пластик консоли. Рот открылся, из уголков рта побежала кровь, смешанная со странной густой и черной жидкостью, напоминавшей масло.

Невис пришел в ярость. Неужели он притащил его сюда слишком поздно, и проклятый киборг подох у него на руках?

Потом огоньки замигали быстрее, тонкое тихое жужжание усилилось, маленькие разноцветные искры снова и снова то разгорались, то гасли.

Анитта включился в схему.

16

Рика Даунстар быстро двигалась вдоль главного коридора. Постепенно пылающее сияние сменило кромешную тьму. Над ее головой распахнулись потолочные панели одна за другой, и свет превратил ночь в день — такой яркий, что поначалу было больно глазам.

Она испуганно остановилась и проследила, откуда движется световая волна, а потом бросила взгляд назад. Там, откуда пришла эта волна, коридор попрежнему был окутан тьмой.

Рика заметила в темноте странную деталь, на которую до сих пор не обращала внимания. На полу коридора были нанесены шесть параллельных полос, полупросвечивающих указателей направления из пластика, — красная, голубая, желтая, зеленая, серебристая и пурпурная. Каждая из этих полос, несомненно, куда-то вела, но куда — неизвестно.

Пока она разглядывала их, серебристая полоса засветилась словно изнутри. Она была похожа на мерцающую серебристую нить. Одновременно прямо над ее головой потемнела потолочная панель.

Рика проехала на мотороллере несколько метров вперед и снова оказалась на свету. Но в тот момент, когда она в нерешительности затормозила, свет, который пылал над ней, погас. Серебристая полоса, прочерченная по полу, пульсировала и словно заставляла следовать за ней.

— Ну хорошо, — сказала Рика, — я пойду по предложенному пути. — Она вскочила на свой мотороллер и стала спускаться вниз по коридору; тотчас же свет позади нее погас.

17

— Он пришел! — взвизгнула Целиза Ваан, когда коридор осветился. Джеффри Лайону показалось, что она подпрыгнула вверх на добрый метр.

Он не сдвинулся с места и недовольно нахмурил лоб. В руках он держал лазерное ружье. Пистолет, стреляющий разрывными иглами, покоился в кобуре на бедре, на другом бедре пристегнут ультразвуковой пистолет. На спине была укреплена плазменная пушка. На правом плече висел пояс с бомбами, которые можно было взрывать мыслью на расстоянии, пояс со световыми гранатами на левом плече, а на поясе пристегнут большой вибронож.

Лайон улыбался в своем золотистом шлеме и слышал, как пульсирует его кровь. Он был готов ко всему. Уже много лет он не чувствовал себя так хорошо: с тех пор, как последний раз видел битву добровольцев Скэгли против Черных Ангелов. К черту всю эту академическую рухлядь! Джеффри Лайон был человеком дела, и сейчас он снова чувствовал себя молодым.

— Тихо, Целиза! — сказал он. — Никого здесь нет, мы одни. Зажегся свет, вот и все.

Целиза Ваан совсем не была в этом уверена. Она тоже была вооружена, но отказалась таскать за собой лазерное ружье, так как оно было слишком тяжелым, как она сказала, и Джеффри Лайон немного побаивался того, что может случиться, если она попытается использовать одну из своих световых гранат.

— Посмотрите-ка, — сказала она и показала вниз. — Что это?

В полу появились две цветные пластиковые полосы. Одна была черной, другая — оранжевой. В данный момент светилась оранжевая.

— Это своего рода автоматический путеуказатель, — пояснил он. — Вот вдоль него мы и пойдем.

— Нет, — возразила Целиза Ваан.

Джеффри Лайон снова недовольно наморщил лоб.

— Послушайте! Я командир, и вы будете делать то, что я вам скажу! Мы должны быть готовы ко всему, что может случиться по дороге. А теперь идите вперед!

— Нет! — заупрямилась Целиза Ваан. — Я устала. Это опасно. Я останусь здесь.

— Категорически приказываю идти дальше, — настаивал на своем Джеффри Лайон.

— Ах, глупости! Вы не имеете права мне приказывать. Я настоящий ученый и вполне самостоятельна, а вы лишь экстраординарный профессор.

— Мы не в Центре, — растерянно возразил Лайон. — Так вы идете или нет?

— Нет, — отрезала она, уселась посреди коридора и скрестила руки.

— Как вам будет угодно. Желаю удачи. — Джеффри Лайон повернулся спиной к Целизе и один двинулся вдоль оранжевой линии.

18

Хэвиланд Таф оказался в странном месте. Он брел по бесконечным темным и узким коридорам, без плана и без цели, держа в руках вялый труп Грибка и не замечая ничего вокруг. Наконец из одного такого коридора он попал в какую-то странную длинную пещеру. Стены отступили, вокруг была кромешная тьма, и лишь шаги его эхом отражались от далеких стен.

В темноте раздавались какие-то звуки... низкое гудение и еще какой-то громкий звук — будто плеск подземного океана.

Но он ведь не под землей, напомнил себе Хэвиланд Таф. Он был на борту древнего космического корабля по имени «Ковчег», окруженный мерзавцами, и он сам, собственными руками убил Грибка.

Как долго он еще двигался в темноте, Таф не мог сказать. Шаги его отдавались эхом. Пол был ровным и, казалось, тянулся в бесконечность.

Он шел довольно медленно и поэтому не ушибся, наткнувшись на что-то в темноте, но при толчке выронил Грибка. Таф попытался определить на ощупь, на что же он наткнулся, но через ткань перчаток сделать это было трудно.

И в это мгновение зажегся свет.

Освещение было слабым и недостаточным. Свет отбрасывал черные размытые тени по всем направлениям и придавал освещенным местам странное зеленоватое сияние, будто они были покрыты каким-то мерцающим мхом.

Таф осмотрелся.

Это был скорее туннель, чем пещера. Он прошел его насквозь — по меньшей мере километр, как ему казалось. Но ширина туннеля была едва ли сравнима с его длиной, он, должно быть, пронизывал весь корабль вдоль продольной оси. Высоко над головой Тафа висела вуаль из зеленых теней, под ней — гигантское скопление машин: компьютерный терминал, встроенный в стену, странное устройство, какого Таф никогда раньше не видел, рабочие столы с встроенными в них трубопроводами и микроманипуляторами. Но самым важным в этом гигантском гулком туннеле были чаны.

Они находились повсюду. Стояли вдоль стен насколько хватало глаз, и еще несколько свисало с по-

толка, некоторые чаны были огромны, их полупрозрачные стенки выгнулись так широко, что могли бы вместить «Рог изобилия». И тут же были сосуды размером с человеческую ладонь, их были тысячи: они высились вдоль стен, как пластиковые пчелиные соты. Компьютер и терминал казались рядом с ними совсем незначительными — мелкие детали, которые можно было даже и не заметить.

И только сейчас Хэвиланд Таф смог понять, что булькало и плескалось. Большая часть чанов была пустой. Вокруг них разливалось зеленоватое сияние. Те же, которые были рядом, и два других чана подальше были наполнены цветной жидкостью, она пузырилась, сотрясая какие-то едва видимые тела.

Рассматривая все это, Хэвиланд Таф вдруг почувствовал собственную ничтожность, потом отвернулся от чанов и поднял Грибка. И тут он снова обратил внимание на то, обо что запнулся, — средних размеров чан с выгнутыми прозрачными стенками. Чан был заполнен густой желтоватой жидкостью, в которой змеились красные завитки. Таф услышал слабое бульканье и почувствовал легкую вибрацию, как будто в чане что-то зашевелилось. Он наклонился, всматриваясь, и отшатнулся: из чана на него, покачиваясь, глядел зародыш динозавра, еще нерожденный, но все же уже живой тираннозавр.

19

Когда он включался в схему, боли не существовало. В схеме у него не было тела. Там он был только мыслями — ничем иным, только чистыми, приятными мыслями и частью неизмеримо могучего и беско-

нечно большого целого, значительно большего, чем он сам, больше, чем любой другой из их группы. В схеме он был больше, чем человек, больше, чем киборг, больше, чем машина. Он был чем-то богоподобным. Время не имело значения и неслось быстро, как мысль, как переключающие реле, как сигналы, бегущие вдоль нитей сверхпроводника, как вспышки микролазера, ткущие свою невидимую сеть в центральной матрице. В схеме у него были тысячи ушей и тысячи глаз, тысячи рук, которые он сжимал в кулаки и которыми мог ударить, в схеме он мог быть одновременно везде.

Он был Аниттой, «Ковчегом», киборгом, более чем пятью сотнями станций-спутников и мониторов, он был двадцатью «Империалами-7400», охраняющими все двадцать отделений корабля с двадцати стратегически разделенных подстанций, он был полководцем, дешифровальщиком, астрогатором, специалистом по двигателям, медицинским центром, корабельным вахтенным журналом, библиотекарем, микрохирургом, оценщиком клонов, охраной и поддержанием порядка, связью и защитой. Он был совокупностью всего металлического и неметаллического, основной дублирующей системой и вторичной и третичной дублирующими системами. Он был тысячедвухсотлетним и тридцатикилометровым, а сердцем его была центральная матрица — едва ли два метра в квадрате, все же остальное — неизмеримо больше. Он находился сразу во всех местах и беспрепятственно передвигался, куда хотел, его сознание неслось по цепям схем, разветвляясь, танцуя и прыгая на лазерных лучах. Его пронизывали знания, как захватывающий поток, как могучая река, бьющая в берега всей неутомимо кипящей белой энергией силовых кабелей.

Он был «Ковчегом».

И при этом он умирал.

Глубоко во внутренних органах корабля, внизу подстанции семнадцать, у девятого воздушного шлюза творилось что-то непонятное.

— Кай, вы — дурак, настоящий дурак! — сказал Анитта и посмотрел на Кая Невиса. Он улыбался. Улыбка на его получеловеческом лице казалась странной. Его зубы были из хромированной стали.

— Вы — дурак, — повторил он Невису.

Боевой костюм тяжело шагнул к нему. Клешня со скрежетом поднялась, раскрылась и сомкнулась.

— Думайте, что говорите!

— Я сказал: вы и в самом деле дурак, — повторил Анитта. Смех его прозвучал пугающе, он был полон боли и металлических обертонов, губы постоянно кровоточили и оставляли блестящую красноту на сверкающих серебристых зубах. — Вы убили меня, Невис, за просто так, просто от нетерпения. Я мог бы уступить вам все и без этого. Он пуст, Невис. Корабль пуст: они все мертвы. И система тоже пуста. Здесь внутри я один. В цепях схем нет других сознаний и разумов. Это — идиот, Кай Невис, «Ковчег» — гигант-идиот. Они очень боялись, эти имперцы с Земли. Они создали настоящий Искусственный Разум. О да, они строили свои большие военные корабли с ИР, свой робофлот, но Искусственные Разумы породили собственные идеи, и они оказались неудачными. Историческая наука свидетельствует: были кандабэры и действия Миров и восстание Алекто и Голема. Корабли-сеятели оказались слишком могущественными, но это стало понятным только после того, как они уже были построены. «Ковчег» давал работу для двухсот человек — стратегам, ученым, экоинженерам, экипажу и офицерам, — и сверх того он мог нести более

тысячи солдат, всех кормить и одновременно действовать в полную силу и превращать миры в пустыни — да, именно так. И все это стало возможным благодаря системе, Невис, это надежная система, великолепная система, думающая система, которая может сама себя защищать и ремонтировать и делать одновременно еще тысячу вещей, если ей дать нужный приказ. Двести человек заставляли ее работать, но она могла бы функционировать и с одним-единственным человеком на борту. Не эффективно, нет, даже далеко не на полную мощность, но это было бы вполне возможно. Она не может функционировать сама по себе, ибо не имеет разума, никакого ИР, она следовала только приказам, человек должен был сказать ей, что делать. Один-единственный человек! И этим человеком мог быть я. Но вы, Кай Невис, поторопились и погубили меня.

Невис подошел еще ближе.

— А мне не кажется, что вы умерли, — сказал он и угрожающе клацнул клешней.

— Нет, я умер, — простонал Анитта. — Я цежу энергию из системы, усиливаю мою киберполовину и только поэтому могу говорить. Но я уже близок к гибели. Зараза, Невис. В те последние дни корабль был недоукомплектован. Когда хруун напали на него, на борту было всего лишь тридцать два человека. Атакующие взломали код, открыли купол и совершили посадку. Они ворвались в залы: их было больше сотни. Победа была близка, и они вот-вот должны были завладеть кораблем. Защитники боролись до последнего. Они перекрыли все сектора «Ковчега», выпустили воздух и отключили энергию. Таким образом им удалось уничтожить часть врагов. Они устраивали засады, боролись за каждый метр. На корабле до сих пор остались места, разрушенные в результате боев.

Они применили биологическое оружие, выпустили паразитов и заразили все вокруг, выпустили из чанов жутких тварей — в результате почти все защитники корабля погибли, — но одержали победу — уничтожили всех хруун. Среди защитников в живых осталось только четверо. Один из них был тяжело ранен, двое больны, а последний был на краю гибели. Хотите знать их имена? Молчите? Жаль, вы не любопытны, Кай Невис. А вот Таф непременно бы захотел знать это, и Лайон тоже.

— Таф? Лайон? О чем вы говорите? Они оба умерли.

— Нет, — возразил Анитта. — Они живы и находятся сейчас на борту. Лайон нашел оружейный склад. Теперь он — бродячий оружейный арсенал и ищет вас. Таф нашел что-то даже еще более важное. Рика Даунстар движется вдоль серебристой линии к главной рубке управления, к креслу капитана. Видите, Невис, вся банда здесь. Я активировал отделы «Ковчега», которые находятся в рабочем состоянии, и все держу в своих руках.

— Тогда остановите их! — приказал Невис, и в тот же миг его могучая металлическая клешня дернулась вперед, обхватила биометаллическое горло Анитты. На зазубренный зажим потек черный пот. — Немедленно остановите их! — повторил он.

— Я еще не закончил свою историю, Невис, — скривил киборг свои окровавленные губы. — Последние имперцы знали, что конец близок. И тогда они законсервировали корабль, превратили его в саркофаг. Но они боялись нового нападения — со стороны хруун или, возможно, других рас, которые тогда еще не были известны. Итак, они приказали «Ковчегу» самостоятельно защищать себя. Установили плазменные пушки и лазеры, обозначили радиус сферы за-

щиты, в чем мы, к сожалению, уже убедились. Запрограммировали корабль мстить страшной местью за них, постоянно возвращаться к Хро Б'Бране, откуда пришли хруун, для того, чтобы заражать планету и сеять тысячи смертей. А чтобы у хруун не выработался иммунитет, они подвергли сосуды с заразой облучению, вызывая тем самым постоянный процесс мутаций, а также задали программу автоматических генетических манипуляций для создания новых, все более смертоносных вирусов.

— Мне наплевать на это, — сказал Кай Невис. — Вы можете остановить остальных? Можете убить их? Я вас предупреждаю. Немедленно сделайте это — или вы погибнете.

— Я и без того уже почти мертв, Невис, — ответил Анитта. — Я вам говорил об этом. Чума. Они встроили дополнительный механизм обороны на случай, если «Ковчег» подвергнется повторному нападению. Этот механизм был запрограммирован работать бесперебойно и заполнять коридоры воздухом, но не обычным, а насыщенным десятком различных возбудителей болезней. Сосуды с заразой бурлят и варятся уже тысячелетие, Невис, и возбудители постоянно мутируют и мутируют. Я уже и не знаю, какую заразу я подхватил. Видимо, это какой-то вид спор. Есть антигены, лекарства и вакцины — «Ковчег» производит и такие вещи, но мне не поможет ничего. Поздно. Я подхватил какую-то страшную болезнь, и она заживо пожирает мою биополовину. Для киберполовины зараза не опасна. Я мог бы взять на себя управление этим кораблем, Невис. Вместе мы стали бы могущественными, как Бог. Однако нам предстоит умереть.

— Не нам, а тебе, — поправил Анитту Невис. — Корабль будет моим!

— Не надейся на это! Я разбудил гигантского идиота, Невис, и он опять начеку. Да, он идиот, но бод-

рый и готовый следовать приказам, отдавать которые вам не хватит ни знаний, ни способностей. Я веду Джеффри Лайона прямо сюда, а Рика Даунстар только что достигла центрального командного пункта. И что еще более...

— НИЧЕГО БОЛЕЕ, — прервал его Невис. Его клешни сомкнулись, прорезали металл и кости тела и одним щелчком отделили голову киборга от туловища. Голова упала на пол и откатилась. Из обрубка шеи ударила кровь, потом оттуда вылез конец толстого кабеля, издавая последнее бесполезное жужжание и разбрасывая голубовато-белые искры, пока тело не обвисло мешком на панели компьютера.

Невис взмахнул рукой, несколько раз ударил по терминалу и разбил его вдребезги.

Раздался пронзительный визг.

Кай Невис повернулся, пытаясь понять, откуда идет звук, его лицевая пластина вспыхнула кроваво-красным светом. Голова Анитты, лежавшая на полу, смотрела на него блестящими серебристыми глазами. Рот скривился в иронической усмешке.

— И более того, — вдруг заговорила голова, — я вызвал к жизни последнюю линию обороны, что запрограммировали те последние имперцы. Стасис-поле дезактивировано, и все кошмары отправляются в путь. Эти стражники придут и уничтожат вас.

— Будь ты проклят! — зарычал Невис. Он поставил свою гигантскую ступню на голову киборга и изо всех сил нажал на нее. Сталь и кости хрустнули, а Невис все топтал и топтал их, дробя голову Анитты, пока под его сапогом не осталась только красно-серая каша с поблескивающими белыми и серебристыми частицами.

Наконец наступила тишина.

20

Километра два или больше шесть направляющих линий шли по полу параллельно, серебристая линия ярко мерцала. Первой оборвалась красная и на одном из перекрестков исчезла. Через километр перед широкой дверью, оказавшейся входом в безупречно чистый автоматический комплекс столовой и кают-компании, закончилась и пурпурная.

Рика хотела бы устроить передышку и повнимательнее рассмотреть помещение, но серебристая полоса пульсировала, и по ней один за другим побежали огни, понуждая Рику продолжить свой путь вдоль главного коридора.

Наконец она добралась до конца. Коридор, по которому она двигалась, постепенно заворачивал налево и в конце концов вывел ее в другой такой же широкий коридор. Отсюда, как спицы в колесе, ответвлялись с полдюжины более узких коридоров. Потолок над головой Рики был очень высоким. Она посмотрела вверх и обнаружила по меньшей мере еще три этажа — с лестницами, мостиками и широко расходящимися галереями. В ступице колеса стояла единственная мощная колонна, выходящая из пола и вздымающаяся к потолку, — очевидно, подъемник.

Вдоль одной из спиц шел голубой след, вдоль другой — желтый, вдоль третьей — зеленый. Мерцающий серебристый след вел прямо к двери подъемника.

Как только Рика приблизилась к двери, она открылась. Рика остановила свой мотороллер и внимательно рассмотрела подъемник. Он сильно заинтересовал ее, хотя выглядел очень похоже на клетку.

Пока она медлила, все огни погасли.

Только серебристый след еще светился: одна-единственная тонкая, как палец, линия указывала прямо. Горели и лампы подъемника.

Рика вынула свой игольник и вошла.

Дверь закрылась, и лифт тронулся.

21

Джеффри Лайон, окрыленный, шел дальше, несмотря на то что оружие, которое он тащил на себе, было тяжелым. Он чувствовал себя даже лучше после того, как Целиза Ваан отстала; эта женщина и без того была для него сплошным мучением, и он сомневался, что в случае схватки она будет полезной. Сначала Лайон подумал о том, как бы ему удрать отсюда, но потом отбросил эту мысль. Он не боялся Кая Невиса и его боевого костюма. Конечно, сам по себе этот костюм представлял определенную опасность, Джеффри ни минуты не сомневался в этом, но костюм все же был творением чужих, а Лайон был вооружен смертоносным оружием земных имперцев, изготовленным в лучшие времена Космической Федерации Старой Земли, которая была тогда накануне своего крушения. И к тому же он никогда ничего не слышал об унквийцах, поэтому едва ли их оружие было особенно эффективным. Несомненно, унквийцы были одной из неизвестных рас рабов хранганийцев. С Невисом он быстро покончит, если тот встанет ему поперек дороги, то же самое случится и с предательницей Рикой Даунстар, вооруженной ее дурацким игольником. Хотелось бы ему посмотреть, чего стоит игольник против плазменной пушки. Да, это было бы любопытно...

Лайон подумал и о том, что может Невис и его когорта сделать с «Ковчегом». Хотя их планы не имели для него никакого значения, ибо он сам возьмет корабль в свои руки, да, он — он, Джеффри Лайон, экстраординарный профессор военной истории Центра Шан-Диллора и в настоящее время Второй Аналитик-Стратег Третьего Крыла добровольцев Скэгли. Он намерен захватить корабль-сеятель Общества Экологической Генетики, может быть, с помощью Тафа, если встретит его, но так или иначе корабль в свои руки он возьмет. А там уж не допустит, чтобы его сокровище было использовано для таких тривиальных целей, как личные амбиции. Нет, он сам поведет корабль весь путь до Авалона, в Большую Академию Человеческих Знаний, и передаст это устройство при условии, что он один будет заниматься его изучением. Это дело займет весь остаток его жизни, и когда наступит его смертный час, то корабль назовут его именем, как имя Клерономаса, который превратил Академию в то, чем она является сейчас.

Лайон брел по центру коридора, высоко подняв голову, держась оранжевого следа, на ходу он насвистывал марш, который выучил добрых сорок лет назад у добровольцев Скэгли. Насвистывал и шел, шел и насвистывал.

Пока след не закончился.

22

Целиза Ваан долго сидела на полу, скрестив на груди руки и задумчиво наморщив лоб. Она сидела до тех пор, пока не стихли шаги Лайона, и думала обо всех оскорблениях и унижениях, которые вынуждена

была претерпеть. Они были невыносимыми, эти оскорбления. Ей и раньше было ясно, что она связалась с командой неудачников. Анитта был скорее машиной, чем человеком, Рика Даунстар — маленькой и упрямой карьеристкой, Кай Невис самым обычным уголовником, а о Хэвиланде Тафе вообще говорить нечего. Даже Джеффри Лайон, ее коллега, проявил себя в конце концов не заслуживающим доверия. Заразная звезда была ее открытием, она привела к ней этих людей, и что ей это принесло? Лишения, грубости, а теперь ее бросили на произвол судьбы. Ну, Целиза Ваан не будет этого больше терпеть. Она решила не делить этот корабль ни с кем. Это ее находка, она бы вернулась в Шан-Ди-Сити и по праву потребовала защиты у Шан-Диллора, и если один из ее жалких спутников стал бы возражать, она бы начала процесс. Итак, решено: вплоть до этого процесса Целиза ни с кем не станет разговаривать, ни с одним человеком из этого экипажа. У нее заболела поясница, ноги затекли — слишком долго сидела в одной позе. Спина тоже заболела, а сама она проголодалась. Интересно, можно ли на борту этой развалины прилично пообедать? Компьютеры, кажется, функционировали, как и система самозащиты, и даже освещение есть, значит, наверняка действуют и обслуживающие системы. Целиза встала и решила отправиться на поиски.

23

Хэвиланду Тафу было ясно, что что-то произошло. Шум в большом центральном коридоре усиливался — медленно, но верно. Гудение было отчетливо

слышно, булькающие звуки стали громче. Питательная жидкость в чане с динозавром стала жиже и изменила цвет. Красные сгущения исчезли или растворились, а желтая жидкость становилась все прозрачнее. Таф увидел, как на одной стороне сосуда отделилась трубка. Казалось, она сделала рептилии инъекцию, хотя при слабом освещении было трудно рассмотреть детали. По стратегическим соображениям Таф решил отступить. Он оторвался от чана с ящером и устремился назад в коридор и вскоре оказался на компьютерной станции в какой-то лаборатории.

Таф остановился.

Ему не составило большого труда определить назначение и цель камер, на которые он случайно набрел.

«Ковчег» скрывал в своем сердце огромный банк клеточного материала, образцы тканей буквально миллионов различных растительных, животных и вирусных форм жизни с несчетного числа миров, во всяком случае, так его информировал перед уходом Джеффри Лайон. Эти образцы тканей консервировались, так как тактики и экоинженеры корабля, очевидно, считали разумным, чтобы «Ковчег» и подобные ему пропавшие без вести корабли могли и в дальнейшем распространять болезни, чтобы сокращать население целых миров, насекомых, чтобы уничтожать их урожаи, быстрорастущие армии мелких существ, чтобы нарушать экологическое равновесие планет, или даже ужасных инопланетных хищников, чтобы вселить страх в сердца врагов. Но, несмотря на это многообразие, все начиналось с клонов.

Таф нашел помещение, где создавались эти клоны. Лаборатории были оснащены оборудованием, которое, очевидно, предназначалось для сложных микроманипуляций, а чаны представляли собой, несом-

ненно, сосуды, в которых зрели пробы тканей. Лайон рассказывал ему и о временном индукторе, той самой утраченной тайне Имперской Земли, — о поле, которое буквально меняло саму структуру времени, пусть даже в небольшом пространстве и при чрезмерных энергозатратах. С помощью этого поля клоны могли созревать всего лишь за несколько часов или оставаться неизменными и жизнеспособными в течение тысячелетий.

У Хэвиланда Тафа появились мысли, в которых главную роль играли эта лаборатория, компьютерная станция и Грибок, чей маленький трупик он все еще нес в руках.

Клоны начинались с одной-единственной клетки.

Техника, несомненно, управлялась компьютером. Возможно, в нем даже была программа-инструкция. «В самом деле, — сказал себе Таф — Все совершенно логично». Он не был кибертехом, нет, но он был разумным человеком, который практически всю свою жизнь работал с различными компьютерными системами.

Таф вошел в лабораторию, осторожно положил Грибка под экран микроманипулятора и включил компьютерный терминал. Сначала он никак не мог освоиться с командами, но постепенно разобрался.

Уже через несколько минут он углубился в работу и так ею увлекся, что даже не услышал громкого бульканья за спиной, не заметил, как желтая жидкость потекла в чан с ящером.

Кай Невис прокладывал себе кулаками путь из подстанции кабельной системы, он жаждал убить любого, кто попался бы на его пути.

Он был в ярости... в ярости на самого себя, так как узнал, что Таф и Лайон тоже здесь. Анитта мог бы быть полезен. Невис просто не подумал о том, что воздух на борту корабля может быть заражен. В кон-

це концов он все равно убил бы проклятого киборга — сделать это было несложно. Но после того, как он уничтожил Анитту, он понял — теперь все пропало. Хоть Невис и был в своем боевом костюме в безопасности, он не слишком хорошо себя в нем чувствовал. Ему очень не нравилось, что остальные члены экипажа каким-то образом оказались на борту. Да и Таф был прекрасно осведомлен обо всех недостатках его боевого снаряжения. Один из них Кай Невис обнаружил сам — постепенно прекращалась подача воздуха. Современный скафандр, как тот, что был на Тафе, оснащен регенератором воздуха. Бактерии в фильтрах превращали двуокись углерода в кислород с такой же скоростью, с какой человек превращает кислород в углекислый газ, и никогда не возникало опасности, что воздуха может не хватить, разве только эти проклятые бактерии погибнут. Этот же боевой костюм примитивен, он содержит большой, но ограниченный запас воздуха в четырех мощных танках на спине. И указатель в его шлеме показывает, если он правильно понял, что один из этих танков уже почти пуст. Оставалось еще три танка, что, возможно, даст ему достаточно времени, чтобы избавиться от всех остальных членов экипажа, если он только их обнаружит. И все же Невис чувствовал себя неуютно. Он был со всех сторон окружен совершенно пригодным для дыхания воздухом, но, если его шлем разобьется, Невиса постигнет судьба киборга. Органические части тела Анитты распались с удивительной быстротой, а черная слизь, сожравшая кибертеха изнутри, выглядела отвратительно. Кай никогда не видел ничего подобного за всю свою жизнь, хотя ему довелось повидать много отвратительных вещей. Если не хватит воздуха, скафандр он не снимет, лучше задохнуться, решил Кай Невис.

Однако эта опасность пока ему не угрожала. Если корабль могли заразить, то наверняка его можно и продезинфицировать. Он попытается разыскать рубку управления и разузнать, как все это действует. Достаточно будет одного чистого сектора. Хоть Анитта и сказал, что Рика Даунстар уже в рубке управления, это ему не помешает. Кая даже радовала перспектива такой встречи.

Он выбрал направление и отправился в путь, его бронированные ступни загромыхали по полу. Пусть они услышат его — плевать. Этот костюм ему нравится!

24

Рика Даунстар плюхнулась в капитанское кресло и пробежала глазами текст, спроецированный на главный экран. Кресло было мягкое, широкое, обитое старомодным пластиком, и казалось, будто она сидит на троне. Хорошее место для отдыха. Но самым дурацким было то, что в нем можно было действительно только отдыхать. Мостик, очевидно, был устроен так, что капитан сидел на своем троне и отдавал приказы, а офицеры — было еще девять оперативных баз на верхней палубе и двенадцать контрольных станций на нижней — занимались программированием и нажимали кнопки. Рика раньше и представить не могла, что окажется на борту с девятью вакантными должностями, и теперь, пытаясь оживить «Ковчег», была вынуждена бегать взад и вперед по мостикам от одной станции к другой.

Это отнимало много времени, и работа казалась ей скучной. Если приказ отдавался не с той станции, ничего не происходило. Но мало-помалу, шаг за ша-

гом, она разгадывала загадки этого корабля. По крайней мере, как ей казалось, какой-то прогресс наметился.

И она была в безопасности. Первое, что она решила сделать, это блокировать вход, чтобы никто не мог проникнуть на ее капитанский мостик. Пока она была здесь, а остальные — внизу, все козыри были в ее руках. В каждом секторе корабля была своя подстанция, и для каждой специальной функции — от защиты и до двигателей и накопления данных — своя субсвязь и свой командный пункт, но отсюда она могла наблюдать за всеми членами экипажа и отменить любую команду, которую попытался бы ввести кто-либо другой. Если, конечно, она успеет заметить эту команду. И если разберется, как ее отменить. В этом и была вся проблема. Она могла одновременно занимать только одну станцию и делать что-то только в том случае, если находила верную последовательность, в которой должны были вводиться команды. И она делала это с помощью метода проб и ошибок, но это был длительный и сложный процесс.

Откинувшись на своем удобном троне, она читала компьютерные надписи и во многих отношениях гордилась собой. Ей удалось получить сообщение о состоянии всего корабля: казалось, «Ковчег» уже предоставил ей полный список повреждений во всех секторах и системах, разрушенных тысячу лет назад и требовавших ремонта, который корабль не в состоянии был провести сам. И именно сейчас она узнала, какие программы имели силу в настоящее время.

Список биозащиты был особенно впечатляющим и ужасающим. Он не имел конца. О трех четвертях болезнетворных микробов, которые выпускались на волю, Рика никогда до этого не слыхала, но, судя по описанию, они казались чрезвычайно опасными.

Анитта в настоящее время, вне всякого сомнения, был единым целым с Великой Программой Вселенной. И было ясно как Божий день, что ей сейчас следует делать: она должна попытаться отгородить мостики от остального корабля, облучить их, дезинфицировать и заполнить очищенным воздухом. Если это ей не удастся, то вся ее свита через день-два свалится с ног. Внезапно на экране появился текст:

ПЕРВАЯ ФАЗА БИОЗАЩИТЫ (МИКРО):
ПО ПОЛНОМУ ПЕРЕЧНЮ
ВТОРАЯ ФАЗА БИОЗАЩИТЫ (МАКРО):
ПЕРЕЧЕНЬ ВВЕДЕН

Рика наморщила лоб. Макро? Что, черт возьми, это значит? Зараза стремительно распространяется?

На мониторе появилось

ИМЕЮЩЕГОСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ И ГОТОВОГО К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ БИООРУЖИЯ 47

Затем шла непонятная информация, обширный список пронумерованных биологических видов. Это был скучный текст. Рика опять откинулась на спинку капитанского трона.

Когда список закончился, появилось новое послание:

ПРОЦЕССЫ КЛОНИРОВАНИЯ ЗАКОНЧЕНЫ
ОШИБОЧНЫЕ ФУНКЦИИ В ЧАНАХ 671, 3312, 3379
ОШИБОЧНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕРВАНЫ, СТАСИС-ПОЛЯ ОТКЛЮЧЕНЫ
ЗАПУЩЕН ПРОЦЕСС ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

Рика Даунстар сомневалась, стоит ли ей радоваться. «Процесс высвобождения, — подумала она. —

Интересно, что будет выпущено на волю, очередная бактерия?» С одной стороны, где-то там, снаружи, все еще был Кай Невис — если ему как-то повредит эта вторая фаза защиты, устранит или выведет из строя, то это только ей на пользу. Но, с другой стороны, Рика предвидела, что перед ней встанет задача снова очистить корабль от этой заразы. А у нее и так достаточно проблем.

Теперь текст мелькал на экране с большой скоростью.

ВИД. 22-743-88639-04090
РОДИНА. ВИЛЬКАКИС
ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ ВАМПИР-КОЛПАК

Рика вытянулась в кресле. Она уже слышала о Вилькакисе и его вампирах-колпаках. Это были ужасные твари. Кажется, род летающих кровососов, вспомнила она. Не очень-то разумны, но невероятно чувствительны к звукам и очень агрессивны. Надпись погасла. На ее месте начали появляться отдельные строчки

НАЧАЛО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

Строка некоторое время находилась на экране, а потом сменилась еще более короткой надписью, одним-единственным словом, мигнувшим три раза и исчезнувшим:

ВЫСВОБОЖДЕНО

Мог ли вампир-колпак позавтракать Каем Невисом? Вероятно, нет, подумала Рика. Нет, пока на нем этот дурацкий бронированный костюм.

— Ну и отлично, — вздохнула она. У нее не было боевого костюма, так что «Ковчег» начал создавать трудности для нее, а не для Невиса.

ВИД: 13-612-71425-88812
РОДИНА: АББАТУАР
ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ: АДСКИЕ КОШКИ

Рика совершенно не представляла, что это такое, и не испытывала никакого желания узнать это. Об Аббатуаре она, конечно, слыхала — странный маленький мир, который стер с лица земли три разные группы колонистов, и в ходу было общее мнение, что все формы жизни там очень дикие. Но настолько ли дикие, чтобы прогрызть боевой костюм Невиса? Это казалось сомнительным.

НАЧАЛО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

Сколько тварей еще мог произвести корабль? Немногим более сорока, вспомнила она.

— Какой ужас, — сердито буркнула она вслух. — Корабль будет заполнен более чем сорока голодными монстрами, каждый из которых может меня сожрать. Но будем надеяться, что до этого дело не дойдет.

Рика встала и оглядела рубку. Так, и что же ей предпринять, чтобы покончить с этим безумием?

ВЫСВОБОЖДЕНО

Рика вылетела из капитанского кресла, большими шагами понеслась в то место, которое она определила как центр защиты, и подскочила к терминалу, который должен был прервать выполняющуюся программу.

ВИД: 76-102-95004-12965
РОДИНА: ДЖАЙДЕН-ДВА
ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ: СТРАНСТВУЮЩАЯ СЕТЬ

Перед Рикой вспыхнули огоньки, и маленький экран монитора сообщил ей, что отключен внешний защитный экран «Ковчега». Но на главный экран информация продолжала поступать.

НАЧАЛО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

Рика длинно выругалась. Ее пальцы быстро побежали по клавишам, и она попыталась объяснить системе, что она хотела отключить вовсе не внешний экран, а вторую фазу биозащиты. Компьютер, казалось, не понимал ее.

ВЫСВОБОЖДЕНО

Наконец она получила ответ системы. Она сообщила Рике, что та находится не у того терминала. Рика чертыхнулась и огляделась. Она находилась в секторе внешней защиты. Орудийные системы. Но ведь должна быть и станция контроля биозащиты.

ВИД: 54-749-37377-84921
РОДИНА: RSC 92, TSC 749
БЕЗ ОСОБЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ
ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ: РОЛЛЕРАМ

Рика пошла к следующей станции.

НАЧАЛО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

Система на приказ Рики о том, что она прерывает программу, ответила удивленным встречным вопро-

сом и заявила, что в подсистеме в данный момент вообще не заложено никакой программы.

ВЫСВОБОЖДЕНО

«Номер четыре», — с яростью подумала Рика.

— Этого достаточно, — громко сказала она и отправилась вверх, на следующую станцию, отстучала команду прерывания, пошла дальше, не дожидаясь результата, остановилась у другого терминала, чтобы ввести снова команду прерывания, и пошла опять дальше.

ВИД: 67-001-00342-10078
РОДИНА: ЗЕМЛЯ (ВЫМЕРШИЙ) ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ: ТИРАННОЗАВР РЕКС

Рика отстучала команду и побежала дальше, отстучала... Она сделала круг через все мостики так быстро, как только могла. Когда это ей удалось, она даже точно не знала, какая команда и на каком терминале сработала. На экране появилось сообщение:

ЦИКЛ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ ЗАКОНЧЕН
НЕ ВЫСВОБОЖДЕННОГО БИООРУЖИЯ: 3
ВЫСВОБОЖДЕННОГО БИООРУЖИЯ: 5
СОДЕРЖИТСЯ В ГОТОВНОСТИ БИООРУЖИЯ: 39
БИОЗАЩИТА, ФАЗА ДВА (МАКРО)
КОНТРОЛЬ ЗАВЕРШЕН

Рика стояла, прижав ладони к бедрам, и морщила лоб. Высвобождено пять. Это еще куда ни шло. Она рассчитывала, что ей удастся остановить после четвертого, но промедлила какие-то доли секунды. Ну хорошо. А что такое, черт побери, тираннозавр рекс?

Во всяком случае, кроме Невиса, никого снаружи не было.

25

Как только исчезла направляющая линия, Джеффри Лайон сразу же заблудился в лабиринте перекрестков и коридоров. В конце концов он решил, что ему делать: он будет менее широким коридорам предпочитать более широкие и, если сливающиеся коридоры одинаковы по ширине, сворачивать только направо, спускаясь вниз, пока будет возможно.

И тут он услышал шум.

Он тесно прижался к стене, хотя ему мешала плазменная пушка за спиной, и прислушался. Теперь было хорошо слышно. Впереди, в некотором отдалении, раздавались громкие шаги. Это был Кай Невис в своем боевом костюме.

Джеффри Лайон радостно улыбнулся, снял со спины плазменную пушку и установил ее на треногу.

26

Тираннозавр зарычал.

Хэвиланд Таф услышал этот нагоняющий ужас звук. Он горько вздохнул и вжался в нишу, чувствуя себя совсем неуютно. Таф был высоким мужчиной, а здесь, в нише, места было очень мало. Он сидел на полу, неудобно поджав ноги, до боли согнув спину, и все же его голова упиралась в потолок. Несмотря на то что сидеть было неудобно, он все же был рад, что нашел себе укрытие. Ниша хоть и была тесной, но все же давала некоторую защиту. Другим обнадеживающим обстоятельством было то, что лаборатория с ее шлангами, микроманипуляторами и компьютерным

терминалом была смонтирована на тяжелой, толстой металлической платформе, прикрепленной болтами к полу и стенам, и в ее конструкции не было хрупких устройств, которые можно было бы легко отшвырнуть в сторону.

Хэвиланд Таф был недоволен собой. Он чувствовал себя дураком, его гордость была оскорблена. Несомненно, его способность сосредоточиться на неотложных задачах была в известной степени удивительной. Но его беспокоило то, что этому помешало появление хищной семиметровой рептилии.

Тираннозавр зарычал снова.

Таф почувствовал, что лабораторная конструкция содрогнулась над его головой. Гигантская морда ящера появилась совсем близко от его головы, громадная скотина, поддерживая равновесие могучим хвостом, попыталась протиснуться в его убежище. К счастью, большая голова ящера не смогла проникнуть в узкую нишу. Рептилия отодвинулась, недовольно ворча, и ее рев эхом отразился от стен и потолка центральной станции клонирования. Хвост мотался из стороны в сторону, колотя по платформе, которая содрогалась под тяжестью ударов, наверху что-то разбилось, и Таф вздрогнул.

— Исчезни! — сказал он со всей возможной решительностью. Он скрестил руки на животе и попытался напустить на себя строгий вид. Тираннозавр не обратил на это абсолютно никакого внимания.

— Ничего у тебя не выйдет, — убедительно проговорил Таф. — Ты слишком велик, а эта платформа построена слишком прочно, но твои куриные мозги не в состоянии этого понять. Кроме того, ты, несомненно, — клон, репродуцированный с помощью генетической записи, сделанной с окаменелостей. Отсюда нетрудно заключить, что мое право на жизнь

можно оценивать выше, чем твое, особенно если учесть, что твой вид вымер и никогда уже не возродится. Поэтому исчезни!

В ответ тираннозавр сделал бешеный выпад, яростно зарычал, осыпав Тафа мелкими брызгами слюны и яростно забил хвостом о пол.

27

Когда Целиза Ваан в первый раз краем глаза заметила чье-то движение, она испуганно вскрикнула, отскочила назад, крутя во все стороны головой, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть, но так ничего и не увидела. Но она была абсолютно уверена — что-то там было, там, около открытой двери. Но где оно теперь? Она нервно вытащила из кобуры стреляющий иглами пистолет. Лазерное ружье она уже давно бросила. Оно было тяжелым и очень неудобным, и она устала постоянно таскать его за собой. Кроме того, она сомневалась, что смогла бы из него кого-нибудь убить, и предпочла пистолет. Как объяснял Джеффри Лайон, пистолет стреляет разрывными пластиковыми иглами, из него не обязательно убивать жертву в упор, можно просто направить пистолет в сторону цели с какого-то расстояния.

Она осторожно приблизилась к открытой двери. У проема остановилась, подняла пистолет, взвела курок и бросила быстрый взгляд в комнату.

И ничего не увидела.

То, что там находилось, было своего рода складом с упакованными в пластик предметами оборудования, высоко уложенными на подвесных платформах. Це-

лизе стало как-то не по себе, она оглянулась. Странно, неужели ей все это просто померещилось? Нет, не может быть. Она уже собралась выйти из комнаты, как заметила маленький силуэт, мелькнувший на границе поля зрения и исчезнувший раньше, чем она успела рассмотреть ее получше.

Но зато Целиза видела, куда скрылось это очень маленькое существо, и почувствовала себя увереннее. Она обошла какую-то высокую машину и заметила, что существо забилось в угол. Но что же это такое? Целиза взвела курок пистолета и увидела... кошку. Животное неотрывно глядело на нее, резко махая хвостом. Это была какая-то странная кошка. Очень маленькая... еще котенок. Почти полностью белая, с красными полосками, несоразмерно большой головой и удивительно светящимися красными глазами.

Еще одна кошка, подумала Целиза Ваан. Это было как раз то, на чем остановилась ее мысль: еще одна кошка.

Кошка зашипела.

Целиза Ваан отпрянула назад, слегка испугавшись. Кошки Тафа тоже при случае шипели на нее, особенно эта противная черно-белая, но не так. Это шипение звучало почти как... ну да, как у рептилии. Во всяком случае, пугающе. А этот язык... у этой кошки, кажется, очень длинный и своеобразный язык.

— Иди сюда, пусик, — сказала Целиза Ваан. — Ну, подойди же! — Пусик смотрела на нее не мигая — холодно и гордо. Потом кошка откинула голову и плюнула прямо в прозрачный шлем Целизы. Густое зеленоватое вещество закрыло ей поле зрения. Целиза отерла шлем и прежде, чем кошка плюнула в нее во второй раз, разорвала ее на куски выстрелом из пистолета.

28

Плазменная пушка справилась бы с Невисом шутя, в этом Джеффри Лайон был уверен. Но ему была неизвестна толщина брони этого чужепланетного боевого костюма. Если она была такая же, как у бронированных боевых скафандров, которые носили штурмовые группы Космической Федерации во времена Тысячелетней войны, то огонь лазера или небольшие взрывы она выдержит. Однако плазменная пушка могла пробить пятиметровую броню из дюралевого сплава. Средний шар плазмы превращал в шлак любой вид оснащения почти мгновенно, и Невис был бы испепелен быстрее, чем понял бы, что с ним произошло.

Дело было в размере пушки. Она была очень неудобной. Используя даже переносные модели с малым энергетическим зарядом, надо было потратить целую стандартную минуту для того, чтобы создать в камере сжатия новый плазменный шар.

Джеффри Лайон очень хорошо понимал, что если он промахнется, то вряд ли будет иметь возможность выстрелить еще раз. Более того, даже на этой треноге пушку было трудно обслуживать. Кроме того, прошло столько времени с тех пор, как он последний раз участвовал в битве; даже тогда он больше надеялся на свою смекалку и ум, чем на рефлексы. После стольких лет в Центре Шан-Диллора он не очень верил, что его руки и глаза смогут работать слаженно. Зато у него возник план.

К счастью, плазменные пушки часто устанавливались в качестве автоматических защитных форпостов. Его пушка тоже была оснащена стандартным минимальным интеллектом и автоматической программой стрельбы.

Джеффри Лайон установил треногу посреди широкого коридора, метрах в двадцати от большого перекрестка. Он запрограммировал самый минимальный разброс и тщательно откалибровал диапазон целей. Затем задал последовательность стрельбы и с довольным видом отошел назад. Он видел, как в энергетической ячейке формируется плазменный шар, раскаляясь все ярче и ярче. Через минуту загорелся указатель. Пушка была готова к стрельбе. Ее минимальный интеллект мог поражать цель намного быстрее и точнее, чем он сам, если бы стрелял вручную. Она была нацелена на центр перекрестка, но станет стрелять только по объекту, размеры которого превосходят заданные в программе параметры. Поэтому Джеффри Лайон сможет пробежать через зону прицела, а вот Кая Невиса, который стал бы преследовать его в своем огромном боевом костюме, ждут большие неприятности.

Теперь предстояло заманить Невиса на заранее подготовленную позицию. Это был маневр, достойный гения Наполеона, который славился своими хитроумными тактическими приемами, а также великих тактиков, таких, как Чин Ву или Стивен Кобальт Нортстар. Джеффри Лайон был очень доволен собой. Тяжелые шаги стали громче, пока Лайон занимался своей пушкой, но спустя минуту они снова начали удаляться. Очевидно, Невис направился по другому ответвлению и не собирался появиться там, где его ждали. «Ладно, — подумал Джеффри Лайон, — я заставлю тебя сюда пожаловать». И совершенно уверенный в том, что рассчитал правильно, Лайон направился прямо в центр зоны стрельбы, немного постоял там, улыбнулся и пошел к поперечному коридору. Ему хотелось привлечь к себе внимание Невиса, который и не подозревал, что Джеффри устроил ему ловушку.

29

На большом изогнутом экране было видно, как «Ковчег» вращается вокруг своего трехмерного изображения в разрезе.

Рика Даунстар, сменившая капитанский трон на менее комфортабельный, но более эффективный пост на одной из станций, с некоторой печалью разглядывала дисплей и горящие на нем данные.

Система изображала вторгшиеся формы жизни красными светящимися точками. Видно было шесть таких точек. Одна из них была на мостике. Так как Рика была совсем одна, эта точка, очевидно, обозначала ее. А пять остальных? Даже если Анитта был еще жив, все равно должно было быть еще только две точки. Это было непонятно. Может быть, «Ковчег» покинули не все, и кто-то из старого экипажа остался. Но в таком случае, как показывала система, они должны были быть представлены зелеными точками, однако такие точки отсутствовали. А может быть, на корабль попали какие-нибудь мародеры? Маловероятно. Скорее всего Таф, Лайон и Ваан здесь — наверное, это так и есть. И действительно: корабль утверждал, что одно из вторгшихся живых существ находится в корабле на посадочной палубе.

Ну хорошо. Одно с другим согласуется. Шесть красных точек обозначают ее саму, Невиса и Анитту (как он перенес эту проклятую заразу? Система утверждала, что определяет только живые организмы), кроме того, Тафа, Ваан и Лайона. Один из них все еще был на «Роге изобилия», а остальные...

Определить Кая Невиса было нетрудно. Система показывала и источники энергии в форме маленьких желтых взрывающихся звездочек, и только одна красная точка была окружена гало из маленьких желтых

звездообразных вспышек. Это должен быть Кай Невис в боевом костюме.

Но что означает это второе желтое пятно в пустом коридоре на шестой палубе, так ярко полыхающее само по себе? Адский источник энергии. В непосредственной близости была видна вторая красная точка, но она двигалась вперед и, казалось, преследовала Невиса, все приближаясь к нему.

Тем временем появились черные маркеры: биооружие «Ковчега». Центральная ось, пронизывающая весь асимметричный, похожий на конус огромный корпус корабля, кишела мелкими черными полосками, но они оставались на месте. Другие черные точки, которые должны быть уже задействованными тварями, двигались по коридорам. Но их было больше пяти. Какое-то скопление — тридцать или больше отдельных организмов — бестелесным черным клубком двигалось по экрану, отбрасывая время от времени в стороны отдельные части. Одна из этих частей уже приблизилась к одной из красных точек и была погашена.

В самом центре была и одна из красных точек.

Рика запросила детальный обзор места, и экран показал сильно увеличенное изображение перекрестка. Красный огонек очень близко подошел к одной из движущихся черных точек — очевидно, предстояла стычка. Она прочла строку комментария над графическим изображением. Черная тонка представляла вид 67-001-00342-10078, и это был тираннозавр рекс. Несомненно, экземпляр был гигантский.

Рика не без интереса следила, как красный огонек и одна из странствующих черных точек также приблизились к Каю Невису. Наверняка предстоит интересное зрелище. И действительно, вскоре внизу все превратилось в ад. А Рика Даунстар у пульта управления была в безопасности и улыбалась.

30

Кай Невис свирепел все больше, пока брел вниз по коридору. И тут коридор вдруг сотряс яростный взрыв. Он громом отозвался в его шлеме. Сила взрыва швырнула его вперед, он потерял равновесие и ударился лицом о пол, не успев опереться на руки. Однако благодаря скафандру, который принял на себя удар, Невис не пострадал. Лежа, он оглядел указатели и по-волчьи оскалился: боевой костюм нигде не был ни поврежден, ни порван. Он перекатился на спину и тяжело поднялся на ноги.

В двадцати метрах от него, у перекрестка, стоял человек в золотисто-зеленом скафандре, вооруженный так, будто ограбил музей оружия, и направлял на него пистолет.

— Итак, мы опять встретились, преступник! — крикнул человек через внешний динамик скафандра.

— Верно, Лайон, — ответил Невис. — Очень рад вас видеть. Ну, подойдите, чтобы я мог пожать вашу руку! — Он с щелчком захлопнул клешни. Правая клешня была еще в пятнах крови кибертеха, и он очень надеялся, что Джеффри Лайон заметит это. Жаль, что его лазер-резак был ближнего действия, но это не важно. Он просто схватит Лайона, отберет оружие и немного с ним поиграет... может быть, оторвет ему ноги или прорежет дыру в скафандре, чтобы проклятый заразный воздух окончательно добил его.

Кай Невис тяжело зашагал вперед.

Джеффри Лайон стоял, широко расставив ноги. Он поднял пистолет, тщательно прицелился и выстрелил.

Игла попала Невису в грудь. Раздался громкий взрыв, но Невис оказался готов к этому. Ушам стало

больно, но он даже не покачнулся. Часть сложной филиграни на скафандре почернела, других повреждений не было.

— Ты пропал, старина, — сказал Невис. — Мой костюм великолепен!

Джеффри Лайон ничего не ответил и заставил себя сосредоточиться. Он сунул пистолет назад в кобуру, отстегнул лазерное ружье, прицелился и выстрелил.

Лазерный луч отразился от плеча Невиса, попал в стену и прожег в ней маленькую черную дыру.

«Отражающий микрослой», — отметил про себя Джеффри Лайон и опустил лазерное ружье.

Невис тем временем быстро преодолел расстояние, которое их разделяло, и Джеффри Лайон понял, что ему нужно спасаться. Он отбросил ружье и скрылся за ближайшим углом. Кай Невис помчался вслед за ним.

31

Самым выдающимся качеством Тафа было терпение.

Он сидел тихо, сложив руки на животе, его голова гудела от постоянных ударов хвоста тираннозавра по платформе. Таф делал все, чтобы не замечать этого грохота и оглушающего рева бестии, которая собиралась сожрать его, и все равно кровь стыла в жилах. Этот рев с каждым разом становился все громче, когда ящер склонялся и щелкал своими многочисленными зубами прямо перед Тафом, сидящим в своем укрытии. Таф отклонялся назад, думая в эти мгновения о сладких роделианских хрустящих ягодах, поли-

тых медовым маслом: он пытался припомнить, на какой планете варят самые крепкие и ароматные сорта але, и придумывал план, как ему победить Джеффри Лайона, если им опять придется встретиться.

Наконец, ничего не добившись, зверюга убралась.

Хэвиланд Таф подождал, пока все стихло, потом осторожно перевернулся на живот и лежал так до тех пор, пока покалывание в ногах не прекратилось. Тогда он пополз вперед и осторожно выглянул из своего укрытия. Он увидел зеленый свет, откуда-то доносилось приглушенное гудение, что-то где-то клокотало. И никакого движения.

Ящер несколько раз ударил хвостом по жалким мертвым останкам Грибка. Это зрелище наполнило Тафа безграничной печалью.

Но ведь были еще лаборатории, а ему нужна лишь одна-единственная клетка тела. Хэвиланд Таф взял пробу ткани и, тяжело ступая, пошел к ближайшей лаборатории. На этот раз он внимательно прислушивался к топанью лап динозавра.

32

Целиза Ваан была довольна. Она оказалась очень ловкой, в этом не было никакого сомнения. Эта неестественно маленькая кошка больше не будет досаждать ей. Лицевое стекло ее скафандра было немного испачкано там, где попал кошачий плевок, но в остальном она вышла из столкновения относительно невредимой. Целиза сунула пистолет в кобуру и опять вышла в коридор.

Пятно на лицевом стекле немного мешало. Оно было прямо напротив глаз и затуманивало обзор. Целиза потерла стекло тыльной стороной ладони, но только сильнее размазала пятно. Его надо было бы смыть водой. Целиза как раз собиралась поискать чего-нибудь съедобного, вероятно, там окажется и вода.

Она бойко зашагала, обогнула угол и остановилась в испуге.

Менее чем в метре от Целизы сидела еще одна тварь, бесстыдно уставив на нее глаза.

На этот раз Целиза Ваан действовала быстро и решительно. Она схватилась за пистолет. Но у нее возникла какая-то заминка с кобурой, ее первый выстрел был неточным и разнес дверь ближайшего входа. Взрыв прозвучал очень громко.

Кошка зашипела, отпрянула назад, плюнула, как ее предшественница, и убежала.

На этот раз плевок попал Целизе Ваан в левое плечо. Она попыталась выстрелить снова, но ей было трудно прицелиться из-за грязи на лицевом стекле.

— Дерьмо! — вскрикнула она. Она уже почти ничего не видела. Пластик перед ее глазами мутнел. По краям лицевое стекло еще было прозрачным, но если Целиза Ваан хотела смотреть прямо, все становилось расплывчатым и нечетким. Да, надо будет как следует почистить шлем.

Она пошла туда, куда, как ей показалось, убежала эта дрянная кошка, двигаясь медленно, чтобы ни на что не наткнуться. Она слышала тихое топанье, как будто тварь держалась где-то поблизости, но в этом Целиза не была уверена.

Лицевое стекло становилось все мутнее и мутнее. Целизе Ваан казалось, будто она смотрит сквозь молоко. Все было беловатым и расплывчатым. «Так дальше не пойдет», — подумала она. Так просто не может

продолжаться. Как же ей застрелить эту скотину, если она наполовину ослепла? И как ей вообще определить, куда она идет? У нее не было выбора, она должна снять этот дурацкий шлем.

Но эта мысль испугала ее: она вспомнила настойчивые предупреждения Тафа о возбудителях болезней в воздухе. Ну да, но, с другой стороны, Таф был человеком, которого вряд ли можно принимать всерьез. Видела ли она хоть одно доказательство его утверждениям? Нет, никогда. Она для пробы высадила из корабля его большого серого кота, но с тем ничего плохого не произошло. С величественным видом и театральными жестами Таф сделал доклад об инкубационном периоде скорее для того, чтобы нагнать на нее страху. Ему доставляло удовольствие созерцать ее испуг. Это было ясно еще в той отвратительной истории с кошачьим кормом. Несомненно, этот человек с извращенными чувствами наслаждался бы, наблюдая, как она неделями торчит в этом тесном, неудобном и вонючем скафандре.

И вдруг ей пришло в голову, что, возможно, эти твари-кошки были делом его рук. Одна только мысль об этом привела ее в ярость. Какой же варвар этот Таф!

Между тем с каждой минутой она видела все хуже и хуже. Центр лицевого стекла стал совсем мутным.

Целиза Ваан с сердитой решимостью отстегнула шлем, сняла его и со всех сил швырнула вниз по коридору.

Сделала глубокий вдох. Корабельный воздух был прохладным и пах немного резко, но был все же менее затхлым, чем воздух из системы регенерации скафандра. Даже приятным. Целиза улыбнулась. С этим воздухом можно было жить. Она заранее радовалась свиданию с Тафом, тому, что сможет показать ему

язык. Но тут она случайно глянула вниз и испуганно выдохнула. Целизу поразил вид ее левой перчатки: на том месте, которым она пыталась стереть кошачий плевок, в центре золотистой ткани появилась большая дыра, и в ней даже была видна металлическая оплетка... только вся проржавевшая.

Кошки! Эти проклятые кошки! Что, если бы слюна попала на кожу? И тут она вспомнила, что сняла шлем.

Вдруг из коридора на открытое пространство выскочила одна из кошек.

Целиза Ваан вскрикнула, вскинула пистолет и выстрелила три раза. Но тварь оказалась быстрее ее и стремительно скрылась за углом.

Целиза Ваан уже не могла чувствовать себя в безопасности, пока не убьет эту чертову скотину. Если она упустит ее, то та может в самый неожиданный момент выскочить, как это обычно проделывала ненавистная черно-белая любимица Тафа. Целиза открыла пистолет, вложила новую ленту разрывных игл и помчалась за кошкой.

33

Сердце Джеффри Лайона колотилось так громко, как не стучало уже много лет, ноги болели, а дыхание вылетало из груди резкими, короткими толчками. Он заставлял себя бежать все быстрее и быстрее. Ну, еще немного вниз по этому переходу, за угол, а потом еще метров двадцать до следующего перекрестка.

Пол под его ногами содрогался каждый раз, когда Кай Невис опускал одну из своих тяжелых бронированных ступней-тарелок, и Джеффри Лайон несколь-

ко раз едва не споткнулся: он держался на ногах только потому, что ему грозила смертельная опасность. Так он бегал только в детстве, и Невису не удавалось настичь Джеффри. Лайон на бегу выхватил световую гранату и услышал, как клешня Невиса щелкает почти рядом с ним. Он выдернул кольцо, бросил ее через плечо и, прибавив шагу, свернул за последний изгиб коридора.

Он повернул голову как раз в то время, когда полыхнула голубовато-белая вспышка, свет ее озарил коридор и, отражаясь от стен, ослепил Лайона. Он отпрянул назад, не спуская глаз с перекрестка. Если бы он увидел саму вспышку, то световая граната повредила бы его сетчатку, а излучение убило бы его в течение нескольких секунд.

На противоположной стороне перекрестка стояла огромная черная тень — это был Невис.

Джеффри Лайон отпрянул от него, качнулся вперед и кашлянул.

Кай Невис осторожно вышел на перекресток. Его лицевая пластина была настолько темной, что казалась почти черной, но пока Джеффри Лайон смотрел на нее, снова вернулся красный блеск, она становилась все светлее и светлее.

— Будьте вы прокляты с вашими дурацкими игрушками! — прорычал Невис.

«Ори, ори, не то еще будет!» — подумал Джеффри Лайон.

Плазменная пушка сделает свое дело, в этом нет сомнений, а он был лишь в десятке метров от зоны стрельбы.

— Сдаетесь, Невис? — спросил Лайон и отступил. — Что, не так-то легко угнаться за старым солдатом?

Но Кай Невис не шелохнулся.

И тут Джеффри Лайон на секунду потерял уверенность в том, что его противник действительно жив. Может быть, излучение все же поразило его через скафандр? Да нет, не может быть! В этот момент Невис рассмеялся и взглянул на что-то находившееся над головой Джеффри Лайона.

Джеффри Лайон тоже взглянул вверх — и вовремя, чтобы увидеть, как нечто отделилось от потолка и, планируя, опускалось на него. Оно было совершенно черным, как сажа, и летело с раскинутыми черными крыльями летучей мыши. Джеффри мельком увидел желтые глаза-щелки и узкие красные зрачки. Потом чернота накидкой сомкнулась вокруг него и заглушила его внезапный вскрик.

34

«Это все по-настоящему интересно», — думала Рика Даунстар.

Если освоиться с системой и дать ей нужные команды, можно узнать все что угодно. Например, примерный вес и облик всех этих маленьких огоньков, двигающихся на экране. Компьютер даже готов был выработать трехмерную модель, если его хорошо об этом попросить. Рика старательно это делала.

Теперь все встало на свои места.

Анитта был мертв. Шестой вторженец, который теперь находился на борту «Рога изобилия», был одной из кошек Тафа.

Кай Невис в своем суперскафандре гонял по кораблю Джеффри Лайона. Но Лайона только что схватила одна из черных точек, а именно — вампир-колпак.

Красная точка, которой была Целиза Ваан, больше не двигалась, хотя и не погасла. К ней приближалась ползущая черная масса.

Хэвиланд Таф был один на центральной оси корабля, что-то заталкивал в чан с клонами и пытался заставить систему активировать временной индуктор. Рика ввела для него соответствующую команду.

Все остальное биооружие находилось в коридорах.

Рика решила подождать, пока обстоятельства не прояснятся настолько, чтобы в них можно было разобраться.

Тем временем она отыскала программу, очищающую внутренность корабля от инфекций. Сначала нужно закрыть все аварийные ходы и задраить каждый сектор, и только потом пойдет процесс. Откачка атмосферы, фильтрация, облучение. Когда будет закачана новая атмосфера, она будет насыщена всеми необходимыми антигенами. Процедура была сложной и длительной, но эффективной.

А Рике некуда было спешить.

35

Ноги у нее отказали первыми.

Целиза Ваан лежала посреди коридора, там, где упала, с перехваченным страхом горлом. Все произошло так внезапно. Еще мгновение назад она бежала по коридору, преследуя эту тварь-кошку, потом на нее накатила волна оцепенения и такой слабости, что она не в силах была двигаться. Она решила немного отдохнуть и посидеть, пока не уляжется сердцебиение. Но ничто не помогало. Целизе становилось только

хуже, и при попытке встать ноги ее не послушались, она упала лицом вперед.

После этого Целиза уже вообще не могла двинуть ногами, а потом и вовсе перестала их чувствовать. Нижняя половина тела у нее оцепенела и почти отнялась, это оцепенение неудержимо ползло вверх. Но она еще могла двигать руками, хотя руки ее словно налились свинцом и страшно болели.

Ее щека вдавилась в пол. Она попыталась поднять голову, но из этого ничего не вышло. Верхняя часть тела сотрясалась от пронизывающей боли.

В двух метрах от Целизы выглянула из-за угла одна из кошек и посмотрела на нее большими жуткими глазами. Потом разинула пасть.

Целиза Ваан попыталась сдержать крик.

Пистолет все еще был в ее руке. Она медленно подняла его на уровень лица. Каждое движение причиняло ей нестерпимую боль. Она подняла ствол, прицелилась, как могла, и выстрелила.

Игла попала в цель, на Целизу Ваан дождем посыпались остатки тела твари. Целизе сразу стало легче. Хоть эту тварь ей удалось убить — она так измучила ее. И с этой стороны ей больше не грозит опасность. Конечно, она все еще больна и беспомощна, но ей надо немного отдохнуть, и все будет в порядке. Вздремнуть бы! Да, она поспит и почувствует себя лучше.

И тут в коридор вошла еще одна кошка.

Целиза Ваан застонала, попыталась пошевелиться и не смогла. Руки ее отяжелели.

За первой кошкой появилась вторая.

Целиза еще раз подтащила пистолет к своей щеке и попыталась прицелиться. Ее отвлекло появление третьей кошки, и игла улетела далеко вниз по коридору и там безобидно взорвалась.

Одна из кошек плюнула. Плевок попал Целизе точно между глаз.

Боль была невероятная. Если бы она могла, она бы вырвала глаза из глазниц и каталась бы по полу, сдирая со лба кожу. Но она не могла пошевелиться и лишь громко кричала.

Глаза ее заволокла ужасная смесь цветов, потом наступила полная темнота.

Она услышала шаги — легкий топоток.

Кошачьи шаги!

Сколько их может быть?

Целиза почувствовала на спине небольшую тяжесть. Потом еще и еще. Потом что-то толкнуло ее неподвижную правую ногу, и она почувствовала, что ее поднимают.

Послышался звук плевка, и в щеке вспыхнула неистовая боль.

Кошки окружили ее со всех сторон, они перелезали через нее, ползали по ее телу. Маленькие острые зубы вонзались в плоть, рвали ее, вызывая мучительную боль.

Какая-то взъерошенная кошка укусила ее за палец. Боль придала Целизе силы. Она ударила гадину, вырвала руку. Кошки зашипели. Они кусали ее лицо, шею, глаза. Одна даже попыталась втиснуться в ее скафандр.

Целиза нашла в себе силы и отшвырнула кошек в сторону, одна из них укусила ее, но это не остановило Целизу. Она пошарила рукой по поясу и вдруг почувствовала *это*: круглое и твердое в ладони. Она сорвала *это* с ремня, поднесла к лицу, крепко сжала.

Где же спусковая кнопка? Вот она! Целиза на полоборота повернула кнопку и, как учил ее Лайон, нажала на нее.

Пять, считала она про себя. Четыре, три, два, один!

В последнее мгновение своей жизни Целиза Ваан увидела вспышку света.

36

Кай Невис разразился громким хохотом, когда увидел, как черное покрывало охватило Джеффри.

Он не знал, что это была за проклятая штука, но для Джеффри Лайона этого было вполне достаточно. Ее крылья сомкнулись вокруг него, когда она свалилась сверху, и Лайон несколько минут кричал и боролся, катаясь по полу, пока эта штука обхватывала его плечи и голову. Он походил на человека, боровшегося с зонтиком. Как в кинокомедии.

Через некоторое время Лайон затих, только ноги его судорожно подергивались. Крик заглох. Коридор заполнил сосущий звук.

Невис веселился и был в восторге от того, что черная вуаль пожирает его врага, потом он, стараясь не шуметь, подошел поближе и схватил ее. Когда он отодрал черное покрывало от того, что осталось от Джеффри Лайона, раздался чавкающий звук.

«Проклятие, — подумал Невис. — Чистая работа». Вся передняя сторона шлема Лайона была вдавлена. Черное покрывало имело своего рода костяной хобот, который без труда проткнул лицевое стекло шлема Джеффри и высосал большую часть его лица. Отвратительно. Мясо казалось разжиженным, и сквозь него проглядывали кости.

Когда Невис схватил чудовище, оно начало извиваться и издавать противные звуки: пищало и визжало.

Кай Невис держал его на вытянутой руке, давая побарахтаться, и внимательно разглядывал. Оно несколько раз попыталось проткнуть своим хоботом его руку, но так и не смогло этого сделать и только таращило глаза на Невиса. Невису нравились эти глаза, по-настоящему безобразные, способные наводить ужас.

«Эта штука может быть полезной», — подумал он и представил, что произойдет, если он как-нибудь ночью выбросит несколько таких тварей над Шан-Ди-Сити. О, они, черт возьми, отдадут ему все, что он потребует: деньги, женщин, власть — всю свою проклятую планету. Было бы очень недурно завладеть этим кораблем.

Но пока эта тварь будет только мешать.

Кай Невис схватил ее обеими руками за крылья и наполовину оторвал их. А потом пошел прочь.

37

Хэвиланд Таф еще раз проверил приборы и немного подкорректировал подачу жидкости, а потом, довольный собой, сложил руки на животе и занял свой пост у чана.

В сосуде бурлила и пенилась непрозрачная черно-красная жидкость. При виде ее он чувствовал головокружение: это был, как он узнал, побочный эффект временного индуктора. В чане, таком маленьком, что он мог почти обхватить его руками, работала неизмеримая энергия предков, и само время повиновалось его командам. Он ощущал какое-то странное величие и благоговение. Питательная жидкость постепенно светлела и наконец стала почти прозрачной. Тафу показалось, что внутри ее он разглядел темную тень тела, казалось, будто оно растет, становится видимым... Перед его глазами свершалось Творение. Четыре конечности, да — вот они! И хвост. Очень точно сформированный хвост.

Он вернулся к приборам. Было бы плохо, если его творение оказалось бы чувствительным к тем возбу-

дителям болезней, которые убили Грибка. Он вызвал защитные прививки, которые незадолго до своего нежданного и предвещавшего неприятности высвобождения получил тираннозавр. Несомненно, существовал способ, при помощи которого можно было ввести необходимые антигены и профилактические препараты до завершения процесса творения, и Хэвиланд Таф намеревался применить его.

38

«Ковчег» был почти очищен.

Рика задраила две трети отсеков корабля и провела программу стерилизации с присущей ей логичностью и методичностью. Показатели состояния на экране уже были бледно-голубыми, что соответствовало клинической стерильности.

Большая центральная ось, главный коридор и непосредственно прилегающие лаборатории были окрашены ржавой краснотой, это говорило о том, что атмосфера здесь насыщена болезнетворными микробами и несет смерть.

И опять Рика Даунстар была права. В тех самых связанных друг с другом центральных областях с такой же неумолимой логикой протекали другие процессы. И окончательное равновесие — она в этом не сомневалась — даст ей в руки абсолютный и неограниченный контроль над кораблем, все имеющиеся в нем знания, власть и богатство.

Теперь, когда окружающий мир стерилен и безопасен, Рика с облегчением сняла свой шлем и запросила для себя пищу — густую белую кашу из белков, произведенных из существ, обозначенных как «мяс-

ные животные», которые «Ковчег» сохранял в свежем состоянии в течение тысячелетия. Она запила кашу большим стаканом охлажденной сладкой воды, имевшей привкус милидианского меда. Рика наслаждалась пищей и наблюдала за текстом на экране. Дела внизу существенно упростились. Джеффри Лайона больше не существовало. Вообще-то жаль, ведь он был по-своему довольно безобидным и очень наивным человеком. Целиза Ваан тоже вышла из игры и неожиданным образом взяла с собой на тот свет адских кошек. Кай Невис убил вампира-колпака.

Никого больше не осталось, кроме Невиса, Хэвиланда Тафа и ее самой.

Рика усмехнулась.

Таф не представлял проблемы. Он занимался созданием кошки. О нем можно было позаботиться тем или иным образом. Единственный, кто мешал ей достигнуть цели, был Кай Невис в своем унквийском боевом скафандре. Сейчас он, вероятно, чувствовал себя в полной безопасности.

Хорошо. Пусть пока радуется.

Рика Даунстар поела и облизала пальцы. «Настало время для занятий зоологией», — подумала она и вызвала на экран информацию о трех оставшихся видах биооружия, которые все еще перемещались по кораблю. Если ни одному из них не удастся сделать это, ну что ж, в ее распоряжении есть еще тридцать девять тварей, находящихся в стасисе, и они только того и ждут, чтобы их освободили. Она сможет выбрать исполнителя. Боевой скафандр? Нет, то, чем она располагала, было ценней сотни таких скафандров. Закончив чтение зоологических описаний, Рика зевнула, растянув рот до ушей. Она может спокойно забыть о резервах. Единственная проблема была в том, чтобы прочесть правильные указания. Она вызвала на экран голографическое изображение Кая Невиса и попыталась представить, насколько он может быть коварным.

39

Проклятым коридорам не было ни конца, ни края, и они, казалось, вели только в другие, более широкие проходы. Его приборы показывали, что он уже израсходовал воздух из третьего баллона. Кай Невис понял, что он должен быстро найти остальных членов экипажа и устранить их, чтобы получить возможность изучить и понять, как работает этот проклятый корабль.

Он как раз шел вниз по особенно широкому коридору, когда вдруг засветилась пластиковая полоса, вделанная в пол.

Невис остановился и наморщил лоб. Видимо, следует идти по этой полосе. Она приведет его в нужное место. Полоса вела прямо и на следующем перекрестке сворачивала направо. Невис сделал шаг. В той части коридора, которую он только что оставил позади, погас свет. Он вспомнил, что Анитта что-то говорил о ведущей линии, которая может провести по кораблю. Наверное, светящаяся полоса и есть эта линия. Может быть, киборг каким-то непонятным образом остался жив и призраком бродит по «Ковчегу»? Это показалось ему сомнительным. Он был убежден, что Анитта погиб, ведь он, Кай, прекрасно умеет отправлять людей на тот свет. Но кто же тогда стоит за этой линией? Конечно, Даунстар. За этим может скрываться только она. Кибертех говорил, что приведет ее в рубку управления.

Куда она собирается его направить?

Кай Невис чувствовал себя в своем костюме почти непобедимым. Но стоит ли рисковать? Кроме того, Даунстар была хитрой маленькой бестией. Наверное, она будет водить его по кругу, пока у него не кончит-

ся воздух. Он решительно повернулся и выбрал направление, противоположное тому, которое указывала серебристая линия.

У следующего перекрестка ожил зеленый след, указывая налево.

Невис пошел направо.

Коридор окончился тупиком у пары спиральных лестниц. Когда Невис остановился, одна из лестниц начала вращаться вверх. Он наморщил лоб и сошел вниз на неподвижную. Спустился на третью палубу. Коридор на третьей палубе был узким и темным и вел в двух направлениях. Прежде чем Невис сделал выбор, раздался металлический треск, и из одной из стен выдвинулась скользящая дверь и перекрыла коридор, ведущий направо.

«Значит, эта стерва все еще преследует меня», — злобно подумал он и посмотрел на ведущий влево коридор. Он, казалось, немного расширялся далеко впереди, но становился темнее и иногда сужался, так как по обе его стороны стояли какие-то горбатые древние машины. Невису это не понравилось. Если Даунстар думает, что сможет завлечь его в ловушку, закрыв несколько дверей, то она глубоко ошибается. Невис повернулся к загородке перед правым коридором, выдохнул и пнул. Грохот был оглушительным. Он пнул снова, потом начал стучать бронированными кулаками. Кай полностью использовал мощность усилителей встроенного в скафандр экзоскелета.

Ухмыляясь, он перешагнул через остатки двери и вошел в сумрачный узкий коридор, куда Даунстар так не хотела его впускать. Под его ногами был голый металл, стены почти задевали его плечи. Должно быть, аварийный ход, подумал Невис, но, возможно, ведет в важное место. Почему же, интересно, Даунстар не пускала его сюда?

Ступни-тарелки громко стучали по металлическому полу. Становилось все темнее, но Кай Невис упрямо шел по избранному пути.

Коридор сделал резкий поворот направо, Невису в его костюме здесь было слишком тесно. Ему пришлось протискиваться в самом узком месте с прижатыми к телу руками и на полусогнутых ногах.

Когда поворот остался позади, над его головой появился маленький светящийся квадрат. Невис направился к нему, но потом вдруг резко остановился. Что это?

В воздухе над ним висел черный шар, раньше он такого никогда не видел.

Кай Невис осторожно приблизился.

Темный шар был довольно маленьким, едва ли с мужской кулак. Невис подошел к шару и внимательно осмотрел его. Это было чертовски отвратительное создание, такое же, как и то, что сожрало Джеффри Лайона, но еще более удивительное. Коричневый клубок, кожа которого казалась похожей на камень. В самом деле эта штука выглядела как кусок скалы. Но у нее была пасть, и только поэтому Невис понял, что она живая. Пасть напоминала влажную черную дырку в каменной коже. Внутри она была покрыта зеленой слизистой оболочкой и постоянно двигалась. Невис разглядел в ней нечто похожее на зубы с металлическим блеском. Ему показалось, что он различил три ряда таких зубов, торчавших из резиноподобной зеленой плоти, постоянно лениво подрагивавшей.

Но самым странным в этой штуке была ее невероятная неподвижность. Сначала Невис подумал, что она просто парит в воздухе. Но потом он подошел поближе и увидел, что ошибался. Тварь висела в центре сети, нити которой были такими тонкими, что их едва

можно было разглядеть. Судя по всему, это был паук или нечто очень похожее. Его камнеподобный странный вид заставлял предположить, что это какая-то форма жизни на основе кремния. Невис уже слышал разговоры о таких существах и теперь сам мог убедиться, что они существуют. Можно сказать, что ему чертовски повезло! Он действительно нашел кремниевого паука. Вот это находка!

Кай Невис подошел еще поближе.

«Проклятие», — подумал он. Сеть, или то, что он считал сетью... черт побери, чертова штука сидела вовсе не в сети... она была частью сети. Эти тонкие, тончайшие блестящие паутинки вырастали, как он увидел, прямо из тела твари. Он едва различал места перехода. И нитей было больше, чем он думал: сотни, может быть, даже тысячи; и большая часть их была слишком тонкой, чтобы их можно было разглядеть даже вблизи, но если выбрать правильный угол зрения, то можно было увидеть отраженный ими свет — серебристое мерцание.

Невис отступил на один шаг. Несмотря на мощную защиту своего бронированного костюма, он чувствовал себя неуютно, он не смог бы сказать — почему. За кремниевым пауком виднелся свет в другом конце коридора. Там должно быть что-то важное, настолько важное, что Рика Даунстар сделала все, чтобы помешать ему туда добраться.

«Это должна быть она, — подумал он со злобным удовлетворением. — Вероятно, рубка управления, и Рика сидит там, а дурацкий паук — ее последняя защита». При виде этой бестии по коже пробегал мороз, но что ему оставалось делать?

Кай Невис поднял руки и разжал правую клешню, чтобы разрезать паутину.

Блестящие зазубренные металлорезаки, при виде которых стыла кровь, сомкнулись вокруг ближайшей

мерцающей нити, гладкой и легкой. Блестящий обломок закаленного унквийского металла с грохотом упал на пол.

Паутина начала вибрировать.

Кай Невис уставился на свою нижнюю правую руку. Половина клешни была отрезана.

Ему стало не по себе. Кай отошел подальше от паука. И вдруг тысячи тончайших нитей паутины превратились в тысячу ног. Они вытянулись из тысяч дырок в стенах, царапая пол при каждом прикосновении. Невис побежал. Добравшись до узкого места, где коридор куда-то сворачивал, облегченно вздохнул — здесь он был в безопасности. Однако движущаяся сеть, выбрасывая тысячи невидимых ног, пыталась настичь его, раскрытая пасть паука дрожала.

Невис захлебнулся от отвращения. И в этот момент тысячи кремниевых конечностей обхватили его.

Невис поднял механически усиленную правую руку, чтобы схватить голову страшилища и раздавить ее, но нити опутали его со всех сторон. Кай попытался вырваться, но они, прорезая его боевой костюм, проникли в мясо и кости. Из обрубка запястья хлынула кровь.

Невис коротко вскрикнул.

Паутина сомкнула свои объятия.

40

В пластмассовой стенке освобожденного от жидкости чана появился тонкий, как волос, разрез. Котенок колотил лапками по стенке. Разрез расширялся.

Хэвиланд Таф сунулся в чан, вынул котенка и поднес к лицу. Котенок был маленьким и слабым:

возможно, его рождение было слишком быстрым. В следующий раз он будет более внимательным, но сейчас ему приходилось спешить, так как он постоянно находился настороже, да и работа его прервалась вторжением тираннозавра. Тем не менее он считал, что достиг определенного успеха.

Котенок мяукнул. «Нужно бы дать ему молочка», — подумал Таф. Он был уверен, что справится с этой задачей. Глаза котенка едва открылись, его длинный серый мех был еще влажным от жидкости, из которой он совсем недавно возник. Неужели Грибок когда-то тоже был таким маленьким?

— Я не могу назвать тебя Грибком, — торжественно сообщил Таф своему новому спутнику. — С генетической точки зрения, правда, ты — это он, но Грибок был Грибком, а ты — это ты, и я не хотел бы без нужды сбивать тебя с толку. Я назову тебя Хаосом, ты будешь подходящим спутником Опустошительнице. — Котенок шевельнулся в его ладони, открыл и закрыл глаза, как будто понял Тафа, но, с другой стороны, все кошки — Таф это знал — обладали пси-способностями.

Он огляделся. Здесь делать больше нечего. Может, настало время отправиться на поиски бывших неблагодарных коллег и попытаться достичь хоть какого-то соглашения с ними к обоюдной пользе? Он прихватил с собой Хаоса и двинулся в путь.

41

«И с последним криком все исчезло», — сказала себе Рика Даунстар, когда красный огонек на экране,

изображавший Невиса, погас. Остается разобраться с Тафом, и она станет повелительницей «Ковчега».

Рика задумалась, что ей следует сделать с этим кораблем. Может, продать оружейному консорциуму или какому-нибудь миру, который больше заплатит? И то, и другое показалось ей не слишком благоразумным. Может, оставить корабль себе и управлять им? Но для этого она должна приобрести иммунитет и, кроме того, жить одной в этом морге не слишком веселая перспектива. Конечно, можно набрать экипаж, доставить на борт друзей, любовников, лакеев. Только как им доверять? Рика наморщила лоб. Эту сложную проблему она еще успеет решить, для этого у нее достаточно времени. Сейчас же надо заняться Тафом. Он уже покинул центральную камеру клонирования и бредет по коридорам.

Что делать с ним?

Она поглядела на дисплей. Странствующая сеть все еще находилась в своем уютном и теплом укрытии и была занята пожиранием Невиса. Роллерам — все его четыре тонны живого веса — она обнаружила под шестой палубой в главном коридоре, где он катался туда-сюда, отскакивая от стен, — громадное, наполненное неистовой яростью пушечное ядро, неутомимое в бешеных поисках органики, через которую он мог бы перекатиться, которую мог раздавить и переварить.

Тираннозавр был уже на центральной палубе. Чем он там занимался? Рика подстроила резкость и улыбнулась. Если она верно расшифровала данные на экране, ящер жрал. Но что именно, она никак не могла догадаться. Потом сообразила: он, должно быть, только что проглотил останки старого Джеффри Лайона и вампира-колпака. Место как раз соответствовало.

Вообще-то эта ящерица была недалеко от Тафа, но потом двинулась в противоположную сторону.

Может быть, Рике удастся устроить ей встречу с Тафом. Только бы ей не недооценить его способности. Он уже раз ушел от рептилии и сможет сделать это снова. Даже если она заведет его на палубу, где катался роллерам, проблема останется. У Тафа была какая-то природная хитрость дикаря. Его ни за что не удалось бы водить за нос, как Невиса. Он слишком хитер. Она попыталась вспомнить игры, в которые они играли на борту «Рога изобилия». Таф всегда побеждал ее. Может, выпустить еще какое-нибудь биооружие? Это нетрудно.

Рика медлила.

К черту, подумала она. Был более легкий путь. Пора браться за дело самой.

На подлокотнике капитанского трона висела узкая маленькая корона из блестящего металла, ее Рика принесла с собой из кладовой. Она сняла ее, подержала немного под сканером, чтобы проверить схемы, и отважно надела на голову. Потом накинула сверху шлем, застегнула скафандр, взяла игольник и бросилась навстречу приключениям.

42

Во время странствий по коридорам «Ковчега» Таф нашел средство передвижения: маленькую открытую трехколесную машину. Он уже давно был на ногах, а до того прятался в своем укрытии под столом, очень устал и с большим облегчением сел в машину.

Он ехал с приличной скоростью, откинувшись на мягкую спинку, и глядел прямо вперед. Хаос лежал у него на коленях.

Таф проехал многие километры коридоров. Ездоком он был осторожным. На каждом перекрестке останавливался, глядел налево, глядел направо и делал выбор перед тем, как ехать дальше. Дважды он поворачивал назад: раз — под диктатом неумолимой логики, второй — чисто по настроению, но в большинстве случаев он выбирал наиболее широкие коридоры. Однажды он остановился и вышел из машины, чтобы исследовать ряд дверей, которые его заинтересовали. Однако ничего любопытного он не обнаружил и ни в одну дверь не вошел. Хаос время от времени пошевеливался на его коленях.

А потом перед ним появилась Рика Даунстар.

Хэвиланд Таф остановил машину в центре перекрестка, посмотрел направо и налево. Потом он поглядел прямо, сложив руки на животе, и увидел, что Рика медленно приближается к нему.

Она остановилась метрах в пяти.

— Небольшая прогулка? — осведомилась она. В правой руке женщина держала игольник, а в левой была путаница веревок, свисающая до пола.

— Действительно, — ответил Хэвиланд Таф. — Я какое-то время был занят. А где остальные?

— Мертвы, — сказала Рика Даунстар. — Исчезли. Растворились. Выбыли из игры. Мы последние, Таф.

— Знакомая ситуация, — небрежно проговорил Таф.

— Это игра до конца, Таф, — вызывающе бросила Рика Даунстар. — И сейчас выиграю я.

Таф погладил Хаоса и ничего не ответил.

— Таф, — сказала она любезным голосом, — вы нисколько не виноваты в том, что случилось, и я ничего против вас не имею. Берите свой корабль и исчезайте!

— Если вы имеете в виду «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам», — ответил Хэвиланд Таф, — то я должен вам напомнить, что он получил существенные повреждения, которые еще требуют ремонта.

— Тогда возьмите другой корабль.

— Я не думаю, что должен это делать, — сказал Таф. — Мое право на «Ковчег», может быть, меньше, чем у Целизы Ваан, Джеффри Лайона, Кая Невиса или Анитты, но вы только что сообщили мне, что они все умерли, и мое право на «Ковчег», без всякого сомнения, равно вашему.

— Не совсем, — возразила Рика Даунстар и подняла игольник. — Вот это оружие дает мне определенные преимущества.

Хэвиланд Таф поглядел на котенка, сидевшего на его коленях.

— Да, во вселенной используют низменные методы, — сказал он. — О какой честной борьбе может идти речь, когда одни владеют оружием, а другие — нет? Чистое, неприкрытое насилие царит повсюду, и разум и добрая воля грубо попираются. — Он опять обратил свой взгляд к Рике Даунстар. — Мадам, — сказал он, — я принимаю к сведению ваше преимущество и все же хочу высказать свой протест. Умершие члены нашей группы обещали мне полную долю в этом предприятии еще до того, как мы попали на борт «Ковчега», а вас, по моим сведениям, никогда не принимали в расчет. Поэтому по сравнению с вами у меня есть преимущество, и я рад этому. — Он поднял указательный палец. — Хотел бы сказать и думаю, что ничем не погрешу против истины, что право владеть кораблем может иметь только тот, кто способен его использовать. «Ковчегом» должна командовать личность, которая своим умом, талантом и волей подтвердит свое право на это. Личность, которая мо-

жет гарантировать оптимальное использование неисчислимых возможностей, которыми обладает корабль. Я утверждаю, что я и есть та самая личность.

Рика Даунстар расхохоталась.

— В самом деле? — фыркнула она.

— В самом деле, — кивнул Таф. Он взял под живот котенка и поднял его, чтобы Рика Даунстар могла его разглядеть. — Вот мое доказательство. Я исследовал этот корабль и раскрыл тайны клонирования, с которыми были знакомы имперцы Земли. Это был вызывающий почтение уникальный опыт, один из тех, что я хотел бы повторить. И я на самом деле решил оставить глупую профессию торговца и овладеть более предпочтительной профессией экологического инженера. Я надеюсь, вы не станете пытаться встать у меня на пути. Спокойно отдыхайте, я при первой же возможности доставлю вас обратно на Шан-Диллор и лично позабочусь о том, чтобы вам было уплачено все до последнего пенни вознаграждения, обещанного Джеффри Лайоном и остальными.

Рика Даунстар удивленно покачала головой.

— Вы просто сокровище, Таф, — сказала она, отступила на шаг и покрутила игольник на пальце. — Значит, вы считаете, что корабль принадлежит вам, так как вы можете использовать его в научных целях, а я не могу?

— Вы ухватили суть, — согласился Таф.

Рика снова рассмеялась.

— Вот, он мне больше не нужен, — небрежно проговорила она и бросила Тафу игольник.

Тот поймал его на лету.

— Теперь я могу пригрозить вам расстрелом.

— Но вы этого не сделаете, — возразила Рика. — Правила, Таф. В нашей игре вы всегда придерживались правил. А я — непослушный сорванец, который

постоянно нарушает правила. — Она повесила спутанные веревки на плечо, чтобы освободить руки. — Знаете, чем я занималась, пока вы клонировали котенка?

— Очевидно, нет, — ответил Таф.

— Очевидно, нет, — насмешливо повторила Рика. — Я была в рубке, Таф, играла с компьютером и узнала все, что хотела знать об Обществе Экологической Генетики и его корабле.

Таф прищурился.

— В самом деле. Там наверху фантастический телеэкран, — сказала она. — Представьте его себе большим игровым полем, Таф. Я следила за каждым движением на экране. За красными точками, которые изображали вас и всех остальных. И меня. И за черными точками. Биооружием, как пожелала назвать их система. Лично я предпочла бы слово «монстры». Оно короче и не такое сухое.

— Но отдает предрассудками, — перебил Таф.

— О, конечно. Но вернемся к делу. Мы пробрались через все преграды и даже справились с инфекционной защитой, но Анитта позаботился о том, чтобы в случае своей смерти отомстить за себя. Он вызвал к жизни монстров. А я сидела наверху и смотрела, как красные и черные точки преследовали друг друга. Но чего-то не хватало, Таф. Знаете чего?

— Я полагаю, это риторический вопрос, — сказал Таф.

— Да, действительно, — язвительно улыбнулась Рика. — Не хватало зеленых, Таф! Система была запрограммирована показывать вторгшихся красным цветом, свое собственное биооружие — черным, а персонал «Ковчега» — зеленым. Конечно, никаких «зеленых» не было. И это показалось мне странным. Защита с помощью монстров была, очевидно, заду-

мана как последнее средство в случае отступления, это ясно, но только ли на тот случай, когда корабль сдавался и оставлялся?

Таф сложил руки.

— Я не думаю. Существование телеэкрана подразумевает существование кого-то, кто смотрит на этот экран. К тому же, если система была запрограммирована показывать одновременно и в разных цветах персонал, интервентов и монстров-защитников, тогда должна была быть предусмотрена и возможность одновременного существования всех группировок на борту.

— Вы правы, — сказала Рика Даунстар. — И я перехожу сейчас к главному вопросу.

Таф заметил, что позади Рики в коридоре что-то движется.

— Простите, пожалуйста... — начал он.

Она движением руки прервала его.

— Если они были готовы выпустить этих ужасных тварей, чтобы при необходимости отбить вторжение, как же они защищали от них своих собственных людей?

— Интересный вопрос. Я горю желанием узнать это от вас. — Таф откашлялся — Я далек от того, чтобы прерывать такие увлекательные рассуждения, но, к сожалению, я чувствую себя обязанным указать на то, что...

Пол содрогнулся.

— Да? — ухмыляясь, спросила Рика.

— Я чувствую себя обязанным указать на то, — повторил Таф, — что позади вас в коридоре появился довольно крупный плотоядный динозавр, который сейчас попытается схватить нас с вами. Но делает он это не слишком умело.

Тираннозавр зарычал.

Рика Даунстар не проявила никаких признаков беспокойства.

— Неужели? — ответила она с улыбкой. — Вы ведь, конечно, не думаете, что я попадусь на этот трюк с динозавром? От вас я ждала большего, Таф.

— Я протестую! Я говорю абсолютно серьезно. — Таф включил двигатель. — Я умчусь от этой твари на своей машине, а что будете делать вы? Слышите, как топает эта бестия и рычит?

— Я ничего не слышу, о чем вы говорите? — спросила Рика. — Нет, серьезно, Таф, я собиралась вам кое-что сообщить. Ответить на ваш вопрос. Мы проглядели маленькую часть загадки.

— Действительно, — ответил Таф.

Тираннозавр с пугающей скоростью приближался к ним. Он был в плохом настроении, и его рев не давал Тафу расслышать ответ Рики Даунстар.

— Общество Экологической Генетики умело больше, чем просто клонировать, Таф. Они были военными учеными. И в первую очередь они были генными инженерами. Они могли заново создать живые организмы сотен планет и пробудить их к жизни в своих чанах. Им удалось рекомбинировать саму ДНК, они могли изменять эти организмы, придавать им новые свойства в соответствии с их собственными стремлениями!

— Конечно, — ответил Таф. — Простите, но я боюсь, что мне уже пора удирать от ящера.

Тираннозавр был уже в десяти метрах от Рики, но внезапно остановился. Его хлещущий по сторонам хвост ударил в стену, и машина Тафа содрогнулась. С клыков стекала слюна, скрюченные передние лапы в отвратительном неистовстве колотили воздух.

— Ваше поведение просто неприлично, — сказала Рика. — Глядите, Таф, вот вам и ответ. Это биоору-

жие, эти монстры, они были в стасисе тысячу лет. Возможно, даже больше. Но это не обычные чудовища. Они были клонированы для определенной цели, чтобы защищать корабль от захватчиков. Их изменили генетически именно для этого.

Тираннозавр сделал шаг, другой, третий, склонился над Рикой — его тень накрыла женщину.

— Как изменили? — осведомился Хэвиланд Таф.

— Я боялась, что вы об этом так и не спросите, — ухмыльнулась Рика Даунстар.

Тираннозавр выгнул свою огромную шею, зарычал, разинул гигантскую пасть и схватил челюстями голову Рики.

— Психически, — ответила она.

— Действительно.

— Обычная мыслечувствительность, — поучающе сказала Рика, не обращая внимания на тираннозавра. Она вытянула руку и схватила что-то между его зубов. Рептилия тихо зашипела. — Некоторые из этих чудовищ не имеют почти никакого разума, только инстинкты. У них есть только одно чувство — отвращение. Более сложные чудовища оснащены психическим повиновением. Управляющими приборами были псиусилители. Прекрасные маленькие приборы, похожие на короны. Сейчас на мне одна из них. Она не передает никакой пси-энергии или чего-либо столь же драматичного. Она лишь действует так, что некоторые чудовища уходят с моей дороги, а другие повинуются мне. — Рика наполовину выскользнула из пасти ящера и ласково похлопала его по подбородку. — Пусти меня, парень! — сказала она. Тираннозавр зарычал и оставил Рику в покое.

Рика Даунстар размотала веревки с плеча и укрепила на ящере седло.

— Я контролировала его поведение во время нашего разговора, — сказала она как бы между прочим. — Я же его и вызвала сюда. Он голоден. Он сожрал Лайона, но Лайон был довольно маленьким, кроме того, он был уже мертв, а эта скотина уже тысячу лет ничего не ела и предпочитает свежатину.

Хэвиланд Таф посмотрел на игольник в своей руке. Он ему больше был не нужен, да и стрелял Таф плохо.

— Мне доставило бы большую радость клонировать из него стегозавра.

— Ну, нет нужды, — махнула рукой Рика и натянула уздечки. — Теперь вы уже не можете выйти из игры. Ведь вы же хотели играть, Таффи, но боюсь, что вы обречены. Вам надо было бросить все, когда я давала вам эту возможность. Давайте поговорим еще раз о ваших правах: вы не против? Лайон, Невис и остальные предлагали вам полную долю — это верно. Но чего? Я боюсь, вы сейчас получите полную долю — хотите вы этого или нет, — долю всего того, что получили они. Это — касательно ваших законных аргументов. Что касается ваших претензий на лидерство как самого компетентного и волевого человека, — она ухмыльнулась и снова похлопала ящера, — то я, думаю, сумею продемонстрировать, что использую «Ковчег» куда эффективнее, чем вы. Еще чуть пониже! — Чудовище наклонилось, и Рика вспрыгнула в укрепленное на его шее седло. — Встать! — скомандовала она.

Чудовище поднялось.

— Поэтому мы отметаем в сторону законность и мораль и возвращаемся к насилию, — сказал Таф.

— Боюсь, именно так, — ответила Рика, усевшись на шее гигантского ящера. Он медленно двинулся на Тафа. — Не говорите, что я играла нечестно. У меня ящер, но вы получили мой игольник. Возможно, у

вас будет удачный выстрел. Мы оба вооружены. — Она засмеялась. — Только я вооружена до зубов.

Хэвиланд Таф выпрямился и ловко швырнул игольник ей назад. Это был хороший бросок. Рика немного наклонилась в сторону и поймала оружие.

— Что это значит? — спросила она. — Вы сдаетесь?

— На меня произвели впечатление ваши рассуждения о честности, — ответил Таф. — Я бы не хотел получить для себя преимущества. У вас есть претензии, у меня они тоже есть. У вас есть могучий зверь. — Он погладил котенка. — И у меня. Кроме того, у вас теперь есть и оружие. — Он включил свою машину и задним ходом двинулся в коридор.

— Как хотите, — промолвила Рика Даунстар. Для нее игра была окончена, и она чувствовала легкое сожаление.

Таф развернул свою машину и помчался вперед.

Тираннозавр широко раскрыл пасть, и с его полуметровых клыков потекла слюна. Он снова почувствовал тысячелетний голод и с громоподобным рычанием устремился за машиной Тафа.

В двадцати метрах, в поперечном коридоре, минимальный интеллект плазменной пушки принял к сведению факт, что в зоне обстрела появилось нечто запрограммированных размеров. Раздался едва слышный щелчок.

Хэвиланд Таф резко отвернулся от огненной вспышки и своим большим телом прикрыл Хаоса от жара и ужасного грохота. Жар и грохот возникли лишь на мгновение, хотя запах размазанного по стенам и полу ящера еще долгие годы сохранялся в этой части корабля, которая потребовала ремонта.

— Видишь, оружие было и у меня, — сказал Хэвиланд Таф своему котенку.

43

Позже, намного позже, когда «Ковчег» был полностью очищен и Таф с Опустошительницей и Хаосом уютно жили в каюте капитана, все личные дела были улажены, ремонт по мере возможности закончен, трупы утилизированы, он начал методично обыскивать корабль. На второй день он нашел запасы одежды, но, однако, мужчины и женщины ОЭГ были меньше, чем он сам, поэтому ни один мундир ему не подошел. Но он все же нашел шапку, которая ему чрезвычайно понравилась. Речь шла о зеленой, с утиным козырьком, фуражке. Она отлично сидела на его лысой молочно-белой голове. Спереди на шапке была изображена золотая «тэта» — отличительный знак ОЭГ.

— Хэвиланд Таф, — говорил он, любуясь собой в зеркале, — экологический инженер, — а сам думал: «Это звучит как-то по-особенному».

ХЛЕБА И РЫБЫ*

1

Ее имя было Толли Мьюн, но в историях, которые о ней рассказывали, ее называли по-разному.

Те, кто впервые попадал в ее владения, с известной долей почтения называли ее по должности. Она была Начальником порта больше сорока стандарт-лет, а до того — заместителем; короче говоря, это была заметная личность, ветеран огромной орбитальной общины, официально называемой Порт Сатлэма. Внизу, на планете, эта должность изображалась всего лишь одним из квадратиков на чиновничьих блок-схемах. Но на орбите Начальник порта был и главным администратором, и мэром, и судьей, и законодателем, и механиком, и главным полицейским одновременно. Поэтому ее часто звали Н. П.

Когда-то порт был небольшим, но благодаря стремительному росту населения Сатлэм за несколько веков превратился в один из важнейших центров межзвездной торговли в своем секторе. Порт разросся. Ядром его была станция — полый астероид диаметром около шестнадцати километров, с местами для стоянки звездолетов, магазинами, спальными корпусами, складами и лабораториями. На «Паучьем гнезде», словно толстые металлические глазки на каменной картофелине, сидели шесть уже устаревших станций — каждая последующая больше предыдущей: самая пос-

---

* Loaves and Fishes © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. О. Орловой.*

ледняя из них была построена триста лет назад и превосходила по своим размерам хороший звездолет.

Станцию называли «Паучьим гнездом», потому что она находилась в центре «паутины» — сложного сплетения серебристых металлических конструкций, раскинувшегося в космосе. От станции во всех направлениях отходили шестнадцать гигантских спиц. Самая новая простиралась на четыре километра и еще строилась. Семь спиц (восьмая была уничтожена аварией) уходили на двенадцать километров в открытый космос. Внутри спиц, сделанных в форме труб, располагались промышленные зоны, склады, заводы, верфи, таможни, а также посадочные центры, доки и ремонтное оборудование для всех видов звездолетов, известных в этом секторе. По центру труб курсировали длинные пневматические трубоходы, перевозившие грузы и людей от причала к причалу, в шумное многолюдное «Паучье гнездо» и к орбитальному лифту.

От радиальных спиц отходили спицы поменьше, от них — еще меньше, все это пересекалось и перекрещивалось в единой конструкции, которая каждый год подстраивалась, становилась все сложнее и запутаннее.

А между нитями «паутины» сновали с поверхности Сатлэма и обратно «мухи» — челноки, перевозившие грузы, слишком большие для орбитального лифта, горнорудные корабли, доставлявшие руду и лед с мелких астероидов, используемые как сырье для промышленности, грузовые суда с продовольствием с группы сельскохозяйственных астероидов под названием «Кладовые» и самые разнообразные звездолеты — роскошные лайнеры транскорпорации, торговые корабли с ближних планет, таких как Вандин, и дальних, таких как Каисса и Ньюхолм, целые флотилии с

Кимдисса, боевые корабли с Бастиона и Цитадели и даже звездолеты нечеловеческих цивилизаций — Свободного Хрууна, Рахиман, гетсоидов и другие, еще более странные. Все они прибывали в Порт Сатлэма, где их радушно принимали.

Те, кто жил в «Паучьем гнезде», работали в барах и столовых, перевозили грузы, покупали и продавали, ремонтировали и заправляли горючим корабли. Все они с гордостью называли себя «паучками». Для них и для «мух», уже ставших завсегдатаями порта, Толли Мьюн была Ма Паучихой — раздражительной, грубоватой, сквернословящей, поразительно всезнающей, неуязвимой и мощной, как стихия. Некоторые из тех, кому случалось поспорить с Паучихой или навлечь на себя ее гнев, не любили Начальника порта; для них она была Стальной Вдовой.

Это была крупная, мускулистая, не отличающаяся красотой женщина, костлявая, как всякая порядочная сатлэмка, но такая высокая (почти два метра) и широкоплечая, что ее считали просто уродиной. Лицо у нее было мягкое, с мелкими морщинками. Ей было по-местному сорок три года, то есть почти девяносто стандарт-лет, но выглядела она шестидесятилетней; она объясняла это жизнью на орбите. «Гравитация — вот что старит», — любила она повторять. За исключением нескольких отелей звездного класса, больниц и туристических гостиниц в «Паучьем гнезде» и больших лайнеров с гравитационными установками, в порту царила невесомость, и свободное парение было естественным состоянием Толли Мьюн.

Волосы у нее были серебристо-стального цвета. Когда она работала, они были стянуты в тугой узел, но в остальное время парили за ней, как хвост кометы, повторяя все ее движения. А двигаться она любила. В ее крупном костлявом теле была твердость и

грация; она, словно рыба в воде, легко и быстро плавала по трубам, коридорам, залам и стоянкам «Паучьего гнезда», отталкиваясь длинными руками и тонкими мускулистыми ногами. Она никогда не носила обуви; ступни у нее были такими же подвижными, как и кисти рук.

Даже в открытом космосе, где самые опытные «паучки» носили громоздкие скафандры и неуклюже двигались, держась за страховочные канаты, Толли Мьюн предпочитала легкий обтягивающий костюм, который не стеснял движений. Такой костюм давал лишь минимальную защиту от жесткой радиации звезды С'алстар, но Толли гордилась синеватым оттенком своей кожи, считая, что лучше каждое утро глотать по горсти противораковых таблеток, чем обрекать себя на медлительную, неуклюжую безопасность. В черной, сияющей пустоте космоса, между нитями «паутины», она чувствовала себя хозяйкой. На запястьях и на лодыжках у нее были прикреплены аэроускорители, и она мастерски ими владела. Она свободно перелетала от одной «мухи» к другой, что-то проверяя, нанося визиты, посещая собрания, наблюдая за работой, приветствуя важных гостей, нанимая, увольняя работников, словом, решая все проблемы.

В своей «паутине» Начальник порта Толли Мьюн — Ма Паучиха, Стальная Вдова — была всем, чем она мечтала быть, и она была вполне довольна своей судьбой.

И вот однажды ночью ее разбудил заместитель.

«Черт возьми, наверное, что-то важное», — подумала она, глядя на его изображение на своем экране.

— Тебе сейчас не помешало бы зайти в диспетчерскую, — сказал заместитель.

— Зачем?

— К нам летит «муха», — ответил он. — Очень большая.

Толли Мьюн нахмурилась.

— И из-за этого ты меня разбудил?

— Очень большая «муха», — настаивал он. — Ты должна посмотреть. Я в жизни таких не видел. Ма, я не шучу, эта штука длиной тридцать километров.

— Черт, — пробормотала она, не ведая, что истекает последняя минута ее спокойной жизни, в которой она не знала Хэвиланда Тафа.

2

Толли Мьюн проглотила горсть ярко-голубых противораковых таблеток, запила их пивом, хлебнув приличный глоток из закрытой пластиковой бутылочки, и осмотрела голографическое изображение человека.

— Ну и здоровенный же у вас корабль, — сказала она как ни в чем не бывало. — Что это такое, черт побери?

— «Ковчег», военный биозвездолет Общества Экологической Генетики, — ответил Хэвиланд Таф.

— Общества Экологической Генетики? — переспросила она. — Не может быть.

— Мне повторить, Начальник порта Мьюн?

— Того самого бывшей Федеральной Империи, так? — уточнила она. — На Прометее? Специалисты по клонированию, биовойнам — те, что по заказу устраивали экологические катастрофы? — Говоря это, она наблюдала за лицом Тафа. Его изображение занимало центр ее тесного, редко посещаемого кабинета, где царил беспорядок. Изображение, словно огромный белый призрак, висело посреди разнообразных предметов, медленно двигавшихся в невесо-

мости. Иногда через него проплывал какой-нибудь скомканный лист бумаги.

Таф был очень крупным. Толли Мьюн встречала пилотов, которые любили увеличивать свое голографическое изображение, чтобы казаться крупнее и солиднее, чем на самом деле. Может быть, это сделал и Хэвиланд Таф. Но почему-то она подумала, что нет, похоже, он не из таких. А это значило, что он действительно был ростом два с половиной метра, на добрых полметра выше самого высокого «паучка», какого она видела за всю свою жизнь.

На лице Тафа нельзя было прочитать абсолютно ничего. Он спокойно сложил руки на своем большом животе.

— Совершенно верно, — ответил он. — Ваше знание истории достойно похвалы.

— Что ж, спасибо, — улыбнулась она. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, будучи в некоторой степени эрудированной, я, кажется, припоминаю, что Федеральная Империя пала... ну... где-то тысячу лет назад. И ОЭГ тоже не стало — его расформировали, отозвали на Прометей или на Старую Землю, уничтожили в боях, не знаю, что еще с ним случилось. Говорят, что только прометейцы обладают биотехнологией тех времен. Но у нас прометейцы бывают редко, так что точно я сказать не могу. Однако я слышала, они не любят делиться своими знаниями. Итак, вот что я поняла: у вас биозвездолет ОЭГ тысячелетней давности, все еще действующий, который в один прекрасный день вы просто нашли, вы там один и корабль ваш?

— Совершенно верно, — ответил Хэвиланд Таф.

Она ухмыльнулась.

— А я императрица туманности Рака.

На лице Тафа ничего не отразилось.

— Боюсь, меня соединили не с тем человеком. Я хотел поговорить с Начальником сатлэмского порта.

Она отхлебнула еще глоток пива.

— Да, черт возьми, я Начальник порта, — резко бросила она. — Хватит молоть чепуху, Таф. Вы сидите там в такой штучке, которая подозрительно похожа на боевой корабль и к тому же раз в тридцать больше самого большого дредноута нашей Флотилии планетарной обороны, и заставляете нервничать столько народу. Половина людей в больших отелях думают, что вы — какой-нибудь чужак, прилетевший, чтобы украсть наш воздух и сожрать наших детей, а другая половина убеждена, что вы — специальный эффект, созданный для их развлечения. Сотни человек сейчас берут напрокат скафандры и вакуумные сани, и через пару часов они уже облепят весь ваш корпус. И мои люди тоже не знают, что с вами делать. Так что давайте, черт возьми, решать, Таф. Говорите, чего вы хотите.

— Я разочарован, — сказал Таф. — Невзирая на трудности, я спешил сюда, чтобы проконсультироваться у «паучков» и киберов Порта Сатлэма, чье мастерство широко известно, а честность и высокая мораль просто не имеют себе равных. Я не думал, что меня здесь встретят грубостью и необоснованной подозрительностью. Мой корабль требует ремонта, кое-что нужно в нем переделать, вот и все.

Толли Мьюн почти его не слушала. Она уставилась в нижний угол голографического изображения, где вдруг появилось маленькое волосатое черно-белое существо. У нее слегка пересохло во рту.

— Таф, — сказала она. — Извините меня, но о вашу ногу трется какой-то паршивый вредитель. — Она отпила пива.

Хэвиланд Таф нагнулся и поднял животное.

— Кошек нельзя относить к вредителям, Начальник порта Мьюн, — сказал он. — На самом деле кошка — непримиримый враг многих вредителей и паразитов, и это лишь одно из множества полезных и удивительных качеств этих чудесных животных. Известно ли вам, что когда-то люди почитали кошек, как богов? Нет? Очень жаль. А я кошек ценю. Эту мою любимицу зовут Паника.

Таф взял кошку на руки и начал поглаживать ее черно-белый мех. Паника замурлыкала.

— О, — произнесла Толли Мьюн. — Домашнее животное, так их, кажется, называют? На Сатлэме есть только скот, но некоторые пилоты привозят с собой домашних животных. Не выпускайте свою кошку, ладно?

— Хорошо, — ответил Таф.

— Так вот, не выпускайте ее из корабля. Помню, когда-то, когда я была еще заместителем Н. П., у нас случился ужасный скандал. У одного слегка тронутого пилота потерялся его любимец как раз тогда, когда прибыл посол одной из нечеловеческих цивилизаций, и наша охрана их перепутала. Вы не представляете, что тут было!

— Люди слишком легко возбудимы, — заметил Хэвиланд Таф.

— Так о каких переделках и ремонте вы говорили?

Таф пожал плечами.

— Кое-какой незначительный ремонт, с которым, несомненно, без труда справятся такие опытные специалисты, как ваши. «Ковчег» действительно очень древний корабль — вы это правильно заметили, участие в военных операциях, а также многовековое запустение оставили на нем свой след. Не действуют несколько палуб и секторов. Они получили такие по-

вреждения, что замечательная способность корабля самовосстанавливаться не срабатывает. Я бы хотел, чтобы эти части корабля были отремонтированы.

Кроме того, «Ковчег», как вы, возможно, знаете из истории, раньше обслуживал экипаж из двухсот человек. Корабль в большой степени автоматизирован, и я могу им управлять один, но должен признаться, что это довольно неудобно. Центр управления, который расположен на капитанском мостике в башне, находится слишком далеко от жилых помещений, да и сам мостик спроектирован неудобно для меня, так что для того, чтобы выполнять многочисленные сложные операции по управлению кораблем, мне приходится постоянно передвигаться от одной рабочей станции к другой. В иных случаях требуется, чтобы я покидал капитанский мостик и ходил туда-сюда по всему кораблю, а он огромен. Некоторые операции я просто не могу выполнить, поскольку для этого нужно, чтобы я одновременно присутствовал в двух или нескольких местах, которые находятся на разных палубах в километрах друг от друга. Рядом с моими жилыми помещениями есть небольшой, но удобный вспомогательный зал связи, похоже, вполне функциональный. Я бы хотел, чтобы ваши техники переделали и запрограммировали системы управления так, чтобы в будущем я мог выполнять все операции оттуда, не тратя время и силы на утомительные ежедневные походы на капитанский мостик, и чтобы мне не нужно было вставать с места.

Кроме этого, я предполагаю внести кое-какие новшества и кое-что модернизировать. На кухне должен быть полный набор специй и приправ, большой каталог рецептов, чтобы я мог питаться чем-то более разнообразным и приятным на вкус, нежели тот отвратительный питательный армейский рацион, на

который сейчас запрограммирован «Ковчег». Неплохо было бы иметь и большой запас пива, а также специальную установку, с помощью которой я смог бы сам его делать в будущем во время длительных межзвездных странствий. Мне необходимы и новые книги, голографические фильмы, музыкальные записи, начиная с прошлого тысячелетия. Несколько современных средств обеспечения безопасности. Ну и еще кое-какие мелочи. Я дам вам список.

Толли Мьюн слушала его с изумлением.

— Боже, — сказала она, когда он замолчал. — У вас действительно затерявшийся корабль Инженерно-Экологического Корпуса, да?

— Именно так, — многозначительно произнес Хэвиланд Таф.

Толли Мьюн широко улыбнулась.

— Прошу прощения. Я вызову бригаду техников и киберов, велю им подняться к вам и осмотреть корабль, и мы сообщим вам смету. Ну, не волнуйтесь. У вас такой большой корабль, что они еще не скоро во всем разберутся. Я пришлю еще и охрану, а то всякие любопытные растащат ваш «Ковчег» на сувениры.

Она задумчиво оглядела его голограмму с головы до ног.

— Вы должны проинструктировать мою бригаду, определить круг их задач. После этого будет лучше, если вы не будете болтаться у рабочих под ногами и позволите им трудиться самостоятельно. Это чудище нельзя посадить на «паутине», оно слишком большое. У вас есть на чем оттуда выбраться?

— «Ковчег» имеет полный комплект челноков, все они в рабочем состоянии, — ответил Хэвиланд Таф. — Но у меня нет особого желания расставаться с комфортом моей обители. Разумеется, мой корабль достаточно просторен, чтобы мое присутствие не могло серьезно помешать вашим рабочим.

— Черт возьми, мы-то с вами это знаем, но они работают хуже, когда думают, что кто-то заглядывает им через плечо, — сказала Толли Мьюн. — И потом, вам не помешает немного отдохнуть от этой консервной банки. Сколько вы в ней просидели в одиночку?

— Несколько стандарт-месяцев, — признался Таф. — Хотя я не совсем один. Я наслаждался обществом своих кошек, изучал возможности «Ковчега» и расширял свои познания в области экоинженерии. Тем не менее я согласен с вашим замечанием, что немного отдыха не помешает. Возможность познакомиться с новой кухней всегда приятна.

— Ну так попробуйте сатлэмского пива! В порту есть и другие развлечения — спортзалы, отели, наркобары, сенсории, секс-салоны, живой театр, игровые залы.

— О, это прекрасно! Кое в какие игры я играю, — заметил Таф.

— И потом, туризм, — продолжала Толли Мьюн. — Вы можете спуститься на трубоходе по лифту, и весь Сатлэм будет в вашем распоряжении.

— Хорошо, — кивнул Таф. — Вы заинтриговали меня. Я весьма любопытен. Это мое слабое место. К сожалению, мои финансы не позволяют мне остаться надолго.

— Об этом не беспокойтесь, — ответила она с улыбкой. — Мы просто включим это в счет за ремонт, потом рассчитаемся. Ну а теперь садитесь в свой челнок и причаливайте. Сейчас проверю. Кажется, причал девять-одиннадцать свободен. Для начала осмотрите «Паучье гнездо», потом спускайтесь вниз. Да вы, черт побери, будете самой настоящей сенсацией. Вас уже показывают в новостях. И «мухи», и «земляные червяки» просто будут виться вокруг вас роем.

— Куску разлагающегося мяса эта перспектива, возможно, и показалась бы приятной, но только не мне, — сказал Хэвиланд Таф.

— Тогда, — предложила Начальник порта, — поезжайте инкогнито.

3

В трубоходе стюард выкатил тележку с напитками почти сразу же после того, как Хэвиланд Таф пристегнулся ремнями, приготовясь спускаться вниз. Таф уже попробовал сатлэмское пиво в ресторанах «Паучьего гнезда» и нашел его жидким, водянистым и отменно безвкусным.

— А нет ли у вас каких-либо сортов пива, произведенных на других планетах? — спросил он. — Я бы с радостью купил.

— Конечно, есть, — ответил стюард.

Он нагнулся к тележке и достал пластиковую бутылочку с темно-коричневой жидкостью. На этикетке Таф увидел шандиллорскую надпись. Он пробил на карточке свой кодовый номер. На Сатлэме денежной единицей была калория, цена бутылочки, однако, почти в четыре с половиной раза превышала фактическую калорийность напитка.

— Импорт, — объяснил стюард.

Исполненный достоинства, Таф посасывал пиво, а в это время трубоход стремительно мчался вниз, на поверхность планеты. Поездка была не из приятных. Хэвиланд Таф счел, что цена билетов звездного класса для него будет излишним расточительством, и потому решил ехать классом ниже, то есть люксом. Тут ему пришлось втиснуться в кресло, явно рассчитанное на сатлэмского ребенка, причем на ребенка маленького. В ряду с узким проходом посередине было восемь таких кресел.

По счастливой случайности ему досталось место у прохода, в противном случае было бы сомнительно, что он вообще смог бы совершить это путешествие. Но все равно, стоило ему чуть шевельнуться, как он касался голой тонкой руки женщины, сидевшей слева, а это для него было крайне неприятно. Когда он сидел так, как привык, то упирался головой в потолок, поэтому ему приходилось горбиться, а от этого больно напрягалась шея. Таф вспомнил, что в трубоходе есть еще салоны первого, второго и третьего класса, и решил любыми способами избежать знакомства с их сомнительным комфортом.

Когда начался спуск, большинство пассажиров опустили на головы электронные капюшоны и выбрали развлечения по своему вкусу. Предлагались, как заметил Хэвиланд Таф, три разные музыкальные программы: историческая драма, две эротические фантазии, информация по бизнесу, нечто под названием «геометрическая павана» и прямая стимуляция мозгового центра наслаждений. Таф решил попробовать геометрическую павану, но обнаружил, что капюшон ему мал по сатлэмским стандартам, голова его была слишком велика.

— Ты та самая большая «муха»? — спросил кто-то, сидевший сзади.

Таф оглянулся. Сатлэмцы молчали, головы их были закрыты черными капюшонами. Кроме нескольких стюардов в конце вагона, единственным пассажиром, все еще находившимся в мире реальности, был мужчина, сидевший на боковом месте с другой стороны прохода, на один ряд позади Тафа. Длинные, перевязанные тесьмой волосы, медный цвет кожи и пухлые, румяные щеки выдавали в нем такого же чужеземца, как и Таф.

— Большая «муха», да?

— Я Хэвиланд Таф, инженер-эколог.

— Я так и знал, что ты «муха», — сказал мужчина. — Я тоже. Я Рэч Норрен, с Вандина.

Он протянул руку.

Хэвиланд Таф взглянул на нее:

— Мне известен древний ритуал пожатия рук, сэр. Я вижу, что у вас нет оружия. Насколько я понимаю, первоначально этот обычай служил именно для того, чтобы показать это. Я тоже безоружен. Так что нам нет необходимости обмениваться рукопожатием.

Рэч Норрен ухмыльнулся и опустил руку.

— Да ты шутник, — рассмеялся он.

— Сэр, — возразил Хэвиланд Таф. — Я не шутник и уж тем более не большая муха. По-моему, это ясно для любого человека с нормальным человеческим разумом. Хотя вполне допускаю, что на Вандине нормы другие.

Рэч Норрен поднял руку и ущипнул себя за щеку. Щека была круглая, мясистая, пухлая, покрытая красной пудрой, и ущипнул он ее сильно. Таф решил, что это какой-то особый вандинский жест, значения которого он не понял.

— «Муха» — так говорят «паучки», это идиома, — сказал мужчина. — Они зовут нас чужеземными «мухами».

— Несомненно, так, — согласился Хэвиланд Таф.

— Ты тот самый человек, что прилетел на гигантском боевом корабле, да? О ком говорят во всех новостях? — Норрен не дожидался ответа. — Почему ты в парике?

— Я путешествую инкогнито, — объяснил Хэвиланд Таф, — хотя, несмотря на мою маскировку, вы раскрыли меня, сэр.

Норрен опять ущипнул себя за щеку.

— Зови меня Рэч, — сказал он и осмотрел Тафа с ног до головы. — Маскировочка-то слабовата, — ухмыльнулся Норрен. — В парике или без парика, все равно видно, что ты толстый великан с лицом грибного цвета.

— Придется в дальнейшем пользоваться косметикой, — отозвался Таф. — Хорошо еще, что никто из местных жителей не проявил такой проницательности, как вы.

— Просто они слишком вежливые. На Сатлэме всегда так. Знаешь, их же слишком много. Большинство из них не могут себе позволить настоящего уединения, поэтому они делают вид, что каждый сам по себе. Они не будут замечать тебя на публике, если только ты сам этого не захочешь.

— Жители сатлэмского порта, которых я встречал, не показались мне ни излишне сдержанными, ни скованными строгим этикетом, — сказал Хэвиланд Таф.

— Так это же «паучки», они не такие, как все остальные, — ответил Рэч Норрен. — На самой планете немного посвободнее. Слушай, можно я дам тебе маленький совет? Не продавай здесь свой корабль, Таф. Прилетай к нам на Вандин. Мы заплатим намного больше.

— Я не собираюсь продавать «Ковчег», — возразил Таф.

— Не надо меня дурачить, — сказал Норрен. — У меня все равно нет полномочий, чтобы его купить. И стандартов нет. А жаль. — Он засмеялся. — Поезжай на Вандин и свяжись там с нашим Советом Координаторов. Не пожалеешь.

Он оглянулся вокруг, словно желая убедиться, что стюарды далеко, а пассажиры все еще грезят под своими капюшонами, и понизил голос до шепота, как заговорщик.

— Потом, даже если дело не в цене, я слышал, что у твоего корабля просто кошмарная мощь, ведь так? Сатлэмцам нельзя давать такую мощь. Нет, я их люблю, правда люблю, часто сюда прилетаю по делам.

Это хорошие люди, каждый из них в отдельности, но их так много, Таффер, и они без конца плодятся, просто как грызуны какие-нибудь. Вот увидишь. Пару веков назад здесь из-за этого была большая война. Сати образовывали везде свои колонии, захватывали каждый кусочек земли, какой только могли, а если там жил кто-то еще, они их просто выживали. В конце концов мы положили этому конец.

— Мы? — переспросил Хэвиланд Таф.

— Вандин, Скраймир, Мир Генри и Джазбо — основные ближайшие миры, а еще нам помогали и многие нейтральные планеты. Мирный договор разрешает сатлэмцам жить только в своей солнечной системе. Но если дать им такой корабль, как твой, Таф, они могут начать все сначала.

— Я считал сатлэмцев исключительно честными и нравственными людьми.

Рэч Норрен опять ущипнул себя за щеку.

— Честные, нравственные, конечно, конечно. Лучше нет людей для заключения сделок, а девицы знают кое-какие пикантные эротические штучки. Я тебе говорю, у меня есть сотня друзей-сати, и я люблю каждого из них, но у этих моих ста друзей, наверное, тысяча детей. Эти люди размножаются, как кролики, вот в чем проблема, Таф, поверь мне. Они жизнисты, так ведь?

— Несомненно, так, — отозвался Хэвиланд Таф. — А что такое жизнисты, позвольте спросить?

— Жизнисты, — нетерпеливо ответил Рэч Норрен, — антиэнтрописты, поклонники культа детей. Религиозные фанатики, Таффер.

Он хотел еще что-то сказать, но стюард повез по проходу тележку с напитками. Норрен откинулся в кресле.

Хэвиланд Таф поднял длинный бледный палец, останавливая стюарда.

— Пожалуйста, еще одну бутылочку, — сказал он.

До конца поездки Таф молчал, скрючившись в кресле и задумчиво посасывая пиво.

4

Толли Мьюн плавала по своей квартире, в которой был страшный беспорядок, пила пиво и размышляла. В одну из стен комнаты был вделан огромный экран, длиной шесть метров и высотой три. Обычно Толли выбирала какую-нибудь живописную панораму. Ей нравилось словно бы из окна смотреть на высокие прохладные горы Скраймира, на каньоны Вандина с их быстрыми белыми реками или на бесконечные городские огни самого Сатлэма, на сияющую серебристую башню — основание орбитального лифта, — поднимающуюся высоко-высоко в темное, безлунное небо, выше четырехкилометровых жилых башен звездного класса.

Но сегодня вечером на ее экране сияло звездное небо, а на его фоне вырисовывался мрачный величественный силуэт гигантского звездолета под названием «Ковчег». Даже такой большой экран — одна из привилегий Начальника порта — не передавал настоящих размеров корабля.

С этим кораблем были связаны надежда и опасность, очень большие надежды и очень большая опасность, и Толли Мьюн это знала.

Прозвенел звонок. Компьютер не стал бы ее беспокоить, если бы она не ждала этого звонка.

— Я отвечу, — сказала она.

Звезды померкли, «Ковчег» растаял, экран на секунду подернулся туманной рябью, из которой потом

появилось лицо Первого Советника Джозена Раэла, лидера большинства в Высшем Совете планеты.

— Начальник порта Мьюн, — обратился он.

При таком безжалостном увеличении ей было видно, как напряжена его длинная шея, как сжаты тонкие губы, как взволнованно блестят темно-карие глаза. Его куполообразный лысеющий череп, хотя и припудренный, начинал потеть.

— Советник Раэл, — ответила она, — хорошо, что вы позвонили. Вы просмотрели докладные?

— Да. Эта линия экранирована?

— Конечно, — сказала она, — можете говорить свободно.

Он вздохнул. Джозен Раэл занимался политикой уже около десяти лет. Сначала он получил известность как советник по войне, потом поднялся до советника по сельскому хозяйству и вот уже четыре стандарт-года был лидером большинства в Совете, фракции технократов, и, следовательно, самым влиятельным человеком на Сатлэме. Власть состарила и ожесточила его, и сейчас он выглядел таким усталым, каким Толли Мьюн еще никогда его не видела.

— Вы уверены в этой информации? — спросил он. — Ваши техники не ошиблись? Это слишком важно, чтобы можно было допустить ошибку. Это действительно биозвездолет ОЭГ?

— Да, — ответила Толли Мьюн. — Сильно поврежденный, но эта чертова штука все еще как-то работает, и клеточный фонд цел. Мы проверили.

Раэл провел длинными пальцами по своим редеющим седым волосам.

— Кажется, я должен бы радоваться. Когда все кончится, мне придется изобразить свой восторг перед корреспондентами. Но сейчас я не могу думать ни о чем другом, кроме как об опасности. У нас было заседание Совета. Закрытое. Пока это дело не будет

решено, мы не можем рисковать и рассказывать об этом всему свету. Было почти полное единогласие — и технократы, и экспансионисты, и нулевики, и партия церкви, и радикалы. — Он засмеялся. — Я ни разу не видел такого единодушия в Совете. Начальник порта Мьюн, мы должны овладеть этим кораблем.

Толли Мьюн предполагала, что дело идет к этому. Пробыв так долго Начальником порта, она волей-неволей научилась разбираться в политике. Сколько она себя помнила, на Сатлэме всегда был кризис.

— Я попробую купить его для вас, — сказала она. — Этот Хэвиланд Таф раньше был свободным торговцем — до того, как он наткнулся на «Ковчег». Моя бригада нашла на причальной палубе его старый корабль, он в ужасном состоянии. Все эти торгаши жадные. На это и рассчитываю.

— Дайте ему сколько попросит, — сказал Джозен Раэл. — Вы понимаете, Начальник порта? В плане финансов у вас неограниченные полномочия.

— Понимаю, — ответила Толли Мьюн. Но был и еще один вопрос. — А если он не продаст?

Джозен Раэл помолчал.

— Это вызовет массу трудностей, — пробормотал он. — Должен продать. Если откажет, будет трагедия. Может быть, не для него, но для нас.

— Ну а все-таки, если откажет? — повторила Толли Мьюн. — Я должна знать, что делать.

— Корабль должен быть наш, — сказал ей Раэл. — Если этого Тафа уговорить не удастся, у нас не будет другого выхода. Высший Совет воспользуется своим правом на принудительное отчуждение собственности и конфискует корабль. Конечно, он получит компенсацию.

— Черт возьми, вы хотите захватить корабль силой?

— Нет, — возразил Джозен Раэл. — Все будет по закону. В чрезвычайных обстоятельствах, ради спасения большинства людей, право частной собственности может быть нарушено, я это знаю точно.

— Черт побери эту расчетливость! — воскликнула Мьюн. — Джозен, у тебя было больше здравого смысла, когда ты работал здесь, наверху. Что там с тобой сделали?

Он криво усмехнулся и на какую-то секунду стал похож на того молодого человека, что год работал рядом с ней. Тогда она была заместителем Начальника порта, а он — третьим помощником администратора по межзвездной торговле. Но он покачал головой и опять превратился в стареющего усталого политика.

— Мне это не нравится, Ма, — сказал он. — Но что еще можно сделать? Я видел прогнозы. Массовый голод через двадцать семь лет, если только не будет никаких изменений, но их пока не предвидится. А до того к власти могут прийти экспансионисты, и тогда начнется новая война. В любом случае погибнут миллионы — может быть, миллиарды. Что значат по сравнению с этим права одного человека?

— С этим я не буду спорить, Джозен, хотя есть такие, кто спорить будет, ты это знаешь. Бог с ними. Давай лучше подумаем над рядом практических задач. Даже если мы купим этот корабль на законных основаниях, нам не миновать объяснений с Вандином, Скраймиром и остальными союзниками, но я сомневаюсь, что они что-нибудь предпримут. Если же мы захватим его силой, то все может быть по-другому. Они могут сказать, что это пиратство, что «Ковчег» — военный корабль, а он, кстати, им и был, и что мы нарушаем договор. Они могут снова на нас напасть.

— Я лично переговорю с их послами, — устало отозвался Джозен Раэл. — Заверю их, что, пока тех-

нократы у власти, программа колонизации не возобновится.

— Так они тебе и поверили! Черта с два. А ты дашь им гарантию, что технократы никогда не потеряют власть, что им никогда не придется иметь дело с экспансионистами? Интересно, как это тебе удастся? Хочешь с помощью «Ковчега» установить либеральную диктатуру?

Советник плотно сжал зубы, его длинная шея покраснела.

— Ты же знаешь, что я не из таких. Согласен, опасность есть. Но этот корабль имеет большой военный потенциал. Не будем этого забывать. Если союзники выступят против нас, мы будем иметь козырную карту.

— Чепуха, — сказала Толли Мьюн. — Его еще надо отремонтировать и научиться им пользоваться. Технология уже тысячу лет как забыта. Нам придется изучать ее месяцы, может быть, годы, пока мы не научимся пользоваться этой чертовой штуковиной. А вандинская армада прилетит к нам через пару-тройку недель, и другие тоже от нее не отстанут.

— Это уже вас не касается, Начальник порта, — холодно отрезал Джозен Раэл. — Высший Совет всесторонне обдумал этот вопрос.

— Да брось ты это чинопочитание, Джозен! Вспомни лучше, как ты нанюхался наркобластеров и решил выйти наружу посмотреть, с какой скоростью в космосе кристаллизуется моча. Это я уговорила тебя не высовываться и не морозить свой шланг, уважаемый Первый Советник. Прочисть свои уши и слушай меня. Может, война меня и не касается, но торговля касается. Безусловно, порт — это наша дорога жизни. Мы сейчас импортируем тридцать процентов калорий.

— Тридцать четыре, — поправил Раэл.

— Тридцать четыре процента, — повторила Толли Мьюн. — И эта цифра будет только расти, мы оба это прекрасно знаем. Мы платим за продовольствие своим техническим мастерством — как промышленными товарами, так и портовыми услугами. Мы ремонтируем, обслуживаем, строим больше кораблей, чем любая из четырех других планет нашего сектора, и знаешь почему? Да потому, что я не жалею своей паршивой задницы, лишь бы только мы были лучше всех. Сам Таф это сказал. Он прилетел сюда. На ремонт. Потому что у нас репутация нравственных, честных, справедливых и, конечно же, компетентных специалистов. А что будет с этой репутацией, если мы конфискуем его дурацкий корабль? Много ли торговцев захотят ремонтироваться у нас, если мы позволим себе забирать все, что нам нравится? Что будет с моим портом, с его репутацией, черт возьми?!

— Несомненно, это скажется на ней отрицательно, — признал Джозен Раэл.

Толли Мьюн громко фыркнула.

— Это будет концом нашей экономики! — воскликнула она.

Джозен Раэл сильно вспотел. Струйки пота сбегали по его широкому и высокому лбу. Он промокал их платком.

— Тогда ты должна позаботиться, чтобы этого не произошло, Начальник порта Мьюн. Ты должна позаботиться, чтобы до этого не дошло.

— Как?

— Купи «Ковчег», — сказал он. — Я даю тебе все права, поскольку ты так хорошо знаешь ситуацию. Заставь этого Тафа проявить благоразумие. За все отвечаешь ты.

Он кивнул, и экран погас.

5

На Сатлэме Хэвиланд Таф играл роль туриста. Нельзя отрицать, что эта планета по-своему производила глубокое впечатление на всех, кто ее посещал. За годы работы торговцем, перелетая от звезды к звезде на своем «Роге изобилия отборных товаров по низким ценам», Таф посетил столько планет, что не мог все и упомнить, но Сатлэм он вряд ли позабыл бы так скоро.

Он повидал немало захватывающих зрелищ: хрустальные башни Авалона, небесные паутины Арахны, пенящиеся моря Посейдона, черные базальтовые скалы Клегча. Город Сатлэм — много веков назад древние города слились в один гигантский мегаполис, оставив свои названия районам, — мог соперничать с любым из них.

Тафу вообще нравились высокие здания, и он любовался днем и ночью городским пейзажем со смотровых площадок, расположенных на высоте одного километра, двух, пяти, девяти. Как бы высоко он ни поднимался, огни были повсюду, они бесконечно простирались во всех направлениях, и нигде не было темных пятен. Прямоугольные, невыразительные сорока- и пятидесятиэтажные дома стояли бесконечными плотными рядами, всегда в тени зеркальных башен, которые возвышались над ними, поглощая весь солнечный свет. Над одними уровнями поднимались другие, над теми — третьи. Движущиеся тротуары переплетались и пересекались в виде запутанных лабиринтов. Под землей находилась разветвленная транспортная сеть, трубоходы и грузовые капсулы пронизывали темноту со скоростью нескольких сотен километров в час. Еще ниже были подвальные этажи,

цоколи, туннели, дороги, аллеи и жилые корпуса — целый город, который уходил вглубь настолько же, насколько его зеркальное отражение простиралось в небо.

Таф уже наблюдал огни мегаполиса с «Ковчега», с орбиты было видно, что город занимает полконтинента. Внизу же город выглядел таким огромным, что казалось, он может поглотить всю галактику. На планете были и другие континенты, по ночам они тоже сияли огнями. В море света не было островков темноты, у сатлэмцев не хватало места для такой роскоши, как парки. Тафу это нравилось, он всегда считал парки вредным излишеством, создаваемым с единственной целью — напоминать цивилизованному человеку о том, как груба и неудобна была жизнь, когда он был вынужден жить на природе.

За время своих путешествий Таф познакомился с самыми разнообразными культурами и нашел, что культура Сатлэма не имеет себе равных. Это был мир разнообразия, головокружительных возможностей, богатства, в котором чувствовались как жизненная сила, так и упадок. Это был космополитический мир, включенный в сеть, связывающую между собой звезды, легко усваивающий музыку, фильмы и сенсории, завезенные с других планет, и с помощью этих стимулов бесконечно варьирующий и трансформирующий свою собственную культуру. Город предлагал такое разнообразие развлечений и занятий, какого Таф никогда не видел: туристу не хватило бы и нескольких стандарт-лет, если бы он захотел перепробовать все.

За годы своих странствий Таф повидал чудеса науки и техники на Авалоне и Ньюхолме, Балдуре, Арахне и десятке других планет. Технические достижения, которые он увидел на Сатлэме, не уступали ни одно-

му из этих миров. Уже сам орбитальный лифт был настоящим произведением искусства — говорят, такие сооружения строились в древности на Старой Земле до Катастрофы. На Ньюхолме когда-то построили такой лифт, но он рухнул во время войны, и Тафу нигде не приходилось видеть такого выдающегося творения рук человеческих, даже на Авалоне — там от строительства подобных лифтов отказались по соображениям экономии. Движущиеся тротуары, трубоходы, заводы — все было сделано по последнему слову техники и действовало прекрасно. Работало, похоже, даже правительство.

Таф три дня осматривал город, знакомился с его чудесами, а потом вернулся в свой маленький, тесный номер-люкс на семьдесят девятом этаже отеля-башни и вызвал хозяина отеля.

— Я хотел бы немедленно вернуться на свой корабль, — сказал он, сидя на краю узкой кушетки, которую он выдвинул из стены: стулья для него были слишком маленькими. Свои большие белые руки он уютно сложил на животе.

Хозяин гостиницы, маленький мужчина, вдвое ниже Тафа, похоже, растерялся.

— Я думал, вы пробудете еще десять дней, — сказал он.

— Правильно, — ответил Таф. — Но планам свойственно меняться. Я хочу вернуться на орбиту как можно скорее. Я был бы вам очень признателен, если бы вы поскорее покончили со всеми формальностями, сэр.

— Вы еще так много не видели!

— Да, конечно. Но того, что я видел, мне вполне достаточно.

— Вам не понравился Сатлэм?

— Его портит избыток жителей, — ответил Таф. — Можно назвать и еще ряд недостатков.

Он поднял длинный палец:

— Ужасная пища, большей частью синтетическая, безвкусная и неприятного вида. Кроме того, порции недостаточны. Осмелюсь упомянуть и о постоянном назойливом внимании большого количества репортеров. Я научился их узнавать по многофокусным камерам, которые они носят на лбу в виде третьего глаза. Может быть, вы заметили, что они прячутся у вас в вестибюле, сенсории и ресторане. По моим грубым подсчетам, их тут около двадцати.

— Ну, вы же знаменитость, — сказал хозяин. — Видная фигура. Весь Сатлэм хочет все о вас знать. Конечно, если вы не хотите давать интервью, репортеры не посмеют нарушить ваше уединение. Профессиональная этика...

— Соблюдается в точности, — закончил за него Таф. — Должен признать, они держатся на расстоянии. Тем не менее каждый вечер, когда я возвращаюсь в этот недостаточно вместительный номер и включаю программу новостей, я вижу, как я сам, собственной персоной, осматриваю город, жую безвкусную пищу и посещаю уборные. Сознаюсь, тщеславие — один из моих главных недостатков, но тем не менее удовольствие от такой славы быстро прошло. Кроме того, большинство снимают меня в крайне нелепом ракурсе, а юмор комментаторов граничит с оскорблением.

— Все это легко устранить, — сказал хозяин гостиницы. — Вам бы надо было раньше ко мне обратиться. Мы можем дать вам напрокат щиток уединения. Он закрепляется на поясе, и когда какой-нибудь репортер подходит ближе чем на двадцать метров, он блокирует его «третий глаз» и посылает сильный импульс головной боли.

— Но есть недостаток, который устранить нельзя, — бесстрастно продолжал Таф, — полное отсутствие животных.

— Вредителей? — испуганно переспросил хозяин. — Вам не нравится, что у нас нет вредителей?

— Не все животные вредители, — многозначительно заметил Таф. — Во многих мирах любовно сохраняют птиц, собак и других животных. Сам я люблю кошек. Истинно цивилизованный мир оставляет место для кошек, но сатлэмцы, похоже, не способны отличить их от грызунов или мотыля. Когда я договаривался о поездке сюда, Начальник порта Мьюн заверила меня, что ее бригада позаботится о моих кошках, и я положился на ее слово. Но если никто из сатлэмцев никогда не видел никаких животных, кроме человека, у меня есть все основания сомневаться в качестве этой заботы.

— У нас есть животные, — возразил хозяин. — В сельскохозяйственных зонах. Много животных — я видел записи.

— Не сомневаюсь, — сказал Таф. — Однако кошка и фильм о кошке — это совсем разные вещи, и требуют они разного обращения. Пленку можно хранить на полке. Кошек нельзя. Но это не главное. Как я уже упоминал, проблема не в качествах сатлэмцев, а в их количестве. Слишком много народа, сэр. Меня постоянно толкают. В ресторанах столы стоят слишком близко друг к другу, стулья малы для меня, а иногда рядом садятся незнакомые люди и толкаются локтями. Сиденья в театрах и сенсориях узкие и тесные. На тротуарах толпы, в вестибюлях толпы, в трубоходах толпы — везде полно людей, которые трутся о меня без моего на то согласия.

Хозяин изобразил на лице слащавую профессиональную улыбку.

— О, человеческое племя! — сказал он, вдруг обретя красноречие. — Слава Сатлэма! Массы народа, море лиц, бесконечные процессии, драма жизни! Ничто так не придает бодрости, как ощущение плеча своего собрата!

— Возможно, — бесстрастно отозвался Хэвиланд Таф. — Однако я взбодрился уже достаточно. Кстати, позвольте заметить, что средний сатлэмец не достает мне до плеча и поэтому рад коснуться моих рук, ног или живота.

Улыбка исчезла с лица хозяина.

— У вас неверный подход, сэр. Чтобы как следует оценить наш мир, вы должны научиться видеть его глазами сатлэмцев.

— Я не собираюсь ползать на четвереньках, — сказал Хэвиланд Таф.

— Вы случайно не сторонник антижизни?

— Ни в коей мере, — ответил Таф. — Жизнь для меня всегда предпочтительнее, нежели ее противоположность. Однако я знаю по своему опыту, что все хорошее имеет свою оборотную сторону и ничего нельзя доводить до крайности, до абсурда. Мне кажется, на Сатлэме именно это и делают.

Он поднял руку, чтобы хозяин его не перебивал.

— Если говорить конкретнее, у меня возникло что-то вроде антипатии, несомненно, поспешной и необоснованной по отношению к отдельным, так сказать, представителям жизни на Сатлэме, с которыми я случайно столкнулся. Некоторые из них открыто выражали враждебность, награждая меня эпитетами, явно имеющими отношение к моим размерам и массе.

— Ну, — сказал хозяин, краснея, — мне очень жаль, но вы... гм... мужчина крупный, а на Сатлэме... гм... не принято иметь лишний вес.

— Вес, сэр, это всего лишь функция гравитации и, следовательно, величина переменная. Кроме того,

я не признаю за вами права судить о том, лишний у меня вес или нормальный, поскольку это критерий субъективный. Эстетические взгляды в разных мирах не одинаковы, так же как и генотипы, и наследственная предрасположенность. Я вполне доволен своей нынешней массой, сэр. Но вернемся к делу. Я хочу немедленно покинуть вашу гостиницу.

— Очень хорошо, — ответил хозяин. — Завтра утром я закажу вам место на первом же трубоходе.

— Это меня не устраивает. Я хочу уехать немедленно. Я изучил расписание и знаю, что один трубоход отходит через три стандарт-часа.

— Там остались только места второго и третьего класса.

— Я потерплю, — сказал Хэвиланд Таф. — Несомненно, когда я выйду из поезда, от такого тесного контакта с человечеством я буду просто до краев наполнен бодростью.

6

Толли Мьюн парила в центре своего кабинета в позе лотоса и смотрела на Хэвиланда Тафа сверху вниз.

У нее было специальное кресло для «мух» и «земляных червяков», не привычных к невесомости. В целом кресло было довольно неудобным, но надежно привинчено к полу и снабжено ремнями, которые удерживали сидящего на месте. Таф неуклюже, но с достоинством добрался до него и застегнул ремни. Она же, удобно устроившись, парила прямо перед ним примерно на уровне его головы. Для человека такого роста, как Таф, вряд ли было привычно в разговоре смотреть на собеседника снизу вверх; Толли Мьюн по-

считала, что это даст ей определенное психологическое преимущество.

— Начальник порта Мьюн, — сказал Таф, похоже, ничуть не обескураженный своим приниженным положением. — Я протестую. Я понимаю, что это постоянное обращение к моей персоне как к «мухе» всего лишь пример колоритного местного жаргона, в котором нет и тени оскорбления. Но я не могу не обижаться на эту явную попытку, скажем так, оборвать мне крылышки.

Толли Мьюн криво улыбнулась:

— Извините, Таф, но наша цена твердая.

— Несомненно, — сказал Таф. — Твердая. Интересное слово. Если бы я не испытывал благоговейного страха от одного лишь присутствия такой многоуважаемой персоны, как вы, я мог бы даже предположить, что эта твердость граничит с жестокостью. Вежливость не позволяет мне произносить такие слова, как жадность, алчность, космическое пиратство, чтобы добиться своих целей на этих трудных переговорах. Однако я должен отметить, что сумма пятьдесят миллионов стандартов в несколько раз превышает валовой планетарный продукт многих миров.

— Маленьких миров, — возразила Толли Мьюн, — а работа большая. Этот ваш корабль просто чертовски велик.

Таф по-прежнему был бесстрастен.

— Я признаю, что «Ковчег» действительно большой корабль, но боюсь, это мало относится к делу, если только у вас не принято начислять плату за квадратные метры, а не за отработанные часы.

Толли Мьюн рассмеялась.

— Но ведь это не то же самое, что оснастить какой-нибудь старый грузовик несколькими импульсными кольцами или перепрограммировать вашу

навигационную систему. Здесь речь идет о тысячах рабочих часов, даже если три полные бригады «паучков» будут трудиться в три смены, об огромных системах, которые должны сделать наши лучшие киберы, об изготовлении новых деталей, и это только для начала.

Мы должны прежде всего исследовать этот ваш чертов музей, а уж потом только разбирать его на части, иначе нам потом его не собрать. Нам придется привлечь лучших специалистов снизу, может быть, даже с других планет. Подумайте, сколько уйдет на это времени, энергии, калорий. Да одна только плата за стоянку — ведь в этой штуке тридцать километров, Таф. Ее нельзя поставить в «паутине». Нам придется построить вокруг корабля специальный док. И даже тогда он будет занимать место, которое мы могли бы отдать под сотни три обычных звездолетов. Хотите знать, сколько это будет стоить?

Она быстро подсчитала на своем портативном компьютере затраты и покачала головой:

— Если вы пробудете здесь один месяц по местному времени, то это обойдется почти в миллион калорий только за стоянку. Больше трехсот тысяч стандартов вашими деньгами.

— Несомненно, так, — ответил Хэвиланд Таф.

Толли Мьюн развела руками:

— Если наша цена вас не устраивает, можете, конечно, обратиться куда-нибудь еще.

— Я не могу этого сделать, — сказал Хэвиланд Таф. — Хотя мои запросы так скромны, похоже, к сожалению, их могут удовлетворить только на нескольких планетах — печальное наблюдение о сегодняшнем уровне технического развития человечества.

— Только на нескольких? — Толли Мьюн скептически улыбнулась. — Наверно, мы слишком низко оценили свои услуги.

— Мадам, — сказал Хэвиланд Таф, — надеюсь, вы не воспользуетесь моей наивной откровенностью.

— Нет, — ответила она. — Я же говорила, наша цена твердая.

— Видимо, мы зашли в тупик. Вы назвали сумму. У меня ее нет.

— Я и подумать об этом не могла. Я считала, что в таком большом корабле должно быть достаточно калорий.

— Разумеется, в скором времени я займусь прибыльным делом — экологической инженерией, — сказал Таф. — К сожалению, я еще не начал практиковать, а в своей прежней торговой деятельности я недавно потерпел ряд неудач. Может быть, вас заинтересуют пластиковые репродукции куглийских масок для оргий? Из них получаются необычные настенные украшения, которые, говорят, имеют свойство возбуждать чувственность и усиливают половую энергию.

— Боюсь, что не заинтересуют, — ответила Толли Мьюн. — Знаете что, Таф? Сегодня у вас счастливый день.

— Вы шутите, — сказал Хэвиланд Таф. — Даже если вы хотите сообщить мне, что снизите цену вдвое, я вряд ли смогу воспользоваться вашей добротой. Скажу вам горькую правду, Начальник порта Мьюн. В данный момент я испытываю временный недостаток средств.

— Я знаю, как вам помочь, — сказала Толли Мьюн.

— И как же? — отозвался Таф.

— Вы же торговец. Вам ведь не нужен такой большой корабль, как «Ковчег», да? И вы ни черта не смыслите в экоинженерии. Это старье вам совершенно не нужно. Но оно имеет определенную ценность как утиль. — Она ласково улыбнулась. — Я говорила кое с кем. Высший Совет считает, что в ваших интересах продать нам вашу находку.

— Трогательная забота, — усмехнулся Хэвиланд Таф.

— Мы вам хорошо заплатим, — сказала она. — Дадим тридцать процентов примерной стоимости корабля.

— Расчет будете делать вы, — спокойно сказал Таф.

— Да, но это не все. Сверх этой платы мы накинем еще миллион стандартов наличными и дадим вам новый корабль. Абсолютно новенький звездолет класса «Дальний Рейс Девять». Это самый большой грузовой корабль, который мы строим. На нем полностью автоматизированная кухня, каюты на шесть пассажиров, гравитационная установка, два челнока и такой огромный грузовой трюм, что в нем могут поместиться рядом два самых больших торговых судна с Авалона и Кимдисса. Корабль оснащен новейшими компьютерами серии «Смарталек», работающими с голоса, имеет все с тройным запасом, и, кроме того, если захотите, на нем можно смонтировать оружие. Вы будете оснащены лучше, чем любой независимый торговец в нашем секторе.

— Я потрясен вашей щедростью, — сказал Таф. — Подобное предложение кого угодно заставило бы упасть в обморок. Но все же, хотя мне, несомненно, было бы гораздо удобнее на красивом новом корабле, который вы мне предлагаете, я испытываю довольно нелепую сентиментальную привязанность к «Ковчегу». Хотя он имеет повреждения и почти бесполезен, но это все-таки последний уцелевший биозвездолет Инженерно-Экологического Корпуса, живой кусочек истории, памятник гению и героизму, который к тому же еще может пригодиться. Однажды, когда я совершал путешествие по космосу в одиночестве, у меня появилась прихоть оставить полную неизвестности профессию торговца и заняться вместо этого экоин-

женерией. Каким бы нелогичным и глупым это решение ни было, оно еще не утратило для меня привлекательности, а упрямство — один из самых больших моих пороков. Поэтому, Начальник порта Мьюн, я с глубочайшим сожалением вынужден отказаться от вашего предложения. Я оставляю «Ковчег» себе.

Толли Мьюн подскочила, легко перекувырнулась в воздухе, оттолкнулась от потолка и опустилась к Тафу, они оказались лицом к лицу. Она поднесла к его лицу палец.

— К черту! — воскликнула она. — Я не могу торговаться из-за каждой паршивой калории. Таф, я деловая женщина, и у меня нет ни времени, ни сил на эти ваши торгашеские штучки. Вы продадите свой корабль — я это знаю, и вы знаете, — так что давайте лучше покончим с этим делом. Назовите свою цену.

Хэвиланд Таф расстегнул ремни и оттолкнулся от пола. Он был так огромен, что она почувствовала себя маленькой — она, которую всю жизнь звали великаншей.

— Прошу оставить меня в покое, — сказал он. — Ничто не изменит моего решения. Боюсь, вы неправильно меня поняли, Начальник порта Мьюн. Да, я был торговцем, в чем вы меня ошибочно обвинили, но плохим — может быть, потому, что никогда не умел торговаться. Я четко изложил свою позицию. «Ковчег» не продается.

7

— Я испытываю к тебе определенную привязанность, поскольку работал там, наверху, — решительно говорил Джозен Раэл по секретной линии связи, — и не могу

отрицать, что твоя работа как Начальника порта достойна уважения. Иначе я бы уволил тебя прямо сейчас. Ты позволила ему вернуться на корабль? Как ты могла?! Я думал, ты умнее.

— А я думала, что ты политик, — ответила Толли Мьюн с некоторой долей презрения в голосе. — Джозен, подумай, какие могли быть последствия, если бы служба безопасности схватила его посреди «Паучьего гнезда». Тафа трудно не узнать, даже если он надевает свой дурацкий парик и пытается изменить свой облик. Здесь полно вандинцев, джазбойцев, генрийцев и так далее, все они наблюдают за Тафом и за «Ковчегом», ждут, что мы предпримем. К нему уже подходил агент с Вандина. Их видели беседующими в трубоходе.

— Я знаю, — уныло проговорил Советник. — И все-таки надо было взять его тайно.

— А потом что мне с ним делать? — поинтересовалась Толли Мьюн. — Убить и выбросить через тамбур? Я этого не допущу, Джозен, и никто, слышишь, никто не заставит меня сделать это. Не смей делать этого и ты. Если только попробуешь, я разоблачу тебя в новостях.

Джозен Раэл промокнул платком пот.

— Не только у тебя есть принципы, — сказал он, защищаясь. — Ничего такого я не предлагал. И все же мы должны получить этот корабль, а сейчас, когда Таф туда вернулся, наша задача намного осложнилась. У «Ковчега» все еще имеется мощная система защиты. Я попросил провести анализ, и результаты его таковы, что «Ковчег», возможно, способен противостоять атаке всей нашей флотилии планетарной обороны.

— Ах, черт, он стоит всего в пяти километрах от девятой трубы, Джозен. Даже слабенькая атака может уничтожить порт и обрушить лифт на твою парши-

вую башку! Лучше помалкивай и дай мне самой все сделать. Я заставлю его продать корабль — и сделаю это по закону.

— Очень хорошо, — ответил Советник. — Я дам тебе еще время. Но предупреждаю, что Высший Совет внимательно следит за этим делом и не хочет долго ждать. Даю тебе три дня. Если за это время Таф не согласится, я буду действовать силой.

— Не беспокойся, — заверила Раэла Толли Мьюн. — У меня есть план.

8

Залом связи «Ковчега» была длинная узкая комната, на стенах ее темнели ряды неработающих телеэкранов. Хэвиланд Таф удобно устроился в кресле со своими кошками. Паника, озорная черно-белая кошка, свернулась калачиком у него в ногах и заснула. Пушистый Хаос, еще почти котенок, расхаживал туда-сюда по широким плечам Тафа, терся о его шею и громко мурлыкал. Таф, сложив руки на животе, терпеливо ждал, пока различные компьютеры принимали его запрос, рассматривали, передавали, проверяли и индексировали. Наконец геометрическая павана на экране расчистилась, и он увидел типичные черты лица пожилой сатлэмской женщины.

— Хранитель банка данных Совета, — представилась она.

— Я Хэвиланд Таф со звездолета «Ковчег».

Женщина улыбнулась:

— Я вас узнала. Видела вас в новостях. Чем могу быть полезна? — Она моргнула. — Ой, у вас что-то на шее.

— Котенок, мадам, — сказал Таф, — и очень ласковый.

Он поднял руку и почесал Хаоса под подбородком.

— Мне нужна ваша помощь в одном небольшом деле. Поскольку я неисправимый раб собственного любопытства и всегда жажду пополнить свой скудный запас знаний, я последнее время занимаюсь изучением вашего мира — его историей, обычаями, фольклором, социальными моделями и так далее. Разумеется, я воспользовался всеми стандартными текстами и общественными информационными службами, но есть одна информация, которую я до сих пор не смог получить. Это сущая безделица, найти ее, разумеется, до смешного легко, если бы я только знал, где искать, но тем не менее ее нет ни в одном источнике, к которым я обращался. В поисках этой безделицы я связался с сатлэмским Образовательным центром обработки данных и с самой большой библиотекой вашей планеты, и они отослали меня к вам. Поэтому я к вам и обратился.

Лицо Хранителя стало серьезным.

— Понятно. Банки данных Совета, как правило, закрыты для публики, но, может быть, для вас я смогу сделать исключение. Что вас интересует?

Таф поднял палец:

— Сущая безделица, как я уже сказал, но я буду у вас в долгу, если вы будете столь любезны ответить на мой вопрос и удовлетворить мое любопытство. А именно, какова численность населения Сатлэма на сегодняшний день?

Лицо женщины сделалось холодным и непроницаемым.

— Это секретная информация, — бесстрастно ответила она. Экран погас.

Хэвиланд Таф минуту подождал, а потом снова подключился к информационной службе, с которой он работал до того.

— Меня интересует общий обзор сатлэмской религии, — сказал он поисковой программе. — И особенно описание вероучений и этических систем Церкви Эволюционирующей Жизни.

Спустя несколько часов, когда позвонила Толли Мьюн, Таф изучал текст с глубочайшим вниманием.

Он рассеянно поигрывал с Паникой, которая после сна была бодра и голодна. Таф ввел информацию, которую просматривал, в память и вызвал изображение Толли Мьюн на другом экране.

— Приветствую вас, Начальник порта, — сказал он.

— Я слышала, вы пытались вынюхать секреты планеты, Таф, — произнесла она, улыбаясь.

— Уверяю вас, это не входило в мои намерения, — ответил Таф. — Но в любом случае из меня вышел плохой шпион, так как эта попытка была неудачной.

— Давайте вместе пообедаем, — предложила Толли Мьюн, — и, может быть, я сумею ответить на ваш маленький вопрос.

— Надеюсь, что сможете, — сказал Хэвиланд Таф. — Позвольте мне пригласить вас пообедать на борту «Ковчега». Моя кухня, хотя и не изысканная, все же более вкусная и куда более разнообразная, чем то, что подают в вашем порту.

— Боюсь, я не смогу, — ответила Толли Мьюн. — Слишком много дел, Таф, я не могу покинуть эту чертову станцию. Что же касается вашего желудка, он может не волноваться. С Кладовых только что прибыл большой грузовой корабль. Кладовые — это наши сельскохозяйственные астероиды, чертовски плодородные. Первым руку в калории запускает Начальник порта. Свежие салаты из неотравы, ветчина в

коричневом сахарном соусе, пряные стручки, грибной хлеб, желейные фрукты с настоящими взбитыми сливками и пиво, — она улыбнулась, — импортное пиво.

— Грибной хлеб? — переспросил Хэвиланд Таф. — Я его очень люблю. Хочу предупредить — я не ем мяса животных, так что, кроме ветчины, ваше меню выглядит весьма привлекательно. С радостью принимаю ваше любезное приглашение. Если приготовите причал, я прилечу на челноке «Мантикора».

— Причал номер четыре, — сказала она. — Совсем рядом с «Паучьим гнездом». Это Паника или Хаос?

— Паника, — ответил Таф. — Хаос отбыл по своим таинственным делам, как и подобает котам.

— По правде говоря, я никогда не видела живой кошки, — весело заметила Толли Мьюн.

— Я возьму с собой Панику, чтобы восполнить этот пробел в вашем образовании.

— До встречи.

9

Обед происходил при гравитации в одну четверть.

Хрустальный зал находился в нижней части «Паучьего гнезда», его венчал купол из прозрачного хрустального металлопласта. За почти невидимыми сводами — чернота космоса, россыпи холодных сверкающих звезд, сложное сплетение «паутины». Внизу видна была каменистая поверхность станции, множество пересекающихся транспортных труб, большие серебряные пузыри лабораторий, крепящиеся в узловых точках, изящные минареты и сияющие стрелы —

башни отелей звездного класса, вздымающиеся в холодном мраке космоса. Прямо над головой висел огромный шар самого Сатлэма — бледно-голубой с коричневыми пятнами, с завихрениями облаков. К нему поднимался орбитальный лифт, все выше и выше, пока огромная шахта не превратилась в тоненькую ниточку, а потом и вовсе исчезла. Вид был ошеломляющий.

Зал обычно использовался только для важных государственных мероприятий; последний раз он открывался три года назад, когда Джозен Раэл приезжал наверх, чтобы встретить одну приезжую знаменитость. Но Толли Мьюн сумела получить в свое распоряжение именно этот зал. Еду приготовил шеф-повар, которого она одолжила на вечер на одном из лайнеров Транскорпорации, пиво было реквизировано у торговца, сделавшего остановку по пути на Мир Генри; сервиз позаимствован в Музее планетарной истории; за большим столом из эбеноогненного дерева — черного, пронизанного длинными алыми прожилками — хватило бы места для двенадцати человек, прислуживать гостю должны были молчаливые, скромные официанты в черных с золотом ливреях.

Таф вошел, держа на руках кошку, бросил взгляд на роскошный стол и уставился на звезды и «паутину».

— Отсюда видно «Ковчег», — сказала ему Толли Мьюн. — Вон та яркая точка влево и кверху от «паутины».

Таф посмотрел, куда она показывала.

— Это трехмерное изображение? — спросил он, поглаживая кошку.

— Нет, черт возьми. Корабль виден на самом деле, Таф.

Она усмехнулась.

— Не беспокойтесь, вы в безопасности. Это металлопласт тройной толщины. Ни планета, ни лифт на вас не упадут, а вероятность попадания в купол метеорита ничтожно мала.

— Я полагаю, что здесь довольно интенсивное движение, — сказал Хэвиланд Таф. — А можно ли быть уверенным в том, что в купол не врежется какой-нибудь турист, взявший напрокат вакуумные сани, ударит потерянный инструмент или прогоревшее импульсное кольцо?

— Абсолютной уверенности нет, — призналась Толли Мьюн, — но в тот самый момент, как это случится, запечатаются тамбуры, завоют сирены и откроется ящик с аварийным комплектом. Все это должно быть в любом помещении, граничащем с вакуумом. Портовые правила. Так что если что-то случится, а это маловероятно, у нас будут легкие скафандры, кислородные мешки и даже лазерная горелка на тот случай, если мы захотим сами заделать пробоину, пока сюда не прибудут «паучки». Но за все время, что существует порт, такое случалось всего раза два-три, так что можете наслаждаться зрелищем и не беспокоиться.

— Мадам, — сказал Хэвиланд Таф с достоинством, — я не беспокоюсь, я просто проявляю любопытство.

— Ну вот и прекрасно, — улыбнулась она.

Толли Мьюн пригласила его садиться. Таф неловко втиснулся в кресло и, пока официант подавал тарелки с закусками и корзинки с горячим грибным хлебом, сидел молча, поглаживая черно-белую спинку Паники. Закуски были трех видов: маленькие пирожки с пряным сыром и грибным паштетом и что-то типа маленьких змеек или, может быть, больших червей, запеченных в ароматном оранжевом соусе. Таф дал две змейки своей кошке, которая жадно их про-

глотила, потом взял пирожок, понюхал, осторожно откусил, прожевал и кивнул.

— Превосходно, — объявил он.

— Значит, это кошка, — сказала Толли Мьюн.

— Несомненно, так, — ответил Таф, отрезая кусок грибного хлеба — изнутри батона поднималась струйка пара — и аккуратно намазывая его толстым слоем масла.

Толли Мьюн потянулась за своим хлебом и обожгла пальцы о горячую корочку. Но она не отдернула руку; перед Тафом не следовало показывать слабость в чем бы то ни было.

— Вкусно, — сказала она, проглотив первый кусок. — Знаете, Таф, большинство сатлэмцев питаются не так.

— Этот факт не остался мною не замеченным, — отозвался Таф, беря двумя пальцами еще одну змейку для Паники, которая прыгнула к нему на колени.

— По правде говоря, калорийность нашего обеда примерно равна тому, что средний житель потребляет за неделю.

— Судя по одним только закускам и хлебу, я осмелюсь предположить, что мы уже получили больше гастрономического удовольствия, чем средний сатлэмец имеет за всю свою жизнь, — бесстрастно отозвался Таф.

Подали салат; Таф попробовал его и одобрил. Толли Мьюн ковыряла в тарелке и ждала, пока официанты не отойдут к стене.

— Таф, — сказала она. — Кажется, у вас был какой-то вопрос.

Хэвиланд Таф поднял глаза от тарелки и посмотрел на Толли Мьюн. На ее лице ничего не отразилось.

— Вы правы, — сказал он. Паника тоже смотрела на Толли Мьюн своими узкими глазами, такими же зелеными, как неотрава в салате.

— Тридцать девять миллиардов, — тихо произнесла Толли Мьюн.

Таф моргнул.

— Несомненно, так, — сказал он.

Она улыбнулась:

— И это все, что вы хотите сказать?

Таф посмотрел на огромный шар Сатлэма, висевший над их головами.

— Раз уж вы хотите знать мое мнение, Начальник порта, то я замечу, что, хотя эта планета представляется мне весьма большой, я не могу не сомневаться, что ее размеры достаточно велики для такого громадного количества людей. Нисколько не осуждая ваших обычаев, культуры и цивилизации, я все же думаю, что население из тридцати девяти миллиардов человек можно считать несколько избыточным.

Толли Мьюн криво ухмыльнулась:

— Вы так считаете?

Она откинулась на спинку стула, позвала официанта и велела подавать напитки. Пиво было густым и темным, с толстой шапкой ароматной пены; его принесли в больших кружках из травленого стекла. У кружек было по две ручки. Толли Мьюн подняла свою кружку довольно неуклюже, наблюдая, как в ней плещется напиток.

— Вот почему я никогда не привыкну к гравитации, — сказала она. — Жидкость, черт возьми, должна выжиматься из пластиковых бутылок. А с этими кружками только и жди какой-нибудь неприятности.

Она отпила глоток, и над ее губой остались усы из пены.

— Однако неплохо, — сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Ну ладно, Таф, я ду-

маю, хватит играть в прятки, — продолжала она, ставя кружку на стол с чрезмерной осторожностью человека, не привыкшего даже к такой слабой гравитации. — Вы, конечно же, подозревали о наших проблемах с перенаселением, иначе бы не задали такого вопроса. И к тому же вы поглощаете всякую другую информацию. Для чего?

— Любопытство — моя слабость, мадам, — ответил Таф. — И я просто хотел решить задачку Сатлэма, может быть, надеясь, что в процессе решения сумею найти какие-то средства вывести вас из тупика.

— И? — произнесла Толли Мьюн.

— Вы подтвердили предположение о перенаселенности, которое я вынужден был сделать. Теперь все становится ясным. Ваши огромные города поднимаются все выше и выше в небо, потому что вам надо где-то размещать свое стремительно растущее население. Вы тщетно пытаетесь бороться за сохранение своих сельскохозяйственных земель. Ваш великолепный порт работает с заметным напряжением, лифт постоянно движется, потому что вы не можете сами себя прокормить и вынуждены импортировать продовольствие с других планет. Ваши соседи вас боятся и, возможно, даже ненавидят, потому что несколько веков назад вы попытались решить проблему перенаселения при помощи эмиграции и захвата новых территорий, но разразилась война. Ваши люди не держат кошек, собак и других домашних животных просто так, для души, потому что на Сатлэме нет места для особей, которые не являются эффективным и неотъемлемым звеном продовольственной цепочки. Средний сатлэмец гораздо ниже, чем положено быть человеку, из-за многовекового недоедания и нормирования буквально всего, вызванного экономической необходимостью. Поэтому каждое ваше поколение становится

ниже ростом и слабее предыдущего, приспосабливаясь ко все более скудному рациону. Все эти беды — прямое следствие перенаселения.

— Похоже, вы не очень-то это одобряете, — заметила Толли Мьюн.

— Я не собираюсь вас критиковать. У вас есть и свои достоинства. В целом вы трудолюбивы, общительны, нравственны, цивилизованны и изобретательны, а ваше общество, ваша техника и особенно темпы интеллектуального развития просто достойны восхищения.

— Наша техника, — сухо сказала Толли Мьюн, — это единственное, что спасает наши паршивые задницы. Мы импортируем тридцать четыре процента калорий. Еще около двадцати процентов мы выращиваем на тех сельскохозяйственных землях, что у нас еще остались. Остальное продовольствие производится на фабриках из нефтехимических продуктов. И этот процент с каждым годом растет. Должен расти. Только пищевые фабрики могут достаточно быстро приспосабливаться к росту населения. Но с ними тоже проблема.

— У вас кончаются запасы нефти, — вставил Таф.

— Да, черт возьми, — вздохнула Толли Мьюн. — Невозобновляемый ресурс и все такое.

— Разумеется, ваше правительство знает примерно, когда начнется голод.

— Через двадцать семь стандарт-лет, — сказала она. — Срок постоянно меняется, потому что возникают разные факторы. До того, как наступит голод, может начаться война. Так считают некоторые эксперты. А может быть, будут и война, и голод. В любом случае погибнет много людей. Мы цивилизованный народ, Таф, вы сами это сказали. Настолько цивилизованный, черт возьми, что просто невероятно. Общительный, нравственный, жизнеутверждающий и так далее.

Но даже и это сейчас рушится. Условия жизни в подземных городах становятся с каждым поколением все хуже и хуже, и некоторые наши лидеры даже говорят, что там идет обратная эволюция, люди превращаются в каких-то вредителей. Убийства, изнасилования, тяжкие преступления — с каждым днем их все больше и больше. За последние два года произошло даже два случая каннибализма, и в ближайшие годы они участятся. Количество преступлений растет вместе с ростом населения. Вы меня понимаете, Таф?

— Несомненно, так, — бесстрастно отозвался он.

Официанты внесли горячее. На блюде горкой высились дымящиеся кусочки мяса, только что из духовки. К нему подали четыре вида овощей. Хэвиланд Таф позволил до краев наполнить свою тарелку пряными стручками, пюре из смаклей, сладким корнем, масляными узелками и попросил официанта отрезать для Паники несколько тоненьких кусочков ветчины, ибо мяса животных он не ел. Толли Мьюн, напротив, взяла толстый кусок мяса, полила его коричневым соусом, но, попробовав, обнаружила, что есть ей почему-то не хочется; она наблюдала за Тафом.

— Ну так что же? — напомнила она ему.

— Может быть, я сумею оказать вам небольшую услугу в вашем затруднительном положении, — сказал Таф, ловко подцепив вилкой пряные стручки.

— Вы можете это сделать, — сказала Толли Мьюн. — Продайте нам «Ковчег», Таф. Это единственный выход. Вы это знаете. И я это знаю. Назовите цену. Я взываю к вашему милосердию! Продайте, и вы спасете миллионы жизней — может быть, миллиарды. Вы станете не только богачом, но и героем. Если хотите, мы даже назовем вашим именем свою паршивую планету!

— Мысль интересная, — заметил Таф. — И все же, каким бы тщеславным я ни был, боюсь, вы пере-

оцениваете возможности бывшего Общества Экологической Генетики. В любом случае «Ковчег» не продается, как я уже сообщил вам. Может быть, я осмелюсь предложить более простое решение ваших трудностей? Если оно окажется действенным, я был бы рад позволить вам назвать моим именем город или малый астероид.

Толли Мьюн рассмеялась и отпила приличный глоток пива:

— Продолжайте, Таф. Поведайте мне об этом простом, банальном решении.

— Нужно провести целый ряд мероприятий. Ядром этой концепции является контроль за численностью населения, осуществляемый при помощи биохимических или механических противозачаточных средств, полового воздержания и юридических ограничений. Механизмы могут быть разными, но конечный результат должен быть один. Сатлэмцы должны размножаться несколько медленнее.

— Это невозможно, — сказала Толли Мьюн.

— Едва ли, — возразил Таф. — Другие миры, которые гораздо старше Сатлэма, этого добились.

— Мало ли кто чего добился, — махнула рукой Толли Мьюн, не заметив, что пролила свое пиво. — Вы не оригинальны, Таф. Эта идея не нова. У нас даже есть политическая фракция, которая отстаивает ее уже сотни лет. Нулевики — так мы их зовем. Они хотят свести рост населения к нулю. Кажется, их поддерживает семь, ну, восемь процентов сатлэмцев.

— Массовый голод, несомненно, увеличит число приверженцев этой идеи, — заметил Таф, поднося ко рту вилку с пюре. Паника одобрительно мяукнула.

— Тогда будет уже поздно, и вы, черт возьми, это прекрасно знаете. Проблема в том, что там, внизу, массы людей не верят, что им грозит голод, сколько

бы они ни слышали зловещих прогнозов. Это мы и раньше слыхали, говорят они, и черт меня побери, если они не правы. Еще их бабушкам и прадедушкам грозили, что вот-вот наступит голод. Но раньше на Сатлэме всегда удавалось отодвинуть катастрофу, найти какое-то решение. Большинство горожан уверены, что выход из кризиса сумеют найти и впредь.

— Такие решения, о которых вы говорите, по своей природе всего лишь временные меры, — сказал Хэвиланд Таф. — Это очевидно. Единственно верное решение проблемы — это контроль за численностью населения.

— Вы нас не понимаете, Таф. Ограничение рождаемости большинство наших граждан воспринимают как проклятие. Его никогда не поддержит такое количество людей, чтобы с ними пришлось считаться, — и если они и согласятся с этой идеей, то уж не для того, чтобы избежать какой-то идиотской и, по их понятиям, вымышленной катастрофы, в которую все равно никто не верит. Несколько особенно глупых и особенно наивных политиков пытались убедить граждан, что катастрофа неминуема, — их тут же облили грязью, заклеймили как безнравственных сторонников антижизни.

— Понятно, — сказал Хэвиланд Таф. — А вы, Начальник порта Мьюн, тоже человек сильных религиозных убеждений?

Она нахмурилась и отпила глоток пива.

— Да нет, черт возьми. Кажется, я агностик. Не знаю, не очень-то об этом задумывалась. Но я тоже за нулевой вариант, хотя внизу я бы никогда в этом не призналась. Многие «паучки» — нулевики. В маленькой замкнутой системе, такой, как наш порт, последствия неограниченного размножения быстро становятся очевидными и неприемлемыми. Внизу это

не так заметно. А Церковь? Вам известно о Церкви Эволюционирующей Жизни?

— Недавно я получил общее представление о ее заповедях, — ответил Таф.

— Сатлэм колонизовали старейшины Церкви Эволюционирующей Жизни, — пояснила Толли Мьюн. — Они бежали от религиозного преследования на Таре. А преследовали их потому, что они размножались с такой скоростью, что грозили занять всю планету, что не особенно нравилось тарцам.

— Вполне естественно, — вставил Таф.

— То же самое погубило и программу колонизации, которую несколько веков назад предприняли экспансионисты. Церковь — ну, она учит, что назначение жизни — заполнять Вселенную, что жизнь — абсолютное добро. Антижизнь — энтропия — абсолютное зло. Считается, что между жизнью и антижизнью существует что-то вроде соревнования, борьбы. Мы должны эволюционировать, учит Церковь, через все более высокие ступени чувственности и гениальности стать подобными богам и успеть предотвратить тепловую гибель Вселенной. Поскольку эволюция происходит посредством биологического механизма размножения, мы должны размножаться, должны обогащать свой генофонд, должны сеять наше семя на других звездах. Ограничивать рождаемость — это значит вмешиваться в переход к следующей ступени эволюции человечества, не дать родиться гению, будущему богу, носителю одной мутантной хромосомы, которая могла бы вывести человечество на следующую высшую ступеньку лестницы.

— Кажется, я уловил суть символа веры.

— Мы свободные люди, Таф, — продолжала Толли Мьюн. — Разные религии, свобода выбора и все такое. У нас есть эриканеры, старохристиане, Дети

Мечтателя. У нас есть бастионы Стального Ангела, общины Мелдера, все, что хотите. Но больше восьмидесяти процентов населения все же принадлежит к Церкви Эволюционирующей Жизни, и их вера сейчас сильнее, чем когда-либо раньше. Они смотрят вокруг и видят везде плоды учения Церкви. Когда у вас миллиарды людей, у вас есть миллионы гениев и есть стимул, который создают яростное оплодотворение, жестокая конкуренция, невероятная нужда. Так что неудивительно, черт возьми, что Сатлэм достиг поразительного уровня технического развития. Они видят свои города, свой лифт, видят людей, которые приезжают к нам учиться с сотни планет, видят, как мы затмеваем все соседние миры. Они не видят катастрофы, а лидеры Церкви говорят, что все будет хорошо, так какого же черта они должны воздерживаться?!

Она с силой хлопнула ладонью по столу, обернулась к официантам.

— Эй, там! — крикнула она. — Еще пива. И побыстрей!

И снова повернулась к Тафу:

— Так что не нужно мне ваших наивных предложений. В нашей ситуации контроль за рождаемостью совершенно неприемлем. Это невозможно. Вы понимаете это, Таф?

— В моих интеллектуальных способностях можете не сомневаться, — сказал Хэвиланд Таф. Он гладил Панику, которая, наевшись ветчины, устроилась у него на коленях. — Тяжелое положение сатлэмцев тронуло мое сердце. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы облегчить ваши страдания.

— Значит, вы продадите «Ковчег»? — обрадовалась она.

— Это необоснованное предположение, — ответил Таф. — И все же, прежде чем улететь на другие

планеты, я, конечно, сделаю для вас все, что смогу как инженер-эколог.

Официанты внесли десерт — большие сине-зеленые желейные фрукты, плавающие в вазочках с густыми взбитыми сливками. Паника понюхала сливки издалека и вспрыгнула на стол, чтобы изучить их поближе.

Толли Мьюн покачала головой.

— Заберите десерт, — сказала она, — слишком жирный. Мне просто пива.

Таф взглянул на нее и поднял палец.

— Минуточку! Не стоит выбрасывать вашу порцию этого восхитительного кушанья. Паника с удовольствием им полакомится.

Начальник порта отпила глоток из новой кружки с темным пивом и нахмурилась.

— Мне больше нечего сказать, Таф. У нас кризис. Мы должны получить этот корабль. Это наш последний шанс. Продадите?

Таф посмотрел на нее. Паника быстро поглощала десерт.

— Моя позиция неизменна.

— Ну, тогда извините, — сказала Толли Мьюн. — Я этого не хотела.

Она щелкнула пальцами. В возникшей тишине, когда было слышно только, как Паника лакает сливки, щелчок прозвучал словно выстрел. Рослые предупредительные официанты, стоявшие у прозрачных хрустальных стен, сунули руки под свои аккуратные черные с золотом ливреи и достали нейропистолеты.

Таф моргнул, обернулся сначала вправо, потом влево, осмотрев каждого по очереди. Паника в это время добралась до его десерта.

— Предательство, — спокойно сказал он. — Я разочарован. Вы воспользовались моей доверчивостью и добродушием.

— Вы сами меня вынудили на это, Таф, вы паршивый идиот!

— Подобные гнусные оскорбления не оправдывают вашего предательства, а лишь усугубляют его, — заявил Таф, держа в руке ложку. — Полагаю, теперь меня тайно, злодейским образом умертвят?

— Мы цивилизованные люди! — гневно воскликнула Толли Мьюн. Она была зла на Тафа, на Джозена Раэла, на проклятую Церковь Эволюционирующей Жизни и больше всего на саму себя за то, что дело приняло такой оборот. — Нет, вас не убьют. Мы даже не украдем у вас этот брошенный корабль, к которому вы так чертовски привязаны. Все по закону, Таф. Вы арестованы.

— Несомненно, так, — сказал Таф. — Подчиняюсь. Я всегда стараюсь соблюдать местные законы. По какому обвинению меня будут судить?

Толли Мьюн хмуро улыбнулась, прекрасно понимая, что сегодня в «Паучьем гнезде» ее будут называть Стальной Вдовой. Она показала на дальний конец стола, где сидела Паника, и улыбнулась.

— Незаконный ввоз вредителей в сатлэмский порт, — сказала она.

Таф аккуратно положил ложку на стол и скрестил руки на животе.

— Насколько я помню, я привез с собой Панику по вашему приглашению.

Толли Мьюн покачала головой.

— Не отпирайтесь, Таф. Наш разговор записан на пленку. Правда, я заметила, что никогда не видела живой кошки, но это простая констатация факта, и ни один суд не сможет усмотреть в этом подстрекательства к преступному нарушению наших законов по охране здоровья. По крайней мере ни один наш суд. — Она жалобно улыбнулась, как будто прося прощения.

— Понятно, — отозвался Таф. — В таком случае давайте не будем терять время на юридические махинации. Я признаю себя виновным и заплачу штраф за это незначительное нарушение закона.

— Хорошо, — сказала Толли Мьюн. — Штраф пятьдесят стандартов.

Она сделала знак рукой, один из ее людей подошел и взял Панику со стола.

— Конечно, — закончила она, — вредитель должен быть уничтожен.

10

— Ненавижу гравитацию, — говорила Толли Мьюн увеличенному улыбающемуся изображению Джозена Раэла, закончив свой отчет об обеде. — Она меня выматывает, и просто страшно подумать, что эта чертова тяжесть делает с моими мышцами и органами. И как вы, «червяки», можете так жить? А эта жуткая еда! Просто неприлично было смотреть, как он ее поглощает. А запахи!

— Начальник порта, лучше обсудим более важные вещи, — сказал Раэл. — Значит, дело сделано? Мы его взяли?

— Мы взяли его кошку, — угрюмо поправила она. — Точнее, я взяла его кошку.

Словно почуяв, что говорят о ней, Паника завыла и прижалась мордочкой к прутьям металлопластиковой клетки, которую люди из службы безопасности пристроили в углу комнаты Толли Мьюн. Кошка все время выла, она явно плохо себя чувствовала в невесомости и постоянно теряла равновесие, когда пыта-

лась двигаться. Каждый раз, когда она ударялась о прутья клетки, Толли Мьюн виновато морщилась.

— Я была уверена, что он отдаст корабль, лишь бы спасти свою дурацкую кошку.

Джозен Раэл, похоже, расстроился.

— Не могу сказать, что твой план мне очень нравится. Неужели кто-нибудь откажется от такого сокровища, как «Ковчег», чтобы сохранить жизнь животному? Тем более что, как ты говоришь, у него на борту есть и другие особи этого же вида вредителей?

— Он привязан именно к этому вредителю, — со вздохом ответила Толли Мьюн. — А может быть, этот Таф хитрее, чем я думала. Он мог понять, что я блефую.

— Тогда уничтожьте вредителя. Покажите ему, что мы не бросаем слов на ветер.

— Не говори глупости, Джозен! — раздраженно воскликнула она. — Что нам это даст? Если я убью эту чертову кошку, я ничего не получу. Таф это знает, и он знает, что я знаю, что он знает. В этом случае по крайней мере у нас есть то, что ему нужно. Мы загнаны в тупик.

— Мы изменим закон, — предложил Джозен Раэл. — Например, введем наказание за незаконный ввоз в порт вредителя. Будет предусмотрена конфискация корабля, на котором животное привезли.

— Чертовски ловко, — усмехнулась Толли Мьюн. — Но, к сожалению, законы обратной силы не имеют.

— Посмотрим, что хорошенького придумаешь ты.

— У меня еще нет плана, Джозен. Но будет. Я его уговорю. Я его перехитрю. У него есть слабые места, я знаю. Еда, кошки. Может быть, и еще что-нибудь, что мы могли бы использовать. Совесть, либидо, алкоголь, азартные игры. — Она задумалась. — Да, он любит играть.

Она протянула палец к экрану:

— Ничего пока не предпринимай. Ты дал мне три дня, они еще не прошли. Так что подожди.

Толли Мьюн стерла лицо Джозена с огромного экрана, и на его месте появился космос, где на фоне немигающих звезд висел «Ковчег».

Кошка как будто узнала изображение и тоненько, жалобно мяукнула. Толли Мьюн взглянула на нее, нахмурилась и попросила соединить ее с диспетчером службы безопасности.

— Таф, — рявкнула она. — Где он сейчас?

— В игровом салоне отеля «Вид мира», Ма, — ответила дежурная.

— «Вид мира»? — простонала она. — О Господи, и пришло же ему в голову отправиться к «червякам»! Что там, полная гравитация? А, черт, ладно. Проследите, чтобы он не ушел. Я спускаюсь.

11

Толли нашла его в салоне, где он играл на пятерых с двумя пожилыми «червяками», кибером, которого она несколько недель назад уволила за ограбление систем, и круглолицым торговым посредником с Джазбо. Судя по горке фишек, высившейся перед Тафом, он выигрывал. Толли Мьюн щелкнула пальцами, и хозяйка салона, бесшумно ступая, поднесла ей стул. Она села рядом с инженером-экологом и тронула его за руку.

— Таф, — позвала она.

Он повернул голову и отпрянул от нее.

— Пожалуйста, не прикасайтесь ко мне, Начальник порта Мьюн.

Она убрала руку.

— Что вы делаете, Таф?

— В данный момент я пробую применить интересную новую стратегию собственного изобретения против Негоцианта Деза. Боюсь, она не очень удачная, а впрочем, посмотрим. В более широком смысле: я пытаюсь заработать несколько жалких стандартов при помощи статистического анализа и прикладной психологии. Жить на Сатлэме отнюдь не дешево, Начальник порта Мьюн.

Джазбоец громко рассмеялся, показав полный рот черных полированных зубов, инкрустированных красными драгоценными камешками. Его длинные волосы сияли от радужных масел, толстое лицо покрывала татуировка.

— Вызываю, Таф, — сказал он, нажимая кнопку, чтобы осветить свое войско на подсвеченной поверхности стола. Таф быстро подался вперед.

— Несомненно, так, — произнес он. Одно движение длинного белого пальца, и в кругу загорелась его армия. — Боюсь, вы проиграли, сэр. Мой эксперимент оказался удачным, хотя, разумеется, по чистой случайности.

— Черт бы тебя побрал с твоей удачей! — воскликнул джазбоец, нетвердо поднимаясь на ноги. Горка фишек перед Тафом выросла.

— Значит, вы выигрываете, Таф, — сказала ему Толли Мьюн. — Но это вас не выручит. Так вы никогда не соберете тех денег, что вам нужны.

— Я это знаю, — ответил Таф.

— Давайте поговорим.

— Именно этим мы и занимаемся.

— Нам нужно поговорить с глазу на глаз, — настаивала она.

— Во время нашей последней беседы с глазу на глаз я подвергся нападению людей с нейропистолетами, словесному оскорблению, был жестоко обманут, лишен любимого товарища и возможности полакомиться десертом. Я больше не расположен принимать таких приглашений.

— Я закажу что-нибудь выпить, — предложила Толли Мьюн.

— Ну ладно, — согласился Таф. Он тяжело поднялся, сгреб фишки и кивнул своим партнерам. Они прошли в отдельную кабину в конце салона. Толли Мьюн тяжело дышала, борясь с гравитацией. Зайдя внутрь, она опустилась на подушки, заказала два нарка со льдом и задернула занавески.

— Прием наркотических напитков ограничит мои умственные способности, Начальник порта Мьюн, — заявил Хэвиланд Таф, — и хотя я готов принять вашу щедрость в знак прощения вашего недавнего извращения цивилизованного гостеприимства, моя позиция тем не менее не изменится.

— Чего вы хотите, Таф? — устало спросила она, когда принесли напитки. Высокие стаканы с кобальтово-синей жидкостью были покрыты изморозью.

— Как у любого человека, у меня много желаний. В данный момент я больше всего хочу, чтобы Паника вернулась ко мне.

— Я же сказала вам, я обменяю кошку на корабль.

— Мы обсуждали это предложение, и я отверг его как несправедливое. Зачем начинать все сначала?

— У меня есть новый аргумент, — сказала она.

— Надеюсь, что есть.

Таф потягивал свой напиток.

— Обсудим вопрос о собственности, Таф. По какому праву вы владеете «Ковчегом»? Вы его строили? Вы как-то участвовали в его создании? Нет, черт возьми!

— Я его нашел, — возразил Таф. — Правда, я это сделал в компании еще с пятерыми людьми и не могу отрицать, что их претензии на корабль в некоторых отношениях были более вескими, чем мои. Однако они погибли, а я жив. Это существенно укрепляет мои права. Кроме того, в данный момент я владею этим кораблем. Во многих этических системах факт владения — это важнейший, а зачастую и решающий критерий определения собственности.

— Это там, где все ценное принадлежит государству, где ваш чертов корабль просто захватили и вас бы не спросили.

— Я знаю об этом и избегаю посещения таких планет, — сказал Хэвиланд Таф.

— Если бы мы захотели, Таф, мы могли бы силой забрать у вас корабль. Может быть, право на собственность дает сила?

— Действительно, в вашем распоряжении целая команда преданных лакеев с нейропистолетами и лазерами. А я же, скромный торговец и начинающий инженер-эколог, — один, если не считать безобидных кошек. Но все же и у меня есть свои маленькие возможности. Теоретически я могу запрограммировать систему обороны «Ковчега» таким образом, что захватить его будет не так легко, как вы думаете. Конечно, это всего лишь гипотетическое предположение, но вы могли бы уделить ему должное внимание. В любом случае, по сатлэмским нормам, грубая военная акция была бы незаконной.

Толли Мьюн вздохнула.

— В некоторых культурах право собственности зависит от практичности. В других — от необходимости.

— Я знаком с этими теориями.

— Хорошо. Сатлэму «Ковчег» нужен больше, чем вам, Таф.

— Неправда. «Ковчег» мне нужен для того, чтобы работать по избранной специальности и зарабатывать на жизнь. Вашей планете нужен не сам корабль, а экоинженерия. Поэтому я предложил вам свои услуги — и что же? Мое предложение было с презрением отвергнуто.

— Потому что оно неразумно, — перебила Тафа Толли Мьюн. — На нашей планете до черта блестящих ученых. Вы же, по вашему собственному признанию, всего лишь торговец. Мы сможем лучше использовать «Ковчег».

— Ваши блестящие ученые — специалисты в основном по физике, химии, кибернетике и прочим точным наукам. На Сатлэме не особенно развиты такие науки, как биология, генетика или экология. Это очевидно по двум причинам. Во-первых, если бы вы обладали этими знаниями, вы бы так остро не нуждались в «Ковчеге». Во-вторых, вы никогда бы не довели свою экологию до ее нынешнего зловещего состояния. Поэтому я сомневаюсь, что ваши люди сумеют использовать «Ковчег» более эффективно. С тех пор как я нашел «Ковчег», отправился в путешествие и прибыл к вам, я усердно учился и смею высказать предположение, что теперь я единственный квалифицированный инженер-эколог во всем космосе, заселенном людьми, за исключением разве что Посейдона.

На бледном лице Тафа не отражалось никаких чувств; он точно формулировал каждую фразу и как будто выстреливал ими. И все же, каким бы невозмутимым он ни казался, Толли Мьюн почувствовала, что за спокойной внешностью Тафа кроется какое-то слабое место — гордость, самолюбие, тщеславие, — которое она могла бы использовать в своих целях. Она поднесла к его лицу палец.

— Слова, Таф. Одни пустые слова и больше ничего. Можете сколько угодно называть себя инженером-

экологом, но это ни черта не значит. Да назовитесь хоть желейным фруктом, но в вазочке со взбитыми сливками вы будете выглядеть просто по-дурацки!

— Несомненно, так, — отозвался Таф.

— Могу поспорить, — сказала она, переходя в наступление, — что вы и понятия не имеете, что делать с этим дурацким кораблем.

Хэвиланд Таф моргнул и сложил руки на столе.

— Это интересно, — сказал он. — Продолжайте.

Толли Мьюн улыбнулась.

— Ставлю вашу кошку против вашего корабля, — предложила она. — Я описала вам нашу проблему. Решите ее — получите Панику, целую и невредимую. Не решите — мы захватим «Ковчег».

Таф поднял палец.

— В этом плане имеются изъяны. Хотя вы задаете мне очень трудную задачу, я был бы готов принять ваш вызов, не будь эти ставки такими неравноценными. И «Ковчег», и Паника — мои, хотя последнюю вы бессовестно присвоили, правда, на законных основаниях. Следовательно, если я выиграю, я просто верну себе то, что и так по праву принадлежит мне, в то время как вы можете получить бесценный приз. Это несправедливо. У меня другое предложение. Я прибыл на Сатлэм, чтобы сделать ремонт и модернизировать мой корабль. Если победа будет за мной, вы не возьмете с меня денег за эту работу.

Толли Мьюн поднесла бокал ко рту, чтобы дать себе время подумать. Лед почти растаял, но нарк еще приятно холодил нёбо.

— Пятьдесят миллионов стандартов? Это уж слишком, черт возьми!

— Таково мое условие, — сказал Таф.

Она ухмыльнулась.

— Кошка, может быть, и была вашей, но теперь она наша. Ну ладно, Таф, что касается ремонта, я дам вам кредит.

— На каких условиях и под какие проценты? — поинтересовался он.

— Мы сделаем ремонт, — сказала она, улыбаясь. — Начнем немедленно. Если вы победите — а это вряд ли, — вы получите свою кошку, и мы дадим вам беспроцентный кредит на стоимость ремонта. Можете расплатиться, когда заработаете там, — она махнула рукой в сторону Вселенной, — своей экоинженерией. Но мы оставляем за собой право на удержание «Ковчега». Если вы не выплатите половину суммы через пять стандарт-лет или всю через десять, корабль будет наш.

— Первичная оценка была завышена, — заметил Таф. — Очевидно, эта огромная цифра имела единственную цель: заставить меня продать корабль. Предлагаю остановиться на двадцати миллионах стандартов.

— Это смешно, — отрезала она. — Да за эти деньги мои «паучки» ваш корабль даже покрасить не смогут. Но я согласна на сорок пять.

— Двадцать пять миллионов, — предложил Таф. — Поскольку на «Ковчеге» я один, мне не нужно, чтобы вы полностью восстанавливали все палубы и системы. Некоторыми отдаленными палубами я не пользуюсь. Я сокращу свой заказ и включу в него только то, что нужно сделать для моей безопасности и комфорта.

— Хорошо, — сказала она. — Согласна на сорок миллионов.

— Тридцать, — настаивал Таф. — И это более чем достаточно.

— Не будем торговаться из-за нескольких миллионов стандартов, — примирительно сказала Толли

Мьюн. — Вы все равно проиграете, так что какая вам разница?

— У меня несколько другая точка зрения. Тридцать миллионов.

— Тридцать семь.

— Тридцать два.

— Ну ладно, сойдемся на тридцати пяти, идет? — Она протянула ему руку.

Таф посмотрел на нее.

— Тридцать четыре, — спокойно сказал он.

Толли Мьюн рассмеялась и убрала руку.

— Хорошо, пусть будет тридцать четыре.

Хэвиланд Таф встал.

— Давайте еще по бокалу, — предложила она, — за наше маленькое пари.

— Нет-нет, — отклонил ее предложение Таф. — Прошу прощения, но я буду праздновать, когда выиграю. А пока что надо работать.

12

— Я просто поверить не могу, что ты такое сделала, — очень громко проговорил Джозен Раэл.

Толли Мьюн до отказа повернула ручку громкости, чтобы заглушить раздражающее унылое мяуканье кошки.

— Ты не можешь отказать мне в благоразумии, — проворчала она. — Это была блестящая идея, черт возьми!

— Ты поставила на карту будущее нашего мира! Миллиарды и миллиарды жизней! Ты серьезно думаешь, что я одобряю эту твою сделку?

Толли Мьюн отпила глоток пива из бутылочки и вздохнула. Потом медленно, как будто что-то объясняла очень непонятливому ребенку, сказала:

— Джозен, мы не можем проиграть. Подумай об этом, если мозги в твоей башке еще не совсем атрофировались от гравитации. На кой черт нам нужен этот «Ковчег»? Чтобы накормить себя, конечно. Чтобы избежать голода, решить нашу проблему, сотворить биологическое чудо. Накормить всех хлебами и рыбами.

— Хлебами и рыбами? — переспросил озадаченный Первый Советник.

— Это из классики, Джозен. Кажется, относится к христианству. Таф попытается приготовить сандвичи с рыбой для тридцати миллиардов человек. Я думаю, что он только измажется в муке и подавится рыбной костью и ничего больше, но это не важно. Если он проиграет, мы получим этот чертов биозвездолет — все по закону. Если он победит, «Ковчег» нам будет не нужен. Мы выиграем в любом случае. И при этом я так все устроила, что, даже если победа будет за Тафом, он все-таки останется нам должен тридцать четыре миллиона стандартов. Если каким-то чудом он выиграет, мы все равно получим корабль, когда Таф прибудет расплатиться с долгами. — Она отпила еще пива и криво улыбнулась. — Джозен, тебе чертовски повезло, что я не хочу занять твое место. Тебе никогда не приходило в голову, что я гораздо умнее тебя?

— Но ты никудышный политик, Ма, — ответил он. — И я сомневаюсь, что ты хотя бы день продержалась бы на моем месте. Я, однако, не могу отрицать, что свою работу ты делаешь хорошо. Надеюсь, твой план сработает.

— Надеешься? — удивилась она.

— Надо учитывать политические реальности. Да пойми же, что экспансионисты хотят иметь этот ко-

рабль к тому дню, когда они придут к власти. К счастью, их меньшинство. На голосовании в Совете мы снова их победим.

— Да уж, постарайтесь, пожалуйста, — сказала Толли Мьюн, паря в полумраке своей квартиры. Связь прекратилась, и на экране опять появился «Ковчег». Сейчас там работали ее бригады, возводившие временный док. Постоянный построят потом. Она рассчитывала, что «Ковчег» пробудет здесь не одно столетие, а эту чертову штуковину надо где-то держать. И даже если по какой-то невероятной случайности Таф на нем улетит, все равно давно уже пора было расширить «паутину», а тут получатся новые причалы для сотен звездолетов. Таф готов заплатить по счету, и она не видела смысла вновь откладывать это строительство. Рабочие собирали секции огромной полупрозрачной трубы, которая свяжет гигантский биозвездолет с концом ближайшей радиальной спицы, облегчая доставку материалов и «паучков». Внутри корабля уже работали киберы. Они подсоединились к компьютерной системе и теперь перепрограммировали ее в соответствии с требованиями Тафа, заодно выискивая команды внутренней обороны, которые он мог закодировать. Это было секретное распоряжение Стальной Вдовы, Таф о нем не знал. Дополнительная предосторожность на тот случай, если Таф не сумеет проиграть достойно. Она не хотела, чтобы из коробочки с призом, который ей достанется, посыпались чудовища и заразные болезни.

Что касается самого Тафа, агенты Толли Мьюн сообщали ей, что, после того как он покинул игровой салон отеля «Вид мира», он практически не выходил из своего компьютерного зала. С санкции Начальника порта банки данных Совета давали ему любую информацию, какую бы он ни попросил, а он, как ей

передавали, просил много. Бортовые компьютеры «Ковчега» обрабатывали целый ряд прогнозов и моделей. Толли Мьюн могла отдать ему должное: он старался.

В углу комнаты Паника ударилась о стенку своей клетки и обиженно замяукала. Толли Мьюн было жаль кошку. Тафа ей тоже было жаль. Может быть, когда он проиграет, она постарается все-таки добиться, чтобы ему отдали корабль «Дальний Рейс Девять».

13

Прошло сорок семь дней.

Все сорок семь дней бригады техников трудились в три смены; вокруг «Ковчега» день и ночь кипела работа. «Паутина» дотянулась до звездолета и закрыла его; со всех сторон, словно виноградные лозы, его обвивали кабели; из люков торчало множество трубок пневмодоставки, как будто это был не корабль, а умирающий человек в палате реанимации; на корпусе вздувались серебристо-стальные пузыри; словно вены, переплетались струны из стали и дюросплава; с легким жужжанием туда-сюда сновали вакуумные сани, и везде внутри и снаружи расхаживали целые отряды «паучков».

Прошло сорок семь дней, и «Ковчег» был отремонтирован, модернизирован, отделан и снабжен запасами.

Все сорок семь дней Хэвиланд Таф ни на минуту не покидал свой корабль. Сначала, сообщали «паучки», он сидел в своем компьютерном зале: день и ночь работал с моделями, и на него обрушивались потоки

информации. Последние несколько недель его чаще всего видели в тридцатикилометровом центральном туннеле звездолета, где он разъезжал на маленькой трехколесной тележке. На голове у него была зеленая кепка с большим козырьком, а на коленях — пушистая серая кошка. Он почти не обращал внимания на сатлэмских техников, а время от времени подъезжал к разбросанным по туннелю рабочим станциям и сверялся с приборами или же осматривал бесконечные ряды чанов, больших и маленьких, которые стояли вдоль высоких стен. Киберы отметили, что началось выполнение отдельных программ по клонированию и заработал деформатор времени, забирая колоссальные объемы энергии. Все сорок семь дней Таф провел почти в полном одиночестве, в компании одного лишь Хаоса. Он работал.

Все сорок семь дней Толли Мьюн не разговаривала ни с Тафом, ни с Первым Советником Джозеном Раэлом. Все ее время занимали обязанности Начальника порта, которые она забросила с начала этой истории с «Ковчегом». Ей нужно было выслушивать и разрешать споры, рассматривать кандидатуры на повышение по службе, наблюдать за строительством, развлекать залетных дипломатов перед тем, как посадить их в лифт, составлять бюджеты, подписывать ведомости на зарплату. А еще ей нужно было заботиться о кошке.

Сначала Толли Мьюн опасалась самого худшего. Паника отказывалась от еды, похоже, никак не могла приспособиться к невесомости, портила воздух в квартире Начальника порта своими отходами жизнедеятельности и все время издавала самые жалобные звуки, какие Начальник порта когда-либо имела несчастье слышать. Толли Мьюн так беспокоилась, что даже пригласила своего главного специалиста по вредите-

лям, который заверил ее, что клетка просторна, а порции белковой пасты более чем достаточны. Кошка же с этим не согласилась и по-прежнему ничего не ела, мяукала и шипела. Наконец Толли Мьюн решила, что кто-нибудь из них скоро сойдет с ума — либо Паника, либо она сама.

В конце концов она решила предпринять кое-какие меры, отказалась от питательной белковой смеси и стала кормить животное мясными палочками, которые Таф прислал с «Ковчега». Свирепость, с какой Паника на них накидывалась, стоило только просунуть их между прутьями клетки, обнадеживала. Однажды, проглотив палочку за рекордно короткое время, кошка полизала пальцы Толли Мьюн; ощущение было странным, но нельзя сказать, что совсем неприятным. Кошка часто терлась о стенку клетки, как будто желала общения. Толли осторожно потрогала ее и в награду услышала гораздо более приятный звук, чем те, что Паника издавала раньше. От прикосновения к черно-белому меху женщина испытала почти чувственное наслаждение.

Через восемь дней Толли Мьюн выпустила кошку из клетки. Более просторное помещение рабочего кабинета было не менее надежной тюрьмой. Не успела она открыть дверцу, как Паника стремительно выпрыгнула из клетки, но, пролетев через всю комнату, громко зашипела от страха. Толли Мьюн тут же подскочила и схватила кошку, но та отчаянно сопротивлялась и расцарапала ей все руки. Вызвав и отпустив медсестру, Толли Мьюн позвонила в службу безопасности.

— Закажите мне номер в отеле «Вид мира», — сказала она. — Комнату в башне с гравитационной установкой. Пусть поставят гравитацию на одну четверть.

— Для кого? — спросили у нее.

— Для пленника порта, — отрезала Толли Мьюн. — Он вооружен и очень опасен.

Переведя Панику на новое место, женщина ежедневно в конце рабочей смены посещала отель, сначала только для того, чтобы покормить свою заложницу и убедиться, все ли с ней в порядке. На пятнадцатый день она засиделась подольше, общаясь с кошкой, которая страстно этого жаждала. Поведение животного изменилось решительным образом. Как только Толли Мьюн открывала входную дверь, кошка мурлыкала от удовольствия (хотя до сих пор все время пыталась убежать), терлась о ее ногу, прятала когти и, похоже, даже толстела. Всякий раз, когда Толли Мьюн разрешала себе сесть, Паника тут же прыгала ей на колени. На двадцатый день Начальник порта проспала в отеле ночь. На двадцать шестой она туда переехала.

Прошло сорок семь дней, и под конец Паника привыкла спать рядом с Толли Мьюн, свернувшись на подушке и касаясь своим черно-белым мехом ее щеки.

На сорок восьмой день с ней связался Хэвиланд Таф. Он увидел, что кошка сидит на коленях у женщины, однако не подал виду, что его это поразило.

— Начальник порта, — обратился он к своей собеседнице.

— Ну что, еще не отказались от своего пари? — спросила она.

— Да нет, — ответил Таф. — По правде говоря, я готов объявить о победе.

14

Это было слишком важное заседание, чтобы воспользоваться телесвязью, хотя бы и защищенной, решил Джозен Раэл. У вандинцев, возможно, есть

способы перехватывать такую связь. И потом, поскольку Толли Мьюн имела дело с Тафом лично и могла понять его лучше, чем члены Совета, ее присутствие сочли обязательным, а ее неприязнь к гравитации — несущественной. Она спустилась на лифте на поверхность планеты — она и не помнила, когда была там в последний раз, — и аэротакси примчало ее в зал на верхнем этаже башни Совета.

Огромное помещение было обставлено с античным величием. В центре его находился длинный, широкий стол заседаний, в зеркальную поверхность которого были вмонтированы мониторы. Джозен Раэл сидел на председательском месте в черном кресле с высокой спинкой. Над головой его возвышался глобус Сатлэма, выполненный в виде трехмерного горельефа.

— Начальник порта Мьюн, — приветствовал он ее в тот момент, когда она пробиралась к свободному месту в конце стола.

В зале собрались власть имущие, малый Совет, элита фракции технократов, высшие чиновники. С тех пор как ее последний раз вызывали вниз, прошло, наверное, полжизни, но Толли Мьюн регулярно смотрела программы новостей и сейчас узнала многих из присутствующих — молодого советника по сельскому хозяйству, окруженного своими заместителями, помощниками по ботаническим исследованиям, разработке недр океана, пищевой промышленности. Советника по войне и его главного тактика — киборга. Администратора по транспорту. Хранителя банка данных и ее старшего аналитика. Советников по внутренней безопасности, по науке и технике, по межзвездным отношениям, промышленности. Командующего Флотилией планетарной обороны. Начальника полиции. Все они безучастно кивали ей.

К чести Раэла, он сразу отбросил все формальности.

— В течение недели вы изучали прогнозы Тафа и образцы, которые он нам представил, — обратился он к Совету. — Что вы скажете?

— Пока о них трудно судить даже приблизительно, — ответил аналитик банка данных. — Возможно, прогнозы Тафа верны, а возможно, они основаны на ошибочных предпосылках. Я смогу решить, верны ли они, только тогда, когда у нас будет несколько опытных насаждений, скажем, за несколько лет. Растения и животные, клонированные для нас Тафом, новы для Сатлэма. Пока мы не проведем с ними жестких экспериментов, не увидим, как они поведут себя в условиях Сатлэма, мы не можем знать, насколько они нам помогут.

— Если вообще помогут, — вставила советник по внутренней безопасности, низенькая коренастая женщина, похожая на кирпич.

— Если вообще помогут, — повторил аналитик.

— Вы слишком консервативны, — вмешался советник по сельскому хозяйству.

Он был самым молодым в зале. Искренний и порывистый, он сейчас улыбался так, что казалось, его узкое лицо расползется пополам.

— У меня все отзывы просто восторженные, — сказал он.

На столе перед ним высилась целая горка информационных кристалликов. Один из них он вставил в отверстие своего монитора. На зеркальной поверхности стола побежали строки текста.

— Это наш анализ того, что он называет омнизерном, — объяснил советник. — Невероятно, просто невероятно! Гибрид, полученный при помощи генной инженерии, полностью съедобен. Полностью съедобен, уважаемые советники! Стебли злака высотой до пояса, как неотрава, они очень богаты углеводами,

хрустящие, довольно вкусные, но пойдут главным образом на корм скоту. Колосья дают отличный урожай зерна, с меньшим процентом отрубей, чем у нанопшеницы или эс-риса. Зерно удобно для транспортировки, хранится вечно без замораживания, не крошится и богато белками. А корни — съедобные клубни! Но это еще не все. Этот злак растет так быстро, что будет давать нам два урожая за сезон. Конечно, расчетов у меня еще нет, но я думаю, что, если мы посеем омнизерно на тех площадях, где сейчас выращиваем нанопшеницу, неотраву и эс-рис, мы получим с них в три, в четыре раза больше калорий.

— Должны быть и какие-то недостатки, — заметил Джозен Раэл. — Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Если это омнизерно так совершенно, то почему мы о нем раньше не слышали? Ведь не Таф же изобрел его за эти несколько недель.

— Конечно, нет. Оно существует сотни лет. Я нашел упоминание о нем в банках данных, хотите верьте, хотите нет. Оно было разработано Инженерно-Экологическим Корпусом во время войны как пища для военных. Злак растет быстро, он просто идеален для таких условий, когда ты не уверен, соберешь ли то, что посадил... гм... лично. Но у гражданских это растение так и не привилось. Считалось, что зерно уступает по вкусовым качествам. Понимаете, не отвратительное и не неприятное, а просто намного хуже, чем старые сорта. Кроме того, растение очень быстро истощает почву.

— Ага, — сказала советница по внутренней безопасности. — Значит, это своего рода ловушка?

— Само по себе — да. Лет пять обильных урожаев, а потом бедствие. Но Таф дает к нему в придачу удивительных вредителей — суперчервей и других аэраторов — и что-то вроде слизи или плесени, которая

растет на омнизерне, не вредя ему, питаясь — только вдумайтесь! — питаясь загрязнением воздуха и различными отходами нефтехимии и восстанавливая и обогащая почву. — Он воздел к небу руки. — Это выдающееся открытие! Если бы его сделали наши исследователи, мы бы уже давно трубили о победе.

— Что вы скажете о других вещах? — сухо спросил Джозен Раэл. На его лице не было восторга младшего коллеги.

— Они почти такие же замечательные, — ответил тот. — Океаны — нам никогда не удавалось получать с них приличный, по сравнению с их размерами, урожай калорий, а последняя администрация практически лишила их рыбы, введя в употребление морские бороны. Таф дает нам десяток новых пород быстро размножающихся рыб, разнообразные виды планктона. — Советник пошарил перед собой, нашел еще один информационный кристаллик и вставил в отверстие. — Вот этот планктон. Он, конечно, засорит морские пути, но девяносто процентов грузов у нас перевозится по суше или по воздуху, так что это не важно. Рыба быстро на нем расплодится, и в благоприятных условиях планктон покроет моря слоем толщиной до трех метров, как огромный серо-зеленый ковер.

— Достаточно тревожная перспектива, — заметил советник по войне. — А он съедобный? Я имею в виду — для людей.

— Нет, — улыбнулся советник по сельскому хозяйству. — Но, отмирая и разлагаясь, он послужит прекрасным сырьем для наших пищевых фабрик, когда кончатся запасы нефти.

В самом дальнем конце стола Толли Мьюн громко рассмеялась. Все головы повернулись к ней.

— Черт возьми! — воскликнула она. — Все-таки он дал нам хлеба и рыб.

— Планктон — не совсем рыба, — заметил советник.

— Если он живет в этом паршивом океане, то для меня это все равно что рыба.

— Хлеба и рыбы? — переспросил советник по промышленности.

— Продолжайте доклад, — поторопил его Джозен Раэл. — Что еще?

— Еще съедобный лишайник, который может расти на самых высоких горах, и другой лишайник, выживающий даже без воздуха при жесткой радиации. Это все равно что новые Кладовые, — заявил советник по сельскому хозяйству. — Только не придется тратить десятилетия и миллиарды калорий на формирование почвы.

Еще были паразитические съедобные лозы, которые наводнили бы сатлэмские экваториальные болота и постепенно вытеснили местные ароматные ядовитые растения, растущие там в изобилии. Еще был злак под названием «снежный овес», который можно сажать в тундре; туннельщики, способные расти даже под ледниками и давать маслянистую ореховую массу. Еще были генетически улучшенные породы скота, домашней птицы, свиней и рыбы; новая птица, которая, по словам Тафа, уничтожит сатлэмских насекомых-вредителей, и семьдесят девять разновидностей съедобных грибов и грибков, которые можно выращивать в темноте подземных городов на подкормке из отходов человеческой жизнедеятельности.

Когда советник закончил доклад, наступило молчание.

— Он победил, — сказала, улыбаясь, Толли Мьюн. Все остальные ждали, что скажет Джозен Раэл, и дипломатично помалкивали, но ей-то эта дипломатия была ни к чему. — Он это сделал, черт возьми!

— Этого мы не знаем, — возразила Хранитель банка данных.

— Мы сможем получить надежную статистику только через несколько лет, — добавил аналитик.

— Может быть, это ловушка, — предостерег советник по войне. — Необходима осторожность.

— Да какого черта! — воскликнула Толли Мьюн. — Таф доказал, что...

— Начальник порта, — резко оборвал ее Джозен Раэл.

Толли Мьюн замолчала; она никогда не слышала, чтобы он говорил таким тоном. Все остальные тоже посмотрели на него.

Джозен Раэл достал носовой платок и вытер пот со лба.

— Хэвиланд Таф доказал, что «Ковчег» имеет для нас такую ценность, что мы ни в коем случае не должны выпускать его из рук. Сейчас мы обсудим, как нам лучше его захватить, чтобы человеческие жертвы и политические последствия были минимальными.

Джозен Раэл предоставил слово советнику по внутренней безопасности.

Толли Мьюн молча слушала доклад, а потом дискуссию. Спорили о тактике, о том, какую следует занять дипломатическую позицию, как эффективнее использовать биозвездолет, какой департамент должен за него отвечать и что сказать корреспондентам. Дискуссия грозила затянуться до полуночи, но Джозен Раэл твердо заявил, что перерыва не будет, пока все вопросы не будут решены. Заказали еду, послали за записями, вызвали, а затем отпустили помощников и специалистов. Джозен Раэл распорядился, чтобы им не мешали ни под каким предлогом. Толли Мьюн все слушала. Наконец она неуверенно поднялась на ноги.

— Прошу прощения, — сказала она, — это все проклятая гравитация. Я к ней не привыкла. Где здесь ближайший туалет?

— В коридоре налево, четвертая дверь, — ответил Джозен Раэл.

— Спасибо, — поблагодарила Толли Мьюн.

Пошатываясь, она вышла из зала, а остальные продолжали говорить. Через дверь ей были слышны их приглушенные голоса. В коридоре стоял один охранник. Она кивнула ему и, ускорив шаг, свернула направо.

Когда тот остался далеко позади, Толли Мьюн побежала.

На крыше она села в аэротакси.

— К лифту, — рявкнула она, — и побыстрее.

Она показала водителю свой приоритетный значок. Поезд вот-вот готов был отправиться. Свободных мест не было. Толли Мьюн подошла к одному из пассажиров звездного класса.

— На «паутине» авария, — сказала она. — Мне срочно нужно вернуться.

Подъем был рекордно быстрым, потому что она как-никак была Ма Паучиха. В «Паучьем гнезде» ждал транспорт, готовый в мгновение ока доставить ее к себе.

Она вплыла в комнату, запечатала дверь, включила связь, закодировав передачу изображения, и попыталась вызвать Джозена Раэла.

— Извините, — с кибернетическим сочувствием ответил компьютер. — Он на совещании, сейчас его нельзя беспокоить. Хотите что-нибудь передать?

— Нет, — сказала она.

С бригадиром на «Ковчеге» она связалась собственной персоной.

— Как там у вас дела, Фраккер?

Он очень устал, но ради Начальника порта изобразил на лице улыбку.

— Отлично, Ма, — ответил он. — Сделано около девяноста одного процента. Через шесть-семь дней все будет закончено, и тогда останется только уборка.

— Ваша работа уже закончилась, — сказала Толли Мьюн.

— Что? — изумился бригадир.

— Таф нам все наврал. Он мошенник, черт бы его побрал, и я отзываю рабочих.

— Я не понимаю, — сказал кибер.

— Извини, Фраккер. Это секрет, и я не могу все тебе рассказать подробно. Ты же знаешь, как это бывает. Вы должны уйти с «Ковчега». Все. «Паучки», киберы, охрана, все. Даю вам час. Потом я приеду и если увижу на этой развалюхе кого-нибудь, кроме Тафа и его вредителей, то отправлю их кишки на Кладовые быстрее, чем они успеют произнести «Стальная Вдова». Понял?

— Да, да.

— Я сказала — сейчас же! — рявкнула Толли Мьюн. — Пошевеливайся, Фраккер.

Она очистила экран, набрала код «особо важно» и последний нужный ей номер. К ее ярости, Таф распорядился, чтобы его не беспокоили, пока он отдыхал. Пятнадцать драгоценных минут ушло на то, чтобы найти правильное сочетание слов, которое убедило бы идиотскую машину в том, что дело не терпит отлагательства.

— Начальник порта Мьюн, — сказал Таф, когда перед ней наконец-то появилось его изображение; он был одет в нелепый ворсистый халат, толстый живот подпоясан. — Чему я обязан исключительным удовольствием говорить с вами?

— Ремонт на девяносто девять процентов завершен. Все самое важное сделано. С остальным вам

придется смириться. Мои «паучки» немедленно возвращаются на «паутину». После того как они уйдут, вы покинете порт.

— Несомненно, так, — ответил Хэвиланд Таф.

— У вас все готово к вылету в космос, — продолжала она. — Я видела рабочие документы. Док, вы, конечно, поломаете, но сейчас некогда его разбирать, и к тому же это не большая плата за то, что вы сделали. Улетайте из нашей системы и не оглядывайтесь, если не хотите превратиться в пыль, черт возьми!

— Я не понимаю, — сказал Хэвиланд Таф.

Толли Мьюн вздохнула.

— И я тоже, Таф, я тоже. Не спорьте со мной. Готовьтесь к отлету.

— Могу ли я заключить, что ваш Высший Совет счел мои скромные предложения подходящими для решения вашего кризиса и я признан победителем?

Она застонала.

— Да, если вам так хочется услышать это, да! Замечательные вредители, чудесное омнизерно, плесень просто потрясающая, вы умница, просто гений. А теперь поторопитесь, Таф, а то кто-нибудь вздумает задать старой хворой Паучихе какой-нибудь вопрос, и все заметят, что меня нет.

— Ваша спешка привела меня в замешательство, — сказал Таф, спокойно сложив руки на животе и пристально глядя на Начальника порта.

— Таф, — стиснув зубы, проговорила Толли Мьюн. — Вы выиграли это чертово пари, но если вы не проснетесь и не запляшете, как карась на сковородке, то потеряете свой корабль. Поторопитесь! Черт возьми, мне по буквам, что ли, повторить? Предательство, Таф. Насилие. Обман. Сейчас, в эту минуту, Высший Совет Сатлэма в подробностях обсуждает план, как захватить «Ковчег» и избавиться от вас и под каким

соусом это лучше сделать. Теперь поняли? Как только они покончат с говорильней, а это будет очень скоро, они отдадут приказ, и на вас набросятся офицеры безопасности с нейропистолетами. Сейчас в «паутине» стоят четыре корабля класса «протектор» и два дредноута Флотилии планетарной обороны, и если их поднимут по тревоге, вы даже не успеете улететь. А я не хочу, черт возьми, чтобы от космического боя сгорел мой порт и погибли мои люди.

— Понятное чувство, — сказал Таф. — Я немедленно начну программировать отлет. Однако остается одно маленькое затруднение.

— Какое? — спросила она, сгорая от нетерпения.

— У вас моя кошка. Я не могу покинуть Сатлэм, пока мне ее не вернут.

— Забудьте об этой паршивой твари!

— Выборочная память не входит в число моих достоинств, — сказал Таф. — Свою часть нашего договора я выполнил. Вы должны вернуть Панику, иначе нарушите договор.

— Да не могу я! — в ярости воскликнула Толли Мьюн. — Каждая «муха», каждый «червяк», каждый «паучок» на станции знает, что эта чертова кошка — наша заложница. Если я сяду на поезд с Паникой под мышкой, ее заметят, и кто-нибудь обязательно заинтересуется, куда это я с ней еду. Будете требовать свою кошку — рискуете потерять все.

— И тем не менее, — возразил Хэвиланд Таф, — боюсь, мне придется настоять на своем.

— Ч-черт бы вас побрал! — выругалась Толли Мьюн и одним яростным движением пальцев очистила экран. .

Когда она появилась в величественном вестибюле отеля «Вид мира», хозяин приветствовал ее сияющей улыбкой.

— Начальник порта! — радостно воскликнул он. — Как я рад вас видеть! Вы знаете, вам звонят. Если вас не затруднит, пройдите в мой кабинет и ответьте.

— Извините, — перебила она, — у меня срочное дело. Я буду в номере.

Она бросилась к лифтам.

Перед дверью номера стояли охранники, которых поставила туда она сама.

— Начальник порта Мьюн, — обратился к ней тот, что слева. — Нам велели дожидаться вас. Вы должны немедленно позвонить в службу безопасности.

— Конечно, — ответила она. — Вы оба спускайтесь в вестибюль, и побыстрее.

— Что-то случилось?

— Да. Драка. Боюсь, что персонал не справится.

— Мы поможем, Ма.

Охранники убежали.

Толли Мьюн вошла внутрь.

В комнате она почувствовала себя легче, здесь была не полная гравитация, как в вестибюле и коридорах, а лишь четверть. Номер располагался в башне. За прозрачным пластикостальным окном тройной толщины виднелись огромный шар Сатлэма, скалистая поверхность «Паучьего гнезда» и блестящие нити «паутины». Можно было разглядеть даже яркую полоску «Ковчега», сияющую под желтыми лучами Салстара.

Паника спала, свернувшись клубочком на воздушной подушке возле окна, но когда Толли Мьюн вошла, кошка спрыгнула на ковер и подбежала к ней, громко мурлыча.

— Я тоже рада тебя видеть, — сказала Толли Мьюн, взяв животное на руки. — Но сейчас мне надо увезти тебя отсюда.

Она посмотрела вокруг, отыскивая что-нибудь достаточно большое, чтобы спрятать свою заложницу.

Раздался звонок. Не обращая на него внимания, она продолжала искать.

— Черт возьми! — сердито выругалась она. Ей нужно было спрятать эту идиотскую кошку, но где? Она попыталась завернуть ее в полотенце; Панике эта идея совсем не понравилась.

Экран посветлел — это пробилась служба безопасности. На нее глядел начальник отдела безопасности порта.

— Начальник порта Мьюн, — обратился он.

Пока он говорил почтительно, но она мысленно задала себе вопрос, как он поведет себя, когда разберется в ситуации.

— Вот вы где! Кажется, Первый Советник думает, что у вас какие-то проблемы. Это так?

— Да нет. Никаких проблем, — ответила она. — У вас есть причины, чтобы нарушить мое уединение, Данья?

Он смутился.

— Извините, Ма. Приказ. Нам приказали немедленно разыскать вас и сообщить, где вы находитесь.

— Сообщайте, — сказала она.

Он еще раз извинился, и экран погас. Очевидно, никто еще не сказал ему, что с «Ковчега» все уходят. Очень хорошо, это даст ей какой-то запас времени. Она еще раз тщательно осмотрела номер, целых десять минут разыскивая что-нибудь, во что спрятать Панику, но в конце концов отказалась от этой мысли. Она решила действовать нагло: выйти на причал и реквизировать вакуумные сани, тонкий скафандр и что-нибудь, в чем везти кошку. Она подошла к двери, открыла ее, вышла и увидела, что к ней бегут охранники.

Она отпрянула назад. Паника протестующе завыла. Толли Мьюн заперла дверь на три замка и подня-

ла щиток уединения. Они все равно стали стучать в дверь.

— Начальник порта Мьюн, — позвал один из них, — драки не было. Откройте, пожалуйста, нам нужно поговорить с вами.

— Уходите, — отрезала она. — Это приказ.

— Извините, Ма, — отозвался охранник. — Мы должны отнести эту кошку вниз. Это распоряжение Совета.

Позади нее снова засветился экран. На этот раз звонила сама советница по внутренней безопасности.

— Толли Мьюн, — сказала она. — Вы разыскиваетесь для допроса. Немедленно сдайтесь.

— Я здесь, — огрызнулась Толли Мьюн. — Задавайте свои дурацкие вопросы.

Охранники продолжали стучать в дверь.

— Объясните, зачем вы вернулись в порт.

— Я там работаю, — ласково ответила Толли Мьюн.

— Ваши действия не одобрены Высшим Советом.

— Это действия Высшего Совета мной не одобрены, — парировала Начальник порта.

Паника зашипела на экран.

— Вы арестованы.

— Как бы не так!

Толли Мьюн подняла небольшой, но массивный столик — при гравитации в одну четверть это было нетрудно — и запустила им в экран. Квадратное лицо советницы разлетелось на тысячу искр и осколков.

В это время охранники ввели в дверной замок код службы безопасности. Толли Мьюн успела вставить свою приоритетную карточку Начальника порта, и дверь не открылась. Один из охранников выругался.

— Ма, — сказал другой, — это вам не поможет. Откройте дверь, немедленно. Мимо нас вы не прой-

дете, а через десять—двадцать минут ваш приоритет отменят.

Он был прав, Толли Мьюн это понимала. Она в ловушке, и как только дверь откроют, все будет кончено. Женщина беспомощно огляделась вокруг, надеясь найти какое-нибудь оружие, выход, что угодно. Ничего такого не было.

Далеко отсюда, на краю «паутины», сиял «Ковчег», отражая солнечные лучи. Сейчас все рабочие должны были уже покинуть его. Она надеялась, что Таф догадался надежно запечатать корабль, когда ушел последний «паучок». Но сможет ли он улететь без Паники? Она посмотрела на кошку, погладила ее.

— Все это из-за тебя, — сказала она.

Паника замурлыкала. Толли Мьюн снова взглянула на «Ковчег», потом на дверь.

— Можно закачать туда какой-нибудь газ, — сказал один охранник. — Комната ведь не герметична.

Толли Мьюн улыбнулась.

Она опустила Панику на подушку, забралась на стул и открыла крышку аварийного сенсорного блока. Она уже давно не работала с электротехникой. Несколько секунд ушло на то, чтобы определить, где какая схема, еще несколько — чтобы придумать, как ставить сенсоры, дать сигнал о разгерметизации.

Когда она все это проделала, раздался пронзительный вой аварийной сирены. По краям двери что-то зашипело и запенилось: это включилась автоматическая герметизация комнаты. Наступила невесомость, циркуляция воздуха прекратилась, и в дальнем конце комнаты открылась дверца потайного ящика с аварийным комплектом.

Толли Мьюн быстро подплыла к нему. В ящике были кислородные мешки, аэроускорители и с полдюжины легких скафандров.

Она оделась.

— Иди сюда, — позвала она Панику.

Кошке не нравился весь этот шум.

— Теперь осторожно, не расцарапай ткань.

Она запихнула Панику в прозрачный шлем, пристегнула его к мягкому скафандру, прикрепила кислородный мешок и до отказа повернула ручку. Скафандр раздулся, как баллон. Кошка попыталась запустить когти в металлопластиковый шлем и жалобно завыла.

— Потерпи, — ласково попросила ее Толли Мьюн. Она оставила Панику парить посреди комнаты, а сама в это время вытащила из держателя лазерную горелку.

— Кто сказал, что это ложная тревога? — воскликнула она, бросаясь к окну с горелкой в руках.

15

— Не хотите ли подогретого грибного вина? — спросил Хэвиланд Таф.

Паника терлась о его ногу. Хаос сидел у него на плече, подергивая длинным серым хвостом и пристально разглядывая черно-белую кошку, как будто пытаясь вспомнить, кто это такая.

— Вы, наверно, устали.

— Устала? — переспросила Толли Мьюн и рассмеялась. — Я только что с помощью лазерной горелки выбралась из отеля и пролетела несколько километров в открытом космосе, пользуясь одними только аэроускорителями и пиная ногами кошку. Мне пришлось обгонять первый отряд службы безопасности, который вылетел из дежурки в доках, а потом

лазерной горелкой испортить сани, на которых мчался второй отряд, при этом уворачиваясь от их ловушек и таща вашу паршивую кошку. Потом целых полчаса я ползала по «Ковчегу», стуча в него как ненормальная. Я два раза теряла кошку и должна была гоняться за ней, чтобы она не улетела обратно на Сатлэм. А потом я еле дождалась, когда же вы наконец поднимете свою оборонную сферу. Когда появилась Флотилия и решила испытать ваши экраны, я насладилась незабываемым зрелищем салюта. Я была похожа на вредителя, который вцепился в шкуру какого-то паршивого животного, и долго боялась, что они меня увидят. Потом мы с Паникой посоветовались, что нам делать, если они догадаются послать отряд на санях. Мы решили, что я с ними сурово поговорю, а она выцарапает им глаза. А потом вы наконец-то нас заметили и втащили внутрь — как раз тогда, когда эта проклятая Флотилия открыла огонь плазменными торпедами. Так что я не просто устала, как вы изволили выразиться, меня почти нет, я еле жива.

— Ваш сарказм неуместен, — ответил Хэвиланд Таф.

Толли Мьюн фыркнула.

— У вас есть вакуумные сани?

— Ваша бригада в спешке забыла четыре штуки.

— Хорошо. Одни я заберу.

Взглянув на приборы, она поняла, что биозвездолет наконец-то взлетел.

— Что там происходит?

— Флотилия продолжает за мной гнаться, — сказал Таф. — Прямо за кормой идут дредноуты «Двойная спираль» и «Чарльз Дарвин» со своим эскортом, и все командиры вразнобой ругают меня, выкрикивают воинственные угрозы и пытаются соблазнить ложными обещаниями. Все их усилия бесполезны.

Теперь, когда ваши «паучки» так замечательно отремонтировали мои защитные экраны, для них не страшно никакое оружие из сатлэмского арсенала.

— И все же не стоит эти экраны испытывать, — нахмурилась Толли Мьюн. — Когда я уйду, выводите корабль с орбиты и летите подальше отсюда.

— Разумный совет, — согласился Таф.

Толли Мьюн посмотрела на ряды экранов по обе стороны длинного, узкого зала связи, переделанного в центр управления. Согнувшись в своем кресле под силой тяжести, она вдруг почувствовала свой возраст.

— А что будет с вами? — спросил Таф.

Она взглянула на него.

— О, это интересный вопрос. Позор. Арест. Увольнение с работы. Может быть, суд за государственную измену. Не волнуйтесь, казнить меня не могут. Казнь — это антижизнь. Скорее всего исправительная ферма на Кладовых. — Она вздохнула.

— Понятно, — сказал Хэвиланд Таф. — Может быть, вы подумаете о моем предложении помочь вам выбраться из сатлэмской системы? Я был бы весьма рад доставить вас на Скраймир или Мир Генри. Если вы пожелаете еще дальше удалиться от места своего позора, то, по-моему, Скиталец в период Долгих Весен — весьма приятное убежище.

— Вы бы обрекли меня на жизнь в гравитации, — возразила она. — Нет, спасибо. Это мой мир, Таф. Это мой народ, черт побери. Я вернусь, и будь что будет. И потом, вы так легко не отделаетесь. Вы мне должны, Таф.

— Тридцать четыре миллиона стандартов, насколько я помню.

Она криво улыбнулась.

— Мадам, — сказал Таф, — если я осмелюсь спросить...

— Я сделала это не для вас, — быстро ответила она.

Хэвиланд Таф моргнул.

— Я прошу меня извинить, если вам кажется, что я сую нос не в свое дело. Я этого не хотел. Боюсь, что любопытство когда-нибудь меня погубит, но все-таки не могу не спросить — почему вы это сделали?

Толли Мьюн пожала плечами.

— Хотите верьте, хотите нет, но я сделала это ради Джозена Раэла.

— Ради Первого Советника? — Таф моргнул еще раз.

— Да, и ради остальных. Я знала Джозена, когда он только начинал. Это был неплохой человек, Таф. Не злой. Все они неплохие. Это честные мужчины и женщины, и все, чего они хотят, — это накормить своих детей.

— Мне непонятна ваша логика, — заметил Хэвиланд Таф.

— Я была на том заседании, Таф. Я сидела и слушала, что они говорят, и я увидела, что с ними сделал «Ковчег». Они были честными, достойными, нравственными людьми, а «Ковчег» превратил их в обманщиков и лжецов. Они верят в мир, а говорили о войне, чтобы захватить ваш корабль. Вся их религия основана на святости человеческой жизни, а они спокойно обсуждали, сколько может быть жертв — начиная с вас. Таф, вы когда-нибудь изучали историю?

— Не могу сказать, что я большой в ней специалист, но кое-что о прошлом мне известно.

— Есть одна давняя поговорка, Таф, со Старой Земли. Власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно.

Хэвиланд Таф ничего не ответил. Паника прыгнула к нему на колени и уютно там устроилась. Он погладил ее своей огромной бледной рукой.

— Одна только мечта о «Ковчеге» уже начала разлагать мой мир. Что бы с нами сделало фактическое обладание этим чертовым кораблем? Мне не хочется даже думать об этом.

— Несомненно, так, — сказал Хэвиланд Таф. — Следующий вопрос напрашивается сам собой.

— Какой?

— Сейчас я владею «Ковчегом» и, следовательно, имею почти абсолютную власть.

— О да, — согласилась Толли Мьюн.

Таф промолчал.

Она покачала головой.

— Я не знаю, — сказала она. — Может быть, я не все продумала. Может быть, я не права. Может быть, я самая большая дура, какую вы когда-либо встречали.

— Не всерьез же вы так думаете, — возразил Таф.

— Может быть, я просто решила, что пусть лучше разложитесь вы, чем наш народ. Может быть, я думала, что вы наивны и безобидны. А может быть, я действовала инстинктивно. — Она вздохнула. — Я не знаю, бывают ли честные неподкупные люди, но если да, то вы один из них, Таф. Последний наивный человек в этой Вселенной. Вы были готовы все потерять ради нее. — Она показала на Панику. — Ради кошки. Чертов вредитель. — Но, говоря это, она улыбалась.

— Понятно, — сказал Хэвиланд Таф.

Начальник порта устало поднялась на ноги.

— Теперь мне пора возвращаться и произносить такую же речь перед менее благородной аудиторией, — сказала она. — Покажите мне, где сани, и сообщите им, что я вылетаю.

— Хорошо, — ответил Таф. Он поднял палец. — Остается выяснить еще один вопрос. Поскольку ваши бригады не закончили всю работу, о которой мы до-

говаривались, то, по-моему, несправедливо брать с меня все тридцать четыре миллиона стандартов. Может быть, вы согласитесь на тридцать три миллиона пятьсот тысяч?

Она изумленно уставилась на него:

— Какая разница? Вы ведь никогда не вернетесь.

— Смею с вами не согласиться, — возразил Таф.

— Но мы же пытались украсть ваш корабль.

— Верно. В таком случае, пожалуй, следует сойтись на тридцати трех миллионах, а остальное засчитать как штраф.

— Вы правда хотите вернуться? — спросила Толли Мьюн.

— Через пять лет, — сказал Таф, — именно тогда наступит срок выплаты первой половины кредита. Кроме того, к этому времени мы сможем увидеть, как мой скромный вклад повлиял на ваш продовольственный кризис. Возможно, вам опять понадобятся услуги инженера-эколога.

— Я вам не верю, — вздохнула она.

Хэвиланд Таф поднял руку к плечу и почесал Хаоса за ухом.

— Ну почему в нас всегда сомневаются? — с упреком в голосе спросил он.

Кот ничего не ответил.

ХРАНИТЕЛИ*

1

Биосельскохозяйственная выставка Шести Миров принесла Хэвиланду Тафу большое разочарование. Он провел на Бразелорне долгий и утомительный день, бродя по просторным выставочным залам и то и дело останавливаясь, чтобы одарить своим вниманием новый злаковый гибрид или генетически улучшенное насекомое. Хотя клеточный банк его «Ковчега» включала клон-материлы буквально миллионов растительных и животных видов с неисчислимого количества миров, Хэвиланд Таф постоянно зорко следил за всякой возможностью где-нибудь что-нибудь высмотреть и расширить свой банк образцов. Но лишь немногие экспонаты на Бразелорне показались ему многообещающими, и по мере того как шло время Таф чувствовал себя в спешащей и равнодушной толпе все тоскливее и неуютнее. Повсюду кишели люди. Фермеры-туннельщики с Бродяги в темно-каштановых шкурах, украшенные перьями и косметикой землевладельцы с Арина, мрачные жители ночной стороны и облаченные в светящиеся одежды жители вечного полудня с Нового Януса, много было и туземцев-бразелорнцев. Все они производили страшный шум, окидывали Тафа любопытными взглядами, а некоторые даже толкали, отчего на его лице появлялось мрачное выражение.

---

* Guardians © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. ООО «Альтруист».*

Наконец, стремясь вырваться из толпы, Таф решил, что проголодался. С исполненным достоинства отвращением он протолкался сквозь толпу посетителей ярмарки и вышел из купола пятиэтажного птоланского павильона. Снаружи, между большими зданиями, сотни торговцев установили свои ларьки. Мужчина, продающий паштет из трескучего лука, казалось, менее других осаждался покупателями, и Таф решил, что паштет — именно то, о чем он мечтал.

— Сэр, — обратился он к торговцу, — я хотел бы паштет.

Продавец паштетов был круглым и розовым человеком в грязном фартуке. Он открыл ящик для подогрева, сунул в него руку в перчатке и вынул горячий паштет. Подняв взгляд от ящика на Тафа, он удивился.

— Ох, — сказал он. — Но ведь вы же такой большой.

— В самом деле, сэр, — ответил Таф. — Поэтому дайте мне две порции.

Со своими двумя с половиною метрами он почти на целую голову возвышался над всеми остальными людьми на этой планете, а со своим большим, выпирающим вперед брюхом он к тому же был вдвое тяжелее любого из них. Таф взял паштет и спокойно откусил.

— Вы — с другого мира, — заметил торговец. — И, вероятно, весьма отдаленного.

Таф в два приема съел свой паштет и вытер салфеткой жирные пальцы.

— Вы совершенно правы, сэр, но об этом нетрудно догадаться, — сказал он.

Таф не только был намного выше любого туземца, он и выглядел, и одет был совершенно иначе. Он был молочно-белым, и на его голове не было ни волоска.

— Еще один, — сказал Таф и поднял вверх длинный мозолистый палец.

Поставленный на место торговец без дополнительных замечаний вынул еще один паштет и дал Тафу относительно спокойно съесть его. Наслаждаясь корочкой из листьев и пикантным содержимым паштета, Таф оглядывал посетителей ярмарки, ряды ларьков и пять больших павильонов, возвышавшихся над окружающим ландшафтом. Покончив с едой, он с непроницаемым, как всегда, лицом опять повернулся к продавцу паштетов:

— Разрешите вопрос, сэр.

— Я вас слушаю, — скромно отозвался тот.

— Я вижу пять выставочных залов, — сказал Хэвиланд Таф. — И я посетил каждый из них по очереди. — Он показал рукой на залы. — Бразелорн, Вейл Арин, Новый Янус, Бродяга и Птола. — Таф опять аккуратно сложил руки на выпирающем животе. — Пять, сэр. Пять павильонов, пять миров. Несомненно, как чужак — а я здесь чужак — я не знаком с некоторыми щекотливыми деталями местных обычаев, но тем не менее удивлен. В тех местах, где я до сих пор бывал, от встречи, которая называется биосельскохозяйственной выставкой Шести Миров, ожидают, что она будет включать экспонаты шести миров. А здесь этого нет. Может быть, вы сможете мне объяснить, почему это так?

— Никто не прибыл с Намории.

— В самом деле, — сказал Хэвиланд Таф.

— Из-за некоторых трудностей, — добавил продавец.

— Все ясно, — сказал Таф. — Или если не все, то по крайней мере часть. Может, вы возьмете на себя труд подогреть мне еще один паштет и объяснить

природу этих трудностей? Я чрезвычайно любопытен. Боюсь, это мой большой порок.

Продавец паштетов опять натянул перчатку и открыл ящик.

— Знаете, как говорят? Любопытство делает голодным.

— В самом деле, — сказал Таф. — Но должен сказать, что до сих пор ни от кого этого еще не слышал.

Человек наморщил лоб.

— Нет, я не так сказал. Голод делает любопытным, вот как. Но все равно. Мои паштеты вас насытят.

— Ах, — сказал Таф и взял паштет. — Пожалуйста, рассказывайте дальше.

И продавец паштетов очень подробно рассказал о трудностях планеты Намория.

— Теперь вы определенно понимаете, — закончил он наконец, — что они не могли прибыть, когда происходит такое. Им не до выставок.

— Конечно, — сказал Хэвиланд Таф, промокая губы. — Морские чудовища могут досаждать необычайно.

2

Намория была темно-зеленой планетой, безлунной и уединенной, исчерченной тонкими золотистыми облаками. «Ковчег», содрогаясь, затормозил и тяжеловесно вышел на орбиту. Хэвиланд Таф переходил от кресла к креслу в длинной и узкой рубке связи, изучая планету на десяти из находившихся в рубке сотни обзорных экранов. Его общество составляли три маленьких серых котенка, прыгавших через пульты и прерывавших это занятие только для того, чтобы сце-

питься друг с другом. Таф не обращал на них никакого внимания.

Намория состояла в основном из воды и имела только один континент, правда, достаточно большого размера — с орбиты его было прекрасно видно. Увеличенное изображение показывало еще тысячи островов, разбросанных по темно-зеленому морю длинными серповидными архипелагами. Они были рассеяны по океану, как драгоценные камни. Другие экраны показывали свет десятков больших и малых городов на ночной стороне и пульсирующие, размытые, как клочки ваты, пятна энергетической активности там, где поселения были освещены солнцем.

Таф просмотрел все это, сел, включил еще один пульт и начал играть с компьютером в войну. Ему на колени вспрыгнул котенок и уснул. Таф старался не потревожить его, но чуть позже второй котенок подпрыгнул и упал на спящего, и они начали играть друг с другом. Таф согнал их на пол.

Прошло больше времени, чем предполагал Таф, но контактный вызов наконец пришел — впрочем, он знал, что этот вызов все равно в конце концов придет.

— Корабль на орбите, — гласил запрос, — корабль на орбите. Вызывает контрольная служба Намории. Назовите ваше имя и сообщите о ваших намерениях. Назовите, пожалуйста, ваше имя и сообщите о ваших намерениях. Высланы перехватчики. Назовите ваше имя и сообщите о ваших намерениях.

Вызов пришел с континента. «Ковчег» выслушал его. К этому времени он обнаружил приближавшийся к нему корабль — только один — и спроецировал его на другой экран.

— Я — «Ковчег», — сообщил Хэвиланд Таф контрольной службе Намории.

Контрольную службу Намории представляла сидевшая у пульта круглолицая женщина с коротко подстриженными волосами, одетая в темно-зеленый с золотыми нашивками мундир. Она наморщила лоб и перевела взгляд в сторону — несомненно, на начальника или к другому пульту.

— «Ковчег», — сказала она, — назовите ваш родной мир. Назовите, пожалуйста, ваш родной мир и сообщите о ваших намерениях.

Компьютер показал, что другой корабль установил связь с планетой. Засветились еще два обзорных экрана. На одном появилась стройная молодая женщина с большим крючковатым носом. Она находилась на мостике корабля, на другом экране — пожилой мужчина перед пультом. Оба были в зеленых мундирах и оживленно беседовали по какому-то коду. Компьютеру потребовалось меньше минуты, чтобы его расшифровать.

— ...будь я проклята, если знаю, что это такое, — сказала стройная женщина. — Боже мой, таких больших кораблей не бывает. Вы только посмотрите на него, вы что-нибудь понимаете? Он ответил?

— «Ковчег», — снова сказала круглолицая женщина, — назовите, пожалуйста, ваш родной мир и ваши намерения. Говорит контрольная служба Намории.

Хэвиланд Таф вмешался в разговор, чтобы говорить сразу со всеми.

— Это «Ковчег», — сказал он. — У меня нет родины, господа. Мои намерения исключительно мирные. Торговля и консультации. Я узнал о ваших трагических трудностях, и меня тронули ваши несчастья, поэтому я и хочу предложить вам свои услуги.

Женщина на корабле выглядела удивленной.

— Что вам нужно... — вспылила она.

Мужчина тоже был не менее озадачен, но ничего не сказал и только пялился, открыв рот, на невыразительное бледное лицо Тафа.

— «Ковчег», говорит контрольная служба Намории, мы закрыты для торговли, — сообщила круглолицая женщина. — Повторяю, мы закрыты для торговли. У нас военное положение.

Тем временем стройная женщина на корабле овладела собой.

— «Ковчег», — заявила она, — говорит Хранительница Кевира Квай, командир корабля национальной гвардии «Солнечный клинок». Мы вооружены. «Ковчег», объяснитесь. Вы в тысячу раз больше любого торговца, которых я когда-либо видела. Объяснитесь, или мы открываем огонь.

— В самом деле, — сказал Хэвиланд Таф. — Угрозы не принесут вам пользы, Хранительница. Я ужасно рассержен. Я проделал весь этот длинный путь с Бразелорна, чтобы предложить вам свою помощь, а вы встречаете меня угрозами. — На колени ему опять прыгнул котенок. Таф поднял его гигантской белой рукой, посадил на пульт перед собой, где его могли видеть наблюдатели, и озабоченно поглядел на него. — Нет больше доверия среди людей, — сказал он котенку.

— Не открывайте огня, «Солнечный клинок», — приказал пожилой мужчина. — «Ковчег», если у вас мирные намерения, объяснитесь. Кто вы такие? Нас все жестоко притесняют, потому что Намория — лишь маленький неразвитый мир. Мы никогда раньше не видели такого корабля, как у вас. Объяснитесь.

Хэвиланд Таф погладил котенка.

— Мне постоянно приходится мириться с недоверием, — ответил он пожилому. — Вам повезло, что я так мирно настроен, а то бы я просто улетел, предо-

ставив вас вашей участи. — Он посмотрел прямо в лицо наблюдателю. — Сэр, это — «Ковчег». Я — Хэвиланд Таф, капитан, владелец и весь экипаж. Мне сказали, что вам досаждают большие чудовища, которые живут в ваших морях, вот я и хочу освободить вас от них.

— «Ковчег», говорит «Солнечный клинок». Как вы собираетесь это сделать?

— «Ковчег» — корабль-сеятель Общества Экологической Генетики, — сказал Хэвиланд Таф с твердостью. — Я экоинженер и специалист по биологическим методам ведения войн.

— Как же так? — удивился пожилой мужчина. — Ведь ОЭГ исчезло тысячу лет назад. Не сохранилось ни одного их корабля.

— Какая жалость, — сказал Таф. — Выходит, я просто миф. И теперь, раз вы сказали, что моего корабля не существует, я, несомненно, растворюсь в атмосфере.

— Хранители, — сказала Кевира Квай с «Солнечного клинка», — возможно, эти корабли уже и не существуют, но я быстро приближаюсь к какому-то телу, о котором мои приборы говорят, что его длина почти тридцать километров. Вероятно, этот корабль действительно не миф, а реальность.

— Я тоже еще не растворился, — сообщил Хэвиланд Таф.

— Вы действительно можете нам помочь? — спросила круглолицая женщина из контрольной службы Намории.

— Почему мне никогда не верят? — спросил Таф маленького серого котенка.

— Лорд-Хранитель, мы должны дать ему возможность доказать то, о чем он говорит, — сказала женщина из контрольной службы Намории.

Таф бросил взгляд на экран.

— Как бы ни был я оскорблен угрозами и сомнением в моей искренности, сочувствие к вам повелевает не оставлять задуманное дело. Может, я могу предложить «Солнечному клинку» причалить к моему кораблю? Хранительница Квай могла бы взойти на борт и составить мне общество во время ужина, чтобы мы могли побеседовать. Конечно же, простая беседа не может вызвать ваших подозрений — это самый цивилизованный из всех человеческих способов убивать время.

Трое Хранителей торопливо посовещались друг с другом и с несколькими людьми за пределами видимости, пока Хэвиланд Таф, откинувшись в кресле, играл с котенком.

— Я назову тебя Недоверием, — сказал он ему, — чтобы помнить об оказанном мне здесь приеме. А твои братья и сестры будут Сомнением, Враждебностью, Неблагодарностью и Глупостью.

— Мы принимаем ваше предложение, Хэвиланд Таф, — сказала Хранительница Кевира Квай с мостика «Солнечного клинка». — Готовьтесь, мы придем к вам на борт.

— Отлично, — сказал Таф. — Вы любите грибы?

3

Посадочная палуба «Ковчега» была большой, как поле космопорта, и выглядела почти как свалка старых космических кораблей. Собственные корабли «Ковчега» стояли ухоженными в своих стартовых боксах — черные, элегантные, сигарообразные, с треугольными, скошенными назад крыльями для полетов

в атмосфере — еще в приличном состоянии. Другие корабли выглядели менее впечатляюще. Каплевидный торговый корабль с Авалона устало опирался на раскинутые посадочные опоры рядом с поврежденным в бою курьером с целой системой двигателей и шлюпкой-львом с Каралео, богатые украшения которой давно исчезли. Вокруг стояли корабли странных диковинных конструкций.

Большой купол сверху разделился на сотню секторов — как разрезанный торт — и раздвинулся, чтобы открыть взору маленькое желтое окруженное звездами солнце. Матово-зеленый, похожий на морского ската, корабль опустился на посадочную палубу «Ковчега». Купол закрылся за «Солнечным клинком», звезды исчезли, атмосфера вернулась в купол, а немного позднее появился и сам Хэвиланд Таф.

Кевира Квай вышла из корабля с сурово поджатыми губами под большим крючковатым носом, но даже сильное самообладание не могло скрыть выражения почтительности в ее глазах. За ней следовали двое вооруженных мужчин в золотых с зеленым мундирах.

Хэвиланд Таф подъехал в открытой трехколесной машине.

— Боюсь, мое приглашение на ужин касалось только одной персоны, Хранительница Квай, — сказал он, увидев ее эскорт. — Я сожалею о недоразумении, но вынужден подтвердить свои условия.

— Ну хорошо, — сказала она и повернулась к охранникам. — Подождите с оставшимися на корабле. Приказ есть. — Усевшись рядом с Тафом, она обратилась к нему: — «Солнечный клинок» разнесет ваш корабль, если я не буду доставлена назад через два стандартных часа.

Хэвиланд Таф прищурился.

— Это какой-то ужас! Мое гостеприимство и тепло повсюду сталкиваются с недоверием и грубой силой. — Он тронул машину с места.

Они ехали молча сквозь лабиринт соединенных друг с другом коридоров и помещений и наконец попали в гигантскую темную шахту, тянувшуюся в обе стороны, казалось, вдоль всего корабля. Стену и палубу, насколько хватало глаз, покрывали прозрачные чаны сотен различных размеров, большей частью пустые и пыльные, однако некоторые были наполнены разноцветными жидкостями, и в них слабо шевелились едва различимые фигуры. Не было слышно ни звука, лишь влажно и липко что-то капало где-то далеко позади. Кевира Квай окинула все это взглядом и ничего не сказала. Они проехали вниз по шахте по меньшей мере километра три, пока Таф не повернул перед возникшей впереди голой стеной. Скоро они остановились и вышли из машины.

Великолепный ужин был сервирован в маленькой спартанской столовой, куда Таф привел Хранительницу. Они начали с ледяного сахарного супа, сладкого, пикантного и черного, как уголь, сопровождаемого салатом из трав с имбирным соусом. Главное блюдо состояло из панированных в сухарях шляпок грибов — больших, как тарелки, на которых они были поданы, — окруженных десятком различных сортов овощей, каждый под своим соусом. Хранительница ела с большим наслаждением.

— Можно подумать, мой скромный стол вполне вам по вкусу.

— Стыдно признаться, но я так давно ничего не ела и очень голодна, — ответила Кевира Квай. — Мы на Намории всегда зависели от моря. Оно нас неплохо кормило, но с тех пор, как начались трудности... — Она

подняла вилку с наколотыми на нее темными неопределенной формы овощами в золотисто-коричневом соусе. — Что я ем? Очень вкусно.

— Рианнезианские грибные корешки в горчичном соусе, — ответил Хэвиланд Таф.

Квай проглотила корешок и отложила вилку.

— Но ведь Рианнезиан так далеко. Как вы?.. — Она замолчала.

— Все эти продукты — с «Ковчега», — сказал Таф, уткнув пальцы в подбородок и глядя ей в лицо. — Даже если они когда-то и были вывезены с десятка различных миров. Может, еще немного пряного молока?

— Нет, — пробормотала Кевира, уставившись в пустую тарелку. — Итак, вы не обманывали. Вы тот, за кого себя выдаете, а этот корабль-сеятель этого... как вы его назвали?

— Общества Экологической Генетики давно исчезнувшей Федеральной Империи. У них было нестолько кораблей, и все они, кроме одного, разрушены превратностями войны. Только «Ковчег» уцелел. Тысячу лет им никто не управлял. Я не буду вдаваться в детали — они вам неинтересны, достаточно сказать, что я нашел его и вернул к жизни.

— Вы его нашли?

— Мне кажется, именно так я и сказал, точно такими словами. Будьте любезны, слушайте внимательно. Я очень не люблю повторять. До того как найти «Ковчег», я зарабатывал себе скромные средства на жизнь торговлей. Мой старый корабль еще стоит на посадочной палубе. Может быть, вы случайно видели его?

— Тогда вы действительно лишь торговец.

— Извините! — возмущенно сказал Таф. — Я — экоинженер. «Ковчег» может переделывать целые пла-

неты, Хранительница. Конечно, я один, а корабль когда-то имел экипаж в двести человек, и у меня действительно не хватает того образования, какое несколько веков назад имели те, что носили золотую «тэту», являвшуюся эмблемой экоинженеров. Но пока мне удается помаленьку жить этим. И если Намория соблаговолит воспользоваться моими услугами, то я не сомневаюсь, что смогу вам помочь.

— Почему? — спросила стройная Хранительница. — Почему вы так стремитесь помочь нам?

Хэвиланд Таф беспомощно развел своими большими белыми руками.

— Я знаю, что могу показаться глупцом, но ничего не могу с собой поделать. Я по натуре человеколюб и очень сочувственно отношусь к нуждам и бедам людей. Я точно так же не могу бросить на произвол судьбы ваших осажденных сограждан, как и сделать что-то плохое моим кошкам. Другие экоинженеры были сделаны из более твердой породы, но мне уже не изменить свою сентиментальную натуру. Поэтому и сижу здесь перед вами, готовый сделать все, что в моих силах.

— И вы ничего не хотите взамен?

— Я буду работать без вознаграждения, — кивнул Таф. — Конечно, у меня будут издержки, и поэтому я вынужден буду взять с вас небольшую плату, чтобы покрыть их. Скажем, три миллиона стандартов. Вы считаете это честным?

— Честным? — сказала она саркастически. — В высшей мере опасным, я бы сказала. Появлялись тут такие, вроде вас, Таф. Торговцы оружием и авантюристы, которым удалось обогатиться на наших бедах.

— Хранительница, — укоризненно произнес Таф. — Вы ужасно несправедливы ко мне. «Ковчег» такой большой и такой дорогой. Я согласен и на два мил-

лиона стандартов. Я не могу поверить, что вы не сможете дать мне даже такую мизерную плату. Или ваш мир стоит меньше?

Кевира Квай вздохнула, усталый взгляд придавал ее лицу измученное выражение.

— Конечно, нет, — согласилась она. — Будет прекрасно, если вы сможете сделать все, что обещаете. Но мы небогаты. Мне нужно проконсультироваться с начальством, ведь я не могу сама принять такое решение. — Она резко встала. — Где ваши средства связи?

— За дверью налево и вдоль голубого коридора. Пятая дверь по правой стороне.

Она ушла, а Таф с тяжеловесным достоинством поднялся и начал убирать со стола.

Когда Хранительница вернулась, он открыл графин ярко-багрового ликера и сидел, поглаживая большую черно-белую кошку, вальяжно разлегшуюся у него на коленях.

— Ваше предложение приняли, Таф, — сказала Кевира Квай и села. — Два миллиона стандартов. Но после того, как вы выиграете эту войну.

— Разумеется, — сказал Таф. — Давайте поговорим о том, что у вас происходит, под рюмочку этого прекрасного напитка.

— Алкогольный?

— Слабонаркотизирующий.

— Хранитель не имеет права принимать никакие возбуждающие или успокаивающие средства. Мы боевой цех. Такие средства отравляют тело и замедляют реакции. Хранитель должен быть бдительным. Мы охраняем и защищаем.

— Похвально, — сказал Хзвиланд Таф и наполнил свою рюмку.

— «Солнечный клинок» здесь не нужен. Контрольная служба Намории отзывает его. Его боевая мощь нужнее там, внизу.

— Тогда я сейчас же распоряжусь, и ваш корабль покинет «Ковчег». Вы тоже возвращаетесь назад?

— Я откомандирована сюда, — сказала она и поморщилась. — Я сообщу вам ряд данных о ситуации на планете. Мне приказано инструктировать вас и выполнять обязанности офицера связи.

4

Вода — как спокойное и тихое зеленое зеркало от горизонта до горизонта. Жаркий день. Сияющее желтое солнце струит свой свет сквозь скопления тонких, с золотистыми краями, облаков. Корабль неподвижно покоится на воде, блестя голубовато-серебристыми металлическими боками; его открытая палуба — маленький островок активности в океане покоя. Мужчины и женщины — маленькие, как насекомые, — работают у черпалок и тралов. Из моря, истекая водой, поднимаются большие когти, полные ила и водорослей. Потом они опускают содержимое в открытый люк. В стороне жарятся на солнце сосуды с гигантскими молочными медузами.

Но вот вдруг возникло какое-то беспокойство. Несколько человек без всякой видимой причины бросили свою работу и побежали прочь, растерянно оглядываясь. Остальные работали, не обращая ни на что внимания. Большие металлические когти, теперь открытые и пустые, снова качнулись над водой и нырнули вниз: одновременно на другой стороне корабля такие же когти поднялись вверх. Люди снова куда-то

побежали. Двое мужчин столкнулись и упали на палубу.

Потом из-под корабля, извиваясь, появилось первое щупальце. Оно поднималось все выше и выше и было длиннее, чем когти черпалки.

Когда оно появилось из воды, то казалось похожим на человеческое туловище, было таким же толстым, а к концу утончалось до размеров руки. Щупальце было белым и каким-то слизистым. По всей его нижней стороне располагались ярко-розовые круги размером с блюдце, круги, которые вращались и пульсировали, когда щупальце изгибалось над большим кораблем — сборщиком урожая. Конец щупальца разветвлялся на более мелкие щупальца. Они были похожи на извивающихся темных змей.

Чудовище поднималось все выше и выше, потом изогнулось и обвило корабль. Под зеленью воды опять что-то зашевелилось, и появилось второе щупальце. Потом третье и четвертое. Одно боролось с когтями черпалки, другое намотало на себя, как вуаль, остатки трала. Люди в ужасе покидали корабль, кроме тех, конечно, кого щупальца успели схватить. Одно из них захлестнулось вокруг женщины, державшей топор. Она попыталась перерубить спрута, но тот сломал ей позвоночник. Женщина затихла. Щупальце отпустило ее и схватило кого-то другого. Из зияющих ран его хлестала белая жидкость.

К кораблю присосались уже двадцать щупалец, и он внезапно наклонился на правый борт. Люди покатились с палубы в море. Потом что-то перевернуло корабль и потащило вниз. Через борта и в открытые люки хлынула вода. Кончилось тем, что корабль переломился пополам.

5

Хэвиланд Таф остановил проекцию, оставив изображение на большом обзорном экране: зеленое море и золотистое солнце, разбитый корабль, бледные, обнимающие его щупальца.

— Это первое нападение? — спросил он.

— И да, и нет, — ответила Кевира Квай. — Ранее таинственным образом исчезли другой корабль-сборщик и два морских пассажирских глайдера. Мы проводили расследование, но причины не выяснили. В этом же случае на обзорной площадке над ними находилась съемочная группа, передававшая изображение для информационной телепрограммы. Эффект был потрясающим.

— В самом деле, — сказал Таф.

— Репортеры были в воздухе, на глайдере. Передача того вечера едва не вызвала панику. Но только когда погиб еще один корабль, этим явлением заинтересовались серьезно. Хранители поняли, что пришла большая беда.

Хэвиланд Таф с равнодушным видом смотрел вверх, на обзорный экран, его руки покоились на пульте. Черно-белый котенок играл с его пальцем.

— Отстань ты со своими глупостями, — сказал он и осторожно ссадил котенка на пол.

— Увеличьте изображение одного из щупалец, — предложила сидящая рядом Хранительница.

Таф безмолвно выполнил ее просьбу. Засветился второй экран и показал зернистое изображение большого бледного живого каната, обвившегося вокруг палубы.

— Обратите внимание на присоски, — сказала Квай. — Вон те розовые участки, видите?

— Они, кажется, с зубами?

— Да, — сказала Кевира Квай. — Они все с зубами. Наружные губы этой присоски — своего рода жесткая мясистая втулка-венец. Внутри она расширяется и образует что-то вроде вакуума — оторвать ее невозможно. Но каждая присоска одновременно и пасть. Внутри венца находится мясистый клапан, который, опадая, выпускает наружу зубы. Три ряда зубов. Острее пилы. Теперь давайте рассмотрим усики на конце щупальца.

Таф коснулся пульта и вывел увеличенное изображение извивающейся змеи на третий экран.

— Глаза, — сказала Кевира Квай. — На конце каждого усика. Щупальцам не приходится двигаться вслепую, на ощупь. Они могут видеть, что они делают.

— Очень увлекательно, — сказал Хэвиланд Таф. — А что находится под водой? Кому принадлежат эти гнусные щупальца?

— Позднее появились изображения и фотографии мертвых экземпляров, а также компьютерные модели. Большая часть убитых особей была совершенно изуродована. Основное тело этой штуки — своего рода перевернутая чашка, похожая на наполовину надутый пузырь. Чашка окружена кольцом костей и мышц, на которых крепятся эти щупальца. Пузырь наполняется водой и опорожняется, давая этой твари возможность подниматься на поверхность и опускаться в глубину. Принцип подводной лодки. И она в состоянии утащить вниз корабль. Сама весит немного, но обладает удивительной силой. Вот что делает это гигантское существо: опорожняет свой пузырь, чтобы подняться на поверхность, потом хватает и опять начинает наполняться. Емкость пузыря ошеломляющая. Когда существо полностью наполняется водой, оно в состоянии утащить на дно моря любой из имеющих-

ся у нас кораблей. Если необходимо, оно может даже перегонять воду в щупальца и выпускать ее через пасти, чтобы залить корабль и ускорить его гибель. Таким образом, эти щупальца — и руки, и пасти, и глаза, и живые змеи одновременно.

— И вы говорите, что до этого нападения ваши люди не знали об этих существах?

— Именно так. Родственник этой штуки, наморский воин, был хорошо известен с первых дней заселения планеты. Это была своего рода помесь медузы и кракена. С двадцатью руками. Многие местные виды сотворены как бы по единому образцу — центральный пузырь или тело, или оболочка, или как вы там назовете, с двадцатью ногами, или усами, или щупальцами вокруг. Воины были плотоядными, как и эти чудовища, хотя имели глаза, расположенные на кольце вокруг тела, а не на концах щупалец. Руки тоже не могли действовать как шланги, и они были намного меньше по размеру, примерно с человека. Воины выпрыгивали на поверхность на континентальных отмелях, над илистыми впадинами, где собирается стаями рыба. Рыба была их основной добычей, хотя несколько неосторожных пловцов нашли ужасную смерть в их объятиях.

— Можно спросить, что стало с воинами? — спросил Таф.

— Существа эти охотились в тех областях, которые были нужны нам: мелководья, богатые рыбой, водорослями и прочими плодами моря, участки над илистыми впадинами и складками дна, полные раковин-хамелеонов и фредди-скакунцов. Прежде чем мы научились по-настоящему выращивать и возделывать все это сами, нам приходилось по возможности избавляться от наморских воинов. Истребили почти всех. Сейчас воины встречаются крайне редко.

— Понимаю, — сказал Хэвиланд Таф. — А это ужасное существо, эта подводная лодка, этот пожиратель кораблей, ваша напасть, — у него есть имя?

— Наморский разрушитель, — сказала Кевира Квай. — Когда он появился впервые, мы подумали, что он житель больших глубин, по ошибке выплывший на поверхность. Ведь Намория заселена всего около ста стандартных лет. Мы только начали исследовать глубокие районы моря, и у нас мало сведений об их жителях. Но когда уже большое число кораблей подверглось нападению, стало очевидно, что нам придется воевать с целой армией разрушителей.

— С флотом, — поправил Хэвиланд Таф.

Кевира Квай наморщила лоб.

— Пусть так. Целая масса, а не отдельный случайно попавший к нам экземпляр. Исходя из этого, возникла теория, согласно которой глубоко в океане произошла катастрофа, выгнавшая этот вид на поверхность.

— Но вы не слишком верите этой теории, — сказал Таф.

— Никто не верит. Она уже опровергнута. Разрушители были бы не в состоянии выдержать давления на таких глубинах. И вот теперь мы не знаем, откуда они взялись. — Она поморщилась. — Знаем только, что они здесь.

— В самом деле, — сказал Хэвиланд Таф. — Несомненно, вы защищались.

— Конечно. Мужественно, но безнадежно. Намория — молодая планета, и у нас не хватает людей и средств для борьбы, в которую мы оказались втянутыми. Три миллиона наморцев живут более чем на семнадцати тысячах маленьких островов, разбросанных по морю. Еще миллион теснится на Нью-Атлантиде, нашем единственном маленьком континенте.

Большая часть нашего населения — рыбаки и морские фермеры. Когда все это началось, численность наших Хранителей едва достигала пятнадцати тысяч. Наш отряд ведет свой род от экипажей кораблей, доставивших колонистов со Старого Посейдона и Аквариуса сюда, на Наморию. Мы защищали жителей, но до появления разрушителей задача наша была куда проще. Планета у нас мирная, и за все время было всего несколько конфликтов. Несколько этнических споров между посейдонцами и акваритянами, но все закончилось по-доброму. Хранители имели в своем распоряжении «Солнечный клинок» и еще два таких же корабля планетарной защиты, но большая часть работы была с пожарами, наводнениями, катастрофами, ну, еще полицейская работа и тому подобное. У нас было около сотни морских патрульных лодок-глайдеров, и какое-то время мы использовали их в качестве защитных конвоев и даже нанесли разрушителям кое-какие потери, но по-настоящему бороться с ними мы не в состоянии: разрушителей намного больше, чем патрульных лодок.

— И патрульные лодки, я полагаю, не размножаются, как это делают разрушители, — сказал Таф.

Глупость и Сомнение возились у него на коленях.

— Да. Но мы все-таки пытались бороться. Мы бросали в них глубинные бомбы, когда обнаруживали их под водой, мы торпедировали их, если они поднимались на поверхность. Мы убивали их сотнями. Но они появлялись в еще большем количестве, лодки же, которые мы теряли, заменить было нечем, так как на Намории нет высокоразвитой промышленности. В лучшие времена мы импортировали все необходимое с Бразелорна и Вейл Арина. Наш народ думал, что можно вести простую жизнь, близкую к природе. Да и планета сама не могла поддерживать промышлен-

ность. Она бедна тяжелыми металлами и почти не имеет ископаемого горючего.

— Сколько патрульных лодок у вас осталось? — спросил Хэвиланд Таф.

— Где-то около тридцати. Но мы уже боимся их использовать. В течение года после первого нападения разрушители полностью перекрыли наши морские пути. Были потеряны все большие корабли-сборщики, оставлены или разрушены сотни морских ферм, погибла половина мелких рыбаков, а другая половина в ужасе толпится в портах. Ни один человек больше не осмеливается выйти в моря Намории.

— Ваши острова изолированы друг от друга?

— Не совсем, — ответила Кевира. — У Хранителей двадцать вооруженных глайдеров и есть еще примерно сотня глайдеров и летательных аппаратов в частной собственности. Мы их реквизировали и вооружили. Есть у нас и свои дирижабли. Глайдеры и самолеты здесь содержать очень трудно, так как у нас нет запасных частей и хорошо обученных техников. Поэтому большую долю тяжестей перевозили дирижабли. Дирижабли у нас большие, с солнечными двигателями. Наполнены они гелием. У нас примерно тысяча дирижаблей — довольно большой, по нашим представлениям, флот. Одни из них взяли на себя обеспечение маленьких островов, где голод стал реальной угрозой. Другие продолжали борьбу, как и глайдеры Хранителей. Мы сбрасывали с воздуха химикалии, яды, взрывчатку и тому подобное. Уничтожили тысячи разрушителей, хотя за это пришлось заплатить невероятно большую цену. Больше всего они скапливались вокруг наших рыбных промыслов и илистых гряд, поэтому мы вынуждены были взрывать и отравлять как раз те районы, которые нам нужнее всего. Но выбора не было. Одно время мы думали,

что выиграли битву. Несколько рыбацких лодок даже выходили в море и возвращались назад в сопровождении глайдера-охранника.

— Очевидно, вам все же удалось как-то обуздать разрушителей, — сказал Хэвиланд Таф, — иначе мы не сидели бы и не говорили тут.

Сомнение крепко ударило Глупость по голове, и маленький котенок полетел с колен Тафа на пол. Таф нагнулся и поднял его.

— Вот, — сказал он и протянул котенка Кевире Квай. — Не подержите ли его? Их маленькая война отвлекает меня от вашей большой.

— Я... ну... конечно. — Хранительница элегантно взяла в ладонь маленькое черно-белое животное. Котенок свернулся калачиком на ее ладони. — Что это? — спросила она.

— Кошка, — ответил Таф. — Она выпрыгнет, если вы будете держать ее, как гнилой плод. Лучше посадите ее себе на колени. Уверяю вас, она безобидна.

Кевира Квай пожала плечами и стряхнула котенка с ладони на колени. Глупость мяукнула, едва не свалившись на пол, но ее маленькие коготки вонзились в ткань мундира.

— Ай! — воскликнула женщина. — У нее когти.

— Коготки, — поправил Таф. — Маленькие и безобидные.

— Они не отравленные?

— Думаю, нет, — сказал Таф. — Погладьте ее, и она будет вас меньше беспокоить.

Кевира несколько раз неуверенно коснулась головы котенка.

— Простите, — сказал Таф. — Я сказал погладьте, а не похлопайте.

Хранительница поласкала котенка. Глупость тут же замурлыкала. Кевира замерла и испуганно посмотрела на животное.

— Кошка почему-то дрожит, — сказала она, — и издает какие-то звуки.

— Такая реакция считается дружественной, — заверил ее Таф. — Прошу вас продолжить свой рассказ о положении на планете. Пожалуйста.

— Разумеется, — сказала Квай, лаская Глупость, уютно разлегшуюся у нее на коленях. — Если вы снова включите проекцию.

Таф убрал с главного экрана изображение разрушителя и тяжело поврежденного корабля. Их сменила другая картина. Зимний день, ветреный и холодный даже с виду. Очень темная и подвижная вода, брызгающая пеной при порывах ветра. По бурному морю плывет разрушитель, раскинув вокруг огромные белые щупальца, что делает его похожим на гигантский раздувшийся цветок, танцующий на волнах. Потом над водой появились три дирижабля. Когда они пролетали над чудовищем, два его щупальца выскочили из воды, как змеи, и потянулись вверх, но дирижабль летел слишком высоко, и они его не достали. Однако чудовища продолжали преследовать дирижабли.

— Дирижабли «Душа Аквариуса», «Лила Д» и «Небесная тень», — сказала Кевира Квай, — направляются с миссией помощи на один из маленьких островов, где свирепствует голод. Они отправились в путь, чтобы эвакуировать оставшихся в живых и доставить их на Нью-Атлантиду. — Голос ее стал жестким. — Эти съемки сделаны группой из службы новостей на «Небесной тени», единственном уцелевшем дирижабле. Смотрите внимательно.

Один из дирижаблей продолжал лететь дальше, непобедимый и торжествующий. Потом прямо перед серебристо-голубой «Душой Аквариуса» в воде вдруг возникло какое-то движение. Под темно-зеленой поверхностью угадывалось чье-то большое тело. Но это

не был разрушитель. Вода вспучилась, и что-то большое и черное, как эбеновое дерево, появилось из воды. Существо напоминало купол, он все рос и рос и вскоре стал похожим на поднявшийся из глубины остров — черный, кожаный и громадный, — окруженный двадцатью длинными черными щупальцами. Он вспухал все выше и выше, секунда за секундой, пока не вырвался из моря. Его щупальца обвисли вниз, с них текла вода, а он все поднимался и поднимался. Потом щупальца тоже начали подниматься и вытягиваться в стороны. Чудовище было таким же большим, как и приближающийся к нему дирижабль. Их встреча была подобна брачной встречи двух небесных левиафанов. Черный гигант обрушился на большой серебристый дирижабль, его руки обвились вокруг него в смертельном объятии. Таф и Кевира увидели, как лопнула внешняя оболочка дирижабля, разорвались и смялись гелиевые ячейки. «Душа Аквариуса» извивалась и корчилась, как живая, в черных объятиях любовника. Когда все было кончено, темный гигант выронил останки дирижабля в море.

Таф остановил изображение, чтобы внимательно рассмотреть маленькие фигурки, выпрыгивающие из обреченной гондолы.

— Другое такое же чудовище уничтожило на обратном пути «Лилу Д», — сказала Кевира Квай. — «Небесной тени» удалось спастись, так что ее экипаж смог рассказать все, что с ними произошло, но из следующей миссии не вернулась и она. Только в первую неделю после появления огненных шаров было потеряно больше сотни дирижаблей и двенадцать глайдеров.

— Огненных шаров? — скептически переспросил Хэвиланд Таф и погладил Сомнение, сидевшего на пульте. — Но я не видел никакого огня.

— Мы так назвали эту проклятую тварь, когда впервые уничтожили одну из них. Глайдер Хранителей дал по ней залп разрывных выстрелов, тварь взорвалась, как бомба, и, пылая, упала в море. Оказалось, они легко воспламеняются. Один лазерный выстрел, и они взрываются с грохотом.

— Водород? — сказал Хэвиланд Таф.

— Именно, — подтвердила Хранительница. — Нам никогда не удавалось поймать ни одной твари, и мы собирали данные по крохам. Эти существа могут производить электрический ток. Они набирают воду и проводят своего рода биологический электролиз. Кислород выпускается в воду или в атмосферу, и таким образом эта тварь передвигается. Реактивный двигатель, если хотите. Водород заполняет мешки-баллоны и создает подъемную силу. Если тварь хочет опуститься в воду, то открывает сверху свой клапан — посмотрите, вон там, — и опять падает в море. Внешняя оболочка кожистая, очень жесткая. Они медлительны, но умны. Иногда прячутся в облаках и нападают на неосторожные глайдеры, летящие под ними. И мы скоро, к своему ужасу, обнаружили, что размножаются они не менее быстро, чем разрушители.

— Чрезвычайно интересно, — сказал Хэвиланд Таф. — Итак, из всего этого я могу сделать вывод, что с появлением этих огненных шаров вы потеряли не только море, но и небо.

— Примерно так, — согласилась Кевира Квай. — Для сражения с огненными шарами наши дирижабли слишком неповоротливы. Мы пытались удержать ситуацию под контролем, посылая дирижабли под конвоем глайдеров и самолетов, но это тоже кончилось неудачей. Утро огненного рассвета... Я была там, командовала девятипушечным глайдером... Это было ужасно.

— Продолжайте, — сказал Таф.

— Огненный рассвет, — мрачно пробормотала она. — Мы... У нас было тридцать дирижаблей, защищенных десятком вооруженных глайдеров. Длительное путешествие от Нью-Атлантиды до Согнутой Руки, большой группы островов. Незадолго до рассвета второго дня похода — как раз только заалел восток — море под нами начало... кипеть. Как кастрюля с супом. Это были они, эти гады, выпускали кислород и воду. Их были тысячи, Таф. Вода безумно забурлила, и они поднялись, все разом, — эти гигантские черные тени; они поднимались к нам, они были повсюду, насколько хватало глаз. Мы атаковали лазерами, гранатами, всем, что у нас было. Огонь охватил все небо. Все эти твари раздувались от водорода, а воздух был насыщен кислородом, который они выпускали, и опьянял. Мы назвали это огненным рассветом. Ужасно. Повсюду скрежет, горящие воздушные шары, наши разрушенные дирижабли, падающие и горящие тела вокруг нас. А внизу ждали разрушители. Я видела, как они хватали плывущих людей, выпавших из дирижаблей, эти бледные щупальца, обвивающиеся вокруг тел и рвущие их. Из этой битвы вышли только четыре глайдера. И были потеряны все дирижабли вместе с экипажами.

— Ужасно, — сказал Таф.

В глазах Кевиры Квай была видна мука. Она в каком-то страшном ритме похлопывала Глупость, губы крепко сжаты, взгляд прикован к обзорному экрану, где над падающей «Душой Аквариуса» парил первый огненный шар.

— С тех пор, — заговорила она наконец, — наша жизнь превратилась в непрерывный кошмар. Мы потеряли наши моря. На трех четвертях Намории люди вымерли от голода. Только Нью-Атлантида имеет еще

в достатке продукты, так как только там занимались земледелием. Хранители продолжают бороться. «Солнечный клинок» и два других наших космических корабля вынуждены постоянно действовать — бомбардировать морские пути, разбрасывать яды и эвакуировать людей с мелких островов. Мы поддерживаем неустойчивую связь самолетами и скоростными глайдерами. Конечно, у нас есть радио. Но мы вряд ли выдержим. В течение последнего года замолчало более двадцати островов. Мы посылали патрули, чтобы расследовать полдюжины таких случаев. Те, что возвращались, сообщали об одном и том же. Повсюду разлагающиеся на солнце трупы. Разрушенные, обвалившиеся здания. Грызуны и черви, пирующие на трупах. А на одном из островов они нашли нечто иное, еще более ужасное. Этот остров называется Морская Звезда. На нем жили почти сорок тысяч человек, и был даже небольшой космопорт, пока не прекратилась торговля. Когда с Морской Звездой прервалась связь, был ужасный шок. Посмотрите следующий материал, Таф.

Таф нажал на пульте несколько светящихся кнопок.

На берегу на синем песке лежало что-то мертвое. Изображение было неподвижным. Хэвиланд Таф и Хранительница Кевира Квай имели достаточно времени, чтобы рассмотреть мертвую тушу — распростершуюся, массивную, разлагающуюся. Вокруг царил хаос человеческих тел. Мертвое чудовище выглядело как перевернутое блюдо — большое, как дом. Его кожистая плоть, пятнисто-серо-зеленая, растрескалась и была покрыта потеками гнили. Вокруг на песке, как спицы колеса, раскинулись десять изогнутых зеленых щупалец со сморщенными бледно-розовыми пастями. И, чередуясь с ними, десять конечностей,

жестких и твердых, почти черных и имевших суставы.

— Ноги, — сказала Кевира Квай. — Это чудовище передвигалось, пока его не убили. Мы нашли только один экземпляр, но этого достаточно. Теперь мы знаем, почему замолкают наши острова. Чудовища выходят из моря, Таф. Вот такие дела. Они, как пауки, бегают на десяти ногах, а десятью другими — щупальцами — хватают и пожирают людей. Панцирь у них толстый и прочный, и одной гранатой или лазерным выстрелом уничтожить такой экземпляр не так просто, как огненный шар. Теперь вы понимаете? Сначала в море, потом в воздухе, а теперь началось и на земле. На земле. Они тысячами вырвутся из моря и потоком поползут по песку. Только за последнюю неделю уничтожены два острова. Нас хотят стереть с лица планеты. Несомненно, кое-кто останется в живых на Нью-Атлантиде, в высокогорьях внутри материка, но это будет суровая жизнь — и короткая. И продлится она до тех пор, пока не появится какое-нибудь новое кошмарное чудовище. — Ее голос стал истерически-пронзительным.

Хэвиланд Таф отключил пульт, и все экраны погасли.

— Успокойтесь, Хранительница, — сказал он и повернулся к ней. — Ваши страхи понятны, но не надо впадать в отчаяние. Теперь я хорошо представляю ваше положение. В самом деле трагическое. Но не безнадежное.

— Вы все еще уверены, что сможете помочь? Один? Вы и этот корабль? Нет, я не хочу вас отговаривать, ни в коем случае. Мы готовы ухватиться за любую соломинку. Но...

— Но вы не верите в мои возможности, — сказал Таф. С его губ сорвался легкий вздох. — Сомнение, —

сказал он своему котенку, поднимая его на громадной белой ладони, — ты действительно по праву носишь свое имя. — Он снова перевел взгляд на Кевиру Квай. — Я снисходительный человек, а вы вытерпели столько мучений, поэтому я не обращаю внимания на то, что вы с пренебрежением относитесь к моим способностям и тем самым уничтожаете меня. А теперь прошу простить, у меня много дел. Я получил массу информации об этих тварях и о наморской экологии в целом. То, что я видел, чрезвычайно важно для понимания и анализа ситуации. Благодарю за ваше сообщение.

Кевира Квай наморщила лоб, подняла с колен Глупость, опустила ее на пол и встала.

— Очень хорошо, — сказала она. — Как скоро вы будете готовы?

— С какой-либо степенью точности я об этом сказать не могу, пока не удастся провести несколько опытов. Возможно, для этого понадобится день. Возможно, месяц. Но, возможно, и дольше.

— Если вам понадобится слишком много времени, то могут возникнуть трудности со сбором двух миллионов, — вздохнула она. — Мы просто все погибнем, и некому будет отдать вам вознаграждение за труд.

— В самом деле, — сказал Таф. — Я постараюсь предотвратить такой поворот событий. Если вы позволите мне приняться за работу... Мы еще побеседуем за ужином. Я приготовлю густой суп по-арионски с шляпками торитийских огненных грибов для поднятия аппетита.

Квай громко вздохнула.

— Опять грибы, — пожаловалась она. — У вас уже были жареные грибы и перечные стручки на обед и обжаренные в сметане грибы на завтрак.

— Я очень люблю грибы, — сказал Хэвиланд Таф.

— А я сыта ими по горло, — сказала Кевира Квай. Глупость потерлась об ее ногу, и она мрачно посмотрела на нее. — Могла бы я попросить немного мяса? Или что-нибудь из морских продуктов? — Взгляд ее приобрел мечтательное выражение. — Я уже год не ела ильных горшочков. Они мне иногда даже снятся. Вообразите, расколешь раковину, высосешь жир, а потом ешь мягкое мясо... Вы не представляете, как все было прекрасно... Или саблевидные плавники. Ах, за саблевидные плавники с гарниром из водорослей я готова убить!

Хэвиланд Таф серьезно посмотрел на нее.

— Мы здесь не едим мяса животных, — сказал он и принялся за работу, не обращая на свою собеседницу никакого внимания.

Кевира Квай попрощалась. Глупость понеслась за ней большими прыжками.

6

Через четыре дня, когда за обедами и ужинами было съедено огромное количество грибов, Кевира Квай начала приставать к Хэвиланду Тафу с вопросами.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она за завтраком. — Когда же наконец вы начнете действовать? Каждый день вы уходите к себе, а положение на Намории все хуже и хуже. Час назад я говорила с Лордом-Хранителем. Потеряны Малый Аквариус и Танцующие Сестры. А мы с вами сидим здесь и тянем время, Таф.

— Тянем время? — переспросил Хэвиланд Таф. — Хранительница, я не тяну время. Я никогда не тянул

время и не собираюсь делать это сейчас. Я работаю. Ведь нужно переварить такую массу информации.

— Вы имеете в виду — переварить массу грибов, — фыркнула Кевира Квай и встала, сбросив с коленей Глупость. За последнее время они с котенком подружились. — На Малом Аквариусе жили двенадцать тысяч человек, — вздохнула она, — и почти столько же на Танцующих Сестрах. Думайте об этом, Таф, пока переваривaете пищу. — Она повернулась и вышла из комнаты с гордо поднятой головой.

— В самом деле, — сказал Хэвиланд Таф и опять сосредоточился на сладком цветочном торте.

Прошла неделя, прежде чем они столкнулись снова.

— Ну? — спросила Хранительница однажды в коридоре и загородила Тафу дорогу, когда он с большим достоинством шагал в свой рабочий кабинет.

— Ну, — повторил он. — Добрый день, Хранительница.

— Какой там добрый! — недовольно проворчала она. — Контрольная служба Намории сообщила, что потеряны Острова Солнечного Восхода. Растоптаны. И дюжина глайдеров уничтожена при обороне вместе со всеми стянутыми в те гавани кораблями. Что вы скажете на это?

— Чрезвычайно печально, — ответил Таф. — Сожалею.

— Когда вы будете готовы?

Он неопределенно пожал плечами.

— Не могу сказать. Вы поставили передо мной непростую задачу. Чрезвычайно сложная проблема. Сложная. Да, это самое подходящее слово. Даже, я бы сказал, запутанная. Но уверяю вас, все мои симпатии на вашей стороне, и весь мой интеллект занят исключительно этой проблемой.

— И это все, не правда ли? Для вас это только проблема?

Хэвиланд Таф слегка наморщил лоб и сложил руки на выпирающем вперед громадном животе.

— Действительно, проблема, — сказал он.

— Нет, это не только проблема. Это не игра, в которую мы с вами играем. Там, внизу, умирают люди. Умирают, так как Хранители оказались недостойными их доверия и так как вы ничего не делаете. Ничего!

— Успокойтесь. Ведь я заверил вас, что непрерывно занят вашим делом. Вы должны учитывать, что мое задание не такое простое, как ваше. Конечно, куда как легче бросать на разрушителей бомбы или стрелять гранатами в огненные шары, наблюдая, как они горят. Но эти простые старомодные методы мало вам помогли, Хранительница. Экоинженерия — намного более перспективное дело. Я изучаю сообщения ваших руководителей, морских биологов, историков. Я думаю и анализирую. Я разрабатываю различные методы и моделирую их на большом компьютере «Ковчега». Рано или поздно я найду ответ.

— Лучше рано, — жестким голосом сказала Кевира Квай. — Намория ждет результатов, и я их тоже жду. Совет Хранителей теряет терпение. Лучше рано, Таф, а не поздно. Я вас предупреждаю. — И она отступила в сторону, давая ему пройти.

Следующие полторы недели Кевира Квай провела, стараясь по возможности избегать Тафа. Она часто пропускала ужин и мрачно отводила взгляд, когда видела его в коридорах. Каждый день она торчала в рубке связи, где вела длинные дискуссии с начальством, которое держало ее в курсе последних событий. А они были плохими.

Наконец, когда положение стало катастрофическим, разъяренная Кевира Квай, тяжело ступая, вошла в затемненную комнату, которую Таф называл «военной», и нашла его сидящим перед целым рядом

компьютерных экранов. Он наблюдал, как красные и голубые линии гонялись друг за другом по какой-то решетке.

— Таф! — позвала его женщина.

Он выключил экран и повернулся к ней с явным неудовольствием. Окутанный тенью, он равнодушно рассматривал ее.

— Совет Хранителей передал мне приказ, — сообщила Квай, бледная как полотно.

— Как кстати для вас, — язвительно ответил Таф. — Я знаю, что вы в последнее время мучаетесь от безделья.

— Совет требует немедленных действий, Таф. Немедленных действий. Немедленных. Вы поняли?

Таф подпер ладонями подбородок.

— Неужели я должен терпеть не только враждебность и нетерпение, но и оскорбления в адрес моего интеллекта? Я понимаю все, что должно быть понято о ваших Хранителях, уверяю вас. Вот только своеобразной и странной экологии Намории я понять не могу. И пока я не добьюсь этого понимания, я не могу действовать.

— Вы будете действовать, — сказала Кевира Квай. В ее руке вдруг оказался лазерный пистолет, и она направила его в обширное брюхо Тафа. — Теперь вы будете действовать.

Хэвиланд Таф никак не отреагировал на ее выпад.

— Насилие, — сказал он с нежным упреком. — Может, вы дадите мне возможность все объяснить, прежде чем прожжете во мне дырку и приговорите свой мир к гибели?

— Давайте, — согласилась она. — Я выслушаю.

— Отлично. Хранительница, на Намории происходит что-то странное.

— Мы это заметили, — сухо произнесла она. Лазерный пистолет в ее руке замер.

— В самом деле. Вас истребляют существа, которых за отсутствием лучшего определения назовем морскими чудовищами. Менее чем за полдесятка стандартных лет возникло три вида. Каждый из этих видов скорее всего новый или по крайней мере не был известен ранее. Это представляется мне невероятным. Ваш народ живет на Намории уже около ста стандартных лет, но вы лишь недавно узнали об этих существах, которых назвали разрушителями, огненными шарами и бегунами. Такое впечатление, что против вас ведет войну мрачный двойник моего «Ковчега», но, очевидно, это не так. Новые или старые, но эти чудовища родом с Намории, продукт местной эволюции. Их близкие родственники населяют ваши моря — ильные горшочки, фредди-скакуны, студневые танцоры и воины. Так. К какому же выводу это нас приводит?

— Не знаю, — сказала Кевира Квай.

— Я тоже. Продолжаем рассуждать дальше. Эти морские чудовища ужасно расплодились. Море кишит ими, они заполонили небо, а теперь уничтожают плотно населенные острова. Они истребляют людей, но не убивают друг друга и, кажется, вообще не имеют естественных врагов. Преграды нормальной экосистемы не срабатывают. Я с большим интересом проштудировал сообщения ваших ученых. Многое в этих морских чудовищах удивительно, но еще удивительнее тот факт, что мы знаем их только в их взрослом обличье. Гигантские разрушители бороздят моря и топят корабли, чудовищные огненные шары кружат в вашем небе. А где, вынужден спросить, маленькие разрушители, где детеныши огненных шаров? В самом деле, где они?

— Глубоко в море.

— Возможно, Хранительница, возможно. Но вы не можете утверждать это на все сто процентов, я — тоже. Эти чудовища ужасны, но я видел не менее ужасных хищников и на других мирах. И они не исчислялись сотнями тысяч. Почему? Да потому, что их детеныши, или яйца, или мальки менее страшны, чем их родители, и большая часть их гибнет, не достигнув своей ужасной зрелости. Но на Намории ничего подобного не происходит. Почему? — Таф пожал плечами. — Этого я сказать не могу, но я продолжаю работать и думаю, что осилю задачку ваших переполненных морей.

Кевира Квай сморщилась.

— А мы тем временем погибнем. Мы погибаем, а вам до этого нет никакого дела.

— Протестую, — начал Таф.

— Тихо! — сказала она и качнула лазером. — Теперь говорить буду я. Вы свою речь произнесли. Сегодня мы потеряли связь с Согнутой Рукой. Согнутая Рука. Сорок три острова, Таф. Я даже боюсь подумать, сколько там погибло людей. Все исчезли. За один день. Несколько искаженных радиосигналов, истерия, а потом — тишина. А вы сидите тут без толку и рассказываете о загадках нашей планеты. Теперь я заставлю вас работать. Загадками природы займемся позже, а сейчас будем убивать этих гадов.

— Когда-то существовал мир, — сказал Хэвиланд Таф, — совершенно идеальный мир, если не считать одного маленького изъяна — насекомого размером с пылинку. Это было безобидное существо, но оно распространилось повсюду. Питалось микроскопическими спорами одного плавающего гриба. Люди этого мира ненавидели этих насекомых, которые иногда летали целыми тучами, закрывая солнце. Когда люди выходили на улицу, насекомые тысячами покрывали

их тела живой второй кожей. И какой-то экоинженер-выскочка предложил решить их проблему. С другого далекого мира он завез другое насекомое, которое было крупнее и должно было охотиться за этими живыми пылинками. Новые насекомые размножались и размножались, так как не имели в этой экосистеме естественных врагов, и в какой-то момент местный вид полностью исчез. Был большой триумф. Но неожиданным и печальным образом возникли побочные явления. Оккупант, уничтожив эту местную форму жизни, начал нападать на другие, полезные виды. Было истреблено много местных видов насекомых. Тяжело пострадали и местные птицы, так как их лишили привычной пищи, а чужих насекомых они не могли переваривать. Растения уже не опылялись, как прежде. Изменялись и засыхали все леса. А споры гриба, что были пропитанием для местных мучителей людей, беспрепятственно рассеивались. Грибы росли везде: на зданиях, на полях, где выращивались продукты, и даже на животных. Короче говоря, экосистема была полностью выведена из равновесия. Если вы сегодня посетите эту планету, вы найдете совершенно мертвый, если не считать грибов, мир. Таковы плоды поспешных действий при недостатке знаний. Слишком велик риск, чтобы начинать, не разобравшись в проблеме.

— Но если не начать немедленно что-то делать, нас ждет неминуемая гибель, — упрямо продолжала Кевира Квай. — Нет, Таф. Вы рассказали ужасную историю, но мы отчаянный народ. Хранители примут на себя любой риск, какой только может возникнуть. У меня приказ. Если вы не сделаете то, о чем я вас просила, то я использую вот это. — Она кивнула на лазер.

Хэвиланд Таф скрестил руки.

— А если вы его используете, — сказал он, — значит, вы очень глупы. Несомненно, вы сможете научиться обслуживать «Ковчег». Со временем. Но эта задача отнимет годы, которых у вас, по вашему утверждению, нет. Я буду продолжать работу над вашей проблемой, прощаю вам ругань в мой адрес и угрозы, но начну действовать только тогда, когда буду к этому готов. Я экоинженер. У меня есть личная и профессиональная совесть. И я вынужден подчеркнуть, что без моей помощи у вас нет вообще никакой надежды. Совершенно. И так как об этом мы оба прекрасно знаем, давайте прекратим наши пререкания. И не пугайте меня, лазер вы не используете.

Кевира Квай растерялась на мгновение.

— Вы... — начала она, запинаясь; лазер лишь слегка качнулся. Но потом ее взгляд снова посуровел. — Я использую его.

Хэвиланд Таф ничего не сказал.

— Не против вас, — продолжала она. — Против ваших кошек. Я буду убивать каждый день по одной, пока вы не возьметесь за дело. — Ее запястье слегка шевельнулось, и лазер уже был направлен не на Тафа, а на маленькую фигурку Неблагодарности, носившуюся по комнате в погоне за собственной тенью. — Я начну с нее, — сказала Хранительница. — Считаю до трех.

На лице Тафа не дрогнул ни единый мускул. Он продолжал неподвижно смотреть на Кевиру Квай.

— Раз, — произнесла женщина.

Таф сидел неподвижно.

— Два, — сказала она.

Таф скривил лицо, и на белом как мел лбу появились морщины.

— Три, — выпалила Квай.

— Нет, — быстро сказал Таф. — Не стреляйте. Я буду делать то, что вы требуете. В течение часа я начну работу с клонами.

Хранительница спрятала лазер в кобуру.

7

Итак, Таф начал войну.

В первый день он сидел в своей «военной» комнате перед большим пультом, молча сжав губы, вращал ручки и нажимал на светящиеся кнопки и призрачные голографические цифры. Где-то в «Ковчеге» текли и бурлили мутные жидкости разных цветов и оттенков, заливались в пустые чаны в сумрачной шахте, а в это время отбирались экземпляры из большого банка клеточного материала, омывались и перемещались крохотными захватами, чуткими, как пальцы мастера-хирурга. Таф ничего этого не видел. Он оставался на своем посту и проводил клонирование за клонированием.

На второй день он занимался тем же самым.

На третий день он поднялся и медленно побрел вдоль многокилометровой шахты туда, где в чанах с прозрачной жидкостью начали расти его творения, бесформенные тела, слабо двигающиеся или совсем неподвижные. Некоторые чаны были размером с посадочную палубу «Ковчега», другие не больше ногтя. Хэвиланд Таф останавливался у каждого, внимательно рассматривал указатели и шкалы, с непреклонной настойчивостью заглядывал в светящиеся смотровые щели и иногда немного что-то корректировал. К концу этого дня он добрался только до половины длинной и гулкой галереи.

На четвертый день он завершил свою работу. На пятый день он активировал стасис-поле.

— Время — раб этого поля, — рассказывал он Кевире Квай, когда она спросила его, что он делает. — Поле может его замедлять или подгонять. Мы его максимально ускорим, чтобы воины, которых я выращиваю, быстрее, чем в природе, достигли своей зрелости.

На шестой день он работал на посадочной палубе, перестраивая два своих корабля. Чтобы перенести на планету созданных им тварей, он установил большие и малые танки и заполнил их водой.

Утром седьмого дня он присоединился за завтраком к Кевире Квай и сказал:

— Хранительница, мы готовы начать.

— Так быстро? — удивилась она.

— Не все мои бестии достигли полной зрелости, но все идет так, как должно. Некоторые чудовищно велики и должны быть отправлены в воду прежде, чем они достигнут взрослой стадии. Дальше клоны должны развиваться естественным путем. Нам нужно внедрить этих тварей в таком количестве, чтобы они были жизнеспособны. Но так или иначе, мы сейчас достигли той стадии, когда можно засевать моря Намории.

— Ну а какую вы изобрели стратегию?

Хэвиланд Таф отодвинул тарелку и поджал губы.

— Весьма грубую и поспешную, кроме того, она не подкреплена достаточными знаниями. Я не беру на себя ответственность ни за ее успех, ни за ее провал. Ваши ужасные угрозы вынудили меня к неподобающей спешке.

— И все же, — фыркнула она, — что вы будете делать?

Таф скрестил руки на животе.

— Биологическое оружие, как и любые другие средства борьбы, существует в самых разных формах и

масштабах. Лучший метод убить врага-человека — один-единственный выстрел лазера, прямо в лоб. В биологическом отношении аналогом этому был бы подходящий естественный враг, или хищник, или какая-нибудь видоспецифичная инфекция. Но так как у меня нет времени, то я не могу выработать такое экологическое решение.

Все другие методы меня устраивают еще меньше. Я мог бы, например, занести болезнь, которая бы очистила ваш мир от разрушителей, огненных шаров и бегунов. И для этого существует много кандидатов. Но ваши морские чудовища — близкие родственники многих других видов морских существ, и их двоюродные братья и дядьки пострадали бы тоже. Мои оценки показывают, что от такой атаки пострадали бы три четверти живущих в океане Намории существ. Альтернативой этому в моем распоряжении являются быстро размножающиеся грибки и микроскопические животные, которые буквально заполнили бы ваши моря и вытеснили бы из них всякую другую жизнь. Этот путь тоже неудовлетворителен. В конце концов у Намории была бы отнята всякая возможность поддерживать человеческую жизнь. Так вот, чтобы продолжить аналогию — этот метод логически соответствует тому, как если бы для убийства отдельного человека мы взорвали бы термоядерное устройство над целым городом, где он волею случая живет. Поэтому я отбросил эти методы.

Вместо этого я выбрал нечто, что можно было бы назвать стрельбой по площадям. Я введу в вашу экосистему многочисленные новые виды, которые в состоянии сократить ряды морских чудовищ. Некоторые из моих воинов — большие, смертельно опасные бестии, они сумеют справиться даже с вашими ужасны-

ми разрушителями. Другие малы и проворны — полуобщественно живущие стадные охотники, быстро размножающиеся. И еще другие — совсем мелкие. Я надеюсь, что они начнут выслеживать детенышей ваших чудовищ, питаться ими и тем самым сокращать их ряды. Итак, вы видите, что у меня много стратегий. Я бью всей колодой, вместо того чтобы сыграть одной картой. Так как мне был поставлен ультиматум, это единственная возможность продвинуться вперед. — Таф покивал. — Я полагаю, что теперь вы удовлетворены, Хранительница Квай.

Она наморщила лоб и ничего не сказала.

— Если вы покончили с этой вкусной кашей из сладких грибов, — сказал Таф, — мы могли бы начать. Вы, конечно, опытный пилот?

— Да, — фыркнула она.

— Отлично! — воскликнул Таф. — Тогда я покажу вам, в чем состоит особенность моих транспортников. Сейчас они уже полностью оснащены для нашего первого прорыва. Мы сделаем широкие облеты ваших морей и сбросим наш груз в их неспокойные воды. Я полечу на «Василиске» над северным полушарием, а вы возьмете себе «Мантикору» и южное полушарие. Если это приемлемо для вас, мы немедленно отправимся в путь по маршрутам, которые я составил. — И он с большим достоинством поднялся.

8

В течение следующих двадцати дней Хэвиланд Таф и Кевира Квай бороздили просторы небес Намории, педантично по квадратам засевая моря. Хранительница занималась этим с воодушевлением. Ей было

приятно быть снова при деле, и к тому же ее переполняла надежда. Разрушители, огненные шары и бегуны теперь вынуждены будут и сами встретиться со своими кошмарами, с кошмарами, собранными на десятке различных планет.

Со Старого Посейдона были родом угорь-вампир, несси и плавающая паутина травы-сети — прозрачная, острая как бритва и убийственно опасная.

С Аквариуса Таф клонировал черных хищников, более быстрых красных хищников и вдобавок к этому ядовитых душителей и благоухающее плотоядное дамское проклятие.

С мира Джемисона были заложены чаны с песчаными драконами и дюжиной видов разноцветных больших и малых водяных змей.

Даже с Древней Земли клеточный банк «Ковчега» поставил больших белых акул, морских дьяволов, гигантских каракатиц и хитрых полуразумных орков.

Таф и Кевира засеяли моря Намории гигантскими серыми спрутами с Лиссадора и голубыми спрутами поменьше с Энса, колониями водяного желе с Ноборна, дарронийскими пауками-плетками и кровавыми шнурами с Катедея; гигантскими пловцами, такими как рыба-крепость с Дэм Таллиана, псевдокит с Гулливера и гхрин'д с Хрууна-2, или такими мелкими, как ласты-пузыри с Авалона, паразиты цесны с Ананды или смертоносные, плетущие сети и откладывающие яйца водяные осы с Дейдры. Для охоты за огненными шарами они создали бесчисленных летунов: мант-плетехвостов, ярко-красных мечекрылов, стаи мелких хищников, ревунов, живущих в воде и на земле, и ужасное бледно-голубое Нечто, полурастение-полуживотное, почти невесомое, переносимое ветром и подстерегающее свои жертвы в облаках по-

добно живой голодной паутине. Таф называл это травой-которая-плачет-и-шепчет и советовал Кевире Квай не летать сквозь облака.

Животные, растения и те, что были и тем, и другим одновременно или ни тем, ни другим; хищники и паразиты; существа темные, как ночь, или яркие и великолепные, или совершенно бесцветные; странные и прекрасные существа, для которых не подобрать слов и даже сама мысль о которых ужасна; с миров, имена которых ярко горели в человеческой истории, и с других миров, о которых мало кто слышал. И еще, и еще. «Василиск» и «Мантикора» день за днем носились над морями Намории — слишком быстро и убийственно для огненных шаров, взмывавших вверх, чтобы напасть на них, — и беспрепятственно разбрасывали свое живое оружие.

Каждый день после полетов они возвращались на «Ковчег», где Хэвиланд Таф с одной или несколькими кошками искал уединения, а Кевира Квай обычно брала с собой Глупость и отправлялась в рубку связи, чтобы выслушать сообщения с планеты.

— Хранитель Смит сообщает о диковинных существах в Апельсиновом проливе. Признаков разрушителей не обнаружено.

— У Бэтхерна видели разрушителя, вступившего в схватку с гигантским существом со щупальцами, превосходящим его размерами почти вдвое. Серый спрут, говорите? Мы запомним это имя, Хранительница Квай.

— С побережья Маллидора сообщают, что семейство мант-плетехвостов облюбовало место для жилья на скале неподалеку от берега. Хранительница Хорн рассказала, что они разрезают огненные шары, как живые ножи, так что те бьются в агонии, выпускают газ и беспомощно падают на землю. Чудесно!

— Сегодня получено сообщение с Синего Побережья, Хранительница Квай. Странная история. Три бегуна выскочили из воды, но это было не нападение. Они были будто вне себя, пошатывались, как от адской боли, и со всех их конечностей свисала какая-то пенистая субстанция. Что это?

— На Нью-Атлантиде волной выброшен на берег мертвый разрушитель. Еще один труп обнаружен «Солнечным клинком» во время патрулирования западной части континента — труп разлагался в воде. Какие-то странные рыбы рвали его на куски.

— «Звездный меч» вчера завернул к Огненным Пещерам и видел всего не более полудюжины огненных шаров. Совет Хранителей намерен начать короткие перелеты к Жемчужным Раковинам. Что вы посоветуете, Хранительница Квай? Рискнуть, или еще слишком рано?

Каждый день сообщения шли потоком, и каждый день улыбка Кевиры Квай становилась все шире, когда она летела в своей «Мантикоре» к очередной цели. Но Хэвиланд Таф оставался молчаливым и равнодушным.

На тридцать четвертый день войны Лорд-Хранитель Лисан сказал ей:

— Знаете, сегодня обнаружен еще один мертвый разрушитель. Он, должно быть, дал бой своему противнику. Наши ученые исследовали содержимое его желудка — кажется, он питался исключительно орками и голубыми спрутами.

— На Борине сегодня выброшен на берег серый спрут, — сообщил ей через несколько дней Лорд-Хранитель Моэн. — Население жалуется на зловоние. Люди сообщают, что у него гигантские круглые рваные раны. Очевидно, их нанес разрушитель, который по размерам превосходит всех до сих пор известных.

Хранительница Квай неуютно поерзала в кресле.

— Кажется, из Янтарного моря исчезли все белые акулы. Биологи не могут этого объяснить. Что вы об этом думаете? Спросите об этом Тафа, ладно?

Она прислушалась к себе и почувствовала нарастающее беспокойство.

— Тут что-то особенное для вас обоих. Над Кохеринской впадиной замечено нечто, носившееся в воде взад и вперед. Сообщения поступили с «Солнечного клинка» и «Небесного кинжала», имеются также многочисленные подтверждения с патрульных глайдеров. Говорят, это что-то гигантское, настоящий живой остров, глотающий все на своем пути. Это один из ваших? Если да, то вы, возможно, перестарались. Говорят, что оно пожирает тысячами морских дьяволов, ласт-пузырей и иглы Лэндерса.

Кевира Квай помрачнела.

— У побережья Маллидора опять видели огненные шары. Сотни. Я едва верю этому сообщению, но они говорят, что манты-плетехвосты теперь от них просто отскакивают. Вы...

— Новые наморские воины — вы можете в это поверить? Мы думали, что они почти все истреблены. Их так много, и они глотают мелких рыб Тафа. Должно быть, они...

— Разрушители разбрызгивают воду, чтобы очистить небо от ревунов...

— Что-то новое, Кевира, летуны или планеры; они целыми стаями стартуют с верхней части огненных шаров. Они уже расправились с тремя глайдерами, а манты не могут с ними ничего поделать...

— ...везде, говорю вам, эта штука, что прячется в облаках... шары просто рвут их на части, кислота ничего не может теперь им сделать, и шары сбрасывают их вниз...

— ...все больше мертвых водяных ос, сотни, тысячи, и они все...

— ...опять бегуны. Замолчал Замок Рассвета. Должно быть, все погибли. Мы не можем этого понять. Ведь остров был окружен целыми колониями кровавых шнуров и водяных желе. Они должны были быть в безопасности, если только...

— ...уже неделю никаких сообщений с берегов Индиго...

— ...тридцать или сорок огненных шаров видели прямо у Каббена. Совет опасается...

— ...никаких сообщений с Лаббадуна...

— ...мертвая рыба-крепость размером в пол-острова.

— ...бегуны...

— ...Хранительница Квай, потерян «Звездный меч», разбился над Полярным морем, последняя их передача была прервана, но мы думали...

Кевира Квай, дрожа, едва не выскочила из рубки связи, где все экраны наперебой сообщали о смертях, разрушениях и поражениях. Сзади стоял Хэвиланд Таф, с непроницаемым бледным лицом, а на его широком левом плече сидела Неблагодарность.

— Что происходит? — спросила Хранительница.

— Надо полагать, что это ясно любому нормальному человеку, Хранительница. Мы проигрываем. Может быть, уже проиграли.

Кевира Квай едва сдерживалась, чтобы не завизжать.

— И вы не собираетесь бороться с этим? Это ведь ваша ошибка, Таф. Никакой вы не экоинженер. Вы торговец, который не знает, что творит, потому что...

Хэвиланд Таф поднял руку; жест, который заставил умолкнуть Хранительницу.

— Пожалуйста, — сказал он. — Вы уже и так очень меня огорчили. Не надо и дальше оскорблять меня. Я кроткий человек, мирный и доброжелательный, но

даже у меня можно вызвать гнев, а вы сейчас очень близки к этому. Хранительница, я не несу никакой ответственности за этот печальный ход событий. Эта поспешная биовойна, которую мы ведем, была не моей идеей. Ваш нецивилизованный ультиматум вынудил меня к неумным действиям — только чтобы унять вас. К счастью, пока вы проводили свои ночи в радости по поводу преходящих и иллюзорных побед, я продолжал свою работу. Я картографировал ваш мир на своем компьютере и наблюдал за течением и потрясениями войны во всех ее разнообразных проявлениях. Я сдублировал в одном из моих больших чанов вашу биосферу и засеял ее образцами наморской жизни, клонированными из мертвых экземпляров — кусочек щупальца тут, кусочек панциря там. Я наблюдал и анализировал, и вот в какой-то момент я пришел к нескольким выводам. Предварительным, конечно, хотя последние события на Намории подтверждают мою гипотезу. Итак, хватит ворчать на меня, Хранительница. После освежающего ночного сна я отправлюсь на Наморию и попытаюсь закончить эту вашу войну.

Кевира Квай уставилась на него, не смея поверить в то, что он говорит, ее страх снова превратился в надежду.

— Итак, вы знаете, что предпринять?

— Да, знаю. Разве я не сказал?

— Что это? Какое-то новое существо? Вы клонировали что-то другое, правда? Какую-нибудь заразу? Какого-то монстра?

Хэвиланд Таф поднял руку.

— Терпение. Сначала я должен убедиться, что действую правильно. Вы насмехались и постоянно издевались надо мной, поэтому я погожу откровенничать и раскрывать перед вами свои планы. Сначала я до-

кажу их обоснованность. Подискутируем завтра. Вам нет нужды делать боевые вылеты на «Мантикоре». Вместо этого я хотел бы, чтобы вы доставили ее на Нью-Атлантиду и созвали Совет Хранителей в полном составе. Доставьте тех, кто находится на отдаленных островах, пожалуйста.

— А вы? — спросила Кевира Квай.

— Я встречусь с Советом, если будет время. Сначала я возьму с собой на Наморию свои планы и свое творение. Мы полетим на «Фениксе». Да. Он будет символизировать планету, которая скоро восстанет из пепла. Из довольно мокрого, но все же пепла.

9

Кевира Квай встретилась с Хэвиландом Тафом прямо перед ее запланированным отлетом на посадочной палубе. «Мантикора» и «Феникс» стояли в стартовых позициях среди громоздившихся тут и там непригодных ракет. Хэвиланд Таф набирал какие-то числа на укрепленном на запястье мини-компьютере. На нем была длинная виниловая шинель с множеством карманов и широкими погонами. На голом черепе красовалась зеленовато-коричневая шапка с утиным козырьком и золотой «тэтой» эко-инженера.

— Я проинформировала контрольную службу Намории и штаб-квартиру Хранителей, — сказала Квай. — Совет соберется. Я позабочусь о доставке Лордов-Хранителей из отдаленных районов. Как дела у вас, Таф? Ваше загадочное существо уже на борту?

— Скоро будет, — ответил Хэвиланд Таф, подмигнул и опустил глаза.

— Таф, — сказала Кевира. — Что это шевелится у вас в кармане?

— Ах, — сказал Таф. — В самом деле. — И тут из его кармана выглянула голова и с любопытством огляделась. Это была голова котенка — маленького, черного как смоль и с нежно сияющими желтыми глазами.

— Кошка, — разочарованно пробормотала Кевира Квай.

— Ваша догадливость просто потрясает, — сказал Хэвиланд Таф, осторожно вынул котенка из кармана и подержал в большой белой ладони, щекоча его пальцем другой руки за ухом. — Это Дакс, — произнес он торжественно. Дакс был почти вдвое меньше остальных, более старших котят, носившихся в «Ковчеге». Он выглядел шариком черного меха, странно сонным и ленивым.

— Чудесно, — ответила Хранительница. — Дакс, говорите? Откуда он взялся? Нет, не отвечайте. Я должна угадать сама. Таф, а что, у вас нет дел важнее, чем играть с кошками?

— Не думаю, — сказал Хэвиланд Таф. — Вы недооцениваете кошек, Хранительница. Они — самые цивилизованные из всех тварей. Ни один мир без кошек нельзя считать по-настоящему окультуренным. Знаете ли вы, что все кошки еще с немыслимых времен обладают пси-способностями? Некоторые цивилизации Древней Земли поклонялись кошкам, как богам. Да-да, именно так.

— Давайте прекратим этот разговор, — перебила его Кевира Квай. — У нас нет времени для бесед о кошках. Неужели вы возьмете это маленькое бедное животное с собой на Наморию?

Таф прищурился.

— Непременно, ибо это маленькое бедное животное, как вы его по-отечески назвали, — спасение Намории.

Она уставилась на него, как на сумасшедшего.

— Что? Дакс? Вы серьезно? О чем вы говорите? Ведь вы шутите, правда? Это безумная и злая шутка. Вы что-то погрузили на борт «Феникса», какого-нибудь гигантского левиафана, который очистит моря от этих разрушителей, что-то, чего я не знаю. Но вы не можете всерьез считать... Вы не можете... только не это.

— Именно это, Хранительница, — сказал Хэвиланд Таф. — Так утомительно объяснять очевидное — и не раз, а снова и снова. Я дал вам хищников, спрутов, плетехвостых — благодаря вашему упрямству. Они оказались бессильны. Поэтому я проделал большую мыслительную работу и клонировал Дакса.

— Котенка! — воскликнула женщина. — Вы используете крошечного котенка против разрушителей, огненных шаров и бегунов. Нет, это немыслимо.

— Посмотрим, — улыбнулся Хэвиланд Таф, наморщил лоб, посмотрел на женщину сверху вниз, сунул Дакса в просторный карман и быстро повернулся к ожидавшему его «Фениксу».

10

Кевира Квай нервничала. Двадцать пять Лордов-Хранителей, управлявшие защитой всей Намории, в штаб-квартире Совета, высоко на башне волнолома на Нью-Атлантиде, тоже обеспокоились. Они ждали уже несколько часов, некоторые — даже целый день.

Длинный стол для заседаний был уставлен персональными переговорными устройствами, компьютерными терминалами и пустыми бутылками из-под воды. Стол уже дважды сервировался для еды и опять убирался. У широкого выгнутого окна, занимавшего всю заднюю стену, дородный Лорд-Хранитель Элис что-то тихо и настойчиво говорил Лорду-Хранителю Лисану, худому и мрачному, и оба время от времени бросали многозначительные взгляды на Кевиру Квай. Позади них за окном садилось солнце, и на большую бухту опускались чудесные ярко-красные сумерки. Картина была такой тихой и прекрасной, что они вряд ли заметили маленькую яркую точку — патрульный глайдер Хранителей.

Вечерние сумерки уже почти спустились на землю, члены Совета ворчали и нетерпеливо ерзали в больших мягких креслах, а Хэвиланд Таф все не появлялся.

— Когда, вы говорите, он обещал быть здесь? — в пятый раз спросил Лорд-Хранитель Кхем.

— Он точно не сказал, — в пятый раз с неудовольствием ответила Кевира Квай.

Кхем поморщился и откашлялся.

Запищало переговорное устройство, Лорд-Хранитель Лисан быстро подскочил к нему и поднял трубку.

— Да? — сказал он. — Понятно. Очень хорошо. Проводите его сюда. — Он опустил трубку, постучал ею по столу, требуя тишины и порядка. Все зашевелились в своих креслах, прекратили разговоры и выпрямились. В зале стало тихо. — Это патруль. Показалась ракета Тафа. Рад сообщить, что он уже в пути. — Лисан взглянул на Кевиру Квай. — Наконец-то.

Хранительница почувствовала себя еще неуютнее. И так уже достаточно скверно, что Таф заставляет их ждать. Она очень боялась того мгновения, когда он с

шумом ввалится с выглядывающим из кармана Даксом. Квай не посмела рассказать своим начальникам о том, как Таф предложил спасти Наморию с помощью маленького черного котенка. Она вертелась от нетерпения в кресле и теребила свой большой крючковатый нос, чувствуя, что скоро ей придется очень плохо. Но случилось то, чего она даже не могла вообразить.

Все Лорды-Хранители ждали — окаменевшие, немые и прислушивающиеся, — когда двери распахнулись и вошел Хэвиланд Таф в сопровождении четырех вооруженных Хранителей в золотых мундирах. Это была катастрофа. Его сапоги при каждом шаге издавали скрип, а шинель была вся перепачкана илом. Из левого кармана действительно торчал Дакс, уцепившийся лапами за край и внимательно смотревший на присутствовавших большими глазами. Однако Лорды-Хранители не заметили котенка. Смотрели они только на Тафа, который нес под мышкой грязный камень размером с человеческую голову. Камень был покрыт толстым слоем зеленовато-коричневой слизи, с которой на плюшевый ковер капала вода. В грязи был и сам Таф.

Не говоря ни слова, Таф прошел прямо к длинному столу и положил камень в его центре. И в это мгновение Кевира Квай увидела кольцо щупалец, бледных и тонких, как нити, и заметила, что это вовсе не камень.

— Ильный горшочек, — сказала она громко и удивленно.

Неудивительно, что она не узнала его сразу. Ведь в своей жизни она видела ильные горшочки только с обрезанными щупальцами и после того, как они были вымыты и сварены. Обычно с ними подавались молоток и зубило, чтобы расколоть костистый панцирь, чашка с соусом и пряности.

Лорды-Хранители долго с удивлением смотрели на Тафа, а потом заговорили все разом, и зал совещаний наполнился встревоженным гулом.

— ...это же ильный горшочек, и я не понимаю...

— Что это значит?

— Он заставил нас целый день ждать, а потом заявился весь перепачканный грязью и илом. Достоинство Совета...

— ...не ел ильных горшочков уже два, нет, три...

— ...не похож на человека, который якобы спасет Наморию.

— ...с ума сойти, нет, вы только посмотрите...

— ...что это за штука в его кармане? Вы поглядите только! Боже мой, оно шевелится! Оно живое, говорю я вам, я же видел.

— Тихо! — прогремел голос Лисана. В зале стихло. Лорды-хранители один за другим повернулись к нему. — Мы пришли по вашему знаку и зову, — ядовито сказал Лисан. — Мы ждали, что вы предложите нам средство для спасения. Вместо этого вы предлагаете нам ужин.

Кто-то захихикал.

Хэвиланд Таф мрачно оглядел свои испачканные руки и тщательно вытер их о шинель. Потом вынул из кармана Дакса и посадил сонного котенка на стол. Дакс зевнул, потянулся и зашагал к ближайшему Лорду-Хранителю, вытаращившему от испуга глаза и поспешно отодвинувшему свое кресло. Встряхнув мокрую и испачканную илом шинель, Таф поискал глазами, куда ее положить, и наконец повесил на лазерный пистолет одного из Хранителей своего эскорта. И только потом повернулся снова к Лордам-Хранителям.

— Почтенные Лорды-Хранители, — сказал он, — то, что вы видите перед собой, — не ужин. Это посол

расы, которая делит с вами Наморию и имя которой, к моему великому сожалению, слишком сложно для моих ничтожных способностей. Его народ очень обижен на вас за то, что вы ими питаетесь.

11

Лисану наконец кто-то принес молоток, и он долго и громко стучал им, чтобы привлечь к себе внимание. Возбуждение понемногу улеглось. Хэвиланд Таф все это время спокойно стоял с совершенно невыразительным лицом, скрестив руки на груди. И только когда снова воцарилась тишина, он сказал:

— Должно быть, мне придется рассказать вам обо всем подробнее и по порядку.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Лорд-Хранитель Харван, переводя взгляд с Тафа на ильный горшок и обратно. — Вы совсем сошли с ума.

Хэвиланд Таф взял со стола Дакса, посадил на руку и погладил.

— Даже в час победы нас высмеивают и оскорбляют, — пожаловался он котенку.

— Таф, — сказал Лисан, стоя во главе стола, — то, что вы говорите, совершенно невозможно. За то столетие, что мы на этой планете, Намория достаточно исследована, и мы уверены, что на ней нет ни одной разумной расы, кроме нашей. На ней не было ни городов, ни дорог, ни каких-либо других признаков цивилизации или техники; ни руин, ни орудий труда — ничего. Ни на суше, ни в морях.

— Кроме того, — сказал другой член Совета, коренастая женщина с красным лицом, — ильные гор-

шочки не могут быть разумными. Допустим, у них достаточно большой мозг, размером почти с человеческий. Но это и все, что у них есть. У них нет ни глаз, ни ушей, ни носа и почти никаких органов чувств — кроме осязания. У них только эти слабые щупальца, хватательные органы, в которых едва ли достаточно силы, чтобы поднять камешек. И эти щупальца на самом деле используются только для того, чтобы ухватиться за свое место на дне моря. Они гермафродиты и абсолютно примитивны, подвижны только в первый месяц жизни, пока не затвердеет раковина и не отяжелеет панцирь. И тогда они укореняются на дне, покрываются илом и никогда больше не двигаются. И сотни лет остаются на месте.

— Тысячи, — поправил Хэвиланд Таф. — Это удивительно долгоживущие существа. Все, что вы сказали, несомненно, но выводы ваши — заблуждение. Вы ослеплены войной и страхом. Если бы вы посмотрели на ситуацию со стороны и выдержали достаточную паузу, чтобы поглубже задуматься над этим, как это сделал я, то даже для военного ума стало бы очевидно, что ваше печальное положение — не природная катастрофа. Трагический ход событий на Намории можно объяснить только действиями враждебного разума.

— Но вы же не ждете, что мы поверим... — начал кто-то.

— Сэр, — сказал Хэвиланд Таф, — я жду, что вы выслушаете меня с должным вниманием. Если вы перестанете перебивать меня, я объясню все. А потом вы сможете решить, верить мне или нет, в зависимости от вашего настроения. — Таф нагнулся к Даксу и шепнул ему: — Идиоты, Дакс. Нас повсюду окружают идиоты. — Он опять повернулся к Лордам-Хранителям и продолжил: — Как я установил, здесь

определенно замешан разум. Трудность была в том, чтобы этот разум выследить. Я изучил работы ваших наморских биологов, живых и умерших; прочел почти все о вашей флоре и фауне, воссоздал на «Ковчеге» многие из местных форм жизни. Но никого подходящего не мог найти. Традиционные признаки разумной жизни охватывают мозг, высокоразвитые биологические органы чувств и своего рода орган для манипуляций, как, например, отстоящий от остальных большой палец у нас. Нигде на Намории я не мог найти существо с такими атрибутами. Но моя гипотеза тем не менее продолжала оставаться корректной. Поэтому я вынужден был перейти на невероятных кандидатов — так как вероятных не было.

С этой целью я изучил историю вашей катастрофы, и мне кое-что пришло в голову. Вы считали, что морские чудовища вышли из темных глубин океана, но где они появились первый раз? На мелководье, у побережья. В тех районах, где были ваши рыбаки и фермеры. Что объединяет все эти районы? Конечно, изобилие живых существ. Но не одинаковых существ. Рыбы чаще всего водятся в водах Нью-Атлантиды, но редко встречаются у Согнутой Руки. Но я нашел два интересных исключения из этого правила, два буквально повсюду встречающихся вида. Ильные горшочки, неподвижно лежащие долгие столетия в своих больших и мягких постелях. И — когда-то — существа, которых вы назвали наморскими воинами. Но старая туземная раса звала их по-другому. Она называла их Стражами.

После того, как я глубоко все исследовал, появилась возможность разработки деталей и подтверждения моих предположений. Я пришел бы к этим выводам намного раньше, если бы не грубое вмешательство офицера по связи Квай, постоянно мешав-

шей сосредоточиться и в конце концов грубо заставившей меня потерять много времени на посылку серых спрутов, мечекрылов и прочих подобных им тварей на вашу планету. В будущем я вынужден буду отказаться от такой связи.

Но все же в известной степени эксперимент был полезным, так как подтвердил мою теорию относительно ситуации на Намории. И я, соответственно, продолжал последовательно работать. Географическое изучение показало, что чаще всего чудовища появляются вблизи мест залегания ильных горшков. И самые тяжелейшие схватки бушевали именно в таких районах, дамы и господа Хранители. Нашим ужасным противником однозначно были эти самые ильные горшочки, которых вы считали такими вкусными. Но как же это стало возможным? Эти существа обладают большим мозгом, да, но у них отсутствуют все остальные характерные признаки, которые нас научили связывать с наличием разума. И именно в этом было зерно всего! Они определенно должны быть каким-то образом разумными, но каким — неизвестно. Какой разум может жить глубоко под водой — неподвижный, слепой, глухой и лишенный всяких чувств? Я думал над этим вопросом. Ответ, господа, очевиден. Такой разум должен общаться с окружающим миром таким образом, каким не можем мы, должен иметь свои средства и возможности чувствовать и сообщать. Такой разум должен быть телепатом. В самом деле. И чем больше я над этим размышлял, тем очевиднее это становилось.

Но нужно было еще проверить мои выводы. Для этой цели я создал Дакса. Все кошки обладают слабыми пси-способностями, Лорды-Хранители. Как бы то ни было, много веков назад, в дни Великой Войны, солдатам Федеральной Империи приходилось во-

евать с врагом, владевшим ужасным психическим оружием, хранганийскими духами и гитианками-душегубами. Чтобы осилить таких противников, генные инженеры работали с кошачьими, намного повышая и обостряя их пси-способности, чтобы они могли чувствовать в созвучии с нормальным человеком. Дакс — именно такое особое животное.

— Вы имеете в виду, что он читает наши мысли? — резко спросил Лисан.

— Если у вас есть, что читать, — ухмыльнулся Хэвиланд Таф, — да. Но, что более важно, с помощью Дакса я получил возможность проникнуть к древнему народу, который вы так оскорбительно назвали ильными горшками. Они, должен сказать, превосходные телепаты.

Неисчислимые тысячелетия они спокойно и мирно жили в морях этого мира. Это неторопливая, думающая, философская раса, и их были миллиарды живущих бок о бок, каждый был связан со всеми остальными, каждый был индивидуумом и одновременно частью единого целого всей расы, они были бессмертными, так как обладали опытом каждой отдельной особи, и смерть одного была для них ничто. Но опыт этот в неизменяющемся океане был ничтожным. Их долгая жизнь была большей частью раздумьями, философствованием, диковинными зелеными снами, которых по-настоящему не понять ни вам, ни мне. Это немые музыканты, можно сказать. И вместе они ткали великую симфонию сна, и эти песни длились вечно.

До того, как на Наморию явились люди, у них уже миллионы лет не было настоящих врагов. Но так было не всегда. В начале этого морского мира океан кишел тварями, которым Мечтатели были так же по вкусу, как и вам. Уже тогда эта раса разбиралась в генетике

и понимала законы эволюции. С их гигантской сетью сотканных воедино душ они были в состоянии манипулировать живой материей куда более ловко, чем все наши генные инженеры. И они создали своих Стражей, ужасных хищников с биологически заложенной программой защищать тех, кого вы называете ильными горшками. Это были их солдаты. С тех времен до наших дней они охраняли их лежбища, а Мечтатели вернулись к своей симфонии снов.

Потом с Аквариуса и Старого Посейдона пришли вы. Блуждая в своих снах, Мечтатели многие годы вас не замечали, пока вы занимались фермами, рыбачили, но вот вы открыли вкус ильных горшочков, и Мечтатели пришли в ужас. Всякий раз, когда вы опускали одного из них в кипящую воду, они все разом воспринимали эту беду. Для Мечтателей это было так, будто на суше — весьма малоинтересном для них месте — появился новый ужасный хищник. Они не имели никакого представления, что вы разумны, так как настолько же мало могли воспринимать нетелепатический разум, как и вы — их слепой, глухой, неподвижный и... съедобный. Для них существа, которые двигаются, чем-то занимаются и едят мясо, — животные, и ничто иное.

Остальное вы знаете, по крайней мере понимаете. Мечтатели — неторопливый народ, погруженный в свои длинные песни, и реагирует медленно. Сначала они просто игнорировали вас, надеясь, что экосистема сама скоро начнет сдерживать ваш аппетит. Но этого не произошло. Им показалось, что у вас нет естественных врагов. Вы размножались и постоянно расселялись, а тысячи их душ замолкали. И Мечтатели наконец вернулись к старым, почти забытым методам их прошлого и проснулись, чтобы защищаться. Они ускорили размножение своих Стражей, пока моря

над их лежбищами не начали кишеть ими, но существа, которых когда-то было вполне достаточно для борьбы с другими врагами, против вас оказались бессильными. Тогда они начали новые мероприятия. Их души прервали большую симфонию и выглянули наружу, и тут они почувствовали и поняли, что им грозит, и начали формировать Стражей, которые были бы достаточно ужасными, чтобы защищать их от этой новой большой напасти. Вот так все и началось. Когда пришел я с «Ковчегом» и Кевира Квай заставила меня выпустить множество новых угроз мирному царству Мечтателей, они сначала растерялись. Но война сделала их бдительными, и на этот раз они отреагировали быстрее и за очень короткое время выдумали новых Стражей и послали их воевать и побеждать тех тварей, что я выпустил. Именно сейчас, пока я говорю с вами в этой вашей весьма импозантной башне, под волнами в океане начинают шевелиться кое-какие новые ужасные формы жизни, и они скоро выйдут, чтобы сделать еще беспокойнее ваш сон в будущие годы. Конечно, если вы не придете к миру. Это полностью зависит от вас, а я лишь скромный экоинженер и даже во сне не осмелился бы указывать, как надо поступить таким людям, как вы. Но я настоятельно рекомендую это. Вот здесь вытащенный из моря посланник — вытащенный с большими для меня неудобствами, должен добавить. Мечтатели сейчас очень взволнованы: после того как почувствовали рядом с собой Дакса, а с его помощью — меня, их мир расширился в миллионы раз. Сегодня они узнали о звездах и о том, что они не одни в этой вселенной. Мне кажется, они будут достаточно разумны, так как им не нужны суша и рыба. Здесь Дакс и я сам. Может быть, мы могли бы начать переговоры?

Когда Хэвиланд Таф смолк, довольно долго стояла тишина. Лорды-Хранители сидели оглушенные, с пепельно-серыми лицами. Один за другим они переводили взгляды с равнодушного лица Тафа на покрытую илом раковину на столе. Наконец Кевира Квай обрела голос.

— Чего они хотят? — нервно спросила она.

— Главным образом того, чтобы вы перестали употреблять их в пищу. Мне кажется, это вполне естественное требование. Каким будет ваш ответ?

12

— Двух миллионов стандартов недостаточно, вы должны заплатить мне пять, — сказал Хэвиланд Таф спустя некоторое время, уже сидя в рубке связи «Ковчега». Дакс спокойно лежал у него на коленях: он был совсем не такой шустрый, как другие котята. Где-то в рубке Недоверие и Враждебность носились друг за другом.

Лицо Кевиры Квай на обзорном экране раздробилось, взгляд стал мрачным и недоверчивым.

— Что вы имеете в виду? Ведь два миллиона это как раз та сумма, о которой мы договорились, Таф. Если вы попытаетесь обмануть нас...

— Обмануть? — Таф вздохнул. — Ты слышал, Дакс? После всего того, что мы для них сделали, нам ни с того ни с сего бросают такие ужасные обвинения. Да. В самом деле: ни с того ни с сего. Странная формулировка, если задуматься. — Он опять поглядел на экран. — Хранительница Квай, мне хорошо известна обговоренная цена. За два миллиона стандартов я ре-

шил вашу проблему. Я продумал, проанализировал, понял и снабдил вас переводчиками, в которых вы нуждались. Поставил вам даже двадцать пять телепатических кошек, каждая из которых связана со своим Лордом-Хранителем, чтобы облегчить дальнейшую связь после моего отлета. И это тоже входит в условия нашего первоначального договора, так как необходимо для решения вашей проблемы. И так как в сердце я больше филантроп, чем торговец, я даже позволил вам оставить Глупость, которой вы почему-то — я не в состоянии объяснить почему — понравились. За это я тоже не беру никакой платы.

— Почему же вы тогда требуете дополнительно три миллиона? — спросила Кевира Квай.

— За ненужную работу, которую вы так грубо заставили меня проделать, — ответил Таф. — Вам нужны подробные расчеты?

— Да, я хотела бы их иметь.

— Отлично. За акул. За морских дьяволов. За гигантских каракатиц. За орков. За голубых спрутов. За кровавые шнуры. За водяное желе. По двадцать тысяч за каждый пункт. Пятьдесят тысяч стандартов за рыбу-крепость. За траву-которая-плачет-и-шепчет — восемьдесят... — Он перечислял очень долго.

Когда он закончил, Кевира Квай сурово поджала губы.

— Я представлю ваши расчеты Совету Хранителей, — сказала она. — Но хочу сказать вам прямо, что ваши требования непорядочны и безмерны и что наш торговый баланс недостаточно велик, чтобы выплатить такую сумму. Вы можете прождать на орбите лет сто, Таф, но не получите пяти миллионов стандартов.

Хэвиланд Таф протестующе поднял руку.

— Э, — сказал он. — Значит, я должен нести потери из-за моей доверчивости. Значит, мне не заплатят?

— Два миллиона стандартов, — сказала Хранительница. — Как договорились.

— Ну что ж, полагаю, что вынужден буду смириться с этим ужасным и неэтичным решением и считать его суровым жизненным уроком. Ну, прекрасно, так и быть. — Он посмотрел на Дакса. — Говорят, что тот, кто не учится на ошибках истории, будет вынужден повторять их. За такой скверный поворот событий я могу винить только себя. Ведь прошло только несколько месяцев с тех пор, как я посмотрел исторический фильм о точно такой же ситуации. Речь шла о корабле-сеятеле — таком же, как мой, — который освободил маленький мир от ужасной эпидемии только для того, чтобы потом выслушать, как неблагодарное правительство планеты отказалось от оплаты. Будь я умнее, этот фильм научил бы меня потребовать плату вперед. — Он вздохнул. — Но я был неумным и должен поплатиться за это. — Таф опять погладил Дакса и замер. — Возможно, вашему Совету Хранителей будет интересно посмотреть этот фильм, просто так, для отдыха. Он голографический, весьма драматичен и хорошо поставлен, дает увлекательный обзор функций и возможностей такого корабля, как мой, и, кроме того, рассказывает о том, как поплатился за свою жадность некий маленький мир. Весьма поучительно. Его название: «Гаммельнский корабль-сеятель». Настоятельно советую посмотреть.

Конечно же, Намория заплатила ему сполна.

ПОВТОРНАЯ ПОМОЩЬ*

1

Это было не хобби, а скорее просто привычка, приобретенная случайно, без какого-то умысла. Но все же факт оставался фактом: Хэвиланд Таф коллекционировал космические корабли.

Пожалуй, точнее было бы сказать — подбирал. Места для них у него хватало. Когда Таф впервые вступил на борт «Ковчега», он обнаружил там пять элегантных черных челноков с треугольными крыльями, выпотрошенный корпус от рианского торгового корабля и три чужих звездолета: хруунский боевой корабль с мощным вооружением и два неизвестных корабля — кто и зачем их создавал, так и осталось загадкой. Эту разнородную коллекцию пополнил поврежденный торговый корабль Тафа — «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам».

Это было только начало. Во время путешествий Тафу попадались другие корабли, которые скапливались у него на причальной палубе так же, как под консолью компьютера собираются комочки пыли, а на столе у бюрократа растут горы бумаг.

На Фрихейвене одноместный курьерский катер, на котором на «Ковчег» летел торговый посредник, при прорыве блокады получил такие тяжелые повреждения, что Тафу пришлось отправить посредника обратно — разумеется, после того, как договор был

---

* Second Helping © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. О. Орловой.*

заключен, — на челноке «Мантикора». Так он приобрел курьерский катер.

На Гонеше жили слонопочитатели, которые никогда живых слонов не видали. Таф клонировал им несколько стад, добавив для разнообразия пару мастодонтов, лохматого мамонта и зеленого тригийского кабана-трубача. Гонешцы, не желавшие общаться с остальным человечеством, в качестве гонорара подарили ему целую флотилию ветхих звездолетов, на которых прибыли на планету их предки-колонизаторы. Два из них Тафу удалось продать в музей, остальные он отправил на слом, но один решил оставить себе на память.

На Каралео Тафу случилось принять участие в состязании, кто больше выпьет, с Повелителем Блестящего Золотого Прайда. Таф выиграл и получил в награду роскошный львинолет. Правда, проигравший, прежде чем отдать корабль, снял с него почти все украшения из чистого золота.

Мастера Мура, непомерно гордившиеся своим искусством, так обрадовались умным дракончикам, которых Таф клонировал им для борьбы с их бичом — летучими крысами, что подарили ему челнок из железа и серебра в форме дракона с огромными крыльями, как у летучей мыши.

Рыцари на Св. Христофоре — прекрасной планете, много терявшей в своем очаровании из-за ящеров, которых местные жители звали драконами (отчасти чтобы произвести впечатление, отчасти из-за отсутствия воображения), — были не менее довольны, когда Таф дал им джорджей — маленьких ящериц, больше всего на свете любивших полакомиться драконьими яйцами. Рыцари тоже подарили ему корабль. Он был похож на яйцо — яйцо из камня и дерева. Внутри были мягкие кресла, обитые лоснящейся дра-

коньей кожей, не меньше сотни вычурных латунных рукояток и мозаика из витражного стекла на том месте, где должен быть смотровой экран. Деревянные стены были завешены роскошными гобеленами ручной работы с изображением рыцарских подвигов. Корабль, конечно же, не летал: латунные рукоятки не работали, на смотровом экране нельзя было ничего рассмотреть, а системы жизнеобеспечения ничего не обеспечивали. И все-таки Таф его взял.

Так и шло — корабль отсюда, корабль оттуда, и в конце концов причальная палуба «Ковчега» стала похожа на межзвездную свалку. Так что, когда Хэвиланд Таф принял решение вернуться на Сатлэм, в его распоряжении имелся большой выбор кораблей.

Он уже давно пришел к выводу, что возвращаться туда на самом «Ковчеге» было бы неразумно. Ведь когда он покидал Сатлэм, за ним по пятам гналась Флотилия планетарной обороны, намереваясь конфисковать биозвездолет. Сатлэмцы — высокоразвитая нация, и за те пять стандарт-лет, что Таф у них не был, они наверняка создали более быстроходные и смертоносные корабли. Поэтому для начала необходимо было слетать на разведку. К счастью, Таф считал себя мастером в маскировке.

Он остановил «Ковчег» в холодной пустынной темноте межзвездного пространства на расстоянии одного светового года от звезды С'алстар и спустился на причальную палубу, чтобы осмотреть свой флот. В конце концов он выбрал львинолет. Это был большой и быстроходный корабль с действующими системами звездной навигации и жизнеобеспечения, а Каралео находился достаточно далеко от Сатлэма, так что две планеты вряд ли общались между собой. Следовательно, изъяны в его маскировке скорее всего замечены не будут. Перед отлетом Хэвиланд Таф при-

дал своей молочно-белой коже темно-бронзовый цвет, на крупную лысую голову надел лохматый парик, наклеил золотисто-рыжую бороду и густые брови, задрапировал свое внушительных размеров тело с изрядным брюшком в меха (синтетические) всевозможных ярких оттенков и увешался золотыми цепями (на самом деле — с искусственной позолотой). Теперь он выглядел в точности как достойный представитель знати Каралео. Почти все кошки оставались в безопасности на «Ковчеге», только Дакс, черный котенок-телепат со светящимися глазами, сопровождал Тафа, уютно устроившись в его глубоком кармане. Таф придумал своему кораблю подходящее название, запасся сублимированной грибной тушенкой и двумя бочонками густого коричневого христофорского пива, ввел в компьютер несколько своих любимых игр и отправился в путь.

Когда корабль Тафа вышел на сатлэмскую орбиту, где располагались гигантские причальные доки, ему сразу же послали запрос. На широком телеэкране капитанской рубки — он имел форму большого глаза, еще одна причуда львинцев — появилось изображение маленького худощавого мужчины с усталыми глазами.

— Говорит диспетчерская «Паучьего гнезда», — представился он. — Мы видим вас. Назовитесь, пожалуйста.

Хэвиланд Таф включил связь.

— Это «Свирепый Степной Ревун», — сказал он ровным, бесстрастным голосом. — Я хочу получить разрешение на посадку.

— Очень свирепый? — саркастически усмехнулся диспетчер с усталостью и скукой в голосе. — Причал четыре-тридцать семь. Конец связи.

Лицо диспетчера на экране сменила схема расположения названного причала. Затем передача прекратилась.

После посадки на корабль взошли таможенники. Одна из женщин осмотрела пустые трюмы, бегло проверила корабль на предмет безопасности — необходимо было убедиться, что это странное сооружение не взорвется, не расплавится или как-то иначе не повредит «паутину». Затем она проверила, нет ли на нем вредителей. Ее коллега подвергла Тафа длительному допросу: откуда он, куда направляется, с какой целью прибыл на Сатлэм и еще многое другое. Его вымышленные ответы она вводила в портативный компьютер.

Они уже почти закончили, как вдруг из кармана Тафа высунулся сонный Дакс и уставился на инспектора.

— Что это за... — недоговорила она, испугавшись. Потом поднялась так резко, что чуть не уронила свой компьютер.

У котенка — да, он был уже почти взрослым, но все же самым юным из любимцев Тафа — была длинная шелковистая шерсть, черная, как космос, яркие золотисто-желтые глаза и на удивление ленивые движения. Таф достал его из кармана, усадил на руку и погладил.

— Это Дакс, — сказал он. Сатлэмцы имели неприятную привычку считать всех животных вредителями, и он хотел предотвратить поспешные меры, которые могли бы предпринять служащие таможни. — Это домашнее животное, мадам, и совершенно безвредное.

— Я знаю, — резко ответила женщина. — Держите его подальше от меня. Если он вцепится мне в горло, у вас будут большие неприятности.

— Несомненно, так, — сказал Таф. — Я приложу все усилия, чтобы сдержать его ярость.

Женщина вздохнула, похоже, с облегчением.

— Это ведь всего лишь маленькая кошка, да? Котенок, так, кажется, называют детенышей кошки?

— Ваше знание зоологии вызывает восхищение, — ответил Таф.

— В зоологии я ничего не смыслю, — сказала инспекторша, усаживаясь на свое место. — Просто иногда смотрю фильмы.

— Очевидно, вы смотрите научно-популярные фильмы, — заметил Таф.

— Да нет, мне больше нравятся про любовь и приключения.

— Понятно, — сказал Хэвиланд Таф. — И в одной из таких мелодрам главным героем, я полагаю, была кошка.

Женщина кивнула, и в это время из трюма вышла ее спутница.

— Все в порядке, — сказала она и вдруг заметила Дакса, сидевшего на руках у Тафа — Кошка — вредитель! — радостно воскликнула она. — Смешно, да?

— Смешного ничего нет, — предостерегла ее первая инспекторша. — Они, конечно, мягкие и пушистые, но могут разодрать тебе горло, не успеешь и глазом моргнуть.

— Да он для этого слишком маленький, — сказала ее напарница.

— Ха! Вспомни-ка кинофильм «Таф и Мьюн».

— «Таф и Мьюн», — ровным голосом повторил Хэвиланд Таф.

Вторая инспекторша села рядом с первой.

— Я видела «Пират и Начальник порта», — сказала она.

— Он был жестоким повелителем жизни и смерти и летал на корабле, огромном, как солнце. Она была королевой порта и разрывалась между любовью и долгом. Вместе они изменили мир, — добавила первая.

— Если вам нравятся такие фильмы, вы можете взять его посмотреть в «Паучьем гнезде», — посоветовала ему вторая. — Там есть про кошку.

— Несомненно, так, — моргнув, сказал Хэвиланд Таф.

Дакс замурлыкал.

2

Место стоянки находилось в пяти километрах от портового центра, поэтому Таф поехал туда на пневматическом трубоходе.

В вагоне не было сидячих мест. Тафа толкали со всех сторон. В ребра уткнулся чей-то острый локоть, в миллиметрах от его лица качалась металлопластовая маска кибера, а всякий раз, когда трубоход сбавлял скорость, о спину терся скользкий панцирь какого-то инопланетянина. На остановке поезд словно бы решил изрыгнуть обратно тот избыток человеческого племени, который он поглотил. На платформе толкались толпы людей. Было очень шумно, вокруг Тафа топтались прохожие. Вдруг на его меха положила руку невысокая молодая женщина с такими заостренными чертами, словно у нее было не лицо, а лезвие кинжала. Она попыталась заманить Тафа в секс-салон. Не успел он от нее отделаться, как перед ним предстал репортер с камерой «третий глаз» и обворожительной улыбкой. Репортер сказал, что снимает материал о новых «мухах» (так здесь звали чужаков) и хочет взять у него интервью. Таф рванулся мимо него к киоску, купил щиток уединения и прикрепил его к поясу. Это хоть немного, но помогло. Увидев этот

щиток, сатлэмцы вежливо отводили глаза, выполняя его пожелание, и он мог двигаться в толпе более или менее спокойно.

Наконец он остановился в видеокомплексе. Таф занял отдельную комнату с кушеткой, заказал бутылку жиденького сатлэмского пива и фильм «Таф и Мьюн».

Затем он направился в портовое управление.

— Сэр, — обратился он к человеку за конторкой, — у меня к вам вопрос. Начальником сатлэмского порта все еще работает Толли Мьюн?

Секретарь осмотрел его с ног до головы и вздохнул.

— Ах, эти «мухи», — сказал он. — Конечно. Кто же еще?

— Действительно, кто же еще, — заметил Хэвиланд Таф. — Мне необходимо немедленно ее увидеть.

— Да? Вас тут тысячи ходят. Имя?

— Уимовет, я прилетел с Каралео на собственном корабле «Свирепый Степной Ревун».

Секретарь поморщился, ввел информацию в компьютер и, откинувшись на спинку кресла, стал ждать ответа. Наконец он покачал головой.

— Извините, Уимовет, — сказал он, — Мьюн занята, а ее компьютеру ничего не известно ни о вас, ни о вашем корабле, ни о вашей планете. Я могу записать вас на прием на следующую неделю, если вы изложите ваше дело.

— Это меня не устраивает. У меня к ней дело личного характера, и я хотел бы видеть Начальника порта немедленно.

Секретарь пожал плечами.

— Ничем не могу помочь. Освободите помещение.

Хэвиланд Таф минуту подумал, потом встал, взял за краешек свою искусственную гриву и стянул ее с головы. Раздался треск, словно раздирали ткань.

— Смотрите! — воскликнул он. — Я не Уимовет, я Хэвиланд Таф. Это у меня маскировка. — Он бросил свой парик и бороду на конторку.

— Хэвиланд Таф? — переспросил секретарь.

— Именно так.

Секретарь рассмеялся.

— Видел я этот фильм, «муха». Если вы Таф, то я в таком случае Стивен Кобальт Нортстар.

— Стивен Кобальт Нортстар умер тысячу лет назад. А я все же Хэвиланд Таф.

— Вы ни капли на него не похожи, — сказал секретарь.

— Я путешествую инкогнито, под видом знатного львинца.

— Ах да, я и забыл.

— У вас плохая память. Так вы скажете Начальнику порта Мьюн, что Хэвиланд Таф вернулся на Сатлэм и хочет немедленно с ней поговорить?

— Нет, — стоял на своем секретарь. — Но вечером я уж точно расскажу об этом ребятам.

— Я хочу заплатить ей шестнадцать миллионов пятьсот тысяч стандартов, — сказал Таф.

На секретаря эта сумма произвела впечатление.

— Шестнадцать миллионов пятьсот тысяч стандартов? — переспросил он. — Это большие деньги.

— Вы чрезвычайно сообразительны, — бесстрастно заметил Таф. — Я обнаружил, что профессия инженера-эколога достаточно прибыльна.

— Я рад за вас, — сказал секретарь и подвинулся к пульту. — Ну ладно, Таф, или Уимовет, или как вас там, все это очень смешно, но мне надо работать. Если вы через несколько секунд не возьмете свою шевелюру и не уберетесь отсюда, я вызову охрану.

Он был готов развить эту тему, как вдруг раздался звонок.

— Да, — сказал он, нахмурясь, в свой микрофон. — А, да. Конечно, Мьюн. Ну, высокий, очень высокий, два с половиной метра. Живот есть, и приличный. Хмм... Нет, много волос, по крайней мере было, пока он не сдернул их и не бросил на мой пульт. Нет. Говорит, что у него для вас миллионы стандартов.

— Шестнадцать миллионов пятьсот тысяч, — уточнил Таф.

Секретарь проглотил слюну.

— Конечно, прямо сейчас, Мьюн.

Закончив разговор, он в изумлении уставился на Тафа.

— Она хочет поговорить с вами. В эту дверь, — показал он. — Осторожно, у нее в кабинете невесомость.

— Мне известно отвращение Начальника порта к гравитации, — сказал Хэвиланд Таф. Он взял свой парик, сунул его под мышку и, исполненный достоинства и решимости, направился к двери, открывшейся при его приближении.

3

Она ждала его во внутреннем кабинете, паря, скрестив ноги, посреди полного хаоса. Длинные волосы цвета серебра и стали лениво покачивались вокруг ее худого, открытого, простого лица, словно кольцо дыма.

— Значит, вы вернулись, — сказала она, увидев вплывающего в кабинет Тафа.

Хэвиланд Таф не любил невесомость. Он добрался до кресла для посетителей, надежно привинтил его к тому, что, как ему показалось, должно было быть полом, пристегнулся ремнями и уютно сложил руки

на животе. Забытый парик дрейфовал, повинуясь воздушным потокам.

— Ваш секретарь отказался передать мои слова. Как вы догадались, что это я?

Толли Мьюн улыбнулась.

— Ну кто же еще может назвать свой корабль «Свирепый Степной Ревун»? — сказала она. — И потом, прошло почти точно пять лет. Я почему-то была убеждена, что вы будете пунктуальны, Таф.

— Понятно, — ответил Хэвиланд Таф. С гордым видом он сунул руку под свои искусственные меха, сломал пломбу на внутреннем кармане и извлек из него бумажник с рядами информационных кристалликов в крошечных кармашках. — Итак, мадам, имею честь предложить вам шестнадцать миллионов пятьсот тысяч стандартов в оплату первой половины моего долга сатлэмскому порту за ремонт «Ковчега». Деньги находятся в надежных хранилищах на Осирисе, Шан-Диллоре, Старом Посейдоне, Птоле, Лиссе и Новом Будапеште. Эти кристаллы откроют к ним доступ.

— Спасибо, — сказала Мьюн. Она взяла бумажник, открыла, быстро взглянула внутрь и выпустила его из рук. Бумажник поплыл по направлению к парику. — Я так и знала, что вы найдете деньги, Таф.

— Ваша вера в мои деловые качества обнадеживает, — заметил Хэвиланд Таф. — А теперь расскажите-ка мне об этом фильме.

— «Таф и Мьюн»? Значит, вы его видели?

— Несомненно, так.

— Черт возьми! — воскликнула она, криво ухмыляясь. — И что вы о нем думаете?

— Я вынужден признать, что он возбудил во мне некие неадекватные эмоции, впрочем, по вполне понятным причинам. Не могу отрицать, идея этой кар-

тины льстит моему тщеславию, но игра актеров оставляет желать лучшего.

Толли Мьюн рассмеялась.

— Что вам не понравилось больше всего?

Таф поднял вверх длинный палец.

— Если говорить одним словом — неточность.

Она кивнула.

— Да, в фильме Таф весит в два раза меньше вас, лицо у него гораздо подвижнее, говорит он совсем не так высокопарно, как вы, у него мускулатура «паучка» и координация движений акробата, но все-таки ему побрили голову ради сходства.

— У него усы, — сказал Таф. — Я их не ношу.

— Они решили, что так будет больше похоже на искателя приключений. И потом, посмотрите, что они сделали со мной. Я не против того, что я там лет на пятьдесят моложе, я не против того, что они сделали из меня чуть ли не вандинскую красавицу принцессу, но эта жуткая грудь!

— Несомненно, они хотели подчеркнуть определенность вашего развития в этой области, — сказал Таф. — Это можно считать незначительным изменением, сделанным в интересах эстетики. Что же касается безответственной вольности, с которой они подошли к моим философским взглядам, то это гораздо серьезнее. Особенно мне не понравилась моя речь в финале, где я заявляю, что гениальность эволюционирующего человечества может и должна решить все проблемы и что экоинженерия позволит сатлэмцам размножаться без страха и ограничений и, таким образом, достичь величия и стать подобными богам. Это определенно противоречит тем взглядам, которые я в то время вам высказывал. Если вы помните наши беседы, я недвусмысленно говорил вам, что любое решение вашей продовольственной проблемы, будь то технологическое или экологическое,

окажется только временной мерой, если ваше население не покончит с практикой неограниченного воспроизводства себе подобных.

— Вы же были героем, — сказала Толли Мьюн. — Не могли же они допустить, чтобы вы проповедовали антижизнь.

— В сюжете есть и другие неточности. Те несчастные, кому выпало на долю посмотреть этот фильм, получили крайне искаженное представление о событиях, которые произошли пять лет назад. Паника — хотя и живая, но безобидная кошка, ее предки были приручены на самой заре истории человечества. И, насколько я помню, когда вы предательски захватили ее, пытаясь шантажом выманить у меня «Ковчег», мы с ней капитулировали без сопротивления. Она не разодрала когтями ни одного охранника, не говоря уже о шестерых, как это показано в фильме.

— Она оцарапала мне руку, — возразила Толли Мьюн. — Еще что?

— Я ничего не имею против политики и действий Джозена Раэла и Высшего Совета Сатлэма, — продолжал Таф. — Правда, они, и особенно Первый Советник Раэл, действовали неэтично и беспринципно. Тем не менее я должен признать, что Джозен Раэл не подвергал меня пыткам и не убил ни одной из моих кошек, пытаясь подчинить меня своей воле.

— Да и не потел он так, — вставила Толли Мьюн, — и никогда не порол чепуху. В общем-то он был честным парнем. Бедный Джозен, — вздохнула она.

— И наконец мы подходим к кульминации. Кульминация — странное слово, когда его произносишь, но сейчас оно вполне уместно. Кульминация, Начальник порта Мьюн, это наше пари. Когда я привел спасенный «Ковчег» на ремонт, ваш Высший Совет решил заполучить его. Я отказался продать корабль, и тогда,

поскольку у вас не было законного предлога для захвата корабля, вы конфисковали Панику как вредителя и грозились ее уничтожить, если я не соглашусь отдать «Ковчег». Это правильно в общих чертах?

— По-моему, правильно, — мягко произнесла Толли Мьюн.

— Мы вышли из тупика, заключив пари. Я должен был разрешить продовольственный кризис с помощью экоинженерии, предотвратив тем самым грозивший вам голод. Если бы мне это не удалось, «Ковчег» был бы ваш. Если бы я сумел это сделать, вы должны были вернуть мне Панику и, кроме того, отремонтировать корабль и дать мне десятилетнюю отсрочку для оплаты счета за ремонт.

— Все правильно, — подтвердила она.

— Насколько я помню, Начальник порта Мьюн, интимная связь с вами не входила в условия. Я ни в коей мере не ставлю под сомнение храбрость, которую вы проявили в трудный момент, когда Высший Совет закрыл туннели и блокировал все доки. Рискуя жизнью и карьерой, вы разбили металлопластовое окно, пролетели несколько километров в полном вакууме, одетая лишь в тоненький скафандр и двигаясь при помощи одних только аэроускорителей. При этом вы ускользнули от охраны, а под конец едва не попали под удар своей собственной Флотилии планетарной обороны. Даже такой простой и грубый человек, как я, не может отрицать, что в этих поступках есть героизм, даже, я бы сказал, романтика. В древности об этом сложили бы легенду. Однако этот хотя и мелодраматический, но бесстрашный полет имел целью вернуть мне Панику, а отнюдь не предать ваше тело моей, — он моргнул, — похоти. Более того, тогда вы совершенно ясно дали понять, что ваши действия мотивированы понятиями чести и опасением, что «Ков-

чег» может оказать пагубное влияние на ваших лидеров. Насколько мне помнится, ни физическое влечение, ни романтические чувства не имели никакого места в ваших расчетах.

Толли Мьюн улыбнулась.

— Посмотрите на нас, Таф. Хороша же парочка межзвездных любовников, нечего сказать. Но вы должны признать, что для зрителя такое развитие сюжета было бы интереснее.

По лицу Тафа ничего нельзя было прочитать.

— Надеюсь, вы не защищаете этот фильм? — сказал он ровным голосом.

Начальник порта снова рассмеялась.

— Защищаю? Черт возьми, да это же я написала сценарий!

Хэвиланд Таф моргнул шесть раз.

Прежде чем он успел сформулировать ответ, наружная дверь открылась, и в кабинет с шумом ворвались десятка два репортеров. Во лбу у каждого жужжал и мигал «третий глаз».

— Сюда, Таффер. Улыбнитесь!

— У вас есть с собой кошки?

— Как насчет брачного договора, Начальник порта?

— Где сейчас «Ковчег»?

— Эй, давай обнимемся!

— Когда это ты стал таким коричневым?

— Где ваши усы?

— Что вы думаете о фильме «Таф и Мьюн», гражданин Таф?

Пристегнутый к своему креслу, Таф осмотрелся вокруг, едва заметно поворачивая голову, моргнул и ничего не сказал. Поток вопросов прекратился только тогда, когда Толли Мьюн легко проплыла через толпу репортеров, раздвигая их обеими руками, и устроилась рядом с Тафом. Она взяла его под руку и поцеловала в щеку.

— Слушайте, вы! Выключите свои дурацкие камеры. Человек только что прилетел. — Она подняла руку. — Извините, вопросов не надо. Я прошу оставить нас одних. Мы же пять лет не виделись. Дайте нам время привыкнуть друг к другу.

— Вы полетите вместе на «Ковчег»? — спросила самая назойливая из репортеров. Она парила в полуметре от Тафа, камера ее жужжала.

— Конечно, — ответила Толли Мьюн. — Куда же еще?

4

Только дождавшись, когда «Свирепый Степной Ревун» оставит «паутину» далеко позади и направится к «Ковчегу», Хэвиланд Таф соизволил зайти в каюту, которую он предоставил Толли Мьюн. Он только что принял душ, смыв последние следы маскировки. Его длинное безволосое тело было белым, словно чистый лист бумаги. На нем был простой серый комбинезон, не скрывавший солидного живота, а лысину прикрывала зеленая фуражка с большим козырьком и большой буквой «тэта», эмблемой экоинженеров. На широком плече сидел Дакс.

Толли Мьюн, откинувшись на спинку кресла, поглощала христофорское пиво. Увидев его, она ухмыльнулась.

— Мне ужасно здесь нравится, — сказала она. — А это кто? Это не Паника.

— Паника осталась на «Ковчеге» со своим котом и котятами, хотя их едва ли уже можно назвать котятами. Кошачье население «Ковчега» со времени моего последнего визита на Сатлэм несколько увеличилось,

хотя и не так значительно, как человеческое население Сатлэма. — Таф неловко опустился в кресло. — Это Дакс. Хотя в каждой кошке есть что-то особенное, Дакса без преувеличения можно назвать выдающимся котенком. Все кошки немного умеют угадывать мысли, это общеизвестно. Попав в необычные обстоятельства на планете Намория, я начал выполнять программу по усилению этого врожденного качества кошек. Дакс — ее конечный результат, мадам. У нас с ним есть определенное взаимопонимание, и могу сказать, что Дакс одарен этой способностью в полной мере.

— Короче говоря, вы клонировали себе кота, читающего мысли, — сказала Толли Мьюн.

— Вы не утратили проницательность, Начальник порта, — ответил Таф, сложив руки. — Нам нужно о многом поговорить. Будьте так любезны, объясните мне, пожалуйста, почему вы попросили привести «Ковчег» на Сатлэм, почему вы захотели непременно сопровождать меня и, самое главное, почему вы впутали меня в этот странный, хотя и не лишенный приятности обман и даже позволили себе некоторые вольности по отношению к моей персоне.

Толли Мьюн вздохнула.

— Таф, вы помните, как все было пять лет назад, когда мы расстались?

— Память у меня не ослабла, — ответил Таф.

— Прекрасно. Тогда, может быть, вы вспомните, что оставили меня просто в жутком положении.

— Вы ожидали немедленного отстранения от должности, ареста и суда по обвинению в государственной измене, а затем и приговора к исправительным работам на Кладовых, — сказал Таф. — Тем не менее вы отказались от моего предложения бесплатно доставить вас в любую другую систему по вашему выбо-

ру, предпочтя вместо этого вернуться на свою планету и обречь себя на арест и бесчестие.

— Что бы там ни было, я все-таки сатлэмка, — сказала она. — Это мой народ, Таф. Иногда они ведут себя просто по-идиотски, но все же это мой народ, черт возьми!

— Ваш патриотизм, несомненно, достоин похвалы. Но поскольку вы все еще являетесь Начальником порта, я должен предположить, что обстоятельства изменились.

— Это я их изменила.

— Несомненно, так.

— Я была вынуждена, иначе мне пришлось бы остаток жизни полоть сорняки на исправительной ферме, мучаясь от гравитации. — Она состроила недовольную гримасу. — Как только я вернулась в порт, меня схватила служба безопасности за то, что я не повиновалась Высшему Совету, нарушила законы, нанесла ущерб собственности и помогла вам бежать на корабле, который они хотели конфисковать. Кошмар, не правда ли?

— Мое мнение не имеет отношения к делу.

— Нужно было преподнести им это как неслыханное преступление или как неслыханный героизм. Джозен очень страдал. Мы с ним давно друг друга знали, и он вовсе не был плохим человеком, я вам говорила. Но он был Первым Советником и знал, что должен делать. Он должен был судить меня за предательство. Но я тоже не дура, Таф. И я знала, что мне делать. — Она наклонилась вперед. — Меня тоже не устраивало, какие мне выпали карты, но мне нужно было или делать ход, или сдаваться. Чтобы спасти свою тощую задницу, я должна была уничтожить Джозена — скомпрометировать его и большинство членов Высшего Совета. Я должна была сделать из себя герои-

ню, а из него — злодея, и причем так, чтобы это дошло до любого выжившего из ума оборванца в подземном городе.

— Понимаю, — сказал Таф. Дакс мурлыкал. Начальник порта говорила правду. — Отсюда и появилась эта напыщенная мелодрама под названием «Таф и Мьюн».

— Мне нужны были деньги на адвокатов, — сказала она. — Много денег. И я решила написать сценарий для одной из крупнейших видеокомпаний, в котором изложила свою версию событий. Я немножко, скажем так, оживила эту историю. Всем настолько понравился мой сюжет, что они решили показать инсценировку сразу же после программы новостей, посвященной этим событиям. Сценарий для фильма я писала, конечно, не сама. Тут надо быть специалистом, а я не сильна в драматургии. Мне дали помощника, и я изложила ему свой сюжет. Джозен так и не понял, что произошло. Он не был таким мудрым политиком, как ему казалось, и душой он был далек от всего этого. Отстоять мое доброе имя мне тоже помогли.

— Кто? — поинтересовался Таф.

— Один молодой человек, Крегор Блэксон.

— Я ничего о нем не слышал.

— Он был членом Высшего Совета. Советник по сельскому хозяйству. Это очень важный пост, Таф, и Блэксон был самым молодым из всех, кто его когда-либо занимал. И в Совете он был самым молодым. Думаете, он должен был быть доволен?

— Я так не думаю, мадам. Я нахожу, что человек вообще редко бывает чем-то доволен.

— Крегор Блэксон очень честолюбив. Он входил в администрацию Джозена. Оба они были технократами, но Блэксон имел виды на место Первого Советника, и именно на этом-то Джозен и погорел.

— Его мотивы мне понятны.

— Блэксон стал моим союзником. На него произвело большое впечатление то, что вы нам дали, — омнизерно, рыба, планктон, илистая плесень, все эти чертовы грибы. И он понял, что происходит. Он сделал все, чтобы остановить биоиспытания и посеять все это на полях. Всех торопил. Громил каждого идиота, пытавшегося замедлить внедрение. Джозен Раэл был слишком занят и ничего не замечал.

— Умелый и энергичный политик — такая порода людей практически неизвестна в галактике, — заметил Хэвиланд Таф. — Видимо, Крегор Блэксон — счастливое исключение. Может быть, мне стоит взять у него соскреб для клеточного фонда «Ковчега».

— Вы опережаете события.

— Конец этой истории ясен. Хотя здесь и вмешался фактор тщеславия, я рискну предположить, что мои скромные усилия в области экоинженерии принесли плоды, а энергичная реализация моих предложений Крегором Блэксоном положительно сказалась на его репутации.

— Он назвал это Тафовым Расцветом, — сказала Толли Мьюн, скептически скривив рот. — Репортеры подхватили этот термин. Тафов Расцвет, новая золотая эра Сатлэма. В скором времени на стенах канализационных систем у нас уже росли съедобные грибы. Мы открыли огромные грибные фермы во всех подземных городах. Ковры из нептуновой шали покрыли моря, рыба размножалась с бешеной скоростью. Вместо неотравы и нанопшеницы мы посеяли ваше омнизерно, и первый же урожай дал нам почти втрое больше калорий, чем мы получали обычно. Вы сделали для нас первоклассную работу, Таф.

— Принимаю ваш комплимент с должной признательностью, — отозвался Таф.

— К счастью для меня, Расцвет уже был в полном разгаре, когда показали фильм «Таф и Мьюн». Это случилось задолго до того, как я предстала перед судом. Крег каждый день превозносил вашу гениальность в программах новостей, заявляя миллиардам людей, что с нашим продовольственным кризисом покончено навсегда. — Начальник порта пожала плечами. — Так что он сделал из вас героя в своих собственных интересах. Иначе он бы не сумел занять место Джозена. В результате из меня тоже сделали героиню. Все это сплелось в один огромный идиотский узел — ничего подобного вы наверняка не видели. Я не буду вдаваться в подробности. В итоге Толли Мьюн была оправдана и с триумфом восстановлена в должности. Джозен Раэл был опозорен, осужден всеми политиками и вынужден уйти в отставку. Вместе с ним ушли больше половины членов Высшего Совета. Крегор Блэксон стал новым лидером технократов и вскоре победил на выборах. Сейчас он Первый Советник. Бедняга Джозен два года назад умер. А о нас с вами слагают легенды, Таф, мы теперь знамениты, черт возьми, не меньше, чем все эти романтические пары древности — ну, вы же знаете, Ромео и Джульетта, Самсон и Далила, Содом и Гоморра, Маркс и Энгельс.

Дакс, устроившийся на плече Тафа, испуганно зарычал. Крохотные коготки проткнули ткань его комбинезона и вцепились в кожу. Хэвиланд Таф моргнул, поднял руку и погладил котенка, успокаивая.

— Начальник порта Мьюн, вы улыбаетесь, в вашей истории, похоже, должен быть хотя и банальный, но все же вечно популярный счастливый конец. Однако же Дакс встревожился, как будто внутри у вас все кипит, несмотря на внешнее спокойствие. Может быть, вы опустили какую-то важную часть своей истории?

— Помните, я назвала вам срок — двадцать семь лет.

— Помню. Перед тем, как я начал проводить свою экоинженерную программу, ваши расчеты предсказывали, что через двадцать семь стандарт-лет на Сатлэме наступит массовый голод из-за быстрого роста населения и истощения продовольственных ресурсов.

— Это было пять лет назад, — сказала Толли Мьюн.

— Несомненно, так.

— Двадцать семь минус пять?

— Двадцать два, — ответил Таф. — Полагаю, эти упражнения в элементарной математике имеют какой-то смысл?

— Осталось двадцать два года, — сказала Начальник порта.

— Да, но это было до «Ковчега», до того, как гениальный экоинженер Таф и бесстрашная «паучиха» Мьюн накормили народ, до того, как отважный Крегор Блэксон провозгласил Тафов Расцвет.

Хэвиланд Таф посмотрел на котенка, сидевшего у него на плече.

— Я слышу в ее голосе саркастические нотки, — сказал он Даксу.

Толли Мьюн, вздохнув, достала из кармана коробочку с информационными кристаллами.

— Вот вам, любовь моя, — сказала она и бросила ее в Тафа.

Таф поймал коробочку своей большой белой ладонью. И ничего не сказал.

— Здесь все, что вам нужно. Прямо из банка данных Совета. Совершенно секретные документы, разумеется. Все сообщения, все прогнозы, все анализы, и это только для вас. Понимаете? Вот почему я вела себя так необычно и вот почему мы возвращаемся на «Ковчег». Крег и Высший Совет решили, что наш роман — самое удобное прикрытие. Пусть миллиар-

ды зрителей информационных программ думают, что мы занимаемся сексом. Пока они представляют себе соблазнительные картины нашей любви, им в голову не придет задуматься над тем, чем мы занимаемся на самом деле. И мы все проделаем тихо. Нам опять нужны хлеба и рыбы, Таф, но на этот раз на блюдечке, понимаете? Такие у меня инструкции.

— О чем говорит самый последний прогноз? — спросил Таф ровным, бесстрастным голосом.

Дакс поднялся, испуганно зашипев.

Толли Мьюн отпила глоток пива и откинулась в кресле, закрыв глаза.

— До голода нам осталось восемнадцать лет, — сказала она. Сейчас Толли Мьюн выглядела на все свои сто лет (обычно ей давали не больше шестидесяти), и в голосе ее звучала бесконечная усталость. — Восемнадцать лет, — уныло повторила она, — и отсчет уже идет.

5

Прожив всю жизнь на Сатлэме с его огромными континентальными городами, миллиардами жителей, башнями, уходящими на десять километров в небо, глубокими подземными поселениями, гигантскими орбитальными лифтами, Толли Мьюн была не из тех, кого можно поразить одними лишь размерами. Но в «Ковчеге» было что-то впечатляющее, думала она.

Она почувствовала это сразу же, как только они приблизились к звездолету. Под ними с треском раскрылся огромный купол причальной палубы, Таф провел «Свирепый Степной Ревун» вниз, в темноту, и посадил его среди челноков и дряхлых звездолетов

на круглую посадочную площадку, приветственно засветившуюся слабым голубым сиянием. Купол над ними закрылся, и на палубу начал поступать воздух; чтобы быстро заполнить такое большое помещение, он накачивался с ураганной силой и скоростью, шипя и завывая. Наконец Таф открыл люк и свел Толли Мьюн вниз по изысканно украшенному трапу, спускавшемуся из пасти львинолета, словно позолоченный язык. Внизу их ждала маленькая трехколесная тележка. Они миновали группу безжизненных кораблей, некоторые не были похожи ни на один из тех звездолетов, которые множество раз видела Начальник порта. Таф ехал молча, не глядя ни вправо, ни влево, на коленях у него мягким меховым комочком лежал Дакс и мурлыкал.

Таф отдал в распоряжение своей гостьи целую палубу. Тут были сотни жилых кают, компьютерных станций, лабораторий, коридоров, гигиенических пунктов, залов для отдыха, кухонь — и ни одного жильца, кроме нее. На Сатлэме в доме таких размеров жила бы тысяча человек, причем в квартирах поменьше, чем чуланы на «Ковчеге». Таф отключил на этом этаже гравитационную установку, он знал, что Толли Мьюн любит невесомость.

— Если я вам понадоблюсь, вы найдете меня на верхней палубе, — сказал он ей. — Я намереваюсь обратить всю свою энергию на проблемы Сатлэма. Мне не нужны ни ваши советы, ни ваша помощь. Не обижайтесь, Начальник порта, но я на горьком опыте убедился, что подобная помощь не нужна и только меня отвлекает. Если существует решение ваших проблем, то я скорее найду его сам, своими силами. Я запрограммирую для вас приятное путешествие к Сатлэму с его «паутиной» и надеюсь, что, когда мы туда прибудем, я буду в состоянии устранить ваши затруднения.

— Если у вас не получится, — резко напомнила Толли Мьюн, — мы отберем у вас корабль. Это были наши условия.

— Я помню, — ответил Хзвиланд Таф. — Если вам будет скучно, на «Ковчеге» имеется большой выбор развлечений и занятий. Пользуйтесь услугами автоматической кухни. Ее блюда уступают той пище, что я готовлю сам, но по сравнению с тем, так сказать, кормом, к которому вы привыкли на Сатлэме, вам, не сомневаюсь, все покажется восхитительным. Днем вы можете есть, когда захотите, по вечерам же я буду рад видеть вас у себя на ужине в 18.00 по корабельному времени. Пожалуйста, будьте точны, — и, сказав это, Таф удалился.

Компьютерная система, управлявшая кораблем, соблюдала чередование циклов света и темноты, заменявших собой день и ночь. Ночи Толли Мьюн проводила у экрана голографического монитора — смотрела фильмы, снятые несколько тысячелетий назад на планетах, уже ставших полулегендарными. Днем она занималась обследованием — сначала палубы, которую выделил ей Таф, потом остальной части корабля. Чем больше она видела и узнавала, тем больше испытывала благоговейный ужас и тревогу.

Несколько дней она просидела в старом капитанском кресле в башне, которую Таф забросил, посчитав неудобной. На огромном экране она просматривала выборку из старинного бортового журнала.

Она обошла лабиринт коридоров и палуб, в разных местах «Ковчега» нашла три скелета (только два из них когда-то принадлежали людям); в одном месте, на пересечении коридоров, обнаружила перегородки из толстого дюрасплава, оплавленные и растрескавшиеся, как будто от сильного жара.

Часами она сидела в библиотеке, открывая и перелистывая старые книжки — некоторые были напечатаны на тонких листах металла или пластика, другие — на настоящей бумаге.

Она вновь побывала на причальной палубе и осмотрела некоторые из подобранных Тафом звездолетов. Зашла в арсенал, оглядела устрашающую коллекцию оружия — устаревшего, забытого и неузнаваемого.

Она бродила по огромному тускло освещенному туннелю, который пронизывал звездолет по центру. Прошла пешком все тридцать километров. Гул ее шагов был слышен повсюду. К концу этих ежедневных походов она еле переводила дух. Вокруг Толли Мьюн видела множество чанов для клонирования, резервуаров для выращивания всевозможных существ, компьютерные станции. Девяносто процентов чанов пустовало, но то здесь, то там Начальнику порта встречались и растущие формы жизни. Через пыльное стекло и густую полупрозрачную жидкость она вглядывалась в эти тусклые живые тени — некоторые размером с ее ладонь, некоторые — с трубоход. От этого зрелища ее слегка знобило.

По правде говоря, весь корабль казался Толли Мьюн холодным и пугающим.

Тепло было только в том уголке верхней палубы, где проводил дни и ночи Хэвиланд Таф. В длинном и узком зале связи, который он переделал в капитанский мостик, было удобно и уютно. Жилище Тафа было заставлено старой, потертой мебелью, повсюду стояло и висело удивительное множество безделушек, собранных им в его странствиях. В воздухе пахло едой и пивом, шаги не отдавались эхом, здесь был и свет, и шум, и жизнь. И, конечно, кошки.

Кошкам Тафа позволялось беспрепятственно ходить по кораблю, но большинство из них, похоже,

предпочитали держаться поближе к Тафу. Сейчас их было семь. Хаос, пушистый серый кот, с властным взглядом и ленивыми, барственными манерами, ощущал себя хозяином всего окружающего. Чаще всего его можно было видеть сидящим на консоли центрального компьютера Тафа на капитанском мостике, при этом его пушистый хвост раскачивался, как метроном. Паника за пять лет утратила былую живость и располнела. Сначала она, похоже, не признала Начальника порта, но потом их прежняя дружба возобновилась, и кошка иногда даже сопровождала Толли Мьюн в ее походах.

Еще были Неблагодарность, Сомнение, Вражда и Подозрение.

— Это малыши, котята, — так называл их Таф, хотя на самом деле они уже были подростками, — Хаоса и Паники. Сначала их было пятеро. Глупость я оставил на Намории.

— Глупость надо бы всегда оставлять, — сказала Толли Мьюн, — хотя я не думала, что вы способны расстаться с кошкой.

— Глупость по непонятным причинам привязалась к одной вздорной, непредсказуемой молодой особе с Намории, — сказал он. — Поскольку у меня было много кошек, а у нее ни одной, я счел это уместным жестом при данных обстоятельствах. Хотя кошка — прекрасное, восхитительное создание, в этой печальной современной галактике их осталось сравнительно мало. Поэтому моя природная щедрость и чувство долга перед моими собратьями вынуждают меня дарить кошек таким мирам, как Намория. Цивилизации, где есть место кошкам, богаче и намного гуманнее тех, что лишены их ни с чем не сравнимого общества.

— Согласна, — сказала с улыбкой Толли Мьюн. Вражда возилась рядом с ней. Начальник порта бе-

режно взяла ее на руки и погладила. — Ну и странные имена вы им даете.

— Пожалуй, более подходящие для людей, чем для кошек, — согласился Таф. — Я даю им имена в соответствии с их характерами.

Неблагодарность, Сомнение и Подозрение были серыми, как отец. Вражда — черно-белой, как Паника. Сомнение был толстым и шумливым, Вражда — агрессивной и раздражительной, Подозрение — стеснительным, он все время прятался под креслом Тафа. Они любили играть вместе, всем шумным выводком, и почему-то им очень понравилась Толли Мьюн: когда бы она ни пришла к Тафу, все они тут же начинали на нее карабкаться. Иногда она встречала их в самых неподходящих местах. Однажды, когда она поднималась по эскалатору, на спину ей прыгнула Вражда, и у Толли перехватило дыхание от испуга и неожиданности. Она привыкла, что во время еды Сомнение смирно сидел у нее на коленях, выпрашивая кусочки.

И еще была седьмая кошка: Дакс. Дакс, с мехом цвета ночи и глазами, как маленькие золотые лампочки. Дакс, самый ленивый из всех «вредителей», которых она когда-либо видела, любивший, чтобы его носили на руках. Дакс, выглядывающий из кармана или из-под фуражки Тафа, сидящий у него на коленях или на плече. Он никогда не играл с другими котятами, редко издавал какие-либо звуки. Под его золотистым взглядом даже огромный барственный Хаос уступал ему место в кресле, на которое оба претендовали. Черный котенок постоянно был при Тафе. Один раз за ужином (это было почти через двадцать дней после того, как она вступила на борт «Ковчега») Толли Мьюн заметила:

— Ваш дружок, — она показала ножом на Дакса, — вечно сидя у вас на плече, делает вас похожим на... как это называется?

— По-разному, — ответил Таф. — Колдун, маг, чародей, волшебник. Кажется, эта терминология происходит из мифов Старой Земли.

— Точно, — сказала Толли Мьюн. — Иногда у меня бывает такое чувство, будто корабль населен призраками.

— Вот почему разумнее полагаться на интеллект, а не на чувства, Начальник порта. Смею вас заверить, что, если бы призраки и другие сверхъестественные создания существовали бы на самом деле, они были бы представлены в клеточном фонде «Ковчега», чтобы их можно было клонировать. Я таких образцов не встречал. В фонде действительно есть образцы животных и растений, которых иногда называют капюшонными дракулами, ветряными призраками, оборотнями, вампирами, ведьминым сорняками и тому подобными названиями, но, боюсь, это не настоящие сказочные персонажи.

Толли Мьюн улыбнулась.

— Это хорошо.

— Может быть, еще вина? Это отличный рианский сорт.

— Мысль неплохая, — сказала она, плеснув немного в свой бокал. Она все еще предпочитала выжимать напитки из пузырька; жидкость в открытом виде, считала она, — этакая предательская штука, которая так и норовит пролиться куда-нибудь. — А то у меня все в горле пересохло. Вам и не нужно чудовищ, Таф. Этот ваш корабль и так может уничтожать миры.

— Это очевидно, — отозвался Таф. — Очевидно и то, что он может спасать миры.

— Как наш? Таф, у вас готово еще одно чудо?

— Увы, чудеса — такие же выдумки, как привидения и домовые. Однако человеческий разум еще способен на равные чуду прорывы в непознанное. — Он

медленно поднялся во весь рост. — Если вы покончили со своим вином и луковым пирогом, может быть, пройдем в компьютерный зал? Я прилежно занимался вашими проблемами и достиг некоторых результатов.

Толли Мьюн быстро поднялась со своего места.

— Пойдемте, — кивнула она.

6

— Обратите внимание, — сказал Хэвиланд Таф, нажав на одну из клавиш. На экране замерцала какая-то диаграмма.

— Что это? — спросила Толли Мьюн.

— Прогноз, который я составил пять лет назад, — ответил он. Дакс прыгнул ему на колени; Таф погладил черного котенка. — Параметры, которые я использовал, это — численность сатлэмского населения и предполагаемые темпы его роста на тот момент. Мой анализ показал, что дополнительные продовольственные ресурсы, полученные вашим обществом благодаря тому, что Крегор Блэксон так любезно назвал Тафовым Расцветом, отсрочили бы новую угрозу массового голода минимум на девяносто четыре стандартгода.

— Да, но этот паршивый прогноз гроша ломаного не стоил, — оборвала его Толли Мьюн.

Таф поднял палец.

— Человека более эмоционального, чем я, могло бы обидеть предположение, что его анализ был неверным. К счастью, я человек спокойный и покладистый. И тем не менее вы абсолютно неправы, Начальник порта Мьюн. Мой прогноз был верен.

— Значит, вы говорите, что мы не подохнем с голоду через восемнадцать лет? Что у нас есть еще, сколько там, почти целый век? — Она покачала головой. — Я бы хотела этому верить, но...

— Я ничего такого не говорил. С учетом допустимой погрешности последний сатлэмский прогноз представляется мне вполне точным, насколько я мог определить.

— Оба прогноза не могут быть правильными, — возразила Толли Мьюн. — Это невозможно, Таф.

— Вы ошибаетесь, мадам. За эти пять лет изменились параметры. Смотрите.

Он нажал на другую кнопку. На экране появилась новая линия, резко поднимающаяся вверх.

— Это нынешняя кривая роста населения Сатлэма. Обратите внимание, как она идет вверх. Будь у меня поэтический склад ума, я бы даже сказал — взлетает. К счастью, я этим не страдаю. Я человек грубый и говорю грубо. — Он снова поднял палец. — Прежде чем мы сможем надеяться исправить ситуацию, необходимо в ней разобраться, понять, как она возникла. Здесь все ясно. Пять лет назад я использовал возможности «Ковчега» и, если я осмелюсь отбросить свою привычную скромность, оказал вам чрезвычайно важные услуги. Сатлэмцы же, не теряя времени, уничтожили все, что я создал. Позвольте мне кратко объяснить, что произошло. Не успел Расцвет, так сказать, укорениться, как ваши граждане снова бросились в свои спальни, дав волю плотским инстинктам и родительским чувствам, и начали плодиться быстрее, чем когда-либо прежде. Сейчас среднестатистический размер семьи увеличился на 0,0072 человека, а средний гражданин становится у вас отцом или матерью на 0,0102 года раньше, чем пять лет назад. Небольшие изменения, можете вы возразить, но если

это умножить на гигантскую цифру населения вашей планеты и добавить сюда все остальные параметры, разница будет колоссальной. Если говорить точнее, это будет разница между девяносто четырьмя годами и восемнадцатью.

Толли Мьюн в изумлении уставилась на линии, пересекающие экран.

— Ч-черт, — пробормотала она. — Как же это я не догадалась? Эта информация секретная по понятным причинам, но я должна была бы знать. — Она стиснула руки в кулаки. — Черт возьми! — воскликнула она. — Крег сделал такую рекламу этому идиотскому Расцвету, что немудрено, что так вышло. Почему кто-то должен воздерживаться от рождения детей — ведь продовольственная проблема решена? Так сказал этот идиот Первый Советник. Настали хорошие времена, так? Нулевиков все снова стали называть паникерами, а технократов превозносить, ведь они опять сотворили чудо. Неужели кто-то мог усомниться в том, что они сотворят еще? Разумеется, нет. Так что будь примерным сыном церкви, рожай детей, помогай человечеству эволюционировать и побеждать энтропию. Конечно, почему нет? — Она с отвращением фыркнула. — Таф, почему люди такие идиоты?

— Этот вопрос еще более сложен, нежели проблема Сатлэма, — ответил Таф, — и боюсь, что я не в состоянии на него ответить. Если уж вы занялись поиском виноватых, то часть вины могли бы возложить и на себя, Начальник порта. Заблуждение Первого Советника Крегора Блэксона вы закрепили в умах народа той неудачной финальной речью, которую произнес актер, игравший меня в «Тафе и Мьюн».

— Все правильно, я тоже виновата. Но это дело прошлое. Сейчас вопрос в том, что мы можем сделать.

— Боюсь, что очень мало, — бесстрастно ответил Таф.

— А вы? Один раз вы дали нам чудо хлебов и рыбы. Может быть, вы дадите нам вторую порцию, Таф?

Хэвиланд Таф моргнул.

— У меня сейчас больше опыта в экоинженерии, чем когда я впервые пытался решить проблему Сатлэма. Я лучше знаю, какие образцы хранятся в клеточном фонде «Ковчега» и каково их воздействие на конкретные экосистемы. Я даже немного увеличил этот фонд во время своих странствий. Действительно, я могу вам помочь. — Таф очистил экраны и сложил руки на животе. — Но за это вам придется заплатить.

— Заплатить? Мы уже заплатили, разве вы не помните? Мои «паучки» починили ваш чертов звездолет!

— Несомненно так, хотя я привел в порядок вашу экологию. На этот раз мне не требуется ни починка, ни модернизация «Ковчега». А вы между тем снова нарушили свою экологию и поэтому опять нуждаетесь в моих услугах. У меня много текущих расходов, и, самое главное, все еще огромный долг сатлэмскому порту. Упорным, изнурительным трудом на многих разбросанных во вселенной планетах я заработал первую половину из тридцати трех миллионов стандартов, в которые вы оценили свою работу, но другая половина остается неуплаченной, и я должен раздобыть ее всего за пять лет. Могу ли я поручиться, что сумею это сделать? Возможно, на следующем десятке планет, которые я навещу, экология будет безукоризненной, или же они будут настолько обнищавшими, что я буду вынужден сделать им огромные скидки, если вообще смогу оказать услуги. Размеры моего долга угнетают меня днем и ночью, очень часто нарушая ясность и точность мысли и, таким образом, снижая

эффективность моей работы. Действительно, у меня такое чувство, что, когда я бьюсь над решением серьезнейшей проблемы, такой, как та, что возникла на Сатлэме, я мог бы работать гораздо лучше, не будь мой ум обременен этими заботами.

Толли Мьюн ожидала чего-нибудь в этом роде. Она говорила об этом Крегу, и тот определил пределы, в которых она вольна была распоряжаться финансами. Тем не менее женщина изобразила на лице неудовольствие.

— Сколько вы хотите, Таф?

— Я думаю, десять миллионов стандартов. Будучи круглой суммой, они могут быть легко вычтены из моего счета, не вызывая никаких математических затруднений.

— Слишком много, — ответила она. — Может быть, я сумею уговорить Высший Совет сократить ваш долг на пару миллионов, не больше.

— Давайте сойдемся на девяти миллионах, — сказал Таф, длинным пальцем почесывая Дакса за ухом; котенок молча поднял свои золотистые глаза на Толли Мьюн.

— Разве девять — среднее арифметическое между десятью и двумя? — сухо спросила она.

— В экоинженерии я разбираюсь лучше, чем в математике, — сказал Таф. — Может быть, восемь?

— Четыре. Не больше. Крегор и так устроит мне головомойку.

Таф уставился на нее долгим немигающим взглядом и ничего не сказал. Лицо его было спокойным, холодным и бесстрастным.

— Четыре с половиной миллиона, — сказала она, поеживаясь под его взглядом. Она почувствовала на себе взгляд Дакса и вдруг подумала, не читает ли этот проклятый котенок ее мысли. — Черт возьми! —

воскликнула она, — этот черный шельмец ведь, наверно, точно знает, на какую сумму мне разрешено согласиться!

— Мысль интересная, — отозвался Таф. — Я согласен и на семь миллионов. Я сегодня щедр.

— Пять с половиной, — выпалила она.

Дакс громко замурлыкал.

— И я останусь вам должен одиннадцать миллионов стандартов с рассрочкой на пять лет, — сказал Таф. — Договорились, Начальник порта Мьюн, но у меня есть одно дополнительное условие.

— Какое? — спросила она с легким замешательством.

— Я представлю свое решение вам и Первому Советнику Крегору Блэксону на пресс-конференции, где будут репортеры всех ваших видеоканалов. Она должна транслироваться в прямом эфире на весь Сатлэм.

Толли Мьюн громко рассмеялась.

— Ну, это невозможно, — сказала она. — Крег ни за что не согласится. Можете расстаться с этой мыслью.

Хэвиланд Таф промолчал, продолжая ласкать Дакса.

— Таф, вы не понимаете всех трудностей. Ситуация слишком изменчива. Вы не должны этого делать.

Хэвиланд продолжал молчать.

— Ч-черт! — выругалась она. — Вот что, запишите то, что вы хотите сказать, а мы посмотрим. Если там не будет ничего такого, что может взволновать общество, я думаю, вам разрешат выступить.

— Я предпочел бы высказаться экспромтом, — ответил Таф.

— Мы могли бы записать конференцию и транслировать ее потом, отредактировав текст, — предложила она.

Хэвиланд Таф по-прежнему молчал. Дакс глядел на нее, не мигая. Толли Мьюн всмотрелась в эти все понимающие золотистые глаза и вздохнула.

— Вы победили, — сказала она. — Крегор придет в ярость, но я же героиня, черт возьми, а вы — вернувшийся победитель, и я надеюсь втолковать ему это. Но почему вы настаиваете на своем условии?

— Всего лишь прихоть, — ответил он. — Я часто иду на поводу у своих причуд. Может быть, мне хочется насладиться моментом и вкусить славу спасителя. А может, я хочу показать миллиардам сатлэмцев, что не ношу усов.

— Я скорее поверю в домовых и вурдалаков, чем в эту чепуху, — сказала Толли Мьюн. — Таф, есть причины, по которым численность нашего населения и острота продовольственного кризиса держатся в тайне, вы знаете. Это политика. Вы не должны и думать о том, чтобы, ну, скажем, открыть именно эти секреты зрителям!

— Мысль интересная, — моргнув, сказал Таф; на его лице по-прежнему ничего нельзя было прочитать.

7

На следующий день Таф стоял спиной к четырехметровому квадратному телеэкрану в самом большом зале «паучьего гнезда», способном вместить почти тысячу человек. Зал был забит, репортеры плотной стеной расположились впереди, заняв двадцать рядов, во лбу у каждого работала миниатюрная камера, деловито записывающая все происходящее. За ними сидели любопытные, пришедшие просто послушать, что будет говориться на пресс-конференции. Это были

обитатели «паутины» всех возрастов, полов и профессий, от киберов и чиновников до проституток и поэтов, состоятельные городские жители, пилоты из разных систем, оказавшиеся на Сатлэме. Рядом с Тафом на помосте находились Толли Мьюн и Первый Советник Крегор Блэксон. Блэксон принужденно улыбался, возможно, он не мог забыть о том, что все репортеры засняли ужасно длинный неловкий эпизод, когда Таф проигнорировал его протянутую руку. Толли Мьюн чувствовала себя слегка смущенно.

Хэвиланд Таф выглядел величественно. Он возвышался над всеми присутствовавшими, его серый виниловый плащ волочился по полу, на зеленой фуражке с большим козырьком сияла эмблема Общества Экологической Генетики.

— Во-первых, — начал он, — позвольте мне обратить ваше внимание на то, что я не ношу усов.

Фраза была встречена дружным смехом.

— Далее. Несмотря на известный видеофильм, мы с вашим уважаемым Начальником порта никогда не имели интимных контактов. У меня, правда, нет оснований сомневаться в ее мастерстве в эротических искусствах, которое было бы высоко оценено теми, кто предпочитает развлечения этого рода.

Толпа корреспондентов, словно шумный стоглавый зверь, разом повернулась, нацелив свои камеры на Толли Мьюн. Она сидела, откинувшись на спинку кресла, одной рукой поглаживая висок. Вздох, который она издала, был слышен до четвертого ряда.

— Эти сведения не имеют принципиального значения, — сказал Таф, — и сообщаются единственно ради того, чтобы установить истину. Главная причина, по которой я хотел собрать вас здесь, носит не личный, а профессиональный характер. Я не сомневаюсь, что каждому, кто смотрит сейчас эту трансля-

цию, известно о феномене, который ваш Высший Совет окрестил Тафовым Расцветом.

Крегор Блэксон улыбнулся и кивнул.

— Однако я полагаю, что вам неизвестно о нависшей над вами угрозе, которую я осмелюсь назвать Увяданием Сатлэма.

Улыбка Первого Советника тоже увяла, а Толли Мьюн поморщилась. Все репортеры снова повернулись к Тафу.

— Вам действительно повезло, что я из тех, кто платит свои долги и выполняет обязательства, так как мое своевременное возвращение на Сатлэм позволяет мне еще раз вмешаться в вашу судьбу. Ваши лидеры скрывают от вас правду. Если бы не помощь, которую я готов оказать вам, вашей планете грозил бы голод уже через восемнадцать стандарт-лет.

В зале наступила полная тишина. Затем в задних рядах началось какое-то волнение. Нескольких человек вывели из зала. Таф не обратил внимания на этот инцидент.

— Во время моего прошлого визита экоинженерная программа, которую я осуществил, значительно увеличила ваши продовольственные ресурсы, причем с помощью довольно обычных вещей, а именно: введение новых видов растений и животных с тем, чтобы повысить эффективность сельского хозяйства, не внося серьезных нарушений в вашу экологию. Разумеется, возможны и дальнейшие шаги в этом направлении, но я опасаюсь, что точка снижения плодородия давно пройдена и подобные шаги в будущем принесут вам мало пользы. Следовательно, на этот раз я взял за основу необходимость внести радикальные изменения в вашу экосистему и продовольственную цепочку. Для некоторых из вас мои предложения покажутся неприемлемыми. Заверяю вас, что другие ва-

рианты, а именно: голод, мор, война — гораздо менее приятны. Выбор, разумеется, остается за вами. Я и не думаю делать его за вас.

В зале было холодно, словно в морозильной камере. Наступила мертвая тишина, если не считать жужжания множества «третьих глаз». Хэвиланд Таф поднял палец.

— Во-первых, — сказал он. Позади него на экране появилось изображение, транслировавшееся бортовым компьютером «Ковчега», — огромное, с целую гору, чудовище с лоснящейся кожей и блестящим, словно темно-розовый студень, телом. — Мясной зверь, — сказал Хэвиланд Таф. — Значительная часть ваших сельскохозяйственных угодий отведена на корм скота различных пород, чьим мясом наслаждается очень небольшое состоятельное меньшинство сатлэмцев, которое может позволить себе такую роскошь. Это крайне нецелесообразно. Ваш скот потребляет гораздо больше калорий, чем дает, будучи забитым, и поскольку он сам является продуктом естественной эволюции, большая часть его телесной массы несъедобна. Поэтому я предлагаю вам немедленно изъять эти виды животных из экосистемы вашей планеты. Мясные звери, одно из которых вы сейчас видите на этом экране, — это триумф моей мысли, плод генетического моделирования, во всей Вселенной вы не отыщете ничего подобного. Так вот, за исключением небольшого ядра эти животные представляют собой постоянно растущие массы недифференцированных клеток, причем масса тела не расходуется на такие второстепенные вещи, как органы чувств, нервная или опорно-двигательная система. Если воспользоваться метафорой, то можно сравнить их с гигантскими съедобными раковыми опухолями. В их мясе содержатся все необходимые человеку питательные вещества, оно

богато белками, витаминами и минеральными веществами. Один взрослый мясной зверь, которого можно держать в подвале сатлэмской жилой башни, даст за один стандарт-год столько же съедобного мяса, сколько дают сейчас два ваших стада, а луга, на которых кормятся эти стада, будут освобождены для зерновых культур.

— А каков этот зверь на вкус? — крикнул кто-то из задних рядов.

Хэвиланд Таф неторопливо повернулся и посмотрел прямо на того, кто задал вопрос.

— Поскольку сам я не употребляю в пищу мяса животных, то ответить вам не могу, но мне кажется, что голодающему это мясо покажется очень вкусным. — Он поднял руку. — Продолжим, — сказал он, и изображение за его спиной сменилось другим. На экране появилась бескрайняя плоская равнина под двойным солнцем. От горизонта до горизонта ее покрывали уродливые на вид и высокие, как Таф, растения. Стебли и листья у них были черного цвета, головки клонились под тяжестью огромных белесых стручков, с которых капала бледная густая жидкость.

— Эти растения, по не известным мне причинам, называются джерсейскими стручками, — сказал Таф. — Пять лет назад я дал вам омнизерно, чья калорийность на квадратный метр гораздо выше калорийности нанопшеницы, неотравы и других растений, которые вы до сих пор выращивали. Я знаю, что вы засеяли омнизерном большие площади и получили соответствующий урожай, продолжаете сажать нанопшеницу, неотраву, пряные бобы и многие другие виды овощей и фруктов, разумеется, ради разнообразия и гастрономического удовольствия. Но с этим должно быть покончено. Сатлэмцы больше не могут позволить себе роскошь кулинарного разнообразия. Отныне вашим

девизом должна быть калорийная эффективность. Каждый квадратный метр сельскохозяйственных угодий на Сатлэме и на ваших астероидах, так называемых Кладовых, необходимо немедленно засеять джерсейскими стручками.

— А что это из них капает? — спросил кто-то.

— Это фрукт или овощ? — пожелал узнать один из репортеров.

— Делают ли из них хлеб? — спросил другой.

— Джерсейские стручки, — ответил Таф, — несъедобны.

Зал взорвался: сотни людей закричали, замахали руками и заговорили одновременно.

Хэвиланд Таф молча дождался тишины.

— Каждый год, — сказал он, — как может подтвердить, если захочет, Первый Советник, ваши сельскохозяйственные угодья обеспечивают все меньший процент калорий, необходимых растущему населению Сатлэма. Недостаток восполняет рост производства на пищевых фабриках, где нефтехимическое сырье перерабатывается в питательные вафли, пасту и другие синтетические продукты. Увы, запасы нефти иссякают. Этот процесс можно замедлить, но остановить нельзя. Конечно, вы импортируете часть нефти с других планет, но этот межзвездный нефтепровод может дать вам немного. Пять лет назад я пустил в ваши моря разновидность планктона под названием «нептунова шаль», колонии которой сейчас подходят к вашим пляжам и качаются на волнах над континентальными шельфами. Эти микроорганизмы, умершие и разложившиеся, могут заменить нефтехимическое сырье для ваших фабрик.

Джерсейские стручки можно рассматривать как сухопутный аналог нептуновой шали. Стручки выделяют жидкость, имеющую некоторое биохимическое

сходство с сырой нефтью. Сходство это так велико, что ваши пищевые фабрики после незначительного переоборудования — с вашим техническим опытом провести его будет несложно — смогут перерабатывать ее в продукты питания. И все же я должен подчеркнуть, что вы не можете просто посадить эти стручки в дополнение к вашим нынешним посевам. Для получения максимальной выгоды их необходимо посеять везде, заменив ими омнизерно, неотраву и другие растения, которые вы привыкли употреблять в пищу.

Тоненькая женщина в задних рядах взобралась на стул, чтобы люди ее не загораживали, и спросила.

— Кто вы такой, Таф, чтобы говорить нам, что мы должны отказаться от настоящей пищи? — крикнула она с гневом в голосе.

— Я, мадам? Я всего лишь скромный практикующий экоинженер. Я не собираюсь принимать за вас решения. Моя задача, явно неблагодарная, заключается в том, чтобы предоставить вам факты и предложить определенные меры, которые могут быть действенными, но, к сожалению, неприятными. Окончательное решение должны принять правительство и народ Сатлэма.

Публика снова заволновалась. Таф поднял вверх палец.

— Тише, пожалуйста. Я скоро закончу.

Изображение на экране еще раз сменилось.

— Некоторые виды и экологические стратегии, которые я ввел пять лет назад, когда сатлэмцы впервые обратились ко мне за помощью, могут и должны остаться. Грибные фермы в ваших подземных городах следует сохранить и расширить. Я могу продемонстрировать вам несколько новых разновидностей грибков. Конечно, возможны более эффективные способы использования океана — не только его верхних сло-

ев, но и его дна. Рост колоний нептуновой шали можно стимулировать до тех пор, пока она не займет каждый метр поверхности соленых морей Сатлэма. Снежный овес и туннельные клубни, которые у вас уже имеются, останутся оптимальными пищевыми продуктами в холодных арктических районах. Ваши пустыни расцвели, болота осушены и стали плодородными. Все, что можно сделать на земле и на море, делается. Остается только воздух. Поэтому я предлагаю ввести в вашу атмосферу новую экосистему.

Позади меня на экране вы видите последнее звено в этой новой продовольственной цепочке, которую я предлагаю для вас выковать. Это огромное темное существо с черными треугольными крыльями — клермонтский ветропланер, его еще называют ороро. Он имеет отдаленное сходство с более известными животными, такими, как верхнекавалаанская плакальщица или хемазорская бичехвостая манта. Это хищник, обитающий в верхних слоях атмосферы, планирующий на потоках ветра. Он рождается, живет и умирает в полете, никогда не касаясь ни земли, ни воды. Если он сядет на землю, то вскоре погибнет, так как уже не сможет взлететь. Размеры таких животных на Клермонте небольшие, и мясо у них жесткое. Они питаются птицами, которые залетают на высоту, где они охотятся, а также некоторыми видами воздушных микроорганизмов, летающими грибками и илистой плесенью, которые я также предлагаю ввести в верхние слои вашей атмосферы. Путем генетического моделирования я создал для Сатлэма ветропланер с размахом крыльев около двадцати метров, способного снижаться почти до верхушек деревьев. Он почти в шесть раз тяжелее образца. Небольшая водородная сумка, расположенная позади органов чувств, позволит животному летать, несмотря на боль-

шой вес тела. С вашей авиацией у вас не будет никаких проблем с охотой на ветропланеров, и вы увидите, что это прекрасный источник белка.

Чтобы быть до конца честным, я должен добавить, что эта экологическая модификация будет иметь определенные последствия. Микроорганизмы, грибки и илистая плесень будут очень быстро размножаться, не имея в вашем небе природных врагов. Верхние этажи самых высоких жилых башен покроются плесенью и грибками, и нужно будет их очищать. Большая часть птиц, как исконных обитателей Сатлэма, так и привезенных с Тары и Старой Земли, вымрет, уступив место новой атмосферной экосистеме. В конечном счете небо потемнеет, вы будете получать значительно меньше солнечного света, и климат будет постоянно меняться. Однако, я думаю, это произойдет не раньше, чем через триста лет. Поскольку, если все оставить по-прежнему, катастрофа произойдет гораздо раньше, я рекомендую принять именно этот план действий.

Репортеры вскочили на ноги и начали наперебой задавать вопросы докладчику. Толли Мьюн сжалась в своем кресле, сердито нахмурив брови, Первый Советник Крегор Блэксон сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. На его худом, заостренном лице застыла улыбка, глаза, казалось, остекленели.

— Минуточку, — сказал Таф, перекрывая шум. — Я заканчиваю. Вы слышали мои рекомендации и ознакомились с биологическими видами, с помощью которых я намереваюсь переделать вашу экологию. Теперь послушайте. Если ваш Высший Совет действительно примет решение разводить мясного зверя, джерсейский стручок и ороро так, как я предлагаю, компьютеры «Ковчега» спрогнозировали значительное облегчение вашего продовольственного кризиса. Посмотрите.

Все глаза обратились к телеэкрану. Даже Толли Мьюн обернулась, вытянув шею, а Первый Советник Крегор Блэксон с неизменной улыбкой встал с места и, заложив большие пальцы в карманы, уставился в изображение. На экране замерцала координатная сетка; красная линия догоняла зеленую, вдоль одной оси стояли даты, вдоль другой — значения численности населения.

Шум стих.

Наступила полная тишина.

Даже в конце зала было слышно, как Крегор Блэксон откашлялся.

— О, Таф, — сказал он, — вероятно, вы ошиблись.

— Сэр, — отозвался Хэвиланд Таф, — уверяю вас, что все правильно.

— Ну, это ведь до того, да? Не после? — Блэксон показал рукой на схему. — Я имею в виду, что, смотрите, ваша эта экоинженерия, выращивание одних стручков, моря, покрытые нептуновой шалью, небо, темнеющее от летающей пищи, мясные горы в каждом подвале...

— Мясные звери, — поправил его Таф, — хотя признаю, что в названии «мясные горы» что-то есть. У вас талант придумывать выражения красочные и запоминающиеся, Первый Советник.

— Все это, — упрямо продолжал Блэксон, — весьма радикально, Таф. Мы имеем право ожидать и радикального улучшения ситуации.

Несколько преданных ему слушателей начали подбадривать его криками.

— Но, может быть, — сказал Первый Советник, — я неправильно понял ваш прогноз?

— Первый Советник, — возразил Таф, — и народ Сатлэма, вы поняли правильно. Если вы примете все

мои предложения, то вы действительно отсрочите катастрофу. Отсрочите, сэр, но не предотвратите ее. У вас будет массовый голод через восемнадцать лет, как указывают ваши нынешние прогнозы, или через сто девять, как свидетельствует мой прогноз, но будет он практически наверняка. — Таф поднял палец. — Единственно верное и постоянное решение этой проблемы следует искать не на борту моего «Ковчега», а в умах и чреслах каждого отдельного сатлэмского гражданина. Вы должны взять в привычку воздержание и немедленно ввести контроль за рождаемостью. Вы должны немедленно прекратить огульное деторождение!

— О нет, — простонала Толли Мьюн. Она вдруг поняла — сейчас что-то случится, вскочила и побежала к Тафу, зовя на помощь охрану. И тут началось нечто невообразимое.

8

— Спасать вас уже входит у меня в привычку, — сказала Толли Мьюн много позже, когда они вернулись в надежное место — на челнок Тафа «Феникс», спокойно стоявший на своем месте, на ветке шесть. Снаружи его охраняли два отряда службы безопасности в полном составе, вооруженные нервно-паралитическими карабинами и танглерами. Они удерживали на расстоянии все прибывающую шумную толпу.

— У вас есть пиво? — спросила Толли Мьюн. — Я бы с удовольствием выпила.

О том, как они бежали на корабль, страшно было вспомнить. С обеих сторон их прикрывали охранни-

ки. Таф двигался какими-то странными неуклюжими прыжками, но с поразительной скоростью.

— Ну, как вы? — спросила Толли Мьюн, когда они оказались в безопасности.

— Тщательное мытье удалило большую часть плевков с моей фигуры, — отозвался Хэвиланд Таф, с достоинством усаживаясь в кресло. — Пиво в холодильнике под игровым пультом. Пожалуйста, пейте, сколько хотите. — Дакс стал царапать Тафу ногу, вонзая коготки в ткань голубого комбинезона, в который тот переоделся. Таф нагнулся и взял его на колени. — В будущем, — сказал он котенку, — ты будешь сопровождать меня повсюду, чтобы заблаговременно предупреждать о подобных нападениях.

— Черт возьми, в этот раз я сама могла бы предупредить вас заблаговременно, — сказала Толли Мьюн, открывая пиво, — если бы вы сообщили мне, что намереваетесь осудить нашу веру, нашу церковь и вообще весь наш образ жизни. Что же вы думали, они вам медаль дадут?

— Я бы удовлетворился бурными, продолжительными аплодисментами.

— Я вас предупреждала давным-давно, Таф. Антижизнь непопулярна на Сатлэме.

— Я протестую, — возразил Таф. — Я убежденный сторонник жизни. В своих чанах я каждый день создаю жизнь. Я испытываю отвращение к смерти, я нахожу энтропию ужасной, и если бы меня пригласили посмотреть на гибель вселенной, я бы наверняка сослался на занятость. — Он поднял палец. — Тем не менее, Начальник порта Мьюн, я сказал то, что должен был сказать. Неограниченное деторождение, которое проповедуется вашей Церковью Эволюционирующей Жизни и практикуется большинством сатлэмцев, за исключением вас и других «нулевиков», —

бездумно и безответственно. Оно ведет к тому, что ваше население увеличивается в геометрической прогрессии, и это наверняка погубит вашу гордую цивилизацию.

— Хэвиланд Таф, пророк конца света, — сказала со вздохом Толли Мьюн. — Бродягой-экологом и любовником вы нашим гражданам нравились больше.

— Куда бы я ни приехал, везде я нахожу, что героям грозит опасность. Может быть, с эстетической точки зрения я выгляжу гораздо приятнее, когда изрекаю утешительную ложь, сдобренную фальшивым оптимизмом. Желание видеть вещи не такими, какие они есть, а такими, как хочется, — симптом серьезной болезни сатлэмцев. Вам пора посмотреть правде в глаза, будь это мое безволосое лицо или неизбежность голода в будущем.

Толли Мьюн отпила глоток пива и окинула Тафа долгим взглядом.

— Таф, — начала она, — вы помните, что я говорила вам пять лет назад?

— Насколько я помню, вы много чего говорили.

— В конце, — нетерпеливо перебила она, — когда я решила помочь вам бежать на «Ковчеге», вместо того чтобы помочь Джозену Раэлу отнять у вас корабль, вы спросили меня, почему я это сделала, и я вам это объяснила.

— Вы сказали, — вспомнил Таф, — что власть разлагает, что абсолютная власть разлагает абсолютно, что «Ковчег» уже разложил Первого Советника Джозена Раэла и его соратников и что биозвездолету лучше оставаться у меня, потому что я неподкупен.

Толли Мьюн вымученно улыбнулась.

— Не совсем так, Таф. Я сказала, что, по-моему, неподкупных людей не бывает, но если они и есть, то вы — один из них.

— Да, вы говорили именно так, — ответил Таф, поглаживая Дакса. — Признаю свою ошибку.

— Теперь же вы меня удивляете, — сказала она. — Вы знаете, что вы сейчас сделали, там? Для начала — вы свергли еще одно правительство. Крегу этого не пережить. Вы заявили на весь мир, что он лжец, что он скрыл от граждан планеты, что им скоро угрожает голод, несмотря на Тафов Расцвет. Может быть, это и справедливо: вы привели его к власти, вы же его и свергли. Похоже, когда вы приезжаете, советники долго не удерживаются. Но это бы ладно. Плохо то, что вы заявили тридцати миллиардам членов Церкви Эволюционирующей Жизни, что их вера — мыльный пузырь. Вы утверждаете, что сама основа технократической философии, на которой веками строилась политика Совета, ошибочна. Нам повезет, если на следующих выборах не вернутся эти чертовы экспансионисты, а если они победят, то это будет означать войну. Вандин, Джазбо и другие союзники не потерпят еще одного экспансионистского правительства. Возможно, вы испортили карьеру и мне. Опять. Если только я не приму меры, как в прошлый раз. Вместо звездной возлюбленной я теперь старая сварливая чиновница, любящая приврать о своих любовных похождениях, и, кроме того, я способствовала антижизни. — Она вздохнула. — Вам как будто непременно нужно, чтобы я была опозоренной. Но это ерунда, Таф. О себе я сумею позаботиться. Главное — это то, что вы взяли на себя смелость диктовать политику сорока миллиардам людей, имея лишь приблизительное понятие о последствиях. По какому праву? Кто вам позволил?

— Я убежден, что всякий человек имеет право говорить правду.

— И право требовать, чтобы это транслировалось на весь мир? Откуда же взялось это дурацкое право? —

возмутилась она. — На Сатлэме несколько миллионов человек принадлежат к фракции «нулевиков», в том числе и я. Вы не сообщили ничего нового, о чем бы мы не говорили годами. Вы просто сказали об этом громче.

— Я это знаю. И надеюсь, что слова, произнесенные сегодня вечером, какими бы горькими они ни показались, в конечном счете положительно скажутся на политике и на жизни общества на Сатлэме. Может быть, Крегор Блэксон и его коллеги-технократы поймут, что Тафов Расцвет или, как вы его когда-то называли, «чудо хлебов и рыб», может принести спасение только на время. Может быть, с этого дня политика и взгляды людей начнут меняться. Может быть, на следующих выборах победит ваша фракция «нулевиков».

Толли Мьюн нахмурилась.

— Ну, уж это вряд ли, вы-то должны знать. И даже если «нулевики» победят, встанет вопрос: что же мы можем сделать, черт возьми?! — Она наклонилась вперед. — Будем ли мы иметь право ввести обязательный контроль за рождаемостью? Интересно. Впрочем, вас это не касается. Это я к тому, что у вас нет монополии на правду. Любой из «нулевиков» мог бы выступить не хуже. Черт возьми, да половина технократов знают, как обстоят дела. Крег не дурак. Бедняга Джозен тоже им не был. Это право дала вам власть, Таф. Власть «Ковчега». Сознание того, что вы можете лишить нас помощи, словом, сделать все, что вам заблагорассудится.

— Несомненно, так, — сказал Таф, моргнув. — Не могу не согласиться с вами. Печальная историческая истина состоит в том, что неразумные массы всегда следуют за сильными, а не за мудрыми.

— А вы кто, Таф?

— Я — всего лишь скромный...

— Да, да, — перебила она, — я знаю, скромный экоинженер, черт побери. Скромный экоинженер, который взялся играть роль пророка. Скромный экоинженер, который был на Сатлэме всего два раза в жизни, в общей сложности дней сто, и все же считает, что он вправе свергать наше правительство, позорить нашу религию, поучать сорок миллиардов не знакомых ему людей, сколько детей они должны иметь. Мой народ, может быть, глуп, может быть, недальновиден, может быть, даже слеп, но все-таки это мой народ, Таф. И я не могу сказать, что я целиком и полностью одобряю то, что вы приехали сюда и пытаетесь переделать нас в соответствии со своими собственными просвещенными идеями.

— Я отклоняю это обвинение, мадам. Каких бы норм ни придерживался я лично, я не пытаюсь навязать их Сатлэму. Я лишь взял на себя труд пролить свет на некоторые вещи, рассказать вашему населению о некоторых жестоких слагаемых реальности, которые в сумме всегда дают катастрофу. И эту катастрофу не могут отменить ни вера, ни молитвы, ни романтические мелодрамы.

— Вам же платят... — начала было Толли Мьюн.

— Недостаточно, — перебил ее Таф.

Она против воли улыбнулась.

— Вам же платят за экоинженерию, Таф, а не за религиозные или политические поучения. Не делайте того, о чем вас не просят.

— Начальник порта, — продолжал Таф, — пожалуйста, подумайте над тем, что означает слово «экология». Экосистему можно сравнить, скажем, с огромной биологической машиной. Если развить эту аналогию, то человечество следует рассматривать как часть этой машины. Безусловно, важную — двигатель,

к примеру, — но ни в коем случае нельзя рассматривать эту часть отдельно от всего механизма, как часто это делают. Следовательно, когда кто-нибудь вроде меня переделывает экологическую систему, он по необходимости должен переделать и людей, которые в ней живут.

— Теперь вы меня просто пугаете, Таф. Вы слишком долго жили один на корабле.

— Я не разделяю этого мнения, — сказал Таф.

— Но ведь люди — не какие-то старые детали, которые можно перекалибровать.

— Да, люди гораздо сложнее и неподатливее, чем простые механические, электронные или биохимические компоненты, — согласился Таф.

— Я не это имела в виду.

— С сатлэмцами особенно сложно, — перебил Таф.

Толли Мьюн покачала головой.

— Вспомните, что я говорила, Таф. Власть разлагает.

— Несомненно, так, — сказал он. На этот раз она не поняла, что значила эта его реплика. Непохоже было, что он с ней согласился.

Хэвиланд Таф поднялся.

— Мне недолго осталось у вас гостить, — сказал он. — Сейчас, в этот момент, временной деформатор «Ковчега» ускоряет рост организмов в чанах для клонирования. «Василиск» и «Монитор» готовы доставить их сюда, если, конечно, Крегор Блэксон или его преемник решатся принять мои рекомендации. Думаю, что через десять дней Сатлэм получит своих мясных зверей, джерсейские стручки, ороро и все остальное. И тогда я уеду, Начальник порта Мьюн.

— Мой звездный возлюбленный снова меня бросит, — раздраженно проворчала Толли Мьюн. — Кажется, мне придется сочинить новый сюжет нашего романа.

Таф посмотрел на Дакса, снова поднял глаза и моргнул.

— По-моему, я оказал большую услугу Сатлэму, — сказал он. — Я прошу прощения за то, что причинил вам боль. Я этого не хотел. Позвольте мне хоть немного загладить вину.

Толли Мьюн подняла голову и вгляделась в его глаза.

— Как же вы собираетесь это сделать, Таф?

— Преподнести вам маленький подарок, — ответил Таф. — Когда мы были на «Ковчеге», я не мог не заметить, как вы привязались к котятам, и эта привязанность не осталась безответной. Я хотел бы подарить вам двух из моих кошек — в знак моего уважения.

Толли Мьюн фыркнула.

— Надеетесь, что, когда офицеры безопасности придут меня арестовывать, они застынут от ужаса? Нет, Таф. Я ценю это предложение, и оно правда очень соблазнительно, но вы же помните, вредители на «паутине» запрещены. Я не смогу их у себя держать.

— Как Начальник сатлэмского порта вы могли бы изменить правила.

— Все это будет выглядеть очень здорово: сторонница антижизни к тому же взяточница. Представляю, какая после всего этого у меня будет репутация. И что будет, когда меня снимут?

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей способности пережить эту политическую бурю, как вы пережили прошлую, — сказал Таф.

Толли Мьюн хрипло рассмеялась.

— Спасибо, но я правда не смогу.

Хэвиланд Таф замолчал, ничем не выдавая своих мыслей. Наконец он поднял палец.

— Я нашел решение, — сказал он. — В придачу к двум котятам я дам вам звездолет. Как вам известно,

у меня их в избытке. Вы можете держать котят в нем, формально — вне юрисдикции сатлэмского порта. Я могу даже оставить для них еды на пять лет, чтобы никто не мог сказать, что вы отдаете так называемым «вредителям» калории, так необходимые голодающим людям. А чтобы укрепить свою подмоченную репутацию, вы можете сказать репортерам, что эти две кошки — заложницы, из-за которых через пять лет я должен вернуться на Сатлэм.

На простом лице Толли Мьюн проступила лукавая улыбка.

— Черт возьми, это, может, и сработает. Против этого я, пожалуй, не устою. Звездолет в придачу, вы говорите?

— Несомненно, так.

Она ухмыльнулась.

— Звучит уж очень соблазнительно. Хорошо. Так какие же кошки?

— Сомнение, — ответил Хэвиланд Таф, — и Неблагодарность.

— Это с умыслом, я уверена, — заметила Толли Мьюн. — Ну ладно. И еды на пять лет?

— До того самого дня, когда я вернусь выплатить остаток долга.

Толли Мьюн посмотрела на его белое неподвижное лицо, бледные руки, аккуратно сложенные на большом животе, на фуражку с козырьком на лысой голове, маленькую черную кошку на коленях. Она смотрела на него долго, пристально, а потом, непонятно почему, ее рука вдруг дрогнула, пиво пролилось из стакана ей на рукав. Она почувствовала, как прохладная жидкость просочилась через рубашку и потекла на запястье.

— О Боже, — сказала она со вздохом. — Боюсь, я не дождусь этого дня, Таф.

ЗВЕРЬ ДЛЯ НОРНА*

1

Худощавый мужчина разыскал Хэвиланда Тафа, когда тот расслаблялся в пивной на Тэмбере. Таф сидел в одиночестве в самом темном уголке тускло освещенного зала, положив локти на стол и едва не задевая лысым черепом деревянную балку под потолком. Перед ним стояли четыре пустые кружки в растекшихся изнутри кольцах пены, пятую же, ополовиненную, бережно держали его огромные мозолистые ладони.

Если Таф и сознавал, что другие завсегдатаи нет-нет да и наградят его любопытным взглядом, внешне он этого никак не проявлял; методично, залпами, он поглощал эль, а белое, точно кость, и совершенно безволосое (как и все тело) лицо ничего не выражало. Пьющий в одиночестве в своей кабинке Таф — мужчина отнюдь не маленького роста и не из самых худых — представлял собой фигуру исключительно своеобразную.

Однако на деле одиночество Тафа было не совсем полным; на столе перед Хэвиландом клубком темного меха спал его черный кот Дакс, и порой Таф, отставив кружку с элем, лениво поглаживал своего товарища. Удобно устроившийся меж пустых кружек Дакс и ухом не вел. В сравнении с другими кошками

---

* A Best for Norn © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. Е. Александровой.*

этот кот был гигантом, как Хэвиланд Таф — в сравнении с другими людьми.

Когда худощавый мужчина подошел к кабинке Тафа, тот не сказал ни слова. Просто поднял глаза и заморгал, ожидая, пока заговорит пришедший.

— Вы — Хэвиланд Таф, продавец животных, — сказал тощий. Он действительно был болезненно худ: одежда (сплошь черная кожа и серые меха) свободно болталась на нем, местами провисая. Однако человек этот явно был далеко не беден, поскольку его лоб под копной черных волос охватывала тонкая бронзовая диадема, а пальцы были унизаны перстнями.

Таф погладил Дакса и, глядя вниз, на кота, заговорил.

— Ты слышал, Дакс? — спросил он. Говорил Таф чрезвычайно медленно, глубоким басом, в котором слышался лишь намек на интонации. — Я — Хэвиланд Таф, продавец животных. Или таковым меня считают. — Тут он взглянул на стоявшего перед ним снедаемого нетерпением худощавого мужчину. — Сэр, — сказал он, — я в самом деле Хэвиланд Таф. И действительно торгую зверями. Но, возможно, все же не считаю себя продавцом животных. Возможно, я считаю себя экоинженером.

Тощий мужчина нервно махнул рукой и, без приглашения проскользнув в кабинку, очутился напротив Тафа.

— Я знаю, вам принадлежит корабль-сеятель из состава древнего Общества Экологической Генетики, однако это не делает вас экоинженером, Таф. Истинные экоинженеры мертвы, мертвы не одно столетие. Но раз вам предпочтительнее называться экоинженером, хорошо. Будь по-вашему. Мне требуются ваши услуги. Я хочу купить какое-нибудь чудовище — огромного лютого зверя.

— Ага, — произнес Таф, снова обращаясь к коту. — Незнакомец, рассевшийся за моим столом, желает купить чудовище.

— Меня зовут Хирольд Норн, — сказал тощий. — Я — Старший Звероусмиритель своего Дома, одного из Двенадцати Великих Домов Лайроники.

— Лайроника, — повторил Таф. — Я слышал о Лайронике. Соседняя с этой планета, если двигаться к Фринжу, верно? Ее ценят за игорные арены.

Норн улыбнулся.

— Да, да, — сказал он.

Хэвиланд Таф почесал Дакса за ухом (почесал странно ритмично), и кот, неспешно зевая, развернулся и глянул вверх, на тощего. Тафа затопила волна успокоения — похоже, посетитель не лгал и не питал дурных намерений. Если верить Даксу. Все кошки обладают малой толикой пси; в случае Дакса выражение «малая толика» не годилось: об этом позаботились генетики-чародеи из исчезнувшего Экологического Корпуса. Дакс читал для Тафа мысли людей. В данном случае — Норна.

— Дело проясняется, — сказал Таф. — Быть может, вы потрудитесь развить тему, Хирольд Норн?

Норн кивнул:

— Конечно, конечно. Что вам известно о Лайронике, Таф? В особенности об игорных аренах?

Совершенно белое лицо Тафа по-прежнему не выражало никаких эмоций.

— Кое-какие мелочи. Возможно, их недостаточно, если я собираюсь вести с вами дела. Растолкуйте, чего вы желаете, и мы с Даксом обдумаем это.

Хирольд Норн потер худые ладони и опять кивнул.

— Дакс? — сказал он. — Ах да, конечно. Ваш кот. Красивое животное, хотя лично я никогда не любил

зверей, не способных вести бой. Я всегда говорю: настоящая красота — в убойной силе.

— Своеобразное отношение, — заметил Таф.

— Нет-нет, — сказал Норн, — вовсе нет. Надеюсь, работа здесь не заразила вас тэмберийской брезгливостью.

Таф в молчании осушил свою кружку и жестом показал, чтобы подали еще две. Хозяин заведения не замедлил их принести.

— Благодарю, благодарю, — сказал Норн, когда перед ним поставили золотую пенящуюся кружку.

— Продолжайте.

— Да. Видите ли, Двенадцать Великих Домов Лайроники состязаются на игорных аренах. Началось это... многие столетия тому назад. До той поры Дома воевали. Однако нынешний способ ведения войны куда лучше. Отстаивается честь рода, делаются состояния и никому не наносят увечий. Понимаете, каждый Дом управляет обширными землями, беспорядочно разбросанными по всей планете, и, поскольку заселены они весьма скудно, животная жизнь так и кипит. Много лет назад во время перемирия властелины Великих Домов начали устраивать бои животных. Это развлечение имело свои корни в глубинах истории; быть может, вы знаете о древнем обычае устраивать петушиные бои? Или о римлянах, племени, населявшем старушку Землю, которые обыкновенно стравливали на своих колоссальных аренах всевозможных диковинных зверей?

Норн умолк и отхлебнул эля, ожидая ответа, однако Таф попросту погладил тихого, но настороженного Дакса и ничего не сказал.

— Короче, — сказал наконец тощий лайроникanец, отирая тыльной стороной руки пену с губ, — много веков тому назад и у нас возникла эта забава.

Каждый Дом владел особой страной с особыми зверями. Например, Дом Варкур, раскинувшийся на жарком болотистом юге, любит выставлять на игорные арены огромных звероящеров. Феридиан, горное царство, вывело вид живущей в скалах крупной обезьяны, которую мы, естественно, называем «феридианом». Одержанные этим животным победы принесли Дому Феридиан целое состояние. Мой собственный дом — Дом Норн — стоит на травянистых равнинах большого северного континента. Мы отправляли биться на аренах сотню разных зверей, но самую громкую славу норнийцам стяжали сталезубы.

— Сталезубы, — повторил Таф.

Норн украдкой улыбнулся.

— Да, — с гордостью произнес он. — Я — Старший Звероусмиритель, выучил и натаскал тысячи сталезубов. О да, это прелестные животные! Рослые, с мехом наичудеснейшего сине-черного цвета, свирепые и безжалостные.

— Семейство собачьих?

— Но каких собачьих! — сказал Норн.

— И все-таки вы требуете от меня чудовище.

Норн отпил еще эля.

— Истинно, истинно так. Жители дюжины ближних миров летают на Лайронику посмотреть звериные бои на игорных аренах и поставить на победителя. Особенно публика любит Бронзовую Арену, что стоит в Городе Всех Домов уже шестьсот лет. Там-то и проводятся величайшие бои. От этих сражений зависит процветание наших Домов и планеты. Без звериных боев богатая Лайроника станет так же бедна, как крестьяне Тэмбера.

— Да, — кивнул Таф.

— Но, понимаете, богатство Домов и их слава зависят от побед, одержанных их зверями. Дом Арнет

достиг наивысшего величия и могущества благодаря тем смертельно опасным зверям, что водятся на их разнообразных землях; ранги прочих домов соответствуют их счетам на Бронзовой Арене. Доход от каждого состязания — деньги, уплаченные теми, кто смотрит и делает ставки, — идет победителю.

Хэвиланд Таф опять почесал Дакса за ухом.

— Дом Норн считается среди Двенадцати Великих Домов Лайроники наипоследнейшим и наиничтожнейшим, — проговорил Норн, и переданный Тафу Даксом сигнал подтвердил: мужчина не врет. — Теперь вы понимаете... — сказал Норн.

— Сэр, это очевидно, — кивнул Таф. — Но этично ли по правилам вашей Бронзовой Арены покупать инопланетное чудовище?

— Прецеденты есть. Примерно семьдесят с чем-то стандартных лет назад с самой старушки Земли явился некий игрок с выдрессированным им созданием, именуемым волк. Дом Колин поддержал его. Несчастного зверя поставили в пару с норнийским сталезубом, и, конечно, задача оказалась волку не под силу. Есть и другие случаи. К несчастью, в последние годы разведение сталезубов пришло в упадок. Дикий равнинный вид почти вымер, а сохранившиеся считанные единицы стали проворны и неуловимы, нашим людям трудно их поймать. Порода же, содержащаяся в племенных питомниках, невзирая на мои усилия и старания моих предшественников, как будто бы одрябла, потеряла форму. В последнее время Норн редко одерживает победы, и, если ничего не предпринять, я недолго останусь Старшим. Мы беднеем. Прослышав, что на Тэмбер прибыл корабль-сеятель, я решил отыскать вас. С вашей помощью я верну нашему Дому славу и богатство.

Хэвиланд Таф не сделал ни одного движения.

— Понимаю. Но все же я не имею обыкновения продавать монстров. «Ковчег» — древний корабль-сеятель, сконструированный Императорами Земли тысячи лет назад для того, чтобы в ходе эковойны уничтожить хранганийцев. Я могу спустить со сворки тысячи болезней, а в банке клеток «Ковчега» — материал для клонирования зверей со стольких планет, что им несть числа. Впрочем, вы неверно понимаете природу эковойны. Самые опасные враги — не крупные хищники, а крошечные насекомые, опустошающие поля планеты, или прыгунки, что размножаются и размножаются, вытесняя всякую иную жизнь.

У Хирольда Норна сделался убитый вид.

— Так, значит, у вас ничего нет?

Таф погладил Дакса.

— Немного. Миллион типов насекомых, сотня тысяч родов мелких птах, столько же рыб. Но монстры, монстры... раз-два и обчелся... быть может, тысяча наберется. Порой их используют. Нередко — по психологическим причинам, но, впрочем, не менее часто — по иным.

— Тысяча монстров! — Норн снова взволновался. — Более чем достаточный выбор! Несомненно, среди тысячи можно найти зверя для Норна!

— Возможно, — сказал Таф. — Ты тоже так думаешь, Дакс? — обратился он к коту. — Да? Так! — Он опять посмотрел на Норна. — Ваше дело действительно интересует меня, Хирольд Норн. Поскольку я дал тэмберийцам птицу, которая сможет остановить и обуздать бич здешних земель — корневого червя, и птица эта прижилась неплохо, моя работа здесь завершена. Посему мы с Даксом отведем «Ковчег» на Лайронику, поглядим на ваши игорные арены и решим, что делать.

Норн улыбнулся.

— Превосходно, — сказал он. — Тогда эль на этот круг покупаю я.

И Дакс безмолвно сообщил Хэвиланду Тафу, что худощавого мужчину переполнило предчувствие грядущих побед.

2

Бронзовая Арена располагалась точно в центре Города Всех Домов, там, куда, как куски необъятного пирога, сходились подвластные Двенадцати Великим Домам сектора. Каждую часть беспорядочно выстроенного каменного города отгораживала стена, над каждой вился флаг особых, отличных от других цветов, у каждой были свои стиль и атмосфера, но все встречались на Бронзовой Арене.

Арена была вовсе не бронзовой, а преимущественно из черного камня и полированного дерева. Ее вздымавшуюся к небу грузную громаду, что высилась над всем и вся, за исключением нескольких разбросанных по городу башен и минаретов, венчал сияющий бронзовый купол, отражавший оранжевые закатные лучи. Из разномастных узких окошек выглядывали вырезанные из камня и выкованные из бронзы и чугуна химеры. Из металла же были отлиты встроенные в черный камень двенадцать огромных дверей; каждая — с выгравированной на ней эмблемой определенного Дома — была окрашена в свои цвета и выходила в соответствующий сектор Города Всех Домов.

Когда Хирольд Норн вел Хэвиланда Тафа на состязания, солнце Лайроники, красный пламенеющий шар, уже окрасил багрянцем западный горизонт. Челядь только что зажгла газовые светильники — ме-

таллические обелиски, кольцом темных зубов обступившие Бронзовую Арену, — и громадное древнее строение окружили столбы колеблющегося сине-оранжевого пламени. В толпе игроков и азартной публики Таф следом за Норном прошел по пустынным улицам норнийских трущоб, по выложенной разбитыми каменными плитами дорожке меж двенадцати бронзовых сталезубов, что в неподвластных времени позах скалились по обеим сторонам улицы, и дальше, в широкие Ворота Норна, створки которых являли замысловатое сочетание черного дерева с бронзой. Стража в форменной одежде, облаченная в ту же черную кожу и серый мех, что и сам Хирольд Норн, узнала Звероусмирителя и пропустила их; прочие же остановились, чтобы расплатиться золотыми или железными монетами.

Арена была самой крупной на Лайронике и напоминала колодец: песчаное дно — поле битвы, окруженное каменными стенами четырехметровой высоты, — уходило глубоко в землю. Сразу над стенами начинались ряды сидений. Описывая круг за кругом, они восходящими ярусами поднимались к самым дверям. Места было довольно, чтобы разместить тридцать тысяч зрителей, хотя с дальних рядов видно было неважно, а иные места совершенно заслоняли железные столбы. По всему зданию были рассыпаны выходившие окошками на внешнюю стену кабинки, где принимали ставки.

Хирольд Норн отвел Тафа на лучшие места Арены, в первый ряд норнийского сектора: от четырехметрового обрыва к песчанной площадке, где происходили бои, их отделял лишь каменный парапет. Сиденья там не были хлипкими конструкциями из дерева и железа, как в задних рядах: эти громадные и неимоверно удобные кожаные троны могли без труда дать пристанище даже необъятным телесам Тафа.

— Все сиденья обтянуты шкурами зверей, достойно погибших внизу, — сказал Хирольд Норн, когда они с Тафом усаживались. Внизу под ними бригада рабочих в цельнокроеных синих одеяниях тащила к одному из выходов остов какого-то отталкивающего пернатого создания. — Боевая птица Дома Рэй Хилл, — пояснил Норн. — Рэйский Звероусмиритель выставил ее против варкурского звероящера. Не самый удачный выбор.

Хэвиланд Таф ничего не сказал. Одетый в ниспадавшую до щиколоток серую виниловую шинель со сверкающими погонами и зелено-коричневую фуражку с золотой «тэтой» экоинженера на кокарде, он сидел прямо и чопорно, сцепив большие грубые руки на выпирающем животе... Хирольд Норн тем временем поддерживал ровное течение беседы.

Потом заговорил объявляющий Арены, и вокруг загремели гулкие раскаты голоса, превращенного усилителями в гром.

— Пятая пара, — сказал он. — От Дома Норн — самец сталезуба, возраст два года, вес 2,6 квинталова, дрессура Младшего Звероусмирителя Керса Норна. На Бронзовой Арене впервые.

Внизу незамедлительно раздался скрежет металла по металлу, и в колодце арены появился ужасающего вида зверь. Сталезуб был косматым исполином с глубоко посаженными красными глазками и двойным рядом кривых зубов, с которых капала слюна, — непомерно выросший волк, скрещенный с саблезубым тигром; лапы зверя толщиной не уступали молодым деревцам, черно-синий мех, скрывавший игру мышц, лишь отчасти маскировал быстроту и вселяющее страх изящество зверя. Сталезуб зарычал, и арена ответила эхом; кое-где зазвучали приветственные крики. Хирольд Норн улыбнулся.

— Керс — мой двоюродный брат и один из наиболее многообещающих Младших. Он говорит, что этим зверем мы будем гордиться. Да-да. Мне нравится, как он выглядит, а вам?

— Поскольку на Лайронике и на вашей Бронзовой Арене я человек новый, мне не с чем сравнивать, — без выражения откликнулся Таф.

Объявляющий опять заговорил:

— От Дома Арнет-в-Золоченом-Лесу — обезьяна-душитель, возраст шесть лет, вес 3,2 квинтала, дрессура Старшего Звероусмирителя — Дэйнела Ли Арнета. Трижды ветеран Бронзовой Арены, три выживания.

На противоположной стороне ямы для боев открылся другой вход, кованая ало-золотая дверь. На двух коротких полусогнутых лапах тяжело выскочил второй зверь. Он огляделся. Обезьяна-душитель была маленького роста, но необъятно широка, с треугольным торсом и пулевидной головой; под тяжело нависающим костяным гребнем горели глубоко посаженные глаза. Руки этого существа, мускулистые, с двумя сочленениями, волочились по песку арены. Если не считать клочков темно-рыжей шерсти под мышками, зверь с головы до пят был безволос. От грязно-белой шкуры пахло — даже находясь на другой стороне арены, Хэвиланд Таф уловил этот мускусный запах.

— Обезьяна потеет, — объяснил Норн. — Прежде чем отправить ее сюда, Дэйнел Ли довел ее до неистовства, до бешеного желания убивать. Видите ли, за его зверем — преимущество опыта, к тому же обезьяна-душитель сама по себе свирепое животное. В отличие от своего сородича, торного феридиана, в природе она — хищник и мало нуждается в выучке. Но сталезуб Керса моложе. Состязание будет инте-

ресным. — Норнийский Звероусмиритель подался вперед, в то время как Таф сидел спокойно и неподвижно.

С гортанным рыком обезьяна повернулась, но ворчащий сталезуб сине-черным размытым пятном уже с ревом несся к ней, взметая на бегу песок арены. Обезьяна-душитель ждала, растопырив огромные нескладные руки. Таф едва успел заметить, как великий норнийский убийца чудовищным скачком оторвался от земли. Затем оба зверя намертво вцепились друг в друга, свирепым клубком покатились по песку, и над ареной загремела симфония пронзительных криков.

— Глотку! — кричал Норн. — Вырви ей глотку! Глотку рви!

Так же внезапно, как столкнулись, звери вдруг расцепились. Вихрем отпрянув в сторону, сталезуб принялся медленно кружить по арене. Таф видел, как он, поджав сломанную переднюю лапу, продолжал скакать на трех здоровых, норовя наброситься на обезьяну. Однако удобный случай никак не представлялся: обезьяна неизменно поворачивалась к своему врагу мордой. Из длинных рваных ран на груди обезьяны, там, где прошлись кривые клыки сталезуба, текла вязкая кровь, но арнетский зверь, казалось, совсем не ослаб. Хирольд Норн, сидевший рядом с Тафом, начал что-то негромко бормотать.

Придя в нетерпение от временного затишья, зрители Бронзовой Арены затянули ритмичный напев. Тихое гудение без слов набирало силу по мере того как его подхватывали новые голоса. Таф сразу заметил, что шум подействовал на зверей. Они принялись рычать и шипеть, свирепыми голосами издавая боевые рыки. Обезьяна-душитель переминалась с ноги на ногу в танце смерти, из раскрытой пасти сталезуба капала обильная слюна. Напев становился все громче и громче — вот и Хирольд Норн подхватил его, про-

тяжно застонал, покачиваясь всем своим тощим телом, — и Таф распознал, что это такое: песнь убийства. Зверей внизу охватило бешенство. Вдруг сталезуб снова бросился на врага, длинные руки обезьяны протянулись перехватить его в неистовом броске. Удар отбросил душителя назад, но Таф увидел, что челюсти сталезуба щелкнули в воздухе, зато обезьяна обвила руками его сине-черное горло. Звери покатились по песку, сталезуб исступленно бился, стремясь вырваться. Почти сразу раздался резкий, отвратительно громкий хруст, и волкоподобное создание, нелепо откинув голову вбок, превратилось в мохнатую тряпку.

Зрители оборвали стонущий напев и принялись хлопать и свистеть. После чего алая с золотом дверь еще раз открылась, скользнув кверху, и обезьяна-душитель вернулась туда, откуда появилась. Четверо мужчин Дома Норн в черном и сером вышли, чтобы унести труп.

Хирольд Норн был мрачен.

— Еще одна потеря. Я поговорю с Керсом. Его зверь не сумел вцепиться обезьяне в горло.

Хэвиланд Таф поднялся.

— Бронзовую Арену я увидел.

— Вы уходите? — с беспокойством спросил Норн. — Почему вы торопитесь? Остается еще пять состязаний. В следующем гигантский феридиан сражается с водяным скорпионом с острова Эймар!

— Смотреть более ни к чему. Время кормить Дакса, а значит, я должен вернуться на «Ковчег».

Норн с усилием поднялся на ноги и, желая удержать Тафа, встревоженно положил руку ему на плечо.

— Ну так вы продадите нам чудовище?

Таф стряхнул цепкие пальцы Звероусмирителя.

— Сэр. Я не терплю чужие прикосновения. Обуздайте себя. — Когда рука Норна упала, Таф посмот-

рел ему в глаза. — Я должен посовещаться с компьютерами, свериться с записями. «Ковчег» — на орбите. Жду вас послезавтра с челночным рейсом. Существует некоторое затруднение, и я берусь преодолеть его.

Не сказав больше ни слова, Хэвиланд Таф развернулся и зашагал прочь с Бронзовой Арены, в космопорт Города Всех Домов, где стоял и ждал его «челнок».

3

Хирольд Норн оказался явно не подготовлен к встрече с «Ковчегом». Когда черно-серый «челнок» произвел посадку, Звероусмиритель не сделал ни малейшего усилия, чтобы скрыть свою растерянность и восхищение.

— Мне следовало знать, — повторял он. — Размеры этого корабля поразительны! Разумеется, мне следовало бы знать.

Равнодушный к впечатлениям визитера, Хэвиланд Таф стоял, неторопливо поглаживая и баюкая Дакса.

— На старушке Земле строили корабли, превосходившие размерами те, что создают на современных планетах, — бесстрастно проговорил он. — «Ковчегу», кораблю-сеятелю, надлежало быть большим. Некогда его экипаж насчитывал две сотни человек. Теперь он состоит из одного.

— Вы — единственный член экипажа? — вырвалось у Норна.

Таф внезапно получил от Дакса предостережение быть настороже. В голове у Звероусмирителя зашевелились враждебные мысли.

— Да, — подтвердил Таф. — Единственный. Но, конечно, есть еще Дакс. А на тот случай, если управ-

ление вырвут у меня силой, в программу заложены средства обороны.

Дакс сообщил, что планы Норна вдруг увяли.

— Понимаю, — сказал гость и нетерпеливо добавил: — Ну, покажите ваших зверей.

— Идемте, — сказал Таф, поворачиваясь.

Он вывел Норна с посадочной палубы и по маленькому коридорчику провел в коридор побольше. Они сели в трехколесный электромобиль и покатили по длинному туннелю, вдоль которого тянулись ряды стеклянных чанов всевозможных форм и размеров. Их заполняла тихонько булькавшая жидкость. Одна группа чанов была поделена на маленькие, с человеческий ноготь, ячейки; другая была представлена единственной ячейкой, достаточно большой, чтобы в ней поместилось все внутреннее убранство Бронзовой Арены. Ячейка пустовала, но в некоторых резервуарах средних размеров висели прозрачные мешки, в которых шевелились темные силуэты. Таф с Даксом на коленях правил, уставясь прямо перед собой, а Норн вертел головой, с изумлением и интересом озираясь по сторонам.

Наконец они выехали из туннеля и попали в небольшое помещение, сплошь состоявшее из компьютерных стоек. В четырех углах квадратной каюты стояли четыре больших кресла с панелями управления на подлокотниках, в пол между ними была встроена круглая пластина вороненого металла. Прежде чем усесться самому, Таф опустил в одно из кресел Дакса. Норн огляделся, потом сел наискосок от Тафа.

— Я должен известить вас о нескольких вещах, — начал Таф.

— Да, да, — сказал Норн.

— Чудовища стоят дорого, — сказал Таф. — Я потребую сто тысяч стандартов.

— Что? Это нам не под силу. Чтобы собрать такую сумму, нам потребовалась бы сотня побед на Бронзовой Арене. Я же сказал вам, Норн — бедный Дом.

— Так. Возможно, тогда нужную цену даст более богатый Дом. Экологический Инженерный Корпус не существует уже много веков, сэр. Ни одного их корабля в рабочем состоянии не осталось — о «Ковчеге» речь не идет. Знания экологов в значительной степени утрачены. Те методы клонирования и генной инженерии, какие применял Корпус, ныне существуют лишь на Прометее да самой старушке Земле, где подобные секреты тщательно охраняются. А у прометейцев больше нет поля стасиса, то бишь их клоны должны созревать естественным путем. — Таф посмотрел туда, где возле ласково подмигивающих огоньков компьютерной стойки сидел в кресле Дакс. — И все же, Дакс, Хирольду Норну кажется, будто моя цена непомерна.

— Пятьдесят тысяч стандартов, — сказал Норн. — Мы просто не сможем дать эту цену.

Хэвиланд Таф ничего не ответил.

— Тогда восемьдесят тысяч стандартов! Больше я дать не могу, честное слово! Дом Норн разорится! Наших бронзовых сталезубов сорвут с постаментов, норнийские ворота запечатают!

Хэвиланд Таф не ответил.

— Будьте вы прокляты! Хорошо, вы получите свои сто тысяч, но при условии, если чудовище будет отвечать нашим требованиям.

Таф промолчал, потом заговорил снова:

— Ну хорошо. Что касается самого монстра, я внимательно изучил ваши требования и проконсультировался с компьютерами. Здесь, на борту «Ковчега», в банке замороженного клеточного материала существуют тысячи тысяч хищников, включая множество

ныне вымерших на своих родных планетах. И все же, по моему мнению, лишь малая их толика удовлетворяла бы требованиям Бронзовой Арены. Из тех же, что могли бы удовлетворить эти требования, многие не годятся по иным причинам. Например, я решил, что выбор следует ограничить зверями, которых можно было бы успешно разводить во владениях Дома Норн. Создание, не способное к воспроизведению себе подобных, стало бы незавидным капиталовложением. Не важно, сколь непобедимым оно могло бы оказаться, в свое время животное состарится, умрет, и вашим победам придет конец.

— Очень важное соображение, — сказал Хирольд Норн. — Время от времени мы пытались разводить звероящеров, феридианов и других зверей Двенадцати Домов, но безуспешно. Климат, растительность... — Он с отвращением махнул рукой.

— Именно. Сообразно этому я исключил формы жизни на основе кремния, которые, несомненно, погибли бы на вашей углеродной планете. Также — животных, атмосферы планет которых слишком сильно отличаются от атмосферы Лайроники. Также — зверей, обитающих в непохожем климате. Вы должны уяснить неизбежные для моих поисков разнообразные и всевозможные трудности.

— Да-да, но вернемся к теме. Что вы нашли? Что это за чудовище, которое стоит сто тысяч?

— Я предлагаю вам выбрать, — сказал Таф. — Примерно из тридцати животных. Внимайте!

Он коснулся светящейся кнопки на подлокотнике кресла, и на вороненой металлической пластине появилось изображение зверя. Он был высотой в два метра, с гуттаперчевой серо-розовой кожей и редкой белой шерстью. Создание имело рыло, похожее на свиное, низкий лоб, отвратительные кривые рога и острые, как кинжалы, когти на передних лапах.

— Не стану досаждать вам названиями видов, поскольку заметил, что закон Бронзовой Арены — отсутствие формальностей, — сказал Хэвиланд Таф. — Это — так называемая крадущаяся хейдейская свинья, которая водится как в лесах, так и на равнинах и питается преимущественно падалью. Однако известно, что это животное с удовольствием поедает и свежее мясо, подвергшись же нападению, злобно дерется. Говорят, будто крадущиеся свиньи весьма умны, но одомашнить их невозможно. Крадущаяся свинья — великолепный производитель. Из-за нее колонисты с Гулливера окончательно покинули свое поселение на Хейдее. Было это около двухсот лет назад.

Хирольд Норн поскреб полоску кожи между темной шевелюрой и бронзовой диадемой.

— Нет. Слишком уж она худая, слишком легкая. Взгляните на шею! Подумайте, что сделал бы с ней феридиан. — Он яростно затряс головой. — Кроме того, она уродлива. Да и предложение приобрести пожирателя падали — не важно, насколько норовистого и злобного, — мне претит. Дом Норн разводит гордых бойцов, зверей, убивающих своих заклятых врагов.

— Так, — сказал Таф. Он коснулся кнопки, и крадущаяся свинья исчезла. На ее месте очутился массивный клубок бронированной серой плоти, безликий, как боевая пластина, и такой громадный, что касался обшивки потолка, исчезая в ней. — Родную планету этого существа так и не назвали и не заселили. Однако как-то раз команда со Старого Посейдона исследовала ее, взяв образцы клеточных культур. Существование представителей зоологических видов оказалось кратким и далеким от процветания. Этот зверь получил прозвище катитаран. Взрослые особи весят примерно шесть тонн. На равнинах своей родной планеты катитараны развивают скорость более

пятидесяти километров в час, подминая под себя и раздавливая добычу. Весь зверь — сплошная пасть. Посему, раз любой участок шкуры катитарана способен выделять пищеварительные ферменты, животное просто лежит на своей добыче до тех пор, пока мясо не будет поглощено.

По голосу Хирольда Норна, который и сам наполовину погрузился в маячившую над ними голограмму, было понятно, что монстр произвел впечатление.

— О да! Это лучше, гораздо лучше. Создание, внушающее ужас. Возможно... но нет. — Его тон внезапно изменился. — Нет, нет, вовсе не годится. Существо весом в шесть тонн, которое так быстро передвигается, может выбраться с Бронзовой Арены, ломая и круша все на своем пути, и убить сотни наших постоянных посетителей. И кто станет платить твердой монетой за то, чтобы посмотреть, как эта штука раздавит зверощера или душителя? Нет. Никакой потехи не получится. Ваш катитаран слишком чудовищен, Таф.

Таф с равнодушным видом еще раз надавил на кнопку. Необъятная серая туша уступила место лоснящейся ворчащей кошке величиной со сталезуба, с желтыми сощуренными глазами и бугрящейся под темно-синим мехом мощной мускулатурой. Местами мех был полосатым; вдоль боков зверя тянулись длинные и тонкие блестящие серебряные линии.

— Ах! — воскликнул Норн. — Красавица, воистину красавица!

— Кобальтовая пантера с планеты Селия, — сказал Таф, — нередко именуемая кобальтовой кошкой. Одна из самых крупных и опасных среди исполинских кошек и иже с ними. Этот зверь — поистине охотник высочайшего класса, его пять чувств — чудо биоинженерии. Благодаря способности улавливать инфракрасное излуче-

ние он может рыскать в ночи, а уши — отметьте размер и развертку, Звероусмиритель! — уши чувствительны до крайности. Все животные кошачьего роду-племени обладают психическими способностями, однако у кобальтовой кошки они развиты куда сильнее обычного. Страх, голод и жажда крови срабатывают как пусковые механизмы; тогда кобальтовая кошка обретает способность читать мысли.

Изумленный Норн поднял глаза:

— Что?

— Псионика, сэр. Я сказал — псионика. Кобальтовая кошка чрезвычайно страшна попросту оттого, что узнает, какие ходы собирается сделать ее противник. Предчувствует их. Предвидит. Понимаете?

— Да. — В голосе Норна звучало возбуждение. Хэвиланд Таф оглянулся на Дакса, и котище, которого ни в малой степени не потревожил парад появлявшихся и исчезавших фантомов, подтвердил неподдельный энтузиазм Хирольда. — Идеально, идеально. Да что там, рискну сказать, что мы даже сумеем выдрессировать этих зверей, как дрессируем сталезубов, а? И вдобавок чтецы мыслей! Идеально. Даже цвет, понимаете ли, тот, что надо, темно-синий — наши сталезубы были сине-черными, так что эти кошки будут восприняты как подлинно норнийские, да-да!

Таф тронул подлокотник своего кресла, и кобальтовая кошка растаяла.

— Стало быть, продолжать нет нужды. Животное, если угодно, будет передано Дому Норн через три стандартные недели. За условленную сумму я предоставлю три пары: две — молодняка, их следует пустить на племя, и одну взрослую пару, самца и самку, — этих можно будет незамедлительно отправить на Бронзовую Арену.

— Так скоро, — начал Норн, — отлично, но...

— Я пользуюсь полем стасиса, сэр. Будучи реверсировано, оно дает хроноискажения — временное ускорение, если угодно. Стандартная процедура. При использовании методов Прометея потребовалось бы ждать достижения клоном естественной зрелости, что порой считается неподходящим. Возможно, благоразумнее добавить, что, хоть я и обеспечу Дом Норн шестью зверями, подлинных индивидов будет только три. На «Ковчеге» имеется три образца клеток кобальтовой кошки. Каждую клетку — и самца, и самки — я проклонирую дважды и надеюсь, что, когда на Лайронике начнется скрещивание, получится жизнеспособная генетическая смесь.

Дакс передал Тафу чувство торжества, смущения и нетерпения, которое испытывал Норн. Значит, он ничего не понял из сказанного Тафом... во всяком случае, трудно было истолковать это иначе.

— Отлично, что бы вы там ни говорили, — сказал Норн. — Я не замедлю прислать корабли с соответствующими транспортными клетками. Затем мы расплатимся с вами.

Дакс передал Тафу, что Норн лжет, испытывает к нему недоверие, тревожится.

— Сэр, вы полностью уплатите до того, как звери будут сданы вам, — проговорил Таф.

— Но вы же сказали «при получении».

— Признаю. Однако я подвержен внезапным капризам, и сейчас некий порыв подсказывает мне взять плату не в момент передачи, а до нее.

— Ну хорошо, хорошо, — проворчал Норн. — Вы выдвигаете деспотические и непомерные требования, но я надеюсь, имея кобальтовых кошек, мы вскоре возместим уплаченную сумму. — Он начал вставать.

Хэвиланд Таф поднял палец.

— Одну минуту. Вы не сочли уместным излишне информировать меня об экологии Лайроники вообще и владений Дома Норн в частности. Возможно,

там существует какая-то дичь. Однако должен вас предостеречь: кобальтовые кошки станут плодиться, только если будут постоянно охотиться. Им требуются подходящие виды добычи.

— Да-да, конечно.

— Тогда позвольте мне добавить еще вот что: за дополнительные пять тысяч стандартов я мог бы вырастить вам на племя селийских прыгунков, восхитительных пушистых травоядных, прославившихся своим сочным мясом на многих планетах.

Хирольд Норн нахмурился.

— А! Вы должны предоставить их нам бесплатно. Торговец, ты выжал уже довольно денег, и...

Таф поднялся и тяжело пожал плечами.

— Этот человек бранит меня, Дакс, — сказал он своему коту. — Как поступить? Я стремлюсь только к одному — жить честно. — Он посмотрел на Норна. — Мной овладевает еще один из моих внезапных порывов. По непонятным причинам мне кажется, что вы не смягчитесь, даже вознамерься я предложить вам превосходную скидку. Следовательно, я сдамся. Прыгунки — ваши, бесплатно.

— Хорошо. Великолепно. — Норн повернулся к двери. — Мы заберем их вместе с кобальтовыми кошками и выпустим на свои земли.

Хэвиланд Таф и Дакс вышли из каюты следом за гостем и в молчании поехали обратно к кораблю Норна.

4

Дом Норн прислал плату за день до того, как должна была состояться передача зверей. Под вечер следующего дня на «Ковчег» поднялась дюжина мужчин в

черном и сером. Они перенесли из чанов с питательной средой в клетки, поджидавшие на норнийских кораблях, шесть кобальтовых кошек, находившихся под действием успокоительного средства. Таф вяло распрощался с посетителями и больше вестей от Хирольда Норна не имел. Однако держал «Ковчег» на орбите Лайроники.

Не прошло и трех укороченных лайроникийских дней, как Таф сделал наблюдение: для боя на Бронзовой Арене его клиенты заявили кобальтовую кошку. В назначенный вечер, замаскировавшись наилучшим для подобного человека образом (фальшивая борода, рыжий парик до плеч плюс веселенький костюмчик канареечно-желтого цвета с пышными рукавами, дополненный меховым тюрбаном), Таф, надеясь остаться незамеченным, на «челноке» отправился в Город Всех Домов.

Он заплатил за вход на Бронзовую Арену несколько железок, с величайшей осторожностью миновал кабинки, где принимали ставки, и уселся в задних рядах Арены, привалясь плечами к шершавой каменной стене; узкое деревянное сиденье с трудом выдерживало его тяжесть.

— Третий бой, — закричал объявляющий. Рабочие в это время уносили раскиданные по песку останки побежденного во втором бою животного. — От Дома Варкур — самка звероящера, возраст девять месяцев, вес 1,4 квинтала, дрессура Младшего Звероусмирителя Эммари-и-Варкур Отени. Ветеран Бронзовой Арены, одно выживание.

Завсегдатаи возле Тафа разразились приветственными криками и бешено замахали руками (на сей раз, чтобы попасть на арену, он избрал варкурские ворота, пройдя по зеленой бетонированной дороге в зияющую пасть чудовищного золотого ящера), а далеко

внизу скользнула кверху дверь, украшенная зеленой и золотой эмалью. Заблаговременно запасшийся биноклем Таф поднес его к глазам и увидел, как из открывшегося проема, перебирая лапами, выбежал звероящер — двухметровая покрытая зеленой чешуей рептилия с похожим на хлыст хвостом, по длине в три раза превосходящим туловище, и вытянутым рылом аллигатора со старушки Земли. Челюсти звероящера открылись и бесшумно сомкнулись, продемонстрировав ряды внушительных зубов.

— От Дома Норн — самка кобальтовой кошки, вывезенная с другой планеты. Возраст... возраст — три недели. — Объявляющий ненадолго умолк. — Возраст — три недели, — наконец сказал он, — вес 2,3 квинтала, дрессура Старшего Звероусмирителя Хирольда Норна. На Бронзовой Арене впервые. — Металлический купол над головами зазвенел от какофонии радостных криков в секторе Норна: Хирольд Норн забил Бронзовую Арену своей челядью и туристами, поставившими стандарты на великолепное животное.

Кобальтовая кошка медленно, с осторожной плавной грацией, вышла из темноты и обвела арену большими золотистыми глазами. Это был тот самый зверь, которого обещал Таф: комок смертоносных мускулов и сдерживаемого движения, сплошь синий, с единственной серебряной полосой. Ворчание кошки было едва слышно, так далеко от места действия находился Таф, но Хэвиланд разглядел в бинокль разинутую пасть.

Звероящер тоже увидел это и вперевалку двинулся вперед, взрывая песок короткими чешуйчатыми лапами, а непостижимо длинный хвост изогнулся кверху, точно жало некоего гибрида скорпиона и рептилии. Кобальтовая кошка обратила на врага свои прозрачные глаза — звероящер с силой обрушил хвост вперед

и вниз. Раздался хруст, словно ломались кости, — хвост вошел в соприкосновение, однако не с кобальтовой кошкой (та плавно скользнула в сторону), а лишь с воздухом и разлетевшимся во все стороны песком.

Оскалившись, кошка кружила по арене. Звероящер, не желая отступать, развернулся и, вновь задрав хвост, разинул пасть и бросился вперед. Кобальтовая кошка увернулась и от зубов, и от «кнута». Хвост щелкнул еще раз, кошка была слишком проворна и избежала удара. Кто-то в публике затянул песнь убийства, остальные подхватили напев; Таф направил бинокль на сектор Норна: люди там ритмично раскачивались и пели. Звероящер в бешенстве заскрежетал вытянутыми челюстями и, обрушив хвост на ближайшую дверь, принялся лупить по ней.

Кобальтовая кошка, почуяв удобный случай, грациозным прыжком переместилась за спину врага и, огромной синей лапой пригвоздив отбивающегося ящера к песку, до костей разодрала когтями его мягкие зеленоватые бока и брюхо. Обнажились ребра. Чуть погодя, несколько раз впустую стегнув хвостом, что лишь раздразнило кошку еще сильнее, звероящер затих.

Норнийцы громкими криками приветствовали победительницу. Не узнанный никем Хэвиланд Таф поднялся и ушел.

5

Шли недели; «Ковчег» оставался на орбите Лайроники. Слушая по системе корабельной связи сообщения о результатах боев на Бронзовой Арене, Хэвиланд Таф отмечал, что кобальтовые кошки Нор-

на выигрывают бой за боем. Порой Хирольд Норн еще проигрывал состязания — обычно когда выпускал на арену сталезуба, — но победы кошек с легкостью перевешивали эти поражения.

Таф сидел со свернувшимся клубком Даксом на коленях, цистернами пил темный эль из пивоварни «Ковчега» и ждал.

Примерно через месяц после дебюта кобальтовых кошек к нему поднялся корабль — зелено-золотой, стройных очертаний «челнок» с игольно-острым носом. Выйдя на связь, он произвел стыковку. Таф с Даксом на руках встречал посетителей в приемном отсеке. Кот прочел мысли новоприбывших — они оказались достаточно мирными, — и Хэвиланд не стал активизировать системы защиты.

Гостей было четверо, все — в латах из чешуйчатого золотистого металла с зеленой эмалью. Трое из них замерли по стойке «смирно». Четвертый, цветущий дородный мужчина в скрывавшем лысину золотистом шлеме с ярко-зеленым пером, выступил вперед и протянул мясистую руку.

— Я высоко ценю ваши намерения, — сказал ему Таф, крепко держа обеими руками Дакса, — но не буду обмениваться рукопожатием с вами, ибо не терплю ничьих прикосновений. Прошу назвать свое имя и род занятий, сэр.

— Моро-и-Варкур Отени, — начал главный.

Таф приподнял ладонь.

— Так. И вы, Старший Звероусмиритель Дома Варкур, прибыли купить чудовище. Должен сознаться, я понял это с самого начала. Мне просто захотелось, честно говоря, поддавшись внезапному порыву, выяснить, скажете ли вы правду.

Рот толстого Звероусмирителя округлился.

— Ваша челядь должна будет остаться здесь, — сказал Таф, поворачиваясь. — Следуйте за мной.

Таф не дал Моро-и-Варкуру Отени проронить буквально ни слова, пока они не очутились один на один в компьютерном зале и не уселись друг против друга.

— Вы услышали обо мне от норнийцев, — сказал Таф. — Или я заблуждаюсь?

Моро улыбнулся, обнажив крепкие зубы.

— Действительно, так и было. Мы сумели убедить одного из норнийских слуг, и он раскрыл нам источник поступления кобальтовых кошек. К нашему восторгу оказалось, что «Ковчег» все еще на орбите. Похоже, вы нашли Лайронику занимательной?

— Существует ряд проблем. И я надеюсь помочь. Например, ваша проблема. По всей вероятности, Варкур ныне — последний и ничтожнейший среди Двенадцати Великих Домов. Ваши звероящеры не произвели на меня потрясающего впечатления. Насколько я понимаю, владения Дома Варкур — главным образом трясины и топи. Следовательно, выбор бойцов ограничен. Сумел ли я выразить суть ваших сетований?

— Кхм... Да, действительно. Вы в самом деле вновь опередили меня, сэр, и выходит это у вас недурно. Да, до вашего вмешательства мы весьма неплохо удерживали свои позиции; но после... м-да... с тех пор мы не выиграли у норнийцев ни одного боя, а ведь прежде они были самыми основными нашими жертвами. Несколько ничтожных побед над Рэй Хиллом и островом Эймар, перевес по очкам над Феридианом, пара унылых ничьих с Арнетом и Син Дуном — вот наш результат в прошлом месяце. Пфуй! Так мы не сможем выжить. Если я не начну действовать, меня сделают Пестуном и сошлют обратно в поместья.

Таф жестом прервал Моро.

— Полно, не продолжайте, и так все ясно. Я знаю о невзгодах Дома Варкур. С тех пор, как я помог Хирольду Норну, мне изрядно везло: судьба подарила мне возможность поразмышлять на досуге. И я занялся проблемами Великих Домов. Давайте не будем зря терять времени. И хочу предупредить: вам предстоят расходы.

Моро усмехнулся.

— Знаю. Слышал о назначенной вами цене. Она бесспорно, высока, но Дом Варкур готов заплатить, если вы можете...

— Сэр, — сказал Таф, — я — человек милосердный. Дом Норн был бедным, Хирольд — едва ли не попрошайкой. Из жалости я назначил ему низкую цену. Владения Варкура богаче, знамена — ярче, победы празднуются с большой пышностью. Вам я назначу триста тысяч стандартов, дабы покрыть убытки, которые понес в сделке с Норном.

На Моро эта цифра произвела потрясающее впечатление, и он, бряцая чешуей, заерзал в кресле.

— Многовато, многовато, — взмолился он. — Заклинаю вас. Поистине Дому Норн не сравниться с нами ни славой, ни великолепием, однако Дом Варкур не так велик, как вы полагаете. И если мы уплатим назначенную вами цену, то впадем в абсолютную нищету. Тогда города на сваях начнут оседать, через зубчатые стены ринутся звероящеры, наши дети погибнут, а Варкур покроет болотная тина.

Таф смотрел на Дакса.

— О да! — проговорил он, когда его взгляд снова обратился к Моро. — Вы растрогали меня до глубины души. Двести тысяч стандартов.

Моро-и-Варкур Отени опять разразился протестами и мольбами, но на сей раз Таф лишь молча си-

дел, положив руки на подлокотники, и потный, побагровевший Звероусмиритель, вконец утомившись, согласился уплатить назначенную Хэвиландом цену.

Таф стукнул по рычагу управления. Между ним и Моро материализовалось изображение огромного трехметрового ящера, стоящего на двух когтистых лапах. Его покрывали серо-зеленые пластины чешуи, короткую шею венчала несоразмерно большая голова с челюстями — их величина позволяла одним махом откусить человеку голову и плечи. Но самым замечательным в этом создании были передние лапы — свитые из мышц короткие и толстые канаты, украшенные метровыми отростками потемневшей кости.

— Tris neryei с Посадочной Площадки Кэбла, — сказал Таф. — Так его называли финдии, чьи колонисты появились на этой планете за тысячу лет до человека. Термин буквально переводится как «живой нож». Другое название — «тиран лопастный» — земного происхождения, это название зверь получил потому, что похож на тираннозавра, или ящера-тирана — давно вымершей рептилии со старушки Земли. Сходство, несомненно, лишь поверхностное. Благодаря своим ужасным передним лапам — костяным мечам, которые Tris neryei пускает в ход с устрашающей инстинктивной свирепостью, — этот ящер куда более опасный хищник, нежели тираннозавр.

Моро так подался вперед, что сиденье под ним затрещало, а Дакс передал Тафу, что его собеседник воодушевлен и взволнован.

— Великолепно! — воскликнул Звероусмиритель. — Правда, названия длинноваты. Что, если мы назовем его «мечезавр»?

— Зовите как угодно — что мне за дело? Но для Дома Варкур эти животные действительно подходят, обладая множеством явных достоинств, — сказал Таф. —

Возьми вы их — и я безо всякой дополнительной оплаты добавлю древесных слизней с Катадэйна. На развод. Вы обнаружите, что...

6

Прошло несколько недель. Таф по возможности следил за новостями с Бронзовой Арены, хотя на землю Лайроники больше не ступал. Кобальтовые кошки продолжали сметать все на своем пути; в последнем описанном столкновении один из норнийских зверей в особом тройном бою уничтожил лучшую арнетскую обезьяну-душителя и жабу-мясоедку с острова Эймар.

Но и Варкур переживал взлет; его нововведение — мечезавры — своим громовым ревом, тяжелой походкой и таящейся в костяных мечах беспощадной смертью произвели на Бронзовой Арене сенсацию. Три боя — с феридианом, водяным скорпионом и гнетинским котопауком — уже успели показать, что этих зверей нельзя сравнивать с варкурскими ящерами. Как сообщалось, Моро-и-Варкур Отени пребывал в экстазе. На следующей неделе мечезавру предстояло встретиться в битве с кобальтовой кошкой. Предсказывали, что Арена будет забита зрителями до отказа.

Однажды, вскоре после того как мечезавры одержали свою первую победу, на связь вышел Хирольд Норн.

— Таф! — сурово сказал он. — Вы не должны были продавать животных другим Домам!

Хэвиланд Таф сидел, бесстрастно и холодно разглядывая насупленное, перекошенное лицо Норна, и ласкал Дакса.

— Я вам ничего подобного не обещал. Кошки, которых я вам продал, выступают так, как и ожидалось. Вы выражаете недовольство оттого, что ныне вашу удачу разделил кто-то еще?

— Да. Нет. То есть... ну, не важно. Полагаю, помешать вам я не могу. Однако, если другие Дома получат животных, которые одолеют наших кошек, мы потребуем от вас предоставить нам нечто, способное одержать верх над монстрами, которых вы продаете им. Понятно?

— Конечно. — Таф посмотрел вниз, на Дакса. — Теперь Хирольд Норн подвергает сомнению мою понятливость, — и подняв глаза на Норна, сказал: — Были бы деньги, а торговать я никогда не отказываюсь.

Норн на экране системы связи нахмурился.

— Да, да! Ну что ж, должно быть, к тому времени мы унесемся на крыльях побед достаточно высоко, чтобы позволить себе заплатить вам любую необычайно высокую цену, какую вы вознамеритесь запросить.

— Другими словами, как я полагаю, все идет хорошо? — сказал Таф.

— Ну, и да, и нет. На Арене — да, определенно. Но в других отношениях... собственно, по этому поводу я и связался с вами. По непонятным причинам четыре молодые кошки как будто бы не заинтересованы в продолжении рода. А наш Пестун беспрестанно жалуется, что животные худеют. Ему кажется, они нездоровы. Так вот, лично я ничего не могу сказать, поскольку я здесь, в городе, а животные — на окружающих Дом Норн равнинах. Однако определенные поводы для беспокойства действительно существуют. Кошки бегают на свободе, но мы поместили на них датчики, поэтому можно...

Таф поднял руку.

— Вне всяких сомнений, у кобальтовых кошек не наступил брачный период. Вы не задумывались об этом?

— Да. Нет, нет, полагаю, что нет. И это не лишено смысла. Тогда, я полагаю, это лишь вопрос времени. Другой вопрос, который мне хотелось обсудить повторно, касается ваших пресловутых прыгунков. Видите ли, мы выпустили их на волю, и они без малейшего труда расплодились так, что родовые луга Норна оказались объедены подчистую, до голой земли. Это весьма досадно. Прыгунки скачут повсюду. Что дам делать?

— Разводить кобальтовых кошек, — ответил Таф. — Эти великолепные хищники положат конец засилью прыгунков.

Хирольд Норн казался озадаченным и слегка обеспокоенным.

— Да-да, — сказал он и начал было говорить что-то еще, но Таф поднялся.

— Боюсь, я должен закончить нашу беседу, — объявил он. — В стыковочную орбиту «Ковчега» вошел челночный космолет. Возможно, вы бы его узнали: вороненая сталь, большие треугольные серые крылья.

— Дом Рэй Хилл! — воскликнул Норн.

— Прелестно, — заметил Таф. — Хороший день.

7

Звероусмиритель Денис Лон Рэй за свое чудовище — невероятно могучего, покрытого рыжим мехом урсоида с холмов Бродяги — заплатил триста тысяч

стандартов. Хэвиланд Таф скрепил сделку, прибавив еще пару яиц ленивца-быстронога.

На следующей неделе «Ковчег» посетили четверо мужчин в оранжевых шелках и пламенно-алых пелеринах. Они вернулись в Дом Феридиан на четыреста пятьдесят тысяч стандартов беднее, но с контрактом на поставку шести огромных, одетых броней ядолосей вкупе с полученным в дар стадом ханганийских травяных свиней.

Звероусмиритель Син Дуна получил гигантскую змею; эмиссара острова Эймар Таф ублаготворил годзиллой. Облаченная в молочно-белые просторные одеяния с серебряными пряжками делегация из двенадцати старшин Дэнта с восторгом приняла предложенного Хэвиландом Тафом химероупыря и пустяковый подарок в придачу. И так, один за другим, Тафа разыскали все Двенадцать Великих Домов Лайроники, и каждый получил монстра по всевозрастающей цене.

К этому времени обе взрослые норнийские кошки погибли: первую без труда разрезал пополам костяной меч варкурского мечезавра, вторую с хрустом раздавили массивные когтистые лапы рэйхиллского урсоида (хотя в последнем случае погиб и урсоид) — если огромные кошки и обладали способностью предвидеть свою судьбу, избежать ее они тем не менее оказались не способны. Хирольд Норн ежедневно вызывал «Ковчег», но Таф дал компьютеру команду не отвечать на вызовы.

Наконец в компьютерном зале, в кресле наискосок от Хэвиланда Тафа, чьими покупателями стали уже одиннадцать Домов, оказался Дэйнел Ли Арнет, Старший Звероусмиритель Арнета-в-Золоченом-Лесу, некогда величайшего и горделивейшего из Двенадцати Великих Домов Лайроники, теперь же — последнего и ничтожнейшего. Арнет был неимоверно высок,

не ниже самого Тафа, но без капли жира: сплошные мышцы под грубой, черной как смоль кожей. Горбоносый острый профиль, короткие, с серо-стальной проседью, волосы. На переговоры Звероусмиритель явился в золотых одеждах с алым поясом, в алых же башмаках и крошечном, сидящем набекрень алом берете. Заостренный стек укротителя он нес точно трость.

Дакс почувствовал в этом человеке безмерную враждебность, вероломство и с трудом подавляемую ярость. Таф учел предостережение кота и прикрепил под шинелью к животу небольшой лазер.

— Сила Арнета-в-Золоченом-Лесу искони была в том, что Дом владел разнообразными животными, — начал Дэйнел Ли. — В то время как прочие Дома Лайроники все свое богатство вверяли одному-единственному зверю, наши отцы и деды работали с десятками животных. На всякого из зверей соперников у нас находился свой, такой, что лучше и не выбрать, и своя стратегия. Вот в чем заключалось наше величие, вот что питало нашу гордость. Но твоим дьявольским уродам, торговец, нам нечего противопоставить. Какого бы из сотни своих бойцов мы ни отправили на Арену, зверь гибнет. Поэтому мы вынуждены иметь дело с тобой.

— Воля ваша, — сказал Хэвиланд Таф. — Я никого не принуждаю. И все же взгляните, каким ассортиментом я располагаю. Возможно, судьба сочтет уместным вернуть вам славу и богатство. — Он коснулся кнопок своего кресла, и перед глазами арнетского Звероусмирителя, сменяя друг друга, парадом прошли чудовища: твари большие и малые, покрытые мехом и чешуей, перьями и пластинами брони, звери лесные и озерные, обитатели холмов и равнин, хищники и трупоеды и ужасные травоядные. И нако-

нец, крепко сжав губы, Дэйнел Ли Арнет заказал по четыре особи каждого из двенадцати самых крупных и опасных видов, что обошлось ему примерно в два миллиона стандартов.

Заключение сделки, завершенное, как и в других случаях, подарком, небольшим безвредным зверьком, — ничуть не смягчило отвратительный нрав Арнета.

— Таф, — сказал он, когда с деловой частью было покончено, — ты умен, хитер и изворотлив, но меня тебе не провести.

Хэвиланд Таф ничего не ответил.

— Ты завладел несметным богатством, одурачив всех, кто покупал у тебя зверей, надеясь оказаться в выигрыше. К примеру, Норн — его кобальтовые кошки ничего не стоят. Дом Норн был беден; назначенная тобой цена привела его, как и всех нас, на грань разорения. Норнийцы думали возместить убыток победами. Ха! Теперь им не удастся одерживать победы! Каждый купивший у тебя зверей Дом добился преимущества над теми, кто покупал раньше него. Отсюда следует, что Арнет, последний покупатель, останется величайшим из всех Домов. Творя опустошение, наши монстры заставят пески Бронзовой Арены потемнеть от крови других животных.

Руки Тафа сомкнулись на выпуклости живота. Лицо оставалось безмятежным.

— Ты ничего не изменил! Великие Дома сохранили свое положение: величайший — Арнет, ничтожнейший — Норн. Ты, барышник, лишь выжал из нас все соки, обескровил, чтоб наскрести средств и свести концы с концами, всем владетельным господам Лайроники приходится биться как рыбе об лед. Теперь Дома ждут победы, молят о победе, зависят от победы, но все победы будут только за Арнетом. Потому что лишь мы избежали обмана, лишь я додумался купить последнего, а значит, самого лучшего зверя.

— Так, — сказал Хэвиланд Таф. — Коль скоро это и впрямь так, вы — мудрый и прозорливый Звероусмиритель. И все же я отрицаю, что кого-либо обманул.

— Не играй словами! — взревел Арнет. — Впредь ты больше не будешь торговать с Великими Домами. У Норна нет денег на новую покупку, но, если они их добудут, ты ничего им не продашь. Понятно? Мы не станем вечно ходить по кругу.

— Конечно, — сказал Таф. Он посмотрел на Дакса. — Теперь Дэйнел Ли Арнет подвергает сомнению мою понятливость. Меня вечно понимают превратно. — Его спокойный внимательный взгляд вновь обратился на разгневанного Звероусмирителя, облаченного в злато и пурпур. — Я отлично понял все, что вы сказали, сэр. Возможно, мне пришла пора покинуть Лайронику. Так или иначе, я более не стану вести дела ни с Норном, ни с другими представителями Великих Домов. Может быть, это и глупо, что я отрекаюсь от огромных прибылей, — однако я человек тонкий, весьма приверженный следованию своим капризам. Уважаемый Дэйнел Ли Арнет, я покоряюсь и склоняюсь перед вашим требованием.

Дакс молчаливо доложил, что Арнет доволен и умиротворен, он запугал Тафа и принес победу своему Дому. Соперники не получат новых чемпионов. Итоги боев на Бронзовой Арене опять станут предсказуемы. Старший Звероусмиритель удалился довольный.

8

Три недели спустя флотилия из дюжины блистающих «челноков» с вкраплениями золота, на борту которых находились двенадцать рабочих дружин в ало-

золотых доспехах, прибыла забрать приобретения Дэйнела Ли Арнета. Поглаживая расслабленного, ленивого Дакса, Хэвиланд Таф проводил их в обратный путь, вернулся по длинным коридорам «Ковчега» в рубку управления и ответил на вызов Хирольда Норна.

Худощавый Звероусмиритель решительно походил на скелет.

— Таф! — воскликнул он. — Все идет наперекосяк. Вы должны помочь.

— Наперекосяк? Я решил вашу проблему.

Норн сморщился, лицо его исказила гримаса. Он почесал лоб под бронзовой диадемой.

— Нет-нет, послушайте. Все кобальтовые кошки или мертвы, или больны. Четыре погибли на Бронзовой Арене — понимаете, мы знали, что вторая пара слишком молода, но, когда безвозвратно лишились первой, делать было нечего. Иначе пришлось бы вернуться к сталезубам. Теперь у нас осталось только две кошки. Едят они не слишком много: поймают несколько прыгунков, но и только. Да и дрессировать их мы не можем. Стоит укротителю войти в загон со стеком, и проклятые кошки уже знают, каковы его намерения. Они все знают наперед, понимаете? На арене они вообще не желают откликаться на песнь убийства. Это ужасно! Самое худшее, что они даже не плодятся. Нам нужны еще кошки. Как по-вашему, с чем нам выходить на игровые арены?

— Брачный период кобальтовых кошек еще не наступил, — сказал Таф.

— Да-да. Когда же у них брачный сезон?

— Прелесть что за вопрос. Жаль, вы не задали его раньше, когда мы заключали нашу сделку. Насколько я понимаю, течка у самок кобальтовой пантеры бывает каждую весну, когда на планете Селии расцвета-

ют снежные хохолки. Что предполагает наличие некоего типа биологического спускового крючка.

— Я... Таф! Вы это спланировали. Никаких снежных штук на Лайронике нет. Полагаю, теперь вы заломите за эти цветочки целое состояние.

— Сэр! Конечно, нет. Будь выбор за мной, я бы с радостью отдал их Дому Норн, чье затруднительное положение больно ранит мне сердце. Я огорчен. Однако получилось так, что Дэйнел Ли Арнет взял с меня слово более не вести дел с Великими Домами Лайроники. — Он печально пожал плечами.

— Ваши кошки приносили нам победы, — сказал Норн тоном, граничащим с отчаянием. — Казна Дома Норн наполнялась — теперь в ней приблизительно около сорока тысяч стандартов. Они ваши. Продайте нам эти цветы. Или лучше того — новое животное. Более крупное. Более свирепое. Я видел дэнтских химероупырей. Продайте нам что-нибудь подобное. Норну не с чем выйти на Бронзовую Арену!

— Да? А что ваши сталезубы? Мне было сказано, что они — гордость Норна.

Хирольд Норн нетерпеливо отмахнулся.

— Проблемы! Понимаете, у нас постоянные проблемы. Эти ваши прыгунки... они едят все и вся. С ними невозможно бороться. Их миллионы; распространившись повсеместно, они выедают все травы, все посевы. То, что они сотворили с возделываемыми угодьями... кобальтовые кошки обожают прыгунков, да, но кобальтовых кошек у нас недостаточно. А дикие сталезубы прыгунков и трогать не желают. Полагаю, те им не по вкусу. Хотя на самом деле я не знаю. Но, понимаете ли, все прочие травоядные ушли, выжитые вашими прыгунками, а с ними и сталезубы. Куда — не знаю. Однако ушли. На незахваченные земли, за пределы владений Норна. Там есть какие-то деревни,

десяток-другой крестьян, но они ненавидят Великие Дома. Во всем Тэмбере не знают даже собачьих боев. Вероятно, увидев сталезубов, они попытаются приручить их.

— Так, — сказал Таф. — Впрочем, у вас ведь есть питомники, разве не так?

— Больше нет, — ответил Норн. Голос у него был совершенно затравленным. — Я распорядился их закрыть. Сталезубы проигрывали все состязания, особенно после того, как вы затеяли торговлю с другими Домами. Сохранять мертвый груз казалось пустой и неразумной тратой средств. Кроме того, расходы... мы нуждались в каждом стандарте — вы выкачали из нас все до капли, но ведь нужно было платить за пользование Ареной и, конечно, делать ставки... а позже пришлось покупать у тэмберийцев еду, просто чтобы прокормить челядь и дрессировщиков. Я хочу сказать: вы, наверное, не знали, что прыгунки сотворят с нашими посевами.

— Сэр, — сказал Таф. — Вы меня оскорбляете. Я — эколог. Я очень много знаю о прыгунках и их привычках. Следует ли понимать вас так, что вы закрыли питомники сталезубов?

— Да, да. Мы выпустили этих бесполезных созданий на волю. Что нам теперь делать? Равнины кишат прыгунками, кошки не желают размножаться... Коль нам и дальше придется ввозить еду и платить за Арену безо всякой надежды на победу, скоро мы останемся без денег.

Таф сложил руки.

— Да, вы действительно столкнулись с рядом деликатных проблем. И я — именно тот, кто поможет вам их решить. К несчастью, я связан обязательством перед Дэйнелом Ли Арнетом.

— Значит, безнадежно? Таф, я умоляю вас — я, Старший Звероусмиритель Норна. Скоро мы полнос-

тью выйдем из игр. У нас не останется средств на то, чтобы платить за Арену, делать ставки; не будет животных, которые смогли бы принять участие в битвах. Это ужасно! Все Великие Дома всегда неукоснительно представляли свою долю бойцов — даже Феридиан во время Двенадцатилетней Засухи. Никому еще не случалось потерпеть в этом неудачу. Мы покроем себя позором. Дом Норн запятнает свою гордую историю, посылая на песок арены кошек и собак, чтобы их бесславно растерзали в клочья огромные чудовища, проданные вами другим Домам.

— Сэр, — сказал Таф. — Если вы позволите мне дерзкое и, возможно, безосновательное замечание... если позволите... что ж, тогда я выскажу свое мнение. У меня есть подозрение... м-м-м... да, подозрение — верное и к тому же прелюбопытнейшее слово... подозрение, что запас повергающих вас в страх чудовищ, принадлежащих другим Домам, в следующие недели и месяцы может иссякнуть. Например, у урсоидов-подростков с Бродяги очень скоро может начаться зимняя спячка. Видите ли, им меньше года. Надеюсь, хозяева Дома Рэй Хилл об этом не подозревают. Однако околосолнечная орбита Бродяги, как вам, я думаю, известно, крайне иррегулярна, и тамошние Долгие Зимы длятся приблизительно двадцать стандартных лет. Урсоиды настроены на этот цикл. Скоро процессы в их организме почти совсем замедлятся — знаете, бывало, что спящего урсоида принимали за мертвого, — и не думаю, что разбудить зверей будет легко, но, возможно, опытные дрессировщики Дома найдут способ это сделать. Однако я был бы весьма склонен к дальнейшим предположениям: учитывая прожорливость ленивцев-быстроногов, почти все силы и средства Рэя Хилла уйдут на то, чтобы прокормить своих животных. Подобным же образом люди Дома

Варкур будут вынуждены бороться с безудержным размножением катадэйнских древесных слизней. Древесные слизни — особо пленительные создания. В определенной точке своего жизненного цикла они удваиваются в размерах, превращаясь в настоящие губки. Достаточно большое их скопление способно осушить даже обширную топь. — Таф умолк, его толстые пальцы ритмично забарабанили по животу. — Впрочем, я бессовестно уклоняюсь от темы, сэр. Вы тем не менее ухватили суть моих слов? И моего прогноза?

Хирольд Норн был похож на покойника.

— Вы — сумасшедший. Вы уничтожили нас. Нашу экономику, нашу экологию... но почему? Мы честно расплатились с вами. Дома, Дома... ни зверей, ни казны. Как же смогут продолжаться игры? Никто не вышлет бойцов на Бронзовую Арену!

Хэвиланд Таф потрясенно воздел руки к небу.

— Да, это так, — ответил он. — Но в этом только вы виноваты. Вы что хотели, то и получили...

Затем Таф отключил систему связи и встал. Едва заметно улыбаясь тонкими губами, он заговорил с Даксом.

ЗОВИТЕ ЕГО МОИСЕЕМ*

1

Хэвиланд Таф редко брал что-либо на заметку по слухам, и это, конечно, происходило потому, что лишь редкие слухи достигали его ушей. На этой планете туристов не было ничего такого, что могло бы испугать его. Но даже в тех случаях, когда он смешивался с толпой в общественных местах, он все равно оставался для туземцев чужим и недоступным. Известково-белый цвет кожи, огромный череп и безволосые конечности обычно сразу выделяли его среди остальных людей. И лишь в редких благоприятных случаях оказывалось, что цвет его кожи и вес совсем или почти не отличаются от цвета кожи и веса жителей какого-то мира, и вот на таких мирах он и имел привычку разворачивать свою деятельность. Хэвиланд Таф был неполных двух с половиной метров ростом, но его вес едва ли соответствовал росту, хотя большая часть этого веса располагалась над пряжкой ремня, — так что считать его гигантом все же было нельзя. Конечно, люди смотрели ему вслед, когда он проходил мимо них, но только немногие — за исключением тех случаев, когда он заходил в магазины, — вступали с ним в беседу. Тафа постоянно сопровождал Дакс, огромный иссиня-черный длинношерстный кот, которого он везде носил с собой на руках. И когда у хозяина возникало желание поболтать, они мыслен-

---

* Call Him Moses © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. ООО «Альтруист».*

но беседовали друг с другом, причем Таф даже специально записывал разговоры о львах, которые он вел с котом.

Поэтому неудивительно, что Таф, с учетом уже описанных обстоятельств, никогда и ничего не слышал о человеке по имени Моисей — до того самого вечера, когда он с Даксом задержался в ресторане на К'теддионе и был оскорблен действиями Джайма Крина.

Таф только что съел блюдо копченых корней с искусственной спаржей в маленьком ветхом притончике неподалеку от космопорта и допивал третий литр приятного грибного вина, когда свернувшийся перед ним на столе Дакс внезапно поднял голову. Слегка покачнувшись и пролив при этом вино на рукав, но не потеряв присутствия духа, Таф молниеносно отклонил голову — достаточно далеко, чтобы летящая по высокой дуге и нацеленная в затылок Тафа бутылка в руке Джайма Крина, хилого белобрысого юноши, разбилась о деревянную спинку стула. Бутылка разлетелась, и стул, стол, кот и оба мужчины попали под дождь осколков стекла и находившейся в бутылке жидкости — приятного местного алкогольного напитка. Бессмысленно моргая и тараща пьяные глаза, Джайм Крин уставился сначала на Тафа, а потом растерянно посмотрел на остатки разбитой бутылки в своем окровавленном кулаке.

Хэвиланд Таф тяжело поднялся, на его длинном лице не было заметно никаких проявлений чувств. Он одарил напавшего на него беглым взглядом, смахнул капли жидкости и потянулся, чтобы взять со стола мокрого несчастного Дакса.

— Скажи мне, Дакс, ты что-нибудь понимаешь? — прогремел угрожающий бас Тафа из дальнего угла притона, где он находился. — Этот странный чужак задал мне загадку, которая нам совершенно некстати. Но

почему же — о диво! — он на нас напал? Ты имеешь об этом хоть какое-то представление? — Он ласково погладил повисшего на сгибе руки Дакса и, как только кот замурлыкал, одарил Крина еще одним взглядом. — Друг мой, — сказал он, — вы проявили бы признаки мудрости, если бы выкинули остатки бутылки, иначе вы повредите себе руки осколками.

К растерявшемуся Крину, казалось, вернулось самообладание. Он гневно сжал губы в узкую линию, отбросил прочь осколки бутылки и заревел:

— Может быть, ты хочешь пошутить надо мной, ты, преступник! Да? — Его пьяный язык с трудом ворочался во рту.

— Друг мой, — мягко ответил Хэвиланд Таф. Все остальные посетители этого тихого питейного заведения уставились на двух противников. Хозяин успел улизнуть. — Осмелюсь заметить, что титул «преступник» скорее подходит вам, нежели мне. Но это так, между прочим. Нет, я ни в коем случае не смеюсь над вами. Очевидно, при виде моей персоны вы были охвачены непонятным для меня волнением. При таких обстоятельствах с моей стороны было бы полным безрассудством смеяться над вами. И если мне приходится обвинять вас в сумасбродстве, я делаю это неохотно. — С этими словами он снова опустил Дакса на стол и погладил его с таким видом, как будто, кроме кота, его ничто не интересовало.

— Я это уже слышал! — снова проревел Джайм Крин. — Но ты же действительно смеялся надо мной! Мне не почудилось! Я поколочу тебя за это!

Хэвиланд Таф не позволил себе проявить никаких чувств.

— Нет, милый друг, вы этого не сделаете. Конечно, я не думаю, что кто-то сможет отговорить вас от этого, и в обычном случае я всячески избегал бы лю-

бого проявления насилия, но вы своим грубым поведением не оставляете мне другого выбора. — Сказав это, он сделал быстрый шаг вперед и, прежде чем остальные посетители успели вмешаться, схватил Джайма Крина и скрутил ему руки. В этот момент вернулся хозяин вместе с полицейскими. Он указал на Крина как на зачинщика драки. Крин был немедленно арестован за хулиганство и препровожден в тюрьму.

2

Несколько дней спустя смертельно бледный моргающий Крин вышел из напоминавшей мавзолей к'теддионской тюрьмы на улицу. На его лице было выражение смущения и растерянности.

На тротуаре, поглаживая сидящего на руках Дакса, стоял Хэвиланд Таф. Когда двери за Крином закрылись, он поднял взгляд на молодого человека.

— Ваше возбуждение, кажется, немного улеглось, — сказал он. — И, кроме того, теперь вы, кажется, трезвы.

— Это вы? — На лице Крина было написано безграничное удивление. — Мне только что сказали, что вы выкупили меня.

— Вы, несомненно, подняли очень интересный вопрос, — ответил Хэвиланд Таф. — Действительно, я отдал за ваше освобождение некоторую сумму — если быть точным, двести стандартов, — и эту сумму вы должны мне вернуть. И все же ваш вопрос о том, купил ли я вам свободу, не совсем точен. Все дело в том, что вы не совсем свободны. По к'теддионским законам вы теперь принадлежите мне — так сказать,

раб, которого я могу заставить работать, пока не настанет время, когда вы сможете вернуть свой долг.

— Долг? Какой долг?

— Ну, счет к вам я составил следующим образом, — терпеливо начал объяснять Хэвиланд Таф. — Двести стандартов — сумма, которую я заплатил здешнему начальству, чтобы избавить его от вашего присутствия. За свою одежду из натуральной овечьей шерсти, которую вы привели в полную негодность, бросив в меня бутылку и облив дешевым вином, я набавил сто стандартов. За разрушения, причиненные забегаловке, я уплатил сорок стандартов, чтобы удовлетворить претензии ее хозяина к вам. Еще семь стандартов за превосходное грибное вино, которым вы не дали мне насладиться. Как вы знаете, к'теддионцы — широко известные специалисты по изготовлению грибного вина, а это, кроме того, было еще и великолепно выдержано. Все это вместе составляет триста сорок семь стандартов, но это касается только нанесенного вами материального ущерба. К этому надо добавить еще и моральный ущерб. Вы своим безосновательным нападением поставили меня и Дакса в неприятное положение, которое сильно нарушило наше душевное спокойствие. За это с вас причитается дополнительно пятьдесят три стандарта — как я полагаю, довольно скромная сумма. Таким образом, общая сумма вашего долга — ровно четыреста стандартов.

Джайм Крин весело хихикнул.

— Как бы вы ни старались, вам не удастся выбить из меня и десятой части этой суммы, звероторговец. У меня нет никаких сбережений, и я мало пригоден к работе, потому что — как вам хорошо известно — вы покалечили мне обе руки.

— Друг мой, если бы у вас были значительные сбережения, вы были бы в состоянии выплатить де-

нежный выкуп сами, и мое участие, несомненно, не было бы необходимым. Но мне самому, тому, кто вывернул вам руки, известно ваше финансовое положение. А теперь я хотел бы настоятельно попросить вас впредь не докучать мне необдуманными вопросами и объяснениями, которые не содержат абсолютно никакой информации! Несмотря на вашу ограниченность, я все же хочу взять вас на свой корабль, где вы будете работать на меня в погашение своего долга. Следуйте за мной!

Хэвиланд Таф повернулся и прошел пару шагов вниз по улице. Крин не сделал никакого движения, чтобы последовать за ним. Таф остановился и обернулся. Крин хитро ухмыльнулся:

— Если вы намерены куда-то меня доставить, вам придется меня нести.

Таф погладил Дакса и холодно улыбнулся.

— Мне никогда бы не пришло в голову нести вас, — спокойно сказал он. — Вы уже один раз заставили меня скрутить вас, и у меня нет никакого намерения повторить это, я считаю, что вы уже получили достаточный урок. Если вы не подчинитесь и не последуете за мной, у меня не останется выбора, кроме как вызвать двух охранников правительственной службы, которые насильно доставят вас туда, куда я велю. И плата им, конечно, будет прибавлена к вашему долгу. Поступайте по своему усмотрению. — Хэвиланд Таф повернулся и направился к космопорту.

Джайм Крин, кроткий и послушный, как овечка, последовал за ним, мрачно бормоча что-то под нос.

Ожидавший их корабль очень понравился Крину. Это был старый боевой транспорт, в шрамах коррозии, сделанный из почерневшего металла, с узкими и красивыми несущими плоскостями, корпус которого почти вдвое возвышался над новейшими пузатыми

торговыми кораблями, стоявшими на космодроме К'теддиона.

Как и всех прочих посетителей корабля Хэвиланда Тафа, Крина тоже охватила почтительная робость, когда он понял, что «Гриф» — лишь один из многочисленных кораблей на борту «Ковчега».

Главная палуба «Ковчега» по площади оказалась больше, чем все посадочное поле космодрома К'теддиона. Когда они совершили посадку, Крин был поражен, увидев на палубе такое множество кораблей. Возле четырех космических лайнеров каплевидной формы, типичной для Авалона, стоял грозный военный глайдер, покоившийся на трех косо расставленных лапах. А рядом с ним красовался казавшийся здесь совсем неуместным позолоченный галактический баркас с вычурными украшениями на корпусе. У него на корме стояла гарпунная пушка. Рядом вырисовывались нечеткие профили еще двух кораблей, один из которых был с совершенно чужими, незнакомыми очертаниями, в десяти шагах от него стояло сооружение, напоминавшее огромный квадрат с возвышающейся в центре полой трубой.

— Кажется, вы коллекционируете космические транспортные средства, — заметил Крин удивленно.

Таф припарковал «Гриф», и они оба опустились на палубу.

— Неплохая идея, — ответил Таф, почесывая лысый череп. — Но нет, ваше предположение неверно. Пять посадочных ботов относятся к имуществу «Ковчега». Старого торговца я держу в боевой готовности из сентиментальных соображений — он был моим первым кораблем. А другие... ну, я приобрел их когда-то и где-то во время своих путешествий из тех же соображений. Будет время, и я при первой же возможности наведу на этой палубе порядок. Я не делал этого

до сих пор потому, что надеялся все же использовать одно из этих транспортных средств во время каких-нибудь своих операций. Поэтому до сих пор я просто не мог решиться выбросить некоторые из этих кораблей. Но рано или поздно мне, наверное, все же придется это сделать. А теперь будьте так добры, пойдемте со мной.

Они миновали множество приемных помещений различного назначения, прошагали по бесчисленным коридорам, завернули за несколько углов, пока наконец не оказались в гараже, где находилось несколько маленьких трехколесных электромобильчиков. Хэвиланд Таф сел в один из них, пригласив Крина занять место рядом с ним. Таф взял на руки Дакса, и они поехали.

Электромобиль свернул в гигантский гулкий тунель, у боковых стен которого располагались бесконечные ряды сосудов — чаноподобных и плоских, самых разнообразных форм и размеров. Они были наполнены разноцветными жидкостями или желеобразной массой; сквозь прозрачные окошечки в стенках этих сосудов можно было видеть, как внутри них покачиваются и медленно плавают взад и вперед фигуры странных очертаний. Казалось, они разглядывают пассажиров электромобиля. В противоположность Хэвиланду Тафу, который во время движения не обращал внимания на сосуды, Крин беспокойно и нервно ерзал на своем сиденье, находя фигуры в сосудах ужасными и безобразными. Таф принял это к сведению.

Примерно через километр электромобиль остановился в одном из залов, ничем не отличавшемся от тех, которые они проехали. Таф взял Дакса на руки и вместе со своим пленником, следующим за ним по пятам, направился в один из дальних коридоров, в конце которого распахнулась дверь. Крин увидел пе-

ред собой довольно комфортабельно обставленную каюту; в одно из кресел Таф усадил Крина, в другое опустился сам.

— Ну а теперь мы можем немного поговорить, — сказал Хэвиланд Таф.

Огромные размеры «Ковчега» повергли Крина в оцепенение, он сразу же утратил дерзость. Теперь присутствие духа медленно возвращалось к нему.

— Я не знаю, о чем нам еще говорить, — бойко ответил он.

— Ах, вы не знаете... — протяжно проговорил Хэвиланд Таф. — А я насчет этого придерживаюсь совершенно иного мнения. Нужно ли мне напоминать вам, что вы должны великодушно благодарить меня за избавление вас от неудобств длительного тюремного заключения? Как я уже заметил Даксу по поводу вашего нападения на меня, вы задали мне одну за другой несколько загадок. Загадки же имеют обыкновение беспокоить меня, и хочется разгадать их.

На лице Крина появилось выражение хитрой расчетливости.

— Ага, но почему я должен помогать вам разгадывать эти загадки? Из-за вас я попал в тюрьму! А потом вы появились там, чтобы выкупить меня и превратить в раба! Кроме того, вы вывихнули мне руки, не забывайте! Я не чувствую к вам ни малейшей благодарности, вы должны это знать!

— Друг мой, — сказал Хэвиланд Таф, поглаживая свое огромное брюхо, — как мы оба подсчитали, вы должны мне четыреста стандартов. Однако я готов позволить вам говорить со мной на том условии, что вы будете отвечать на мои вопросы. За каждый ответ я буду уменьшать ваш долг, ну, скажем, на один стандарт.

— Извините, что вы сказали? Только на один стандарт? Вне зависимости от того, что вы хотите узнать, это будет стоить дороже. По десять стандартов за каждый ответ, и ни цента меньше!

— Будьте уверены, — сказал Хэвиланд Таф, — что вся информация, которой вы, быть может, располагаете, не стоит и ломаного гроша. Мною движет в основном любопытство. Мой старый недостаток, от которого я, несмотря на все усилия, так и не смог избавиться. То, что вы хотите сколотить на этом капитал, не делает вам чести. Так не выводите же меня из себя! Мне так не хочется давать вам в ухо, а пожалуй, придется это сделать... Ну, хорошо, два стандарта.

— Девять, — сказал Крин.

— Три, и ни цента больше! Я постепенно теряю терпение! — Лишенное выражения лицо Тафа было полной противоположностью его словам.

— Восемь стандартов, — ответил Крин. — Вам пора понять, что вы не сможете надуть меня.

Хэвиланд Таф молчал. Он был совершенно неподвижен. Двигались только глаза, которые он переводил с Крина на Дакса и обратно. Потом он зевнул, словно от скуки, и вытянул массивные ноги.

После продолжавшегося минут пять молчания Крин открыл рот и робко предложил:

— Шесть стандартов? Это более чем справедливо. Я знаю многие вещи, о которых было бы интересно узнать самому Моисею. Шесть...

Хэвиланд Таф продолжал молчать. Снова потекли минуты.

— Пять, — заклинающе произнес Крин.

Хэвиланд Таф молчал.

— Ну хорошо, — сдался наконец Крин. — Я принимаю три стандарта. Мне ничего больше не остается. Вы — продувная бестия, мошенник и негодяй. И

ко всему прочему еще и преступник. Я также думаю, что вы человек, лишенный всяких моральных устоев.

— Несмотря на все пустые слова, которые я только что так милостиво выслушал, — согласен. Итак, три стандарта. Но вот что, — сказал Таф своему собеседнику. — Я вас предупреждаю: вы должны выбросить из головы возможность уклониться или дать неточный или неверный ответ. Я ни в коем случае не потерплю, если меня будут дурачить! Вы также должны выбросить из головы мысль, что вам удастся мне солгать. Даже при малейшем признаке такой попытки я каждый раз буду увеличивать сумму вашего долга на десять стандартов.

Крин невесело усмехнулся:

— Ради чего мне лгать? Да и откуда вам знать это? Как вы определите, когда я говорю правду, а когда лгу? Вам же все время придется быть начеку, чтобы подловить меня.

Хэвиланд Таф улыбнулся плотно сжатыми губами, выражение лица его чуть заметно изменилось, но оно тут же снова стало невозмутимым.

— Друг мой, — сказал он, — заверяю вас, что узнаю об этом тотчас же. Об этом мне сообщит Дакс. Точно так же, как он сообщил мне о вашем недавнем абсурдном требовании о начислении десяти стандартов за каждый ответ и об отступлении от этого требования. И так же, как он предупредил меня о вашем безрассудном нападении на меня там, на К'теддионе. Дакс, как вы, несомненно, успели заметить, представитель семейства кошачьих. И, как все представители этого семейства, частично наделен пси-способностями — это установленный в результате длительных исследований и признанный всеми факт. Дакс к тому же является еще и конечным продуктом серии, воспитываемой в течение многих поколений, с которой

проводились генетические манипуляции, чтобы усилить эти способности и сделать их еще более выдающимися. Как видите, вы сбережете нам много сил и времени, если будете давать исчерпывающие и правдивые ответы. Способностей Дакса, конечно, недостаточно, чтобы понять ход абстрактного мышления, но заверяю вас, что он в состоянии без труда отличить ложь от правды и сообщить мне, если вы попытаетесь что-то скрыть. Итак, начнем, если вы примете во внимание мое настойчивое предупреждение.

Джайм Крин уставился на неподвижного кота ядовитым взглядом. Дакс зевнул, широко открыв пасть.

— Что до меня — то можете начинать, — проворчал Крин.

— Во-первых, — сказал Хэвиланд Таф, — как вы уже знаете, для меня загадка, почему вы напали на меня. Друг мой, я не знал вашего имени и никогда в жизни не встречал вас раньше. В противоположность вашим обвинениям я — обычный торговец, нанимающий себе слуг, которые необходимы в данное время. Чем же я дал повод для гнева и нападения на себя? Не могу себе этого представить. И все же вы напали на меня самым коварным образом. Вопрос первый: почему вы сделали это? Какие у вас были для этого мотивы? Откуда вы меня знаете? Когда я дал вам повод — о чем я никак не могу вспомнить — относиться ко мне так враждебно?

— Это четыре вопроса или один? — спросил Крин.

Хэвиланд Таф снова помассировал руками свой живот.

— Это отправной пункт для вас, друг мой. Начните с того, откуда вы меня знаете!

— Нет, раньше я не знал вас лично, — ответил Крин. — Но многое о вас слышал. Вы и ваш «Ковчег» известны в Галактике каждой собаке. Кроме того, вас

легко узнать. Когда я случайно встретил вас в этой грязной к'теддионской забегаловке, я тут же понял, кто передо мной. Толстый, безволосый, белый как мел гигант — такие, знаете ли, встречаются не каждый день.

— Вам причитается три стандарта, — сказал Таф. — Вашу дерзость и лесть можете оставить при себе. Итак, вы знали, кто я. Но почему же вы все-таки напали на меня?

— Я был пьян.

— Это объяснение меня не удовлетворяет. Я не могу не указать вам на то, что в этом случае вы могли бы выбрать в качестве объекта нападения кого-нибудь другого в зале, и именно так бы и случилось, будь это обычное столкновение. Однако из всех вы выбрали именно меня! Какие у вас были основания для этого?

— Ну хорошо, если вам так хочется знать. Потому что я презираю вас! Я считаю, что вы — обыкновенный преступник!

— Ого! Вот, значит, какие дела, — произнес Таф. — Я слышал о мирах, где уже только мой рост считается преступлением. На других же ношение кожаных сапог строго наказуемо и карается длительным тюремным заключением. Сами видите, что по этим критериям мы оба являемся преступниками. Если хотите, выслушайте мое мнение: я считаю несправедливым лезть со своим уставом в чужой монастырь и применять законы к людям, живущим вне их планеты. Хотя живущие там или остановившиеся на время чужаки должны подчиняться местным законам. Ясно, что в этом смысле я не преступник. Впрочем, этот ответ, как и предыдущий, меня тоже не удовлетворяет. Не могли бы вы четко и ясно объяснить причины

своей антипатии? Какое преступление вы мне приписываете?

— Я принадлежу к милосердным, — произнес Крин. — Или, лучше сказать, раньше был членом администрации планеты Милосердие, хотя и сравнительно низкого ранга. Моисей разрушил мою жизнь и изломал мой жизненный путь. Вы хотите знать, какое преступление я приписываю вам? Словно вы сами не знаете этого лучше меня! Вы поддерживали Моисея. Об этом знает каждый. Не станете же вы утверждать, будто ничего об этом не знаете!

Хэвиланд Таф краем глаза бросил беглый взгляд на Дакса.

— Гм-м... Очевидно, вы говорите правду. Хотя ваш ответ и содержит четко видимое зерно информации, он порождает множество других вопросов. И вообще все это мне не очень понятно, но я все же буду настолько любезен, что сделаю вам одолжение и зачту это как полный ответ. Итак, у вас уже шесть стандартов. Мой следующий вопрос совсем простой: кто такой Моисей и что это за Милосердие?

Джайм Крин недоуменно посмотрел на него.

— Может быть, вы хотите подарить мне еще шесть стандартов, а? Вы лицемерите, спрашивая у меня, кто такой Моисей!

— Конечно, я знаю, кто такой Моисей, хотя, мне кажется, мы говорим о разных личностях, — сказал Таф. — Я знаю личность по имени Моисей, легендарную фигуру, которую обычно упоминают в связи с различными ортодоксальными христианскими религиями. Говорят, он жил в седой древности на Старой Земле. Если не ошибаюсь, его всегда упоминают вместе с Ноем, а мой «Ковчег» назван именем корабля Ноя. Оба они должны быть как-то связаны друг с другом, возможно даже, они были братьями, но по-

дробности мне, конечно, неизвестны. Во всяком случае, Моисей считается предшественником стратегов, проводивших экологическую войну — область, в которой я считаю себя знатоком. Поэтому я и сказал, что знаю, кто такой Моисей. Но я также знаю, что его считают давным-давно умершим — достаточно давно, чтобы счесть совершенно невероятным предположение, что именно он нарушил ваш жизненный путь. И еще невероятнее звучит то, что он мог заинтересоваться информацией, которой вы, друг мой, по вашим собственным словам, будто бы располагаете. Итак, я должен сделать вывод, что вы говорите о Моисее, который мне не известен. Теперь, мой друг, вы понимаете, почему я задал этот вопрос?

— Ну хорошо, — вздохнул Крин, — но я хочу, чтобы впредь вы воздерживались от того, чтобы симулировать невежество и играть со мной в сумасшедшие игры. Милосердный — это гражданин планеты Милосердие, но кому я это рассказываю?! Моисей, по вашему собственному высказыванию, религиозный предводитель и представитель Святой Альтруистической Обновленной Церкви. При вашем участии он в соответствии со своими взглядами провел всеуничтожающий экологический поход против нашего единственного в своем роде Архолога — Города Надежды, центра всей жизни на Милосердии — и уничтожил его.

— У вас уже есть двенадцать стандартов, — перебил его Таф. — Но не буду вам мешать.

Крин снова вздохнул и недовольно поерзал в своем кресле.

— Святые Альтруисты были первыми поселенцами на Милосердии. Сто лет назад они покинули родную планету, потому что в ее технизации видели оскорбление своих религиозных чувств. Святая Альт-

руистическая Церковь учит, что благополучие может быть достигнуто только при жизни в естественных условиях, при жизни, полной покаяния и самопожертвования. Поэтому они нашли ненаселенную нецивилизованную планету, где могли осуществить свое покаяние и самопожертвование, и счастливо жили в течение целого столетия. Потом на планету прибыли другие люди, среди которых были и мои родители, они возвели Архолог, названный Городом Надежды, они начали обрабатывать почву автоматическими механизмами и открыли космопорт — чем они, как им было сказано, согрешили против воли Господа. Однако молодежь Альтруистов, устав от лишений нецивилизованной жизни и тяжелой работы, потянулась к нам. Молодые люди начали покидать поселения Альтруистов и приходить в наш город, где можно было в полной мере вкусить радости жизни. В течение двух поколений поселения Альтруистов потеряли более двух тысяч своих старых жителей. Именно в это время появился Моисей, захватил инициативу и основал движение, которое провозгласило возврат к старым целям Альтруистов. В течение короткого времени он организовал марш в Город Надежды. Там он выступил перед Советом Святейших и потребовал, чтобы члены Альтруистической Церкви немедленно покинули город. Совет ответил, что все, кто хочет, могут уйти. Но скоро стало ясно, что уходить не хочет никто. Моисей не сдался и выставил ультиматум. Он потребовал возвращения членов Альтруистической Церкви, закрытия космопорта и очищения Города Надежды, чтобы его население вело богоугодный образ жизни. А если этот ультиматум не будет принят, он обречет всех нас на казнь.

— Интересно, — заметил Хэвиланд Таф. — И что же дальше?

— Это стоило ему больших денег, — ответил Джайм Крин. — Члены Совета, все восемь, с единодушием, удивившим Моисея, выкинули его из города. По соображениям безопасности мы, конечно, кое-что предприняли. Все мы слышали жуткие истории о ведении экологических войн, секрет которых уже давно забыт. Но мы запросили наш компьютер, и он нам разъяснил. Техника клонирования и манипуляций с генами — такая, какая была у Земной Империи, — теперь сохранилась лишь на немногих планетах, на остальных же это искусство давно забыто. И ближайшая из таких планет находилась в семи годах полета.

— Ага, понятно, — вмешался Хэвиланд Таф. — И у них тоже был замечательный роскошный корабль Общества Экологической Генетики старой Земной Федерации.

— Верно, так оно и было, — сказал Крин, кисло улыбнувшись. — Только теперь, кажется, не осталось уже ни одного из них — все они либо уничтожены, либо сняты со службы многие сотни лет назад, но это не имеет никакого значения. Нам кое-что рассказал капитан одного из грузовиков торговцев, который находился в порту перевалочной станции на Ловерни. Слухи распространяются по планетам с быстротой молнии, обгоняя вашу собственную скверную репутацию. Короче говоря, этот человек рассказал нам о том, что вы болтаетесь на своем «Ковчеге» с карманами, полными стандартов, и ненасытным брюхом. Экипажи других кораблей на других мирах подтвердили ваше существование и сообщили о важной детали: о том, что вы владеете совершенно исправным шикарным кораблем бывшего Общества Экологической Генетики. Однако о том, что вы с Моисеем затеяли общее дело, мы узнали только тогда, когда начались ваши казни.

На мертвенно-бледном мощном лбу Хэвиланда Тафа появилась складка, но тут же разгладилась.

— Я постепенно начинаю понимать, в чем вы меня обвиняете, — произнес он, тяжело поднимаясь из своего кресла. Он встал, возвышаясь перед Джаймом Крином. — Итак, с вашего долга списано еще пятнадцать стандартов.

Крин возмущенно фыркнул.

— Как, за последний ответ вы хотите дать мне только три стандарта, вы...

— Ну хорошо, скажем, двадцать, только успокойтесь и сохраняйте мир на борту «Ковчега». Но в будущем больше не пользуйтесь моим великодушием. Итак, ваш общий долг теперь составляет триста восемьдесят стандартов. И последний вопрос, который даст вам возможность уменьшить долг еще на три стандарта: каковы координаты вашей планеты Милосердие?

3

Милосердие находилось не очень далеко от К'тедциона, расстояние между ними было намного меньше, чем приходилось преодолевать при обычных межзвездных перелетах. Поэтому полет туда должен был занять около трех стандартных недель. Для Джаймма Крина эти недели были заполнены работой. Пока «Ковчег» пожирал световые годы, он работал не покладая рук.

Хотя тысячу лет назад на «Ковчеге» был экипаж в двести человек, Хэвиланд Таф автоматизировал его по последнему слову техники и потому без труда управлялся с кораблем в одиночку. Но верно было и то,

что рабочее пространство роскошного корабля сильно уменьшилось. Постепенно, но неизбежно устаревшие механизмы выходили из строя, и большинство секторов этого огромного корабля не освещалось; они были покинуты. Некоторых приборов не касались уже несколько поколений, и в отдельных ходах и коридорах десятилетиями копилась пыль. Для начала Хэвиланд Таф сунул в руки Крину щетку и велел ему вымести весь мусор.

Крин отказался, сославшись на боль в руках. Хэвиланд Таф снабдил его успокаивающим средством и отвел в стасис-отсек «Ковчега», где, затратив огромную массу энергии, можно было влиять на структуру пространства и, используя это, устраивать со временем странные вещи. Здесь, как утверждал Таф, находилась самая последняя и великая тайна Земной Империи, забытая теперь практически повсюду. Сам он обычно пользовался этим отсеком для того, чтобы вырастить клоны за несколько дней. Крин же здесь повзрослел, а его поврежденные руки стали сильными и здоровыми за несколько часов.

Свои здоровые руки Крин использовал таким образом, что ему удалось добиться повышения оплаты за свою работу до пяти стандартов в час.

Он мел и мел эти бесконечные коридоры, километры коридоров, необозримое количество помещений, где только замечал пыль или мусор. Он мел до тех пор, пока руки не начинали болеть. А когда был уже не в силах держать в руках ручку щетки, Хэвиланд Таф тут же находил ему другую работу. Во время еды Крин должен был играть роль дворецкого, поднося своему хозяину оловянную кружку с пивом и полные подносы с сочной зеленью, его любимой едой. Тот совершенно невозмутимо принимал их, сидя в обтянутом кожей кресле, где проводил за чтением

большую часть свободного времени. Крин, к своему великому неудовольствию, получил задание кормить и Дакса, иногда три или четыре раза в день. Огромный кот, такой же избалованный, как и его хозяин, и такой же гурман, был большим охотником до лакомств и имел завидный аппетит. Таф настоял на том, чтобы предоставить коту свободный выбор. И только когда животное было сыто, Крину разрешалось поесть самому.

Однажды Крин получил задание произвести незначительный ремонт, который не смогла провести автоматика обслуживания. Но он сделал его настолько плохо, что Хэвиланд Таф не стал больше поручать ему такую работу.

— В том, что произошло, друг мой, — объяснил Хэвиланд Таф после этого случая, — виноваты не вы, а я сам. Я забыл и не потрудился вспомнить, что вы, как закоренелый бюрократ, едва ли способны сделать что-то полезное.

Несмотря на напряженную работу, сумма долга Крина таяла ужасно медленно, иногда ему казалось, что она вообще не уменьшается. Скоро Крин сделал неприятное открытие: Хэвиланд Таф абсолютно ничего не давал ему даром. Например, за излечение его вывихнутых рук и за медицинскую помощь он насчитал ему целых сто стандартов, что полностью съело всю заработанную им сумму и снова восстановило первоначальные четыреста стандартов. За воздух для дыхания он начислял ему один стандарт в день, за литр воды — одну десятую стандарта, кружка пива стоила полстандарта. Питание стоило довольно дешево: его цена была только два стандарта в день (предполагалось, что Крин будет довольствоваться лишь основными продуктами питания). Однако такая еда состояла только из безвкусной, насыщенной витами-

нами каши, которую можно было проглотить лишь с закрытыми глазами. Таким образом, получалось, что Крин платил значительно более высокую цену за гораздо более вкусные блюда из тушеных овощей, которые предпочитал лично Хэвиланд Таф. Крин много отдал бы за кусок настоящего мяса, но Таф был закоренелым вегетарианцем. Когда Крин первый раз попросил склонировать для него мясо, ответом ему был строгий взгляд молчаливого торговца.

— При мне ни в коем случае не есть ни кусочка мяса животных! — дал он простой, но ясный ответ и никогда не позволял нарушить этот приказ.

В самом начале пребывания на борту «Ковчега» Крин осведомился у Тафа, где находится известное местечко. За этот ответ на один вопрос Таф начислил ему три стандарта, а каждое посещение туалета стоило одну десятую стандарта.

Поэтому время от времени Крина охватывало вполне понятное желание убить своего мучителя. Но даже когда он наливался пивом под завязку, у него не хватало мужества воплотить в дело свои тайные намерения. И вообще эта чертова бестия Дакс ни на секунду не отходил от своего хозяина.

Он все время терся у ног Хэвиланда Тафа или уютно возлежал на сгибе его руки. Впрочем, Крин был почти уверен, что у его хозяина есть и другие подобные Даксу дружки. Во время своих хождений по коридорам корабля он часто замечал нечеткие тени таинственных крылатых существ, круживших у потолка пещероподобных помещений, видел какие-то странные фигуры, внезапно появлявшиеся и быстро исчезавшие среди механизмов. Вернее, он видел их тени, но был убежден в том, что они все разом навалятся на него, как только он осмелится напасть на их хозяина.

Вместо этого он понадеялся на то, что сумма его долга станет уменьшаться намного быстрее, если он начнет с Тафом играть, что было не слишком мудро, и вскоре Джайм Крин хорошо осознал недостатки такой тактики.

Оба каждую ночь в течение часа проводили за игрой, которая восхитила Хэвиланда Тафа: катание кубика, пока он не нарисует несколько соответствующих фигур вокруг воображаемого звездного облака. Они покупали и продавали планеты, торговали с ними, строили города и Архологи, облагали космических путешественников прямыми налогами и посадочной пошлиной. К несчастью для Крина, Таф оказался куда лучшим игроком и в конце каждой игры возвращал себе значительную долю платы, которую каждый день выплачивал Крину за работу.

Вне игрового стола Хэвиланд Таф беседовал с Джаймом Крином очень редко, он лишь давал ему задания или торговался об уменьшении суммы долга. О том, какие намерения у него были в связи с Милосердием, он не говорил никогда. Крин намеренно не спрашивал его об этом, потому что каждый ответ стоил ему три стандарта. Таф же, напротив, не позволял ему задавать неконкретные вопросы и всегда допытывался, что тот имел в виду. Все это время он вел жизнь отшельника и все эти быстро пролетающие дни проводил непонятную для Крина работу в разных лабораториях для клонирования, рылся в запыленных старых книгах, языка которых Крин не знал, и произносил длинные монологи. Так вот и текла жизнь на борту «Ковчега», пока не настал день, когда они вышли на орбиту вокруг планеты Милосердие. Тогда Хэвиланд Таф вызвал Крина в центральную рубку связи.

Когда Крин вошел в длинное, узкое и достаточно тесное помещение, стены которого были усеяны пус-

тыми экранами мониторов и слабо освещенными пультами приборов и шкал, Хэвиланд Таф повернулся в своем кресле на звук открываемой двери и указал на кресло возле себя. На коленях у него сидел Дакс.

— Я дал себе труд связаться с начальником местного космопорта. Поглядите, что из этого получилось. — Он нажал несколько клавиш на пульте перед собой, включая запись.

Крин опустился в предложенное ему кресло, и на уровне глаз перед ним вспыхнул слабо светящийся экран и появилось лицо Моисея, мужчины лет шестидесяти, с правильными чертами лица, которое можно было назвать почти красивым, с рассыпавшимися каштановыми волосами с седыми прядями и обманчиво мягко заглядывающими в душу орехово-карими глазами.

— Прочь отсюда, звездный корабль! — раздался в централе приятный голос, слова же в противоположность этому приятному и звучному голосу были достаточно грубыми. — Посадка на космодроме Веры невозможна, потому что он закрыт. Народ этой планеты не хочет иметь никаких дел с грешниками, он не нуждается в предметах роскоши, которые вы намерены ему всучить! Оставьте нас в покое! — И с завершающим жестом, который можно было расценить как благословение, он снова отключился.

— Итак, он осуществил, что хотел! — обескураженно сказал Крин.

— По-видимому, в данном случае это так, — ответил Хэвиланд Таф, почесывая Дакса за ушами и осторожно поглаживая его. — Вы знаете, что в настоящее время ваш долг мне составляет двести восемьдесят четыре стандарта, не так ли?

— Конечно, — с подозрением ответил Крин. — И что?

— А теперь я хочу предложить вам совершить для меня одну миссию. Я подумал, что вы должны тайно совершить посадку на Милосердии, разыскать ваших бывших глав Совета и доставить их сюда на совещание. За это я вознагражу вас пятьюдесятью стандартами.

Крин рассмеялся.

— Не смешите меня! За такое опасное задание эта плата до смешного мала. И несмотря на то что вы сделали мне такое любезное предложение — это пришло вам в голову, конечно, не во сне, — я отклоняю его. Я приму его только в том случае, если вы снимете с меня весь долг и сверх того дадите еще двести стандартов.

Хэвиланд Таф продолжал поглаживать Дакса.

— Не думаешь же ты, мое сокровище, что этот человек, Джайм Крин, считает меня полным идиотом? — сказал он коту. — Я уже опасаюсь, что в будущем он запросит у нас «Ковчег» или потребует одну или две планеты... то-то. Он просто не знает меры. — Дакс издал короткий мяукающий звук. Таф поднял взгляд. — Вам повезло. Я пойду вам на уступку, несмотря на то что вы хотите извлечь из этого выгоду для себя. Просто я сейчас в великолепном расположении духа. Скажем так, вы получаете за это сто стандартов, мой друг. Это вдвое больше, чем мое первое предложение, и, уж конечно, намного больше, чем на самом деле стоит это пустяковое задание.

— Ха! — ответил Крин. — Во всяком случае, Дакс сказал вам, какого предложения от вас жду я, и потому, пожалуйста, избавьте меня от ненужных слов... Кроме того, ваш план совершенно сумасшедший. Кто вам сказал, что члены Совета еще живы? На свободе они или арестованы? Кроме того, я не имею ни малейшего представления, где их искать. Исходя из всего этого, вряд ли можно ожидать, что они готовы со

мной сотрудничать. И уж подавно неизвестно, согласятся ли они сотрудничать с союзником Моисея, если я приду к ним с таким предложением. Вдруг Моисей схватит меня, тогда весь остаток жизни мне придется выращивать репу; а у нас совершенно нет гарантий, что меня не схватят. Дальше: где вы хотите меня высадить? Если у Моисея есть пеленгатор, которым он может засечь приближающийся космический корабль, он наверняка охраняет все посадочные площадки в округе, и охрана обязательно позаботится о том, чтобы никто не смог совершить посадку. Если вы взвесите ту опасность, которой я подвергаюсь, то поймете, что все это задание стоит не меньше всей суммы моего долга! Или все до последнего стандарта, или я не двинусь с места! Вы меня поняли?! — Он упрямо скрестил руки на груди. — Скажи ему, Дакс, скажи ему, что я не сдамся!

Известково-белые черты Тафа как и прежде оставались неподвижными, но с губ его сорвался легкий вздох.

— Вы воистину жестокий человек, друг мой, в этом вам не откажешь. Вы всерьез заставляете меня пожалеть о том дне, когда я рассказал вам, какими способностями обладает Дакс. Вы грабите старого человека с упорством истинного мошенника. Поэтому у меня не остается другого выбора, кроме как пойти навстречу вашим требованиям... Решено, за это дело вы получаете двести восемьдесят четыре стандарта.

Джайм Крин усмехнулся.

— Странно, что у вас сохранились еще какие-то чувства. Ладно, я беру «Гриф» и отправляюсь в путь...

— Друг мой, — прервал его Хэвиланд Таф, — его вы лучше оставьте. Вы возьмете торговый корабль, припаркованный на главной палубе, «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам», корабль, на ко-

тором я много лет назад начинал свое собственное дело.

— Эту кучу металлолома?! Даже и не подумаю лететь на нем! Судя по всему, мне предстоит довольно сложная посадка в дикой местности, и я настаиваю на работоспособном транспортном средстве, которое может выдержать трудную посадку. Мне нужен «Гриф» или другой такой же корабль!

— Дакс, — сказал Хэвиланд Таф своему молчаливому собеседнику, — я серьезно опасаюсь за нас. Мы заперты в ограниченном пространстве с идиотом от рождения, лишенным всякой морали и всяких признаков разума. Очевидно, я осужден на то, чтобы вдалбливать в его голову каждую подробность задания, которую мог бы понять и ребенок.

— Не понял вас, извините?

— Друг мой, — мягко пояснил Хэвиланд Таф, — «Гриф», как это, несомненно, не ускользнуло от вашего внимания с самого начала, является кораблем, лишенным сверхсветового двигателя. И вы должны согласиться со мной, что если вас поймают при попытке совершить посадку на корабле такого типа, то даже человек с незначительными интеллектуальными способностями вроде ваших сможет сделать вывод, что где-то на орбите должен находиться большой корабль — такой как «Ковчег». Вы же не могли материализоваться из ничего, просто из бездны Вселенной. В отличие от «Грифа» «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» — обычный, построенный на Авалоне и снабженный сверхсветовым двигателем торговый корабль, хотя в нашем случае, как вы должны заметить, сверхсветовой двигатель совсем не нужен. Вопрос: я достаточно четко выразился? Я думаю, по крайней мере вы поняли разницу между этими двумя кораблями?

— Да-да, очень хорошо, Таф, я все понял. Я не хочу, чтобы меня схватили, и эта разница в любом случае должна рассматриваться лишь с чисто академической точки зрения. Но я намерен оказать вам любезность и использовать «Рог изобилия», предполагая, что вы дополнительно добавите мне пятьдесят стандартов. — Джайм Крин нервно дрожал. — Я знаю, Дакс выдал вам, что я уступлю, если вы будете ждать достаточно долго, не так ли? Но на этот раз вы ошибаетесь. Я не поддамся ни при каких обстоятельствах. Я больше не позволю надувать себя, понятно? — Он снова упрямо скрестил руки на груди. — Вы должны знать: я стоек как скала! Я буду непреклонен! В этот раз я буду тверд как алмаз!

Хэвиланд Таф молчал, поглаживая Дакса.

— Тут вы можете ждать долго... Знаете что, я считал вас лучше и применял другую тактику. Но я тоже могу ждать! Мы просто будем ждать вместе. Я не поддамся, нет. Ни в коем случае. Как вы к этому отнесетесь, ха?!

4

Полторы недели спустя «Рог изобилия отборных товаров по низким ценам» отправился на планету Милосердие и вскоре вернулся на «Ковчег». Джайм Крин привез с собой трех человек, все они раньше принадлежали к верхушке администрации Города Надежды. Рей Лайтор, бывшая председательница Совета, была пожилой женщиной с резкими чертами лица и густыми снежно-белыми волосами. С тех пор, как Моисей захватил власть, она чаще всего пряла. Ее

сопровождали молодая женщина без особых бросающихся в глаза примет, а также похожий на петуха моложавый мужчина. Было видно, что когда-то он был очень тучным, а потом похудел, потому что кожа на его лице свободно свисала дряблыми складками.

Хэвиланд Таф принял эту делегацию в зале совещаний — специальном помещении для такого рода мероприятий. Он молча смотрел на введенную Крином троицу, сидя во главе огромного прямоугольного стола, руки его гладили огромный живот, Дакс свернулся на полированном металле столешницы напротив него.

— Я рад приветствовать вас на борту «Ковчега», — начал Таф после того, как гости расселись. — Однако по вашим лицам я вижу, что вы настроены по отношению ко мне враждебно, о чем я очень сожалею. Поэтому позвольте мне вначале заверить вас, что, хотя обо мне часто говорят дурно, я никогда не жалуюсь на свою судьбу.

— Хэвиланд Таф, не старайтесь втереть нам очки, — гневно фыркнула Рей Лайтор. — Крин уже сообщил нам о ваших заверениях в невиновности, как только разыскал нас. И так же, как и он, я не верю ни одному вашему слову! Наш город и вся наша жизнь уничтожены экологическим боевым походом, казнями, насланными на нас Моисеем, и компьютер проинформировал нас, что только вы и ваш корабль способны провести эту операцию.

— В самом деле, я способен кое-что сделать, — ответил Таф. — Но хочу предложить вам при ближайшей возможности перепрограммировать ваш компьютер заново, если он делает такие очевидные ошибки.

— От этого мы воздержимся, — вмешался бывший жирный петух, — все компьютеры уничтожены. И уж можете мне поверить, что я, бывший програм-

мист, обижен на вас за ваше высказывание. У меня нет дурных намерений.

— Спокойнее, мой дорогой Рикки, — прервала его Рей Лайтор. — Мы знаем, что вы сделали все возможное, чтобы компьютер смог обнаружить этого наславшего на нас мошек и оводов человека. И то, что они в конце концов наводнили весь город, — не ваша, а, — ее палец обвиняюще указал на Тафа, — только его вина! Это он позаботился о том, чтобы они напали на нас.

— Ну, никто не может утверждать, что у меня монополия на мошек, — возразил Хэвиланд Таф. Он успокаивающе поднял правую ладонь. — Не думаете ли вы, что наше сотрудничество будет намного полнее, если мы откажемся от ругани? Нам лучше поговорить о печальной судьбе и сомнительном положении Города Надежды, а также мятежнике Моисее с его казнями. Меня интересует, идет ли речь о настоящем Моисее из древних легенд Старой Земли, или о комто другом, кто ему подражает. Не знаете? Ну так я вам расскажу: этот настоящий Моисей не располагал ни замечательным роскошным кораблем, ни инструментами и аппаратурой, при помощи которых можно было бы вести экологическую войну. Но у него был Бог, который руководил его действиями. Чтобы освободить свой народ, находящийся в рабстве, он наслал на своих врагов десять казней египетских. А как это выглядело у вас? Следовал ли ваш Моисей всем этим десяти казням египетским?

— Осторожно! Не отвечайте ему задаром! — вмешался праздно стоявший у дверей Джайм Крин.

Рей Лайтор взглянула на него, словно на сумасшедшего.

— Вам следует знать, — объяснила она, снова повернувшись к Хэвиланду Тафу, — что, как только начались казни, мы захотели узнать, что нас ждет дальше.

Итак, мы просмотрели наши архивы, но нашли там только неполные записи, из которых мало что смогли узнать. Во всяком случае, наш Моисей использовал те же самые казни, что описаны в Ветхом Завете, только последовательность их была несколько иной, а также было изменено их количество: у нас было только шесть казней. К тому времени наш Совет принял вышеуказанные требования Альтруистов, после чего они закрыли космопорт Веры и эвакуировали Город Надежды. — Она вытянула руку вперед. — Вот, смотрите, вы видите здесь пузыри и мозоли. Эти люди в конце концов распределили всех нас по примитивным поселениям Альтруистов, где мы живем теперь, как люди каменного века, и должны работать не покладая рук. Добавьте к этому еще постоянный голод! Этот дьявол совсем помешанный!

— Моисей сначала превратил воду рек в кровь, — заметил Хэвиланд Таф.

— И у нас так было! — с яростью вспомнила молодая женщина. — Просто отвратительно! Вся вода в Архологе, в источниках, в плавательных бассейнах, водопроводах — настоящая кровь! Отвернешь кран — течет кровь! Собираешься принять душ — обливаешься кровью! Да, даже унитазы в туалетах были полны крови! Кровь... Бр-р!

— Это, конечно, была не настоящая кровь, — добавил Джайм Крин. — Мы установили это, проведя анализы. Вероятно, это было неизвестное отравляющее органическое вещество, введенное в водопроводную систему, которое делало воду густой, красной и не пригодной для использования. Меня очень интересует, Таф, как вы это сделали?

Хэвиланд Таф проигнорировал этот вопрос и заметил:

— Второй казнью на Старой Земле было нашествие жаб.

— Да... и во всех наших бассейнах и в гидропонике их были миллионы, — сказал Крин. — Я тогда был ответственным за приборы наблюдения. Казнь эта меня и погубила. Жабы своими телами забивали все механизмы, подыхали, разлагались, гнили и портили все запасы продовольствия. Когда я не смог ничего сделать, чтобы прекратить весь этот ужас, Рей Лайтор, бывшая тогда моим начальником, тут же выгнала меня. Словно это была моя вина! — Он взглянул на Рей Лайтор и скорчил гримасу. — Мне, конечно, в отличие от других, отправившихся в поселения Моисея, удалось найти возможность бежать на К'теддион.

— Что касается третьей казни, — снова сказал Хэвиланд Таф, — Моисей наслал на людей мошек.

— И у нас они были везде, — пробормотал бывший жирный петух. — Везде, говорю я вам! Правда, они не могли жить внутри систем Архолога и погибали. Однако они вывели системы из строя и распространились по городу. Все люди чесались. Мы боролись с ними, но это не помогло.

— Четвертое: укусы оводов.

Четверо жителей Милосердия мрачно посмотрели на него. Ни один из них не произнес ни слова.

— В виде пятой казни, — произнес Хэвиланд Таф, — библейский Моисей выбрал мор, который уничтожил весь скот врага.

— Мор скота нас миновал, — сказала Рей Лайтор. — Мы держали наши стада за городом на пастбищах и предусмотрительно выставили там охрану. У скота, находившегося на откорме в наших подвалах, мы тоже выставили охрану. Обезопасившись подобным образом, мы стали ждать. Ничего не произошло. Воспаление с нарывами и град он, к счастью, тоже пропустил, хотя я

охотно посмотрела бы, как ему удалось бы воспользоваться градом внутри Архолога... Он сразу же приступил к тому, что напустил на нас ужасную саранчу.

— Верно, — ответил Хэвиланд Таф, — восьмая казнь. И что же? Конечно, она полностью оголила ваши поля, не так ли?

— Ни в коем случае! Саранча даже не прикоснулась к нашим посевам. Она набросилась на город, проникла в закрытые зерновые склады. Весь урожай, собранный за последние три года, был уничтожен за одну ночь!

— Девятая казнь заключалась в том, что вас должны были погрузить в полную темноту, — вздохнул Хэвиланд Таф.

— Я рад, что пережил это, — заметил Джайм Крин.

— Весь свет в городе погас! — продолжала Рей Лайтор. — Наши ремонтные отряды должны были пробираться, по колени утопая в мертвых мухах и живой саранче. Но все их усилия были безнадежными и безуспешными. Население уже начало покидать город. Люди уходили тысячами. После того как было окончательно установлено, что неведомые паразиты вывели из строя даже самые небольшие энергоустановки, я приняла единственно верное решение и предложила сдать город. После этого все произошло очень быстро. Неделю спустя я уже находилась в неотапливаемой хижине в поселении на холме Почтенной Работы и занималась пряжей. — Голос Лайтор звучал сурово, в нем не было ни тени сарказма.

— Согласен, ваша судьба печальна, — мягко сказал Хэвиланд Таф. — Однако нет никаких оснований считать это концом всего. Как только я узнал от Джайма Крина о вашем бедствии, я решил помочь вам. Я здесь, чтобы претворить в жизнь это решение.

Рей Лайтор подозрительно взглянула на него.

— Помочь нам? Как? Чем?

— Разве не ясно? Я хочу помочь вам вернуть ваш Город Надежды, — сказал Хэвиланд Таф. — Я прогоню Моисея вместе с его Святой Альтруистической Обновленной Церковью. Вы, милая женщина, освободитесь от своей прялки, а вы, милый друг, вернете себе ваши компьютеры.

Молодая женщина и бывший жирный петух улыбнулись. Рей Лайтор наморщила лоб:

— Скажите, а почему вы решили помочь нам?

— Эта женщина не верит, что у меня просто могут быть добрые побуждения! — сказал Хэвиланд Таф своему коту, нежно поглаживая его. — Дакс, мое сокровище, ну почему же нам никто не доверяет? Люди этой суровой новейшей эры не доверяют никому и ничему, меня они тоже подозревают в чем-то нехорошем. — Он посмотрел прямо в глаза бывшей председательнице Совета. — Неужели вас удивляет то, что вам хотят прийти на помощь потому, что ваш народ в настоящее время находится в бедственном положении? Ваша трагедия глубоко взволновала меня. Этот Моисей, как мы все знаем, вопреки его заверениям является отнюдь не истинным другом людей, он глубоко заблуждается в том, что самопожертвование и добро в людях умерло окончательно. Я резко порицаю образ действий Моисея и отвергаю неестественные злоупотребления невинными насекомыми и животными, при помощи которых он навязал своим ближним свой образ мыслей. Достаточно вам этих оснований, Рей Лайтор? Если нет, пожалуйста, я вместе со своим «Ковчегом» улечу отсюда.

— Нет-нет, — торопливо ответила она. — Простите нас. Оставайтесь! Вы... нам... очень нужны. Если вы добьетесь успеха, во что я еще не могу поверить, мы поставим вам памятник, который будет возвышаться над городом, и все люди будут приходить к нему.

— Это будет всего лишь прекрасная возможность для пролетающих птиц немного отдохнуть, — возразил Хэвиланд Таф, — а ветер и непогода скоро отшлифуют его. Кроме того, мою фигуру придется поместить высоко, так что никто не различит черты лица. Не хочу скрывать от вас, что подобный памятник польстит моему тщеславию — ведь я, несмотря на мой рост, всего лишь маленький человек, которому легко можно польстить такими вещами. Мне хотелось бы, чтобы этот памятник был виден каждому и был установлен на большой открытой площади.

— Конечно, как вам угодно, — быстро сказала Рей Лайтор. — Все... что пожелает ваша душа...

— Все, что пожелает моя душа? — переспросил Хэвиланд Таф. — Ну, тогда в дополнение к памятнику я хочу получить еще пятьдесят тысяч стандартов.

Рей Лайтор сначала побледнела, потом покраснела.

— А как же ваши... — начала она почти шепотом, но голос отказывался повиноваться ей. — Вы... добро... бескорыстие... наше бедственное положение... прялка...

— Я просто должен покрыть свои затраты, — спокойно объяснил Хэвиланд Таф. — Ведь я и так готов безвозмездно пожертвовать на помощь вам свое время и истратить драгоценные средства, находящиеся на «Ковчеге». Но сейчас мне хотелось бы что-нибудь получить. Вы пойдете на это, не так ли? И казна Города Надежды, конечно, не настолько опустела, чтобы вы были не в состоянии выплатить мне эту небольшую сумму?

Ответ Рей Лайтор вытолкнула сквозь почти полностью сжатые губы. Ей хотелось поскорее закончить этот разговор.

— Позвольте мне вмешаться, — подключился Джайм Крин. — Десять тысяч стандартов, не больше. И никаких вычетов!

— Невозможно, — ответил Хэвиланд Таф. — Одни мои расходы уже превысят сорок тысяч стандартов. Если вы дадите мне эту сумму, я должен по крайней мере получить еще какие-то небольшие деньги, и это будет единственным для меня утешением, которое компенсирует мне мою потерю веса.

— Хорошо, тогда пятнадцать тысяч.

Хэвиланд Таф молчал.

— Черт с вами, — выругался Крин, дрожа от гнева. — Ну хорошо, они должны будут вам сорок тысяч! Только я надеюсь, что этот проклятый кот вцепится вам в горло при малейшей возможности!

5

Человек, которого звали Моисеем, имел привычку прогуливаться. За ним следовали несколько молодых людей. Он быстрым шагом проходил по неровной тропинке, бегущей по холмам Почтенной Работы. Наслаждаясь красотой заходящего солнца и оставаясь в одиночестве, вспоминал том, как прошел день, что было сделано, а что нет. Сжимая в правой руке свой кривой посох, с довольным выражением лица и с устремленным к далекому горизонту взглядом, он часто проходил пешком несколько километров, прежде чем возвращался в свой дом и засыпал сном праведника.

Во время одной из таких прогулок перед ним впервые появился огненный столб.

Он только что вскарабкался на небольшой холм, и тут это и произошло. Из овражка, лежащего у его ног, внезапно появился пылающий оранжевый столб

огня около тридцати метров высотой, испускающий желто-голубые искры. Увенчанный серым облачком, он возник на его пути прямо между обломком скалы и кучей камней и стал наступать на него. Моисей что есть духу быстро взбежал на высокий холм, перевел дыхание и, опершись на свой посох, принялся с интересом следить, как столб пламени приближается к нему.

Тот застыл в пяти метрах от него на слегка покатом склоне.

— Моисей, — прогремел ревущий голос из столба. — Я — Господь, твой Бог! Ты согрешил против меня! Освободи мой народ!

Моисей усмехнулся.

— Очень хорошо, — прозвучал его сочный голос, — действительно очень хорошо!

Огненный столб задрожал и завертелся.

— Освободи граждан Города Надежды от своего ужасного рабства! — потребовал столб. — Или мой гнев настигнет тебя, и я нашлю на тебя десять казней египетских!

Моисей взревел и угрожающе нацелил свой посох на столб.

— Если кто здесь и может насылать казни, то только я. И только меня можно просить об этом! — В его словах, несомненно, была добрая доля иронии.

— Фальшивые казни фальшивого пророка! — прогремело в ответ. — И мы оба это великолепно знаем! Я знаю все твои хилые трюки и карикатурные подделки! Я — Господь, твой Бог, чьим именем ты прикрываешься, оскверняя его, я вижу все твои козни! Я приказываю тебе! Освободи мой народ! Или ты увидишь ужасное лицо настоящей чумы!

— Чушь! — возразил Моисей и начал спускаться с холма прямо на столб. — Кто ты на самом деле?

— Я есть тот, кто я есть! — прогремел огненный столб, поспешно отступая при приближении Моисея. — Я — Господь, твой Бог!

— Чушь, — повторил Моисей, — ты не что иное, как голографическая проекция, которая наводится из этого глупого облака над тобой. И хотя я святой, но ни в коем случае не дурак! Прочь от меня, исчезни!

Однако огненный столб замер на месте и, угрожающе взревев, начал метать жуткие молнии. Не обращая на это внимания, Моисей прошел прямо сквозь него и начал спускаться с холма. Столб еще долго дрожал и вращался, хотя Моисей давно оставил его позади и исчез из виду.

— И в самом деле не дурак! — прогремел столб мощным громовым голосом, вздрогнул в последний раз и погас в прозрачном вечернем воздухе.

Серое облачко заскользило по холмистой местности и настигло Моисея, уже успевшего спуститься на несколько сотен метров по главной тропинке. Огненный столб снова внезапно возник из ничего — на этот раз он шипел от избытка льющейся из него энергии — и встал на пути Моисея. Тот просто обогнул его, однако столб снова упрямо оказался перед ним.

— Ваши горожане уже давно испытывают мое терпение, — сказал Моисей, не замедляя шага. — Сначала они подстрекали мою паству к постоянному ленивому ничегонеделанию, а теперь вот вы нарушили мои вечерние размышления. Причем у меня сегодня был особенно тяжелый день, полный святых забот. Я вас предупреждаю: еще немного — и я разгневаюсь по-настоящему! Разве я не запретил любые занятия наукой и техникой? Берегись: если ты не исчезнешь, я разгневаюсь всерьез и нашлю на твой народ бубонную чуму!

— Слова, мой дорогой, не более чем пустые слова, — сказал огненный столб, снова придвигаясь ближе. — Бубонная чума находится по ту сторону твоих возможностей. Не воображай, что сможешь запугать меня так же легко, как тебе удалось запугать эту свору лишенных всякой фантазии бюрократов!

Моисей поколебался, бросил через плечо взгляд на столб и спросил:

— Итак, ты сомневаешься в силе моего божественного «я»? Разве тебе недостаточно того, что я уже продемонстрировал?

— Ну да, несомненно, это было весьма впечатляюще, — ответил столб. — Но все имеет свои границы, есть они и у тебя, и ты доказал это своим противникам. Согласись, ты запланировал все это заранее, но одновременно с этим ты показал, где находятся границы твоих возможностей.

— Итак, ты думаешь, что постигшие Город Надежды казни были чистой случайностью, прихотью природы?

— Ты действительно недопонимаешь меня, мой дорогой. Я точно знаю, кто и как наслал их. Во всем этом нет ничего сверхъестественного. Поколение за поколением молодежь и недовольные уходили из поселений Альтруистов в город. Легко было внедрить среди них своих шпионов, агентов и саботажников. Какое коварство: ждать один, два, пять, а может быть, и больше лет, пока они не приживутся в Городе Надежды и не займут соответствующие посты! Лягушек и насекомых легко вырастить, это без особого труда можно сделать даже в хижинах в холмах Почтенной Работы или в одном из жилых помещений в самом городе. Выпущенные в естественные условия, эти создания быстро рассеялись бы и уменьшились в количестве из-за своих природных врагов, не говоря уже о

голоде, который они испытывали бы. Комплексный безжалостный механизм экологического естественного отбора быстро вернул бы их в нормальные границы. Однако внутри Архолога царят совсем другие законы. Они, как ты знаешь, подходят для архитектурной экологии. На самом же деле это не экология, потому что она не дает жизненного пространства и убежища никаким живым существам, кроме человека. В стенах города всегда хорошая и мягкая погода, для его жителей не существует никаких других конкурирующих видов, хищных врагов, там легко наладить бесперебойное снабжение продуктами питания. В таких условиях твои казни, несомненно, должны были быть успешными и принять размеры эпидемий. И все же это были фальшивые казни, потому что они проходили только в пределах города, что было неизбежно. Снаружи, в условиях дикой природы, твои маленькие казни-напасти немедленно были бы уничтожены ветрами, непогодой, неблагоприятными климатическими и экологическими условиями.

— Я превратил воду в кровь! — с ударением подчеркнул Моисей.

— Конечно, потому что приказал своим агентам высыпать в городской водопровод органические химикалии. Итак, в этом нет никакого чуда.

— А как тогда ты объяснишь полную темноту? — возразил Моисей, переходя в оборону.

— Мой дорогой, — сказал огненный столб, — ты как будто задался целью оскорбить мой разум таким примитивным вопросом? Ты просто отключил ток.

Нужный момент настал. Моисей вызывающе повернул свое лицо к огненному столбу, в его глазах блестело отражение оранжевого пламени.

— Я решительно опровергаю все эти обвинения! Все! Я настоящий Пророк Господа!

— Ты мошенник и больше никто! — ровным тоном прогремела огненная колонна, если только гром мог быть спокойным. — Настоящий Моисей покарал своих врагов, наслав на скот ужасный мор, а ты не сделал ничего подобного! Он также покарал их язвами и гнойниками, которых не избежал никто, а ты не смог так покарать никого! Настоящая чума находится вне твоих возможностей! Настоящий Моисей опустошил поля и пашни своих врагов в один день и в одну ночь непрерывно идущим градом. Эта казнь тоже превосходит твои ограниченные возможности! Но все же ты достиг цели и обманул своих врагов этими трюками, вынудив их сдать Город Надежды еще до десятой казни, смерти патриархов. К твоему большому счастью, потому что тебе пришлось бы взлететь на небо, чтобы самому избежать этой казни.

В ответ на это Моисей вне себя от ярости рубанул своим кривым посохом огненный столб, но это не произвело никакого эффекта.

— Прочь от меня! — взбешенно воскликнул Моисей. — Прочь, кем бы ты ни был! Во всяком случае, ты не мой Бог! Я все время помню об этом! Покажи мне, на какие скверные вещи ты способен! Ты сам сказал: на лоне природы казни осуществить намного труднее, чем в стенах Архолога. Тебе будет трудновато осуществить их при нашей простой жизни в холмах Почтенной Работы, где мы совершаем самопожертвования во славу Господа нашего!

— Ах так! — прогремел огненный столб. — Ты опасно заблуждаешься! В последний раз требую: освободи мой народ!

Но Моисей больше не слушал. Пылая от гнева, он прошел через огненный столб и, словно преследуемый сотней дьяволов, устремился к поселению.

6

— Когда же вы наконец начнете? — осведомился Джайм Крин у Хэвиланда Тафа после того, как он доставил членов Совета на поверхность планеты, а потом снова вернулся на борт «Ковчега».

Таф не отказался от его присутствия здесь, наверху, после того как Крин красноречиво изложил ему, что Город Надежды уже не заселен, а поселения Альтруистов были не особенно приятным местом для проживания.

— Когда же вы начнете действовать? Когда вы намерены...

— Друг мой, — ответил Хэвиланд Таф, усаживаясь в свое любимое кресло. На столе перед ним стояла миска с великолепными грибами и превосходными лимонами, а справа, на приставном столике, — литровая кружка с пивом. — Как вы осмеливаетесь торопить меня? Вы подвергаете себя опасности предпочесть гостеприимство Моисея моему собственному. — Он с наслаждением отхлебнул пива и вытер пену с губ. — Кроме того, необходимые шаги сделаны уже давно. В противоположность вашим мои руки не так бездеятельны, как вы, наверное, уже часто замечали во время нашего путешествия с К'теддиона сюда.

— Но это было до того...

— Это несущественно, — оборвал его возражения Хэвиланд Таф. — Большая часть базового клонирования уже проведена. Теперь мы все это продолжим. Инкубаторы полны. Все обстоит как нельзя лучше. А теперь, будьте так добры, дайте мне возможность спокойно поесть.

— Но казни... — вмешался Крин, снедаемый неукротимым любопытством. — Я думаю, когда вы начнете?..

— Во-первых, — важно сказал Хэвиланд Таф, не отрываясь от еды, — это началось уже несколько часов назад.

7

Глубоко в холмах Почтенной Работы по ту сторону шести поселений Альтруистов с их каменистыми пашнями, рядом с опустевшим рабочим лагерем, там, где широкая, медленно текущая река — Божья милость для сторонников Альтруистов и Божье наказание для их противников — описывала широкую дугу, Моисей собрал своих приверженцев, и они устроили на берегу временный лагерь для всех беженцев.

Когда на следующее утро взошло солнце, вернулись те, что уходили к реке порыбачить, набрать воды или постирать одежду; они прибежали с испуганными воплями.

— Кровь! — повторяли они все время. — Река полна крови! Вода в ней такая же, какой была тогда в городе!

Моисей, проснувшись от шума, с тяжелым сердцем отправился вниз, к берегу реки, и уже издали ему в нос ударил смрад мертвой рыбы и запах крови.

— Обычный трюк этого Богом проклятого грешника из Города Надежды, — попытался он успокоить своих людей, глядя на лениво текущий мимо поток. — Господи Боже, приведи снова все в порядок. Я молю тебя о том, чтобы к утру река снова стала чистой и прозрачной. — У его ног простиралась поверхность воды, покрытая трупами рыб. Он поднял свой посох и начал молиться.

Он молился непрерывно день и ночь, но кровавая вода так и не стала прозрачной.

В начале следующего дня Моисей вернулся в свою хижину и отдал приказ отыскать и доставить сюда Рей Лайтор и других членов Совета. Он подверг ее интенсивному допросу, но ничего не узнал. После этого он отправил вверх по течению реки вооруженную исследовательскую группу с заданием отыскать и арестовать террористов, загрязнявших реку. Поиски оказались безрезультатными, хотя отряд три дня и три ночи шел по берегу реки, пока не достиг большого водопада на плоскогорье. Но даже там низвергающийся поток был из крови...

Моисей непрерывно молился до тех пор, пока не заснул от усталости и его не унесли с берега в хижину. Вода в реке оставалась по-прежнему красной и мутной.

— Он побежден, — сказал Джайм Крин через неделю после возвращения Хэвиланда Тафа из разведывательного полета. — Чего еще он ждет?

— Он ждет, что река очистится сама, — ответил ему Хэвиланд Таф.

— Да-а.

— Одно дело — заразить закрытую систему водообеспечения Архолога, для достижения эффекта загрязнения которой нужно лишь ограниченное количество химикалий. А заражение целой реки — это несравненно более трудное дело. Ведь вода в реке, какое количество химикалий в нее ни введи, рано или поздно стечет, и река снова очистится. Моисей, несомненно, надеется, что у нас скоро кончатся химикалии.

— А вы что сделали?

— Я использовал не химикалии, а микроорганизмы, которые размножаются сами, — объяснил Хэви-

ланд Таф. — Вода доброй Старой Земли, как это можно заключить из документов Общества Экологической Генетики, тоже когда-то была заражена этими красными бактериями. Существует планета под названием Пурпурная, формы жизни которой настолько вирулентны, что даже океаны там постоянно окрашены в кроваво-красный цвет. Все другие создания были вынуждены или приспособиться к этому, или погибнуть. Первый хозяин «Ковчега» посетил эту планету и прихватил с собой материал для исследования.

В эту ночь перед хижиной Моисея снова появился огненный столб, и напуганные до смерти охранники со всех ног бросились прочь.

— Освободи мой народ, Моисей! — прогремел он.

Моисей устало подошел к двери и распахнул ее.

— Прочь от меня, ты, призрак Сатаны! — завизжал он. — Ты меня не обманешь! Мы не будем больше пить воду из реки, а будем брать ее из глубоких колодцев!

Огненный столб вспыхнул и затрещал.

— Несомненно, — прокомментировал он, — этим ты только затянешь неизбежное. Освободи братьев и сестер из Города Надежды, или тебя постигнет казнь жабами!

— Только пошли мне их, своих жаб! — завизжал Моисей. — Я очень люблю их, они очень вкусные!

— Мои жабы выйдут из реки, — сказал огненный столб, — и они будут гораздо ужаснее, чем ты можешь себе представить.

— В этом ядовитом дерьме не может быть ничего живого, — возразил Моисей. — Об этом ты сам же и позаботился. — И с этими словами он захлопнул дверь, чтобы больше не видеть и не слышать этот огненный столб.

8

Охранники, которых Моисей направил на рассвете к реке, вернулись назад с кровавыми ранами и выражением ужаса на лицах.

— Там такие гады, — сказал один из них, — они ползают в лужах крови! Маленькие, жутко красные чудовища, длиной в палец, но ноги у них вдвое длиннее туловища. Они похожи на красных жаб, но когда мы подошли поближе, то узнали, что у них есть зубы, и что они пожирают мертвую рыбу. Увидев их, Дэйнел вскрикнул, а в следующее мгновение весь воздух заполнился этими проклятыми тварями! Они скакали вокруг, словно могли летать, цеплялись за все, что попадется на пути, и кусались. Это было ужасно! Как нам бороться против этих жаб? Закалывать их? Или стрелять? Скажи нам как? — Он дрожал как осиновый лист.

Моисей отправил на берег две группы мужчин, вооруженных мешками, ядом и факелами. Но они тоже скоро вернулись назад, полностью деморализованные. Мужчины несли с собой потерявших сознание товарищей. Один из них, которому жаба прокусила горло, умер в то же утро. Двое скончались несколько часов спустя от лихорадки, а за ними умерли и остальные укушенные жабами.

Когда опустились вечерние сумерки, жабы сожрали всю мертвую рыбу. Теперь они выбрались из воды и ползли на прибрежный откос, приближаясь к лагерю. Альтруистам пришла в голову мысль вырыть ямы, наполнив их огнем и водой. Но жабы просто перепрыгнули через них. Альтруисты сражались ножами, дубинками и горящими факелами и даже стреляли из ружей новейшей конструкции, которые прихватили с

собой из Города Надежды. На заходе солнца умерли еще шесть человек. Моисей вместе с ближайшими доверенными скрылся за запертыми дверями.

9

— Наши люди на планете тоже беззащитны, — озабоченно сказал Крин Хэвиланду Тафу. — После наступления темноты жабы придут и всех их уничтожат.

— Ваше беспокойство безосновательно, — ответил ему Таф. — Рей Лайтор только нужно обратить внимание на то, чтобы все соблюдали спокойствие. Тогда им нечего бояться. Кровавые жабы с Пурпурной в основном пожиратели падали; и они нападают на живых существ по размерам больше их самих только тогда, когда сами напуганы или подвергаются нападению.

Крин недоверчиво посмотрел на него, потом рассмеялся.

— Хитро! А Моисей спрятался в своем домишке! Действительно хитро!

— Хитро... — протяжно произнес Хэвиланд Таф, но в его голосе не было ни согласия, ни насмешки. Однако Дакс на сгибе его руки, как внезапно заметил Крин, вдруг выпрямился, а шерсть на его спине встала дыбом.

В эту ночь огненная колонна появилась не перед человеком, который называл себя Моисеем, а перед беженцами из Города Надежды, сидящими в своем рабочем лагере и уставившимися на жаб по ту сторону ограды, которая одновременно отгораживала их и от Альтруистов.

— Рей Лайтор, — прогремела огненная колонна. — Вы и ваш народ свободны! Ваши враги, забаррикадировавшие двери, сами оказались в плену. Вы можете уходить. Берите своих людей и ведите их назад, в Архолог. Только будьте осторожны и смотрите себе под ноги: идите медленно и не делайте резких движений, чтобы не беспокоить жаб. Очистите город и все отремонтируйте. И не забудьте о моих сорока тысячах стандартов.

Рей Лайтор уставилась на пламя.

— Хэвиланд Таф, как только вы улетите, Моисей нападет на нас снова! — крикнула она. — Покончите с ним раз и навсегда! Нашлите на него и другие казни! — Огненный столб молчал. Немного позже он погас, но в воздухе еще некоторое время слышался треск; потом смолк и он.

Соблюдая все меры предосторожности, беженцы из Города Надежды гуськом вышли из лагеря и снова завладели своим Архологом.

— Энергообеспечение восстановлено, — сообщил Крин две недели спустя. — Еще немного, и Архолог опять начнет функционировать так же безупречно, как и раньше. И он не доставит вам больше никаких хлопот. Моисей и его приверженцы в своих поселениях все еще сопротивляются. Кровавые жабы из-за недостатка питания начали пожирать друг друга и почти все исчезли. На реке тоже появились первые признаки очищения. Когда же вы нашлете на них мошек и оводов? Они заслужили того, чтобы все время чесаться...

— Возьмите «Гриф», — прервал Хэвиланд Таф поток его слов, — и доставьте ко мне Моисея.

— Зачем? Вашего злейшего врага? Ага, понимаю... Но если вы думаете, что теперь, обделав дело с нами, вы сможете заключить какой-то договор с ним и, возможно, снова продать нас в рабство, то...

— Советую держать ваши подозрения при себе, — ответил Хэвиланд Таф, нежно поглаживая Дакса. — Ну почему же, мое сокровище, люди думают о нас только самое плохое? Друг мой, я не хочу заключать с Моисеем никаких договоров. Итак, пожалуйста, сделайте то, о чем я вас прошу!

— Да как вы смеете мне приказывать? — сердито ответил Крин. — Я ведь уже не ваш должник, отметьте это! Если я и выполню ваше желание, то только такое, что послужит на благо Милосердию, и только тогда, когда вы объясните мне свои мотивы. В противном случае я отклоню ваше предложение. Почему бы вам не сделать это самому?

— Друг мой, — важно ответил Хэвиланд Таф. — А вы отдаете себе отчет в том, сколько завтраков и сколько кружек пива вы употребили на борту «Ковчега» после того, как ваш счет был исчерпан? Вы знаете, сколько воздуха потребовалось для дыхания и сколько раз вы использовали устройство для отправления естественных надобностей? Что касается меня, то я великолепно разбираюсь в этих вещах. Дальше: вы знаете о том, что цена за полет с К'теддиона сюда обычно составляет четыреста стандартов? И кроме всех этих предоставленных вам бесплатно льгот, мне кажется, я собирался дать вам еще значительную сумму. Однако до сих пор — и вы должны с этим согласиться — я не обращал внимания на свои финансовые убытки, потому что получал выгоду от вашего присутствия здесь — правда, относительно небольшую выгоду. Боюсь, вы вынудите меня прийти к выводу, что мое снисхождение к вам следует рассматривать как ошибку, и сделать в моей бухгалтерии поправку, чтобы возместить все убытки.

— Можете не трудиться! Не на того напали! — злобно возразил Крин. — Мы квиты окончательно! И, к

слову сказать, тюрьма К'теддиона отсюда далеко. И потому каждое ваше требование ко мне на абсурдных для Милосердия условиях для меня ничего не значит!

— Законы К'теддиона мне совершенно безразличны, кроме тех случаев, когда они служат моим интересам, — спокойно ответил Хэвиланд Таф. — У меня свой закон, Джайм Крин, и если я решу до конца ваших дней оставить вас своим рабом и слугой, мне в этом не помешают ни Рей Лайтор, ни Моисей, ни вы сами. — Как всегда, он произносил эти слова спокойным, хладнокровным и безжизненным голосом, без малейшего проявления каких-либо чувств, словно делал доклад.

Однако Джайм Крин внезапно почувствовал, как по его телу пробежал холодок, и он сделал то, что ему поручил Таф.

10

Моисей был высоким мужчиной могучего сложения, тщательно заботившимся о своем теле. Но Таф рассказал Крину о его ежевечерних прогулках, так что тому нетрудно было однажды вечером вместе с тремя помощниками подстеречь его, спрятавшись в кустарнике на холме позади поселения, и схватить. Один из товарищей Крина предложил прикончить предводителя Альтруистов прямо на месте, но Крин воспротивился этому. После того как они втащили потерявшего сознание Моисея в «Гриф», Крин их отпустил.

Он сразу же доставил Моисея на «Ковчег», к Тафу, и повернулся, чтобы уйти.

— Останьтесь, — сказал ему Хэвиланд Таф. В этом помещении Крин еще никогда не был — гулкий зал неопределенных размеров, его безупречно белые стены и потолок высоко вверху сливались в куполообразный свод. Сам Таф сидел в центре открытой стороны выгнутого подковой пульта, расположенного в центре помещения, на коленях у него сидел Дакс, длинношерстный кот с широко открытыми глазами и напрягшимся телом.

Моисей, очнувшись, спросил:

— Где я?

— Вы находитесь на борту замечательного корабля «Ковчег», последнего исправного корабля, предназначенного для ведения экологических войн и принадлежавшего бывшему флоту Общества Экологической Генетики, но находящегося сейчас под моим, Хэвиланда Тафа, командованием...

— Этот голос?.. — задумался Моисей.

— Я — Господь, твой Бог... — произнес Таф.

— Верно, теперь я его узнал! — в бешенстве воскликнул Моисей и с трудом поднялся на ноги. Стоящий позади него Крин положил ему на плечи руки и грубым движением снова усадил в кресло. Моисей возмущенно запротестовал, не пытаясь, однако, больше подняться. — Вы тот самый дьявол, что наслал на нас казни, тот голос из огненного столба, преступно выдававший себя за Бога!

— Да, это так, — ответил Хэвиланд Таф. — Но если кто и является преступником, то это вы, Моисей. Это вы выдавали себя за пророка и симулировали сверхъестественные силы, которыми на самом деле не обладали! При помощи ваших дешевых трюков вам удалось успешно провести примитивную форму экологического похода. По сравнению с этим я никакой не мошенник, я — Господь Бог!

Моисей сплюнул.

— Вы человек с космического корабля с множеством механизмов. Вы великолепно разыграли казни, но сделать две казни — это еще не значит быть Богом!

— Вы сомневаетесь в том, что я могу реализовать остальные? — спросил Хэвиланд Таф. Его огромные руки скользнули к переключателям на пульте, в помещении внезапно потемнело, одновременно исчезли стены и потолок. Возникло своеобразное ощущение, будто они свободно парят в открытом космосе, взирая оттуда на Милосердие. — Присмотритесь хорошенько, — сказал Таф. — Это вымышленная ситуация, созданная компьютером. Я твердо убежден, что вы найдете это весьма поучительным. — Хэвиланд Таф передвинул несколько рычажков, и голографическое изображение, создававшее у присутствующих эффект непосредственного участия во всем происходящем, изменило перспективу. Они опустились чуть ниже облаков и повисли на большой высоте над поверхностью планеты, потом скользнули в одно из поселений Альтруистов. Прогулялись среди людей, которые с унылыми лицами свозили разлагающиеся останки множества погибших жаб к ямам с горевшими в них кострами. Заглянули в примитивные хижины: оттуда на них лихорадочно блестевшими глазами смотрели ослабевшие больные. — Такое может произойти на Милосердии сразу же после второй казни, — объяснил Хэвиланд Таф. Его руки снова начали манипулировать какими-то рычажками и кнопками. — А теперь перейдем к мошкам, — сказал он.

И они на самом деле появились. Невообразимое множество, везде и повсюду. Мошки появились разом, словно поднявшаяся пыль. Они падали на лю-

дей, которые стояли и лежали, непрерывно расчесывая все тело и совершая безумные телодвижения. Джайм Крин злорадно фыркнул, но внезапно осекся, поняв, что произойдет дальше. Люди покрылись ярко-красной сыпью, и время от времени один из таких больных начинал вертеться, мучимый невыносимым зудом, лихорадочно кататься по постели и непрерывно чесаться — чесаться до крови, беспрестанно, пока на теле не появились глубокие язвы, чесаться, крича от боли, пока не слезали ногти.

— А теперь оводы, — сказал Хэвиланд Таф. Оводы всевозможных видов гигантскими облаками кружились над поселением: толстобрюхие жалящие оводы Старой Земли со всеми переносимыми ими болезнями, тяжелые оводы с Ночного Кошмара, откладывающие яйца в живое тело. Все они собрались в гигантское облако, повисшее над поселением, покрыв собой все, словно это была особо вкусная куча навоза, и оставлявшие людей в ужасном состоянии — распухших, темно-красных, почти неузнаваемых.

— А вот мор животных, — прогремел бас Хэвиланда Тафа. В то же мгновение они оказались над стадами крупного рогатого скота и отарами овец на пастбищах и увидели, как животные падали, погибая тысячами. Они заглянули в подвалы Города Надежды, где умирали откармливаемые животные, разлагаясь и сгнивая заживо. Даже сожжение трупов не могло остановить мор. В течение короткого времени все животные были мертвы. Люди постарели от горя. Как сказал Хэвиланд Таф, причиной мора были сибирская язва, болезнь Риерзона, рожа и другие болезни.

— Следующая казнь — пыль и нарывы, — продолжал Таф. Снова разразилась эпидемия, на этот раз среди людей. Покрытые потом, истерически крича, они метались по поселениям; лица, грудь и конечно-

сти их были покрыты буграми, которые распухали и лопались, разбрызгивая гной и кровь на здоровые участки кожи, и едва исчезали старые язвы, как появлялись новые бугры. Мужчины и женщины, дети и старики, покрытые язвами, как слепые бродили по дорогам, тела их были покрыты струпьями старых ран и гнойниками. Они опускались между горами мертвых насекомых и мертвых животных, ложились, умирали и разлагались, и не было никого, кто похоронил бы их трупы.

— Град, — сказал Хэвиланд Таф, и на землю обрушился град — сильный, крупный, все сокрушающий град с градинами величиной с кулак. Он низвергался три дня и три ночи без перерыва. Крыши хижин не выдержали, и огонь в очагах погас. Кто выходил наружу — погибал, забитый до смерти. Но и тех, кто находился в хижине, град тоже не пощадил. Когда он наконец прекратился, в живых почти никого не осталось.

— Саранча, — сказал Хэвиланд Таф. Ею были полны и земля, и небо. Гигантские тучи саранчи ползали по живому и мертвому, доедая жалкие остатки продуктов.

— Тьма, — сказал Хэвиланд Таф, и пришла чудовищная, все скрывающая тьма. Газ, плотный и черный, гонимый и переносимый ветром, переливающийся и текучий, словно имеющий разум, одним-единственным неудержимым движением залил руины и людей, овладел ими, задушил все, пока не воцарилась полная тишина. Те, кто вдыхал этот газ, погибали. Засохли трава и кусты, даже сама земля изменила свой цвет, высохла, утратила жизненную силу. Однако окутавшее все поселения облако тьмы на день и ночь скрыло опустошения. Когда же эта живая тьма улетучилась, не осталось ничего, кроме тлена.

Хэвиланд Таф снова занялся приборами. Ужасные видения погасли, сменившись блеском незапятнанной белизны стен и свода, слепившим глаза.

— Согласитесь, — сказал Хэвиланд Таф протяжным, еще более глубоким и звучным голосом, — что после таких волнений вы, несомненно, откажетесь от того, чтобы я продемонстрировал вам десятую казнь — смерть патриархов. К сожалению, как всегда, и сюда может вкрасться ошибка. Я просто не могу получить более мелкие подробности. Я имею в виду, что от вас, несомненно, не ускользнуло, что эти смоделированные сцены уже продемонстрировали смерть патриархов — а также их потомков. Я уничтожил все и вся!

Моисей — хотя и побледневший и пришибленный, но с несломленным духом — прошептал:

— Если вы нашлете эти казни, я останусь со своим народом!

— Очень похвально, Моисей. Но все-таки вы не пророк. А я — Господь, ваш Бог, — сказал Хэвиланд Таф без всяких признаков возбуждения, все еще поглаживая огромной бледной ладонью Дакса. — Хотя я рожден человеком и человеком прожил много лет, но с того мгновения, как у меня появился «Ковчег», я могу смело утверждать, что перестал быть им. Огромная и, по-видимому, безграничная власть, которую дал мне корабль, неизмеримо превосходит все остальное — в том числе и власть людей, поклоняющихся богам. Нет человека, который бы отважился сразиться со мной и у которого я не смог бы забрать его жизнь. Нет мира, на котором я не мог бы остановиться и не превратить его в пустыню, пожелай я этого, а вслед за этим не позволил бы там расцвести новой жизни, которая мне больше по нраву. Я — Господь Бог или по меньшей мере больше других соответствую ему, больше всех, кто когда-либо мне встречался.

Ваше счастье, что я благосклонен, готов помочь, милостив, и меня часто мучает скука. Все остальные люди для меня не более чем фигуры в той игре, за которой я провел несколько недель. Добавлю, что сначала насылание казней было довольно интересной забавой, и она немного развлекла меня. Но потом, как и многое другое, она мне наскучила. После двух казней, Моисей, мне стало ясно, что вы вряд ли являетесь серьезным противником и едва ли сможете удивить меня чем-то новым. Моя цель была достигнута, когда граждане Города Надежды смогли вернуться в свой Архолог. Все остальное было лишь не относящимся к делу ритуалом. Итак, я решил завершить игру. А теперь идите, Моисей, и в будущем остерегайтесь насылать свои казни еще на кого бы то ни было. Иначе я с вами покончу.

А вы, Джайм Крин, позаботьтесь о том, чтобы ваши товарищи по вере отказались от мести. У вас еще будут возможности добиться побед. Одна такая победа должна состоять в том, чтобы на протяжении жизни одного поколения культура, религия и образ жизни Моисея исчезли бы без особых потрясений. И всегда помните, кто я есть, и постоянно думайте о том, что Дакс может заглянуть в мозги вам всем. Когда-нибудь путь «Ковчега» снова пройдет мимо этой планеты, и если я узнаю, что вы ослушались меня, произойдет то, что я показал вам в качестве предупреждения: на этот мир падут казни, и жизнь на планете будет истреблена.

Джайм Крин пребывал в задумчивости.

— Хэвиланд Таф, вы блефовали, — сказал он. — Вы не Бог. Вы показали нам выдуманное, в действительности ничего из этого вы сделать не можете!

— В самом деле? — с иронией спросил Хэвиланд Таф.

— Да, в самом деле! — рассердился Джайм Крин, увлеченный своей собственной идеей. — Вам, конечно, удалось поразить Моисея, но меня вы этими вашими ужасными видениями не смогли обмануть ни на минуту. И знаете почему? Вас выдал град. Болезни, мор скота — это можно причислить к средствам ведения экологической войны. Может быть, даже эту живую темноту, хотя я думаю, вы ее выдумали. Но град — это метеорологическое явление, и оно не имеет отношения ни к биологии, ни к экологии! Вы допустили грубую ошибку, Таф. Но, несмотря на мои критические замечания в ваш адрес, я рад, что вы так напугали Моисея.

— Напугал? Да, действительно, — согласился Хэвиланд Таф.

Джайм Крин хихикнул.

— И еще хочу сказать, что за доставку Моисея и отправку его обратно вы должны мне ровно сто стандартов.

— Друг мой, — улыбнулся Хэвиланд Таф, — что вы обо мне думаете! Я никогда не забываю о своем долге. И у вас нет никаких оснований для беспокойства. — С этими словами он открыл крышку ящика, который Крин захватил с собой из Города Надежды, и, отсчитав сто стандартов, положил их на стол перед Крином. — Идите туда, к секции номер девять, и возле дверей с надписью «Контроль» вы найдете маленький шлюз.

Джайм Крин наморщил лоб.

— Воздушный шлюз? Я, право, ничего не понимаю.

— Друг мой, — с достоинством объяснил Хэвиланд Таф, — что тут понимать! Я имел в виду то, что сказал. И если я говорю о воздушном шлюзе, то только потому, что не знаю другого слова, которое обо-

значало бы это остроумно созданное устройство, при помощи которого можно покинуть «Ковчег», не теряя при этом большого количества драгоценного воздуха. Ведь у вас нет космического бота, и было бы безрассудным расточительством, если бы вы воспользовались большим шлюзом.

Крин растерянно посмотрел на него.

— Вы... вы, может быть, хотите выбросить меня за борт?

— Позвольте вам сказать, что я считаю произнесенные вами сейчас слова совершенно неуместными, — заметил ему Хэвиланд Таф. — Почему так резко? Нет, скажем лучше так: как вы уже согласились со мной, вы едва ли сможете сопровождать меня в моем дальнейшем путешествии. Закон случая: если вы воспользуетесь моим посадочным ботом, кто же доставит его обратно? А я просто не могу себе позволить пожертвовать такой ценной частью моего снаряжения для вашего личного удобства. Ну так как?

Джайм Крин снова наморщил лоб, на этот раз от негодования.

— Как просто вы создаете проблемы там, где их нет! Все очевидно: мы оба садимся в «Гриф». Вы опускаете меня на космодром Веры, а потом возвращаетесь обратно на «Ковчег».

Хэвиланд Таф погладил Дакса.

— Интересное предложение, — пробормотал он, — и совершенно реальное. Конечно, вы сознаете, что такой полет будет мне в тягость, не так ли? Не думаете же вы, что я за эту неприятность не заслуживаю никакого вознаграждения?

Джайм Крин безмолвно уставился в бледное, ничего не выражающее лицо своего визави, потом покорно вздохнул и отдал ему обратно сто стандартов.

МАННА НЕБЕСНАЯ*

1

Сатлэмская армада прочесывала окраины звездной системы, двигаясь в бархатной черноте космоса с молчаливой, величавой грацией тигра, вышедшего на охоту. Она летела на перехват «Ковчега».

Хэвиланд Таф сидел за пультом управления, просматривая ряды телеэкранов и компьютерных терминалов. Флот, летевший ему навстречу, с каждой минутой выглядел все более грозным. Как показывали приборы, там было четырнадцать больших кораблей и целые полчища маленьких истребителей. В середине клина летели девять серебристо-белых луковицевидных кораблей, ощетинившихся незнакомым вооружением. На флангах их сопровождали четыре длинных черных дредноута. В центре шел флагман — гигантский боевой корабль в форме блюдца диаметром, как показали датчики Тафа, шесть километров от края до края. Это был самый большой звездолет, какой Тафу приходилось встречать с того дня, более десяти лет назад, когда он впервые увидел покинутый «Ковчег». Истребители вились вокруг блюдца словно злые пчелы.

На вытянутом бледном безволосом лице Тафа не отразилось никаких чувств, но, когда он сжал пальцы, Дакс, сидевший у него на коленях, тревожно мяукнул.

---

* Manna from Heaven © 1988 George R. R. Martin. — *Перев. с англ. О. Орловой.*

Загорелся индикатор связи: с ним вступали в контакт.

Хэвиланд Таф спокойно и неторопливо протянул руку и нажал кнопку.

Таф думал, что на телеэкране перед ним появится какое-нибудь человеческое лицо. Его ждало разочарование. Черты звонившего скрывала маска из металлопласта, вделанная в шлем зеркально отражающей военной формы. Гребень шлема украшало стилизованное изображение глобуса Сатлэма. За лицевой пластиной, словно горящие глаза, светились многоспектральные сенсоры. Все это напомнило Хэвиланду Тафу одного неприятного человека, которого он когда-то знал.

— Не стоило ради меня надевать официальную форму, — бесстрастно начал Таф. — Кроме того, хотя размер почетного эскорта, который вы выслали мне навстречу, и льстит моему самолюбию, я был бы вполне удовлетворен гораздо меньшим и не таким впечатляющим сопровождением. Этот же отряд так огромен и грозен, что поневоле заставляет задуматься. Человек менее доверчивый, чем я, пожалуй, мог бы неправильно истолковать его цели и заподозрить, что ему грозит опасность.

— Говорит Вальд Обер, командующий Седьмого крыла Флотилии планетарной обороны Сатлэма, — низким искаженным голосом представилось мрачное изображение на экране.

— Седьмого крыла, — повторил за ним Хэвиланд Таф. — Несомненно, так. Это говорит о возможном существовании еще по крайней мере шести таких же устрашающих отрядов. По-видимому, со времени моего последнего визита сатлэмские силы обороны несколько увеличились.

Вальд Обер не обратил внимания на его слова.

— Немедленно сдавайтесь, или вас уничтожат, — резко сказал он.

Таф моргнул.

— Боюсь, что это прискорбное недоразумение.

— Кибернетическая республика Сатлэм и так называемый альянс Вандина, Джазбо, Мира Генри, Скраймира, Роггандона и Лазурной Троицы находятся в состоянии войны. Вы вошли в запретную зону. Сдавайтесь, или мы вас уничтожим.

— Вы не за того меня принимаете, сэр, — сказал Таф. — В этой печальной конфронтации, до сего момента мне не известной, я сторона нейтральная. Я не вхожу ни в какую фракцию, клику или альянс и представляю только самого себя — инженера-эколога с самыми добрыми намерениями. Размеры моего корабля пусть вас не беспокоят. Несомненно, за такой небольшой срок, как пять стандарт-лет, многоуважаемые «паучки» и киберы Порта Сатлэма не могли совсем забыть мои прежние визиты на вашу замечательную планету. Я — Хэвиланд...

— Мы знаем, кто вы, Таф, — перебил его Вальд Обер. — Мы узнали «Ковчег» сразу же, как только вы сменили курс. Слава Богу, у альянса нет дредноутов длиной тридцать километров. У меня приказ Высшего Совета следить, когда вы появитесь.

— Несомненно, так, — произнес Хэвиланд Таф.

— Как вы думаете, почему мое крыло вас преследует? — спросил Обер.

— Я надеялся, что в знак теплого приветствия, — ответил Таф. — Как почетный эскорт, который везет мне в подарок свежие, душистые грибы. Теперь я вижу, что это предположение было необоснованно.

— Предупреждаю вас в третий и последний раз, Таф. Мы нагоним вас не более чем через четыре стандартминуты. Сдавайтесь сейчас, или мы вас уничтожим.

— Сэр, — ответил Таф, — прежде чем вы сделаете непозволительную ошибку, пожалуйста, проконсультируйтесь со своим начальством. Я уверен, что вы неправильно его поняли.

— Вас заочно осудили и признали преступником, еретиком и врагом сатлэмского народа.

— Что-то здесь не так, я вовсе не заслужил подобного, — запротестовал Таф.

— Десять лет назад вы бежали от нашей флотилии. Не пытайтесь сделать это сейчас. Сатлэмская техника не стоит на месте. Наше новое оружие в клочья разнесет ваши устаревшие защитные экраны, я вам это обещаю. Наши лучшие историки изучили всю информацию об этой вашей развалюхе. Я сам проверял расчеты. Так что мы хорошо подготовились к этой встрече.

— Я не хочу показаться невежливым, но совсем не обязательно было так себя утруждать, — сказал Таф. Он взглянул на ряды телеэкранов по обе стороны длинной узкой комнаты и увидел, что сатлэмский боевой порядок быстро приближается к «Ковчегу». — Если эта необоснованная враждебность как-то связана с моим долгом Порту Сатлэма, смею вас заверить, что я готов выплатить его полностью и немедленно.

— Две минуты, — произнес Вальд Обер.

— Более того, если Сатлэм вновь нуждается в услугах инженера-эколога, я готов оказать их по значительно сниженной цене.

— Хватит с нас ваших подачек. Одна минута.

— Кажется, мне остается только одно, — сказал Хэвиланд Таф.

— Значит, вы сдаетесь? — недоверчиво спросил командующий.

— Думаю, что нет, — ответил Таф. Он протянул руку и легким движением пальцев нажал несколько

голографических клавиш, подняв старинные защитные экраны «Ковчега».

Лица Вальда Обера видно не было, но ему удалось придать своему голосу презрительно-насмешливый тон:

— Имперские экраны четвертого поколения, тройной запас прочности, частное перекрывание, фазирование координируется компьютером корабля. На корпусе броня из дюрасплава. Я же говорил вам, что мы провели исследование.

— Ваша тяга к знаниям достойна похвалы, — заметил Таф.

— Следующая ваша шутка может стать последней, так что уж постарайтесь, чтобы она была хорошей. Дело в том, что мы точно знаем, что у вас есть, нам точно известно, какой удар может вынести система защиты биозвездолета ОЭГ, и мы готовы нанести более сильный удар. — Он повернул голову. — Подготовиться к открытию огня, — приказал он своим невидимым подчиненным. Повернувшись к Тафу, Обер добавил: — Нам нужен «Ковчег», и вы не можете нам помешать. Тридцать секунд.

— Смею не согласиться, — спокойно возразил Таф.

— Огонь откроют по моей команде, — сказал Обер. — Если вы настаиваете, я начну отсчет последних секунд вашей жизни. Двадцать. Девятнадцать. Восемнадцать...

— Такой энергичный отсчет услышишь не часто, — вставил Таф. — Только, пожалуйста, не сбейтесь из-за одной неприятной новости, которую я хотел бы вам сообщить.

— Четырнадцать. Тринадцать. Двенадцать.

Таф сложил руки на животе.

— Одиннадцать. Десять. Девять. — Обер тревожно взглянул в сторону, потом на экран.

— Девять, — повторил Таф. — Прекрасная цифра. Обычно за ней следует восемь, затем семь.

— Шесть, — сказал Обер. Он немного помедлил в нерешительности, потом продолжил: — Пять.

Таф молча ждал.

— Четыре. Три. — Обер остановился. — Какая неприятная новость? — заорал он с экрана.

— Сэр, — ответил Таф. — Если вы будете кричать, вы только заставите меня сделать потише звук. — Он поднял палец. — Неприятная новость заключается в том, что если защитные экраны «Ковчега» будут пробиты, то сработает маленькая термоядерная бомба, которую я заложил в клеточный фонд корабля, и те самые материалы для клонирования, что делают «Ковчег» столь бесценным, уникальным и желанным, будут мгновенно уничтожены.

Наступило молчание. Горящие красные сенсоры, просвечивающие через темную маску Вальда Обера, пристально разглядывали бесстрастное лицо Тафа.

— Вы блефуете, — наконец произнес командующий.

— Несомненно, — сказал Таф. — Вы меня разоблачили. И как только я мог надеяться одурачить такого проницательного человека своей глупой детской шуткой?! Теперь вы откроете огонь, пробьете мои старенькие экраны и убедитесь, что я соврал. Только дайте мне минутку попрощаться с моими кошками. — Таф снова сложил руки на своем большом животе и стал ждать ответа.

— Именно это я и сделаю, черт бы вас побрал! — выругался Вальд Обер.

— Я жду с печальным смирением, — спокойно сказал Таф.

— У вас осталось двадцать секунд.

— Боюсь, что моя новость вас сбила. Вы остановились на трех. Тем не менее я хочу бессовестно вос-

пользоваться вашей ошибкой и насладиться каждым мгновением, что у меня осталось.

Они долго глядели друг на друга, глаза в глаза, экран к экрану. Дакс, уютно устроившийся на коленях у Тафа, начал мурлыкать. Хэвиланд Таф погладил длинную черную шерсть. Кот замурлыкал еще громче и поскреб когтями колено Тафа.

— А ну вас к черту! — воскликнул Вальд Обер. Он показал пальцем на экран. — Ладно, на этот раз мы вас, может быть, не тронем, но предупреждаю, Таф, даже и думать не смейте сбежать. Взорветесь вы или улетите — ваш клеточный фонд в обоих случаях будет для нас потерян. И если у меня будет возможность выбирать, я скорее предпочту, чтобы вы взорвались.

— Я вас понимаю, — сказал Хэвиланд Таф. — Хотя я, конечно, предпочел бы улететь. Но я должен заплатить долг Порту Сатлэма, следовательно, я не могу вас покинуть, как вы опасаетесь. Так что вы можете сколько угодно любоваться моей физиономией, а я вашей грозной маской, пока мы не выйдем из этого скучного тупика.

Ответить Вальду Оберу так и не пришлось. Его боевая маска внезапно исчезла с экрана, а вместо нее появилось простое лицо женщины — большой рот, нос, очевидно, не раз переломанный, копна голубовато-седых волос, который возникает от частого воздействия жесткой радиации и многолетнего употребления противораковых таблеток, светлые яркие глаза, окруженные сеточками морщинок.

— Ну хватит, — сказала она. — Вы победили, Таф. Обер, вы теперь почетный эскорт Хэвиланда. Перестройтесь, черт возьми, и проводите его на «паутину».

— Вы очень заботливы, Толли, — ответил Хэвиланд Таф. — Рад сообщить вам, что я готов выпла-

тить последнюю часть своего долга Порту Сатлэма за ремонт «Ковчега».

— Надеюсь, вы захватили и еды для кошек, — сухо сказала Толли Мьюн. — Так называемый пятилетний запас, что вы мне оставили, кончился почти два года назад. — Она вздохнула. — Я не думаю, что вы захотите уйти в отставку и продать нам «Ковчег».

— Конечно, нет, — ответил Таф.

— Я и не надеялась. Ладно, Таф, доставайте пиво. Я приду поговорить с вами, как только вы причалите к «паутине».

— Я не хочу вас обидеть, но должен признаться, что в данный момент я не очень расположен принимать такого почетного гостя, как вы. Командующий Обер только что сообщил мне, что меня признали преступником и еретиком. Это весьма любопытно, поскольку я не являюсь ни гражданином Сатлэма, ни сыном церкви, но тем не менее это меня беспокоит. Я просто умираю от страха.

— А, это, — сказала она. — Пустая формальность.

— Несомненно, — согласился Таф.

— Черт возьми, Таф, если мы собираемся украсть ваш корабль, нам ведь нужен хороший законный предлог, да? Мы, черт побери, — правительство. Нам разрешается красть все, что захочется, нужно только придать этому вид законности.

— Должен признать, что мне в моих странствиях нечасто доводилось встречать такого откровенного политического деятеля, как вы. Это ободряет. И все-таки какие вы можете дать мне гарантии, что не попытаетесь захватить «Ковчег», когда будете у меня в гостях?

— Я? Захватить? — возмутилась Толли Мьюн. — Да как я это сделаю? Не беспокойтесь, я приду одна, —

она улыбнулась, — ну, почти одна. Вы не возражаете, если я возьму с собой кошку?

— Конечно, нет, — ответил Таф. — Мне приятно узнать, что кошки, которых я вам оставил, в мое отсутствие процветали. Я буду ждать вас с нетерпением, Начальник порта Мьюн.

— Первый Советник Мьюн, — поправила она, прежде чем исчезнуть с экрана.

2

Тафа никто никогда не называл слишком неосторожным. Он поставил корабль в двенадцати километрах от конца одной из гигантских спиц орбитального сооружения, известного под названием Порт Сатлэма, и не убрал защитные экраны. Толли Мьюн прибыла к нему на маленьком звездолете, который Таф оставил ей пять лет назад, когда последний раз прилетал на Сатлэм.

Таф пропустил ее через щиты и открыл огромный купол причальной палубы, чтобы она могла совершить посадку. Приборы «Ковчега» показывали, что на ее корабле полно живых существ, и только одно из них — человек. Остальные имели параметры кошек. Таф выехал ей навстречу на трехколесной тележке. На нем был темно-зеленый костюм из ткани под бархат, подпоясанный на выпирающем животе. На голове красовалась потрепанная зеленая кепка с длинным козырьком и золотой эмблемой Общества Экологической Генетики. Вместе с Тафом, лениво развалившись на его широких коленях, ехал Дакс.

Когда открылся тамбур, Таф, лавируя между старыми звездолетами, скопившимися у него за годы

путешествий, поспешил прямо туда, где Толли Мьюн, бывший Начальник сатлэмского порта, неуклюже спускалась по трапу своего корабля.

Рядом с ней шла кошка.

Дакс мгновенно вскочил на ноги, черная шерсть встала дыбом, как будто его длинный пушистый хвост воткнули в электрическую розетку. Сонливость как рукой сняло. Он спрыгнул с колен Тафа, прижал уши и зашипел.

— Ты что, Дакс? — удивилась Толли Мьюн. — Разве так встречают родственников? — Она ухмыльнулась и, нагнувшись, погладила огромного кота, стоявшего рядом с ней.

— Я думал, что это будет Неблагодарность или Сомнение, — сказал Хэвиланд Таф.

— О, с ними все в порядке, — ответила Толли Мьюн. — И с их чертовым потомством тоже. Несколько поколений. Мне следовало предусмотреть это, когда вы дали мне пару. Самца и самку. Сейчас их у меня... — она нахмурилась и быстро посчитала на пальцах, — кажется, шестнадцать. Да. И две беременны. — Она ткнула большим пальцем в звездолет позади нее. — Мой корабль превратился в большой кошатник. Многие из них любят гравитацию не больше, чем я. Родились и выросли в невесомости. Мне никогда не понять, как они могут быть такими грациозными, а буквально в следующий момент такими смешными и неуклюжими.

— Кошачьи повадки полны противоречий, — заметил Таф.

— Это Черныш.

Толли Мьюн подняла его на руки.

— Черт, какой он тяжелый! В невесомости это не заметно.

Дакс не сводил глаз с чужого кота и шипел.

Черныш, прижатый к засаленному скафандру Толли Мьюн, смотрел на огромного черного кота с ленивым высокомерием...

Таф был ростом два с половиной метра, с соответствующей фигурой. Дакс по сравнению с другими кошками был таким же большим, как его хозяин по сравнению с другими людьми. Черныш был еще больше.

Шерсть у него была длинная, шелковистая, дымчато-серого цвета со светлым серебристым подшерстком. Глаза тоже были серебристо-серые, безмятежные и жутковатые, словно глубокие омуты. Это было самое красивое из всех животных, когда-либо обитавших в расширяющейся вселенной. Кот это знал и держался словно наследный принц.

Толли Мьюн неуклюже уселась рядом с Тафом.

— Он тоже телепат, — весело сообщила она, — как ваш Дакс.

— Несомненно, — сказал Хэвиланд Таф. Рассерженный Дакс напряженно застыл у него на коленях. Он опять зашипел.

— Только благодаря Чернышу я сохранила остальных кошек, — сказала Толли Мьюн. На ее лице отразился упрек. — Вы же сказали, что оставляете для кошек еды на пять лет.

— Для двух кошек, мадам, — возразил Таф. — Разумеется, шестнадцать кошек потребляют больше, чем одни Сомнение с Неблагодарностью.

Дакс подвинулся поближе к чужому коту, оскалил зубы и весь ощетинился.

— У меня были проблемы, когда еда кончилась. Поскольку у нас туго с продовольствием, я должна была найти веские причины, чтобы тратить калории на вредителей.

— Возможно, вы думали о том, как ограничить воспроизводство своих подопечных, — заметил Таф. —

Такая стратегия, несомненно, принесла бы свои плоды, и ваш пример послужил бы полезной и отрезвляющей иллюстрацией к проблемам Сатлэма — и к способу их решения.

— Стерилизация? — спросила Толли Мьюн. — Это антижизнь, Таф. Исключается. У меня возникла идея получше. Я рассказала о Даксе своим друзьям — биотехнологам, киберам, — и они сделали мне такого же кота из клеток, взятых у Неблагодарности.

— Поразительно, — сказал Таф.

Она улыбнулась.

— Чернышу уже почти два года. Он настолько ценен, что мне предоставили продукты не только для него, но и для всех остальных. Он помог мне и в политической карьере.

— Не сомневаюсь, — сказал Таф. — Я заметил, что гравитация его не смущает.

— Нет. Сейчас мне приходится бывать внизу гораздо чаще, чем мне бы хотелось, и я беру с собой Черныша. Всегда.

Дакс угрожающе зашипел. Он метнулся было к Чернышу, но вдруг отпрянул назад и презрительно фыркнул.

— Вы лучше держите его, Таф, — посоветовала Толли Мьюн.

— Кошки иногда испытывают биологическую потребность в драке, чтобы установить иерархические отношения, — объяснил Таф. — Особенно это свойственно котам. Дакс, несомненно, благодаря своим телепатическим способностям давно уже установил свое превосходство над Хаосом и остальными моими кошками. Очевидно, сейчас он чувствует, что его положение под угрозой. Об этом не стоит серьезно беспокоиться, Первый Советник Мьюн.

— Я беспокоюсь за Дакса, — сказала она, глядя, как черный кот подкрадывается все ближе. Черныш,

сидя у нее на коленях, смотрел на своего соперника с безграничной скукой.

— Я вас не понимаю.

— У Черныша тоже есть эти телепатические способности плюс еще несколько... хм... преимуществ. Вживленные когти из дюрасплава, острые, как бритвы, и спрятанные в особых ножнах; подкожная сеть из неаллогенного металлопласта, благодаря которой он стал почти неуязвимым. Генетически ускоренные рефлексы, которые делают его в два раза более ловким и проворным, чем обычная кошка. Очень высокий болевой порог. Я не хочу показаться бестактной, но предупреждаю, что, если Дакс прыгнет, Черныш разорвет его в клочья.

Хэвиланд Таф моргнул и передал руль Толли Мьюн.

— Наверно, будет лучше, если поведете вы.

Он взял своего черного кота за шкирку, невзирая на его хриплый вой и шипение, водрузил к себе на колени и крепко прижал руками.

— Поезжайте сюда, — сказал он, показывая направление длинным бледным пальцем. На одной из нижних палуб Таф запер своего кота — подальше от Черныша.

3

— Похоже, — сказал Хэвиланд Таф, наблюдая за Толли Мьюн из глубины своего огромного кресла с подголовником, — что с тех пор, как я последний раз был на Сатлэме, обстоятельства изменились.

Толли Мьюн внимательно изучала Тафа: живот у него стал еще больше, длинное лицо было таким же

бесстрастным, как и прежде, но без Дакса на коленях Таф выглядел чуть ли не голым. Поскольку древний биозвездолет был длиной тридцать километров, а по этой палубе бродило еще несколько кошек, Дакс вряд ли испытывал недостаток места или общения, но все равно он, должно быть, был сбит с толку и обижен за то, что ему вдруг почему-то дали отставку.

Кот-телепат уже несколько лет неотлучно находился при Тафе, даже катался в его широких карманах, когда был котенком. Толли Мьюн стало немножко жаль животное.

Но не слишком. Дакс был козырной картой Тафа, а она его обошла. Толли Мьюн улыбнулась и провела рукой по дымчато-серебристой шерсти Черныша, услышав в ответ громовое мурлыканье.

— Чем больше обстоятельства меняются, тем долее они остаются неизменными, — ответила она на замечание Тафа.

— Это одна из тех древних поговорок, которые не выдерживают логического анализа, — сказал Таф, — потому что они явно противоречат сами себе. Если обстоятельства на Сатлэме действительно изменились, они не могли остаться прежними. Для меня, прибывшего издалека, перемены очевидны. Это война и ваше выдвижение на пост Первого Советника — кстати, весьма неожиданное.

— Чертовски противная работа, — скривившись, заметила Толли Мьюн, — если бы я могла, я бы не задумываясь опять стала Начальником порта.

— Мы сейчас не обсуждаем вашу удовлетворенность работой, — продолжил Таф. — Следует также отметить, что, к моему огорчению, я встретил на Сатлэме заметно менее радушный прием, чем в прошлый раз, несмотря на тот факт, что дважды спасал вас от массового голода, эпидемий, каннибализма, соци-

альных катаклизмов и других малоприятных вещей. Более того, даже самые злобные, грубые народы нередко соблюдают какой-то элементарный этикет по отношению к тем, кто везет им одиннадцать миллионов стандартов — а это, если вы помните, остаток моего долга Порту Сатлэма. Следовательно, у меня были все основания ожидать несколько иного приема.

— Вы ошибались, — сказала она.

— Несомненно. Теперь, когда вы занимаете самый высокий политический пост на Сатлэме, а не трудитесь на исправительной ферме, для меня, по правде говоря, еще более непонятно, почему Флотилия планетарной обороны решила встретить меня враждебными окриками, суровыми предупреждениями и угрозами открыть огонь.

Толли Мьюн почесала Черныша за ухом.

— По моему приказу, Таф.

Таф сложил руки на животе.

— Я жду разъяснений.

— Чем больше обстоятельства меняются... — начала она.

— Я уже понял иронию, заключенную в этой избитой фразе, поэтому вам нет необходимости повторять ее снова и снова. Я буду очень вам признателен, Первый Советник Мьюн, если вы перейдете к сути дела.

Она вздохнула:

— Вы знаете нашу ситуацию.

— В общих чертах, конечно, — признал Таф. — Сатлэм страдает от избытка населения и нехватки питания. Дважды я совершал чудеса экоинженерии, чтобы помочь сатлэмцам избавиться от угрозы голода. Конкретные характеристики вашего продовольственного кризиса год от года меняются, но я уверен, что по своей сути ситуация остается именно такой, как я обрисовал.

— Последний прогноз был еще хуже.

— Несомненно, — сказал Таф. — Насколько я помню, сатлэмцы должны были отдалить угрозу массового голода и социальной катастрофы на сто девять лет при условии, что мои рекомендации и предложения будут неукоснительно соблюдаться.

— Мы пытались, черт возьми. Правда пытались. Мясные звери, стручки, ороро, нептунова шаль — все есть. Но замена была неполной. Слишком много высокопоставленных людей не захотели отказываться от деликатесов, поэтому у нас до сих пор большая часть пастбищ отдана на корм скоту, целые фермы выращивают неотраву, омнизерно и нанопшеницу — ну и так далее. Между тем кривая роста населения продолжала подниматься быстрее, чем всегда, а эта чертова Церковь Эволюционирующей Жизни проповедует святость жизни и священную роль воспроизводства в эволюции человечества.

— Какова оценка? — резко спросил Таф.

— Двенадцать лет.

Таф поднял палец.

— Чтобы вы полностью осознали всю тяжесть своего положения, может быть, следует приказать командующему Вальду Оберу отсчитывать остающееся вам время по телевидению. Может быть, такой отсчет помог бы сатлэмцам исправиться.

Толли Мьюн поморщилась.

— Таф, избавьте меня от своих неуместных острот. Я теперь, черт возьми, Первый Советник, и мне приходится глядеть прямо в уродливое лицо катастрофы. Война и голод — это еще не все. Вы и представить себе не можете, с какими проблемами мне предстоит столкнуться.

— Возможно, подробности мне и не известны, но общий характер понять несложно. Я не претендую на ясновидение, но всякий разумный человек мог бы за-

метить определенные факты и сделать определенные выводы. Возможно, эти выводы неверны. Без Дакса я не могу определить их правильность. Но все-таки я думаю, что не ошибся.

— Какие еще факты? Какие выводы?

— Во-первых, — сказал Таф. — Сатлэм воюет с Вандином и его союзниками. Следовательно, я могу сделать вывод, что технократическая фракция, которая играла ведущую роль в политике Сатлэма, уступила власть своим соперникам-экспансионистам.

— Не совсем, — ответила Толли Мьюн. — Но в общем мысль правильная. После того как вы уехали, экспансионисты на каждых выборах получали все больше мест, но мы не допустили их к власти, образовав ряд коалиционных правительств. Мы объяснили всем, что экспансионистское правительство означает войну. Черт возьми, экспансионистского правительства у нас еще нет, а война уже есть. — Она покачала головой. — За эти пять лет у нас сменилось девять Первых Советников. Я — последний. Пока.

— Мрачность ваших нынешних прогнозов наводит на мысль, что эта война фактически еще не коснулась вашего населения, — заметил Таф.

— Слава Богу, нет, — ответила Толли Мьюн. — Когда прилетел военный флот Вандина и его союзников, мы были готовы к встрече. Новые корабли, новые системы оружия, все создано тайно. Когда наши враги увидели, что их ждет, они улетели восвояси, не дав и залпа. Но они вернутся, черт бы их побрал. У нас есть сведения, что они готовят серьезный удар.

— Я мог бы сделать вывод, что на самом Сатлэме условия быстро ухудшаются.

— Откуда, черт возьми, вы это знаете?

— Это очевидно, — ответил Таф. — Возможно, из вашего прогноза следует, что голод и катастрофа на-

ступят лет через двенадцать, но вряд ли можно сказать, что до того времени жизнь будет спокойной и гладкой, а потом ударит колокол и ваш мир рухнет. Об этом смешно и думать. Раз вы так близко подошли к катастрофе, логично было бы предположить, что вас уже постигли бедствия, характерные для распада культуры.

— Да, это так, черт возьми. С чего мне начать?

— Хорошо бы с самого начала, — сказал Таф.

— Это мой народ, Таф. Это мой мир. Это в общем-то хороший мир. Но в последнее время он страшно изменился. С тех пор как вы были здесь в последний раз, преступность выросла на двести процентов, количество убийств — на пятьсот, самоубийств — больше чем на две тысячи. Разные поломки служб обеспечения стали уже обычным делом — каждый день отключается свет, ломаются какие-нибудь системы, кто-нибудь бастует, появились и случаи вандализма. Глубоко в подземных городах есть и каннибализм — и не единичные случаи. Появились, черт возьми, целые банды каннибалов. Разные тайные общества. Одна банда захватила пищевую фабрику, удерживала ее две недели и вела бой с планетарной полицией. Другая банда ненормальных похищала беременных женщин и... — Толли Мьюн нахмурилась, Черныш зашипел. — Трудно об этом говорить, для сатлэмцев женщина с ребенком — это святое, но этим, я не могу даже назвать их людьми, Таф, этим тварям понравился вкус...

Хэвиланд Таф протестующе поднял руку.

— Можете не продолжать, — сказал он. — Я понял. Дальше.

— Еще множество маньяков-одиночек. Полтора года назад кто-то слил высокотоксичные отходы в резервуар с продукцией пищевой фабрики. От отрав-

ления погибло больше двенадцати тысяч человек. И наконец, массовая культура — Сатлэм всегда был терпим, но теперь приходится терпеть уж слишком многое. Растет самая настоящая страсть к уродству, смерти, насилию. У нас началось сопротивление попыткам перестроить экосистему в соответствии с вашими рекомендациями. Травили и взрывали мясных зверей, поджигали поля со стручками. Организованные банды на высотных планерах охотятся с гарпунами на ороро. В этом нет никакого смысла. Что касается религиозного единства — появляются самые разные колдовские секты. И война! Одному Богу известно, сколько народа погибнет, но она популярна, как... Черт, не знаю, по-моему, она популярнее, чем секс.

— Несомненно, так, — сказал Таф. — Я не удивлен. Полагаю, что неизбежность катастрофы, как и в прошлые годы, — тщательно охраняемая тайна Высшего Совета?

— К сожалению, нет, — ответила Толли Мьюн. — Одна советница из фракции меньшинства не удержалась, созвала репортеров и выболтала все в программе новостей. Наверное, хотела получить еще несколько миллионов голосов. И это сработало, черт бы ее побрал. Но получился идиотский скандал, а потом еще один. Первый Советник был вынужден уйти в отставку. К этому времени искать новую жертву было уже негде, кроме как наверху. Угадайте, кого выбрали? Героиню нашего любимого фильма, несговорчивого чиновника, Ма Паучиху, вот кого.

— Вы, очевидно, имеете в виду себя, — вставил Таф.

— К тому времени меня уже никто особо не ненавидел. У меня была репутация хорошего специалиста, оставались еще какие-то следы романтического ореола, и я была приемлема для большинства круп-

ных фракций Совета. Это было три месяца назад. Веселенькая работа, ничего не скажешь. — Она уныло улыбнулась. — Вандинцы тоже слушают наши новости. Как раз когда меня выбрали на этот чертов пост, они заявили, что Сатлэм — угроза миру и стабильности в секторе, и вместе со своими паршивыми союзниками стали решать, что с нами делать. В конце концов они предъявили нам ультиматум: немедленно ввести нормирование продуктов и принудительное ограничение рождаемости, или альянс оккупирует Сатлэм и заставит нас это сделать.

— Предложение полезное, но бестактное, — заметил Таф. — Отсюда ваша нынешняя война. Но все это отнюдь не объясняет вашего отношения ко мне. Я дважды оказывал помощь вашему миру. Разумеется, вы не думали, что я могу отказать вам в своих профессиональных услугах в третий раз.

— Я решила, что вы сделаете все, что сможете, — она подняла палец, — но на наших условиях, Таф. Черт, вы помогли нам, да, но всегда на своих собственных условиях, и все ваши нововведения принесли лишь временное облегчение.

— Я не раз предупреждал вас, что все мои усилия — это лишь латание дыр, — ответил Таф.

— В предупреждениях калорий нет, Таф. Извините, но у нас нет выбора. На этот раз мы не сможем позволить вам приклеить пластырь на нашу рану и смыться. В следующий раз, когда вы прилетите посмотреть, как у нас дела, нас уже не будет. Нам нужен «Ковчег», Таф, и навсегда. Мы готовы его использовать. Десять лет назад вы сказали, что мы не сильны в биотехнологии и экологии, и вы были правы. Тогда. Но времена меняются. Мы — один из самых передовых миров человеческой цивилизации и в течение десяти лет готовили экологов и биотехнологов. Мои

предшественники приглашали ведущих теоретиков с Авалона, Ньюхолма и многих других планет. Умнейшие люди, гении. Нам даже удалось завлечь к себе лучших генетиков с Прометея, настоящих волшебников. — Она погладила своего кота и улыбнулась. — Они помогли с Чернышом. Очень помогли.

— Несомненно, — отозвался Таф.

— Мы готовы работать с «Ковчегом». Каким бы способным вы ни были, Таф, вы, черт возьми, один. Мы хотим постоянно держать ваш биозвездолет на сатлэмской орбите, здесь будут работать двести ведущих ученых и специалистов по генной инженерии, так что мы сможем ежедневно заниматься решением нашего продовольственного кризиса. Этот корабль, его клеточный фонд и вся забытая информация в его компьютерах — это наша последняя надежда, поймите. Поверьте, Таф, прежде чем отдать приказ Вальду Оберу, я обдумала все возможные варианты, какие только могла себе представить. Я знала, что вы ни за что его не продадите. Какой у меня был выбор, черт возьми? Мы не хотим вас обманывать. Вам бы хорошо заплатили. Я бы настояла на этом.

— Это означает, что после захвата корабля я бы остался жив. Сомнительное предположение, — сказал Таф.

— Вы сейчас живы, и я все еще готова купить ваш чертов корабль. Вы можете оставаться на борту, работать с нашими людьми. Я готова предложить вам пожизненную должность — назовите свою зарплату, все что хотите. Хотите оставить себе эти одиннадцать миллионов стандартов? Они ваши. Хотите, чтобы мы переименовали в вашу честь свою планету? Скажите только слово, и мы это сделаем.

— Планета Сатлэм или планета Таф, как бы она ни называлась, все равно будет перенаселена, — от-

ветил Хэвиланд Таф. — Если я соглашусь на ваше предложение, вы, разумеется, станете использовать «Ковчег» только для того, чтобы накормить свой голодающий народ.

— Конечно.

Лицо Тафа было спокойным и безмятежным.

— Мне приятно узнать, что ни вам, ни кому-либо из ваших коллег в Высшем Совете не приходило в голову, что «Ковчег» можно использовать по его исходному предназначению — как оружие биологической войны. Я, к сожалению, утратил подобную невинность, и в моем воображении рисуются жестокие и циничные картины, как с помощью «Ковчега» опустошаются Вандин, Скраймир, Джазбо и другие союзные миры, может быть, уничтожаются даже люди, и, таким образом, эти планеты превращаются в колонии. Насколько я помню, именно такова политика фракции экспансионистов, которая причиняет вам столько беспокойства.

— Чепуха! — выпалила Толли Мьюн. — Для сатлэмцев жизнь священна.

— Несомненно. И все же как закоренелый циник я не могу не заподозрить, что когда-нибудь сатлэмцы могут решить, что жизнь одних людей более священна, чем жизнь других.

— Вы меня знаете, Таф, — холодно сказала она. — Я никогда ничего такого не позволю.

— И если какой-нибудь подобный план вопреки вашим возражениям будет принят, ваше прошение об отставке будет написано в весьма сильных выражениях, — бесстрастно добавил Таф. — Я нахожу ваши слова недостаточно убедительными, и мне кажется, что союзники, возможно, разделят мои опасения по этому поводу.

Толли Мьюн потрепала Черныша по подбородку. Кот замурлыкал. Оба они не спускали глаз с Тафа.

— Таф, — сказала она, — на карту поставлены миллионы жизней, может быть, миллиарды. Я могу показать вам такое, что у вас волосы встали бы дыбом, если бы они у вас, черт возьми, были.

— Поскольку у меня их нет, то не надо мне ничего показывать.

— Если бы вы согласились полететь на челноке в «Паучье гнездо», мы могли бы спуститься на лифте на поверхность Сатлэма...

— Я бы этого не хотел. По-моему, было бы крайне неразумно оставлять «Ковчег» без присмотра и без охраны, в то время когда на Сатлэме воцарился дух воинственности и недоверия. Кроме того, хотя вы можете счесть меня чересчур привередливым, с годами я совершенно перестал выносить толпы народа, какофонию, любопытные взгляды, протянутые руки, жидкое пиво и крошечные порции безвкусной пищи. Насколько я помню, именно такие удовольствия ждут меня на поверхности Сатлэма.

— Я не хочу вам угрожать, Таф...

— Но все-таки собираетесь.

— Боюсь, вам не разрешат покинуть систему. Не пытайтесь меня одурачить, как Обера. Весь этот треп о бомбе — ерунда, и мы оба это знаем.

— Вы меня разоблачили, — бесстрастно произнес Таф.

Черныш зашипел на него.

Толли Мьюн испуганно посмотрела на своего огромного кота.

— Нет? — спросила она в ужасе. — Да ну вас к черту!

Таф молча уставился в глаза серебристо-серому коту, словно играя в гляделки. Ни тот, ни другой не моргал.

— Все равно, — сказала Толли Мьюн. — Вы здесь останетесь, Таф. Смиритесь с этим. Наши новые

корабли могут вас уничтожить, и они это сделают, если вы попытаетесь бежать.

— Несомненно, — согласился Таф. — А я в свою очередь уничтожу клеточный фонд, если вы попытаетесь захватить «Ковчег». Похоже, мы зашли в тупик. К счастью, долго это продолжаться не будет. Путешествуя по космосу, я не забывал о Сатлэме и в те периоды, когда не практиковал, я занимался исследованиями, чтобы найти подходящий способ решить ваши проблемы навсегда.

Черныш поудобней устроился на коленях у Толли Мьюн и замурлыкал.

— И нашли? — с сомнением в голосе спросила Толли Мьюн.

— Сатлэмцы дважды обращались ко мне в надежде на чудесное избавление от последствий своего собственного безрассудного размножения и строгости религиозных догматов, — сказал Таф. — Дважды меня призывали, чтобы я умножил количество хлебов и рыб. Но недавно, когда я был погружен в изучение книги древних мифов, откуда взято это выражение, я понял, что меня просили совершить не то чудо. Просто как бы много ни было и хлебов, и рыб, вам все равно не хватит, сколько ни увеличивай их количество.

— Черт возьми, что это вы говорите? — спросила Толли Мьюн.

— На этот раз, — ответил Таф, — я предлагаю вам надежное решение.

— Какое?

— Манна, — сказал Таф.

— Манна, — повторила Толли.

— Действительно чудесный продукт, — добавил Хэвиланд Таф. — Подробности вас пока не касаются. Я расскажу обо всем в свое время.

Первый Советник и ее кот посмотрели на него с подозрением.

— В свое время? А когда оно, черт возьми, настанет?

— Когда выполнят мои условия.

— Какие условия?

— Во-первых, — сказал Таф, — поскольку перспектива прожить остаток жизни на сатлэмской орбите меня не привлекает, вы должны согласиться, что, когда моя работа здесь будет закончена, я буду свободен.

— На это я пойти не могу, — возразила Толли Мьюн. — А если я и соглашусь, Высший Совет тут же проголосует за мою отставку.

— Во-вторых, — продолжил Таф, — эта война должна быть закончена. Боюсь, что я не сумею как следует сосредоточиться на своей работе, если буду думать о том, что рядом со мной в любую минуту может разразиться космический бой. Взрывы звездолетов, лазерные перестрелки и вопли умирающих отвлекают меня от работы. Кроме того, я не вижу смысла в том, чтобы тратить столько сил на приведение в порядок вашей экологии в то время, когда союзный флот грозит сбросить плазменные бомбы на все мои творения и уничтожить все, чего я добился.

— Если бы я могла, я прекратила бы эту войну, — сказала Толли Мьюн. — Но это не так-то просто, Таф. Боюсь, это невозможно.

— Если не окончательный мир, тогда, может быть, хотя бы короткое перемирие, — предложил Таф. — Вы могли бы послать в союзные войска парламентера и попросить о перемирии.

— Это, может быть, и удастся, — неуверенно сказала Толли Мьюн. — Но зачем? — Черныш беспокойно мяукнул. — Черт возьми, вы что-то замышляете!

— Ваше спасение, — ответил Таф. — Простите меня, если я посмел помешать вашим совместным усилиям по ускорению мутации посредством радиации.

— Мы защищаемся! Мы не хотели этой войны!

— Отлично. В таком случае небольшой перерыв не причинит вам чрезмерных неудобств.

— Союзники ни за что не согласятся. Высший Совет тоже.

— Жаль, — сказал Таф. — Может быть, нам следовало бы дать Сатлэму какое-то время на размышление. Через двенадцать лет оставшиеся в живых сатлэмцы, возможно, станут более покладистыми.

Толли Мьюн почесала Черныша за ушами. Кот посмотрел на Тафа и через минуту как-то странно пискнул. Первый Советник резко поднялась с места, и серебристо-серый котище проворно спрыгнул с ее колен.

— Вы победили, Таф, — сказала Толли Мьюн. — Проводите меня к блоку связи, и я отдам распоряжения. Вы готовы ждать хоть вечность, а я, черт возьми, нет. Люди погибают каждую минуту.

Она говорила сурово и решительно, но в душе ее впервые за многие месяцы затеплилась надежда. Может быть, Таф сумеет остановить войну и разрешить кризис. Может быть, действительно есть шанс. Однако Толли Мьюн постаралась, чтобы, вспыхнув, ее надежда никак не отразилась ни на лице, ни в ее голосе, и довольно сурово предупредила Тафа:

— Не думайте, что вам удастся отделаться шуточками.

— Увы, — ответил Таф, — юмор никогда не был моим сильным местом.

— Не забывайте, у меня есть Черныш. Дакс вам не поможет, он слишком запуган, а мой кот сразу же даст мне знать, стоит только вам подумать о предательстве.

— Мои самые благие намерения всегда встречают с подозрением.

— Мы с Чернышом будем ходить за вами тенью, Таф. Я не покину этот корабль, пока все не будет улажено, и я буду следить абсолютно за всем, что вы делаете.

— Несомненно, — сказал Таф.

— Только уясните себе несколько вещей, — сказала Толли Мьюн. — Первый Советник теперь я. Не Джозен Раэл, не Крегор Блэксон, а я. Когда я была Начальником порта, меня часто звали Стальной Вдовой. Можете подумать час-другой, как и почему я получила это чертово прозвище.

— Непременно подумаю, — ответил Таф, вставая. — Не хотите ли, мадам, чтобы я вспомнил еще что-нибудь?

— Только одно, — сказала она. — Сцену из того фильма, «Таф и Мьюн».

— Я всячески старался забыть это неудачное произведение, — сказал Таф. — Что именно вы хотите заставить меня вспомнить?

— То место, когда кошка на куски разрывает офицера безопасности, — приторно улыбнувшись, ответила Толли Мьюн. Черныш потерся о ее колено, поднял свои туманные глаза на Тафа и замурлыкал.

4

На организацию перемирия ушло почти десять дней, еще три дня послы союзных планет добирались до Сатлэма. Все эти дни Толли Мьюн ходила за Тафом по пятам, интересовалась всем, что он делал, заглядывала ему через плечо, когда он работал на компьютере, ездила вместе с ним, когда он осматривал свои чаны для клонирования, помогала ему кормить

кошек (и удерживать недовольного Дакса подальше от Черныша). Ничего подозрительного она не заметила.

Каждый день ей звонили десятки человек. Она устроила себе кабинет в зале связи, чтобы решать все неотложные дела, не теряя из виду Тафа. Хэвиланду звонили сотни раз в день. Он дал распоряжение своему компьютеру не соединять его ни с кем.

Наконец наступил день, когда послы, выйдя из своего шикарного дипломатического челнока, с изумлением стали разглядывать огромную причальную палубу «Ковчега» и коллекцию устаревших звездолетов. Это была яркая, красочная группа совершенно не похожих друг на друга людей. У женщины с Джазбо были иссиня-черные волосы до пояса, умащенные радужными ароматными маслами; щеки ее покрывала сложная сеть татуировок, указывающих на ее ранг. Скраймир прислал коренастого мужчину с квадратным красным лицом и волосами цвета горного льда. Глаза у него были хрустально-голубыми, и такого же цвета рубашка из металлических пластинок. Посол Лазурной Троицы двигался в облаке из голографических проекций — туманная, неустойчивая, колышущаяся форма, говорившая шепотом, которому как бы вторило эхо. Посол Роггандора — киборг — в ширину был такой же, как в высоту; он был сделан из одинаковых кусков нержавеющего дюрасплава, темного металлопласта и красной в черную крапинку плоти. Мир Генри представляла изящная стройная женщина в прозрачных шелках пастельных тонов; у нее была фигура мальчика-подростка и всезнающие глаза, по которым нельзя было определить ее возраст. Возглавлял группу послов крупный, плотный, пышно одетый вандинец. Кожа его, сморщенная от возраста, имела цвет меди. Длинные волосы были заплетены в тонкие, ниспадавшие ниже плеч косы.

Хэвиланд Таф подкатил на повозке из нескольких звеньев, извивавшейся между звездолетами, словно змея на колесах, и остановился прямо перед послами. Вандинец, сияя улыбкой, выступил вперед, сильно ущипнул себя за пухлую щеку и поклонился.

— Я бы подал руку, но помню, как ты к этому относишься, — сказал он. — Ты меня не забыл, «муха»?

Хэвиланд Таф моргнул.

— Смутно припоминаю. Кажется, мы беседовали с вами в поезде по пути на поверхность Сатлэма лет десять назад, — сказал он.

— Рэч Норрен, — представился мужчина. — Я не из тех, кого вы называете профессиональными дипломатами, но Совет Координаторов решил послать кого-нибудь, кто с тобой встречался и к тому же знает сати.

— Сати — оскорбительное прозвище, Норрен, — резко сказала Толли Мьюн.

— Да вы сами кого хочешь оскорбите, — ответил Рэч Норрен.

— И вы опасны, — прошептал из своего голографического облака посол Лазурной Троицы.

— Опасен тот, кто нападает. Мы вас не трогали, это вы повели себя как агрессоры, — возмутилась Толли Мьюн.

— Мы вынуждены были защищаться, — прогудел киборг с Роггандора.

— Мы не забыли последнюю войну, — сказала джазбойка. — На этот раз мы не стали дожидаться, когда ваши экспансионисты опять начнут колонизировать наши планеты.

— У нас нет таких планов, — возразила Толли Мьюн.

— Это у тебя нет, «паучок», — сказал Рэд Норрен. — Но, глядя мне в глаза, сможешь ли ты отрицать, что ваши экспансионисты мечтают расплодиться по всему Вандину?

— И Скраймиру.

— Роггандору тоже не нужны ваши человеческие отбросы.

— Лазурную Троицу вам не захватить!

— Да кому, к черту, нужна ваша вонючая Лазурная Троица?! — выпалила Толли Мьюн. Черныш одобрительно замурлыкал.

— Знакомство с этикетом проведения межзвездных переговоров было для меня весьма полезным, — прервал их Хэвиланд Таф. — Но тем не менее мне кажется, что нас ожидает более неотложное дело. Если господа послы соизволят сесть в мою повозку, мы могли бы отправиться к месту заседания.

Вполголоса переговариваясь между собой, послы заняли места в повозке. Лавируя между древними звездолетами, она покатилась к воздушному шлюзу — круглому и темному, словно устье туннеля или пасть какого-то ненасытного чудовища. Они въехали в шлюз, дверь позади них закрылась, и наступила темнота. Таф не обращал внимания на их недовольный шепот. Раздался металлический скрежет, пол начал опускаться. Когда они миновали две палубы, впереди открылась дверь. Таф включил фары, и они въехали в туннель.

Они двигались по лабиринту темных холодных коридоров, мимо бесчисленных закрытых дверей, следуя за неяркой синей полоской, мелькавшей перед ними словно какой-то призрак, прячущийся в пыльном полу. Единственным источником света были фары повозки да еще тусклое мерцание приборов на пульте перед Тафом. Сначала послы обменивались шутками, но темные недра «Ковчега» подействовали на них угнетающе, и один за другим члены делегации замолчали. Черныш начал ритмично царапать когтями колени Толли Мьюн.

Проехав какое-то время в пыли, темноте и безмолвии, поезд приблизился к высоким двойным дверям, которые открылись перед ними со зловещим шипением, а потом с лязгом захлопнулись. Воздух стал влажным и теплым. Хэвиланд Таф остановился и выключил фары. Пассажиров обволокла кромешная тьма.

— Где мы? — спросила Толли Мьюн. Ее голос отразился от высокого потолка, но эхо прозвучало както странно глухо. Хотя темнота была абсолютной, все понимали, что оказались в огромной комнате. Черныш тревожно зашипел, понюхал воздух и тихонько, неуверенно мяукнул.

Толли Мьюн услышала звук шагов, в двух метрах от нее замерцали огоньки. Таф склонился над приборной доской, наблюдая за монитором. Он нажал одну клавишу на светящейся клавиатуре и обернулся. Из теплой тьмы с легким шорохом выплыло мягкое кресло на воздушной подушке с подголовником. Таф забрался в него, словно король на трон, и дотронулся до кнопки на ручке. Кресло засветилось слабым фиолетовым свечением.

— Прошу следовать за мной, — объявил Таф. Кресло развернулось в воздухе и поплыло.

— Черт, — пробормотала Толли Мьюн. Она торопливо выбралась из повозки, взяла на руки Черныша и поспешила за удаляющимся троном Тафа. За ней, недовольно ворча, последовали послы. Она слышала за спиной тяжелые шаги киборга. Кресло Тафа было единственным пятном света в этой кромешной тьме. Догоняя его, она обо что-то споткнулась.

Внезапно раздавшийся кошачий вой заставил ее отпрянуть назад, и она натолкнулась на бронированную грудь киборга. Толли Мьюн неловко нагнулась и пошарила вокруг одной рукой, другой она прижимала к себе Черныша; пальцы нащупали мягкий мех.

Это была кошка, которая начала тереться о ноги Толли Мьюн, громко мурлыкая.

Женщина еле-еле смогла ее разглядеть: это было маленькое гладкошерстное животное, почти котенок. Кошка перевернулась на спину, чтобы ей почесали живот. О них едва не споткнулась женщина с Джазбо. И вдруг Черныш выпрыгнул из рук Толли Мьюн и стал обнюхивать незнакомую кошку. Она тоже его обнюхала, а потом вскочила и скрылась в темноте. Черныш, немного помедлив, заорал и бросился за ней.

— Черт возьми! — вскричала Толли Мьюн. — Черт возьми, Черныш, ну-ка вернись! — Ничего, кроме эха, она не услышала. Кот не вернулся. Остальные ушли уже далеко. Толли Мьюн громко выругалась и поспешила за ними.

Впереди появился островок света. Подойдя поближе, она увидела, что все уже сидят по одну сторону длинного металлического стола. По другую сторону в своем троноподобном кресле восседал Хэвиланд Таф, сложив руки на животе. На его лице, как обычно, не отражалось никаких чувств. По его плечам, мурлыкая, расхаживал Дакс.

Толли Мьюн остановилась, гневно сверкнула глазами и выругалась.

— Черт бы вас побрал! — сказала она Тафу и повернулась назад. — Черныш! — крикнула она изо всех сил. Эхо прозвучало странно глухо, как будто все вокруг было обернуто мягкой тканью.

— Ныш!

Молчание.

— Я надеюсь, мы проделали весь этот путь не только для того, чтобы послушать, как Первый Советник Сатлэма зовет своего кота, — заворчал посол Скраймира.

— Конечно, нет, — заверил Таф. — Первый Советник Мьюн, будьте любезны занять свое место, и мы приступим к работе.

Она бросила на него сердитый взгляд и села на свободное место.

— Где мой Черныш?

— Об этом я не имею ни малейшего понятия, — бесстрастно ответил Таф. — В конце концов, это ваш кот.

— Он убежал за одной из ваших кошек! — запальчиво воскликнула Толли Мьюн.

— Несомненно, — согласился Таф. — Интересно заметить, что как раз сейчас у одной моей молодой кошки началась течка. Возможно, это объясняет его действия. Я уверен, что с ним все в порядке, Первый Советник.

— Я хочу, чтобы он был со мной на этом чертовом заседании! — потребовала она.

— Увы, — сказал Таф. — «Ковчег» — большой корабль, и они могут резвиться где угодно. Да и к тому же вмешательство в их сексуальное общение по сатлэмским понятиям было бы непростительным проявлением антижизни. Я бы не решился на подобное нарушение ваших устоев. Кроме того, вы не раз подчеркивали, что для вас самое главное — время, так как на карту поставлено слишком много человеческих жизней. Следовательно, я думаю, нам лучше без промедления начать работать.

Едва заметным движением руки Таф нажал на кнопку. Часть длинного стола исчезла. Через несколько секунд на ее месте, прямо напротив Толли Мьюн, поднялось растение.

— Перед вами манна, — сказал Таф.

Растение находилось в низком и широком горшке с землей. Это был спутанный клубок из бледно-зеле-

ных вьющихся стеблей, живой гордиев узел. Усики густо переплетались между собой и свисали из горшка. На стеблях друг за другом располагались густые пучки листьев. Листья были маленькие, размером с ноготь, их глянцевую зеленую поверхность покрывала сетка тоненьких черных прожилок. Толли Мьюн протянула руку и потрогала один листик. На пальцах остался мелкий порошок, покрывавший его обратную сторону. Между пучками листьев с ветвей свисали гроздья больших белых плодов, похожих на нарывы, — к центру растения они были крупнее и более гнойные на вид. Один, наполовину скрытый листьями, был величиной с мужскую ладонь.

— Ну и уродец, — высказал свое мнение Рэч Норрен.

— Не понимаю, зачем было нужно объявлять перемирие и лететь так далеко. Неужели только для того, чтобы полюбоваться на это гноящееся тепличное диво? — подал голос скраймирец.

— Лазурная Троица теряет терпение, — прошептало облако.

— В этом уродце что-то должно быть, черт возьми, — сказала Тафу Толли Мьюн. — Объясните нам. Манна, вы сказали? Ну и что же?

— Она накормит сатлэмцев, — ответил Таф. Дакс мурлыкал.

— На сколько дней? — спросила женщина с Мира Генри. В ее сладком голосе сквозил сарказм.

— Первый Советник, если вы соизволите сорвать какую-нибудь «опухоль» покрупнее и попробовать ее, вы обнаружите, что у нее восхитительно сочная и вполне сытная мякоть, — сказал Таф.

Толли Мьюн, состроив недовольную гримасу, потянулась к растению. Она выбрала самый большой плод. На ощупь он был мягкий и мясистый. Плод

легко оторвался от стебля. Она разломила его руками. Ощущение было такое, словно это свежий хлеб. В самой середине находился мешочек с темной вязкой жидкостью, которая медленно и как бы успокаивающе колыхалась. Ноздри заполнил чудесный запах, у нее потекли слюнки. Она немного поколебалась, не решаясь попробовать плод, но пахло уж очень вкусно. Она откусила кусочек, прожевала, проглотила, откусила еще, потом еще. Еще один кусок — и от плода ничего не осталось. Толли Мьюн слизала с пальцев вязкую жидкость.

— Молочный хлеб, — сказала она. — И мед. Жирновато, но вкусно.

— И никогда не приестся, — добавил Таф. — Жидкость в середине каждого плода имеет слабое наркотическое действие. Она разная в каждом растении, ее аромат зависит от состава почвы, на которой оно растет, и от генетических свойств самого растения. Вкус очень разнообразен, и диапазон можно еще расширить путем скрещивания.

— Погодите, — громко сказал Рэч Норрен. Он ущипнул себя за щеку и нахмурился. — Значит, этот, так сказать, хлеб с медом чертовски вкусен — конечно, конечно. Ну и что? Значит, у сати будет кое-что на закуску после того, как они сделают новых маленьких сати. Подходящая штука, чтобы развеять скуку при покорении Вандина. Извините, ребята, но мне пока аплодировать не хочется.

Толли Мьюн нахмурилась.

— Он груб, — сказала она, — но прав. Вы ведь и раньше давали нам чудесные растения, Таф. Омнизерно, помните? Нептунова шаль. Джерсейские стручки. Разве эта манна чем-то от них отличается?

— Отличается, — ответил Хэвиланд Таф. — Во-первых, раньше мои усилия были направлены на то,

чтобы сделать более эффективной вашу экологию, чтобы увеличить выход калорий с ограниченных площадей, выделенных на Сатлэме для сельского хозяйства, так сказать, получить большее с меньшего. К сожалению, я не учел порочность отдельных представителей человечества. Как вы сами мне сообщили, ваша продовольственная цепочка далека от того, что я предлагал. Хотя у вас есть мясные звери, которые дают вам белок, вы продолжаете выращивать и кормить стада бесполезных животных только потому, что некоторым вашим богачам больше нравится их вкус. Точно так же вы продолжаете выращивать омнизерно и нанопшеницу ради кулинарного разнообразия и гурманства, между тем как джерсейские стручки дали бы вам больше калорий с квадратного метра. Короче говоря, сатлэмцы по-прежнему предпочитают гедонизм рациональности. Пусть так. Вкусовые качества манны уникальны. Когда сатлэмцы ее попробуют, она непременно им понравится.

— Может быть, — с сомнением произнесла Толли Мьюн. — Но все-таки...

— Во-вторых, — продолжил Таф, — манна растет очень быстро. Экстремальные трудности требуют экстремальных решений. Манна — именно такое решение. Это искусственно созданный гибрид, своего рода генетическое «лоскутное одеяло», сшитое из кусочков ДНК с десятков планет. Среди его естественных предков хлебный кустарник с Хафира, так называемый «ночной сорняк» с Ноктоса, гулливерские сахарные мешочки и специально улучшенная разновидность кудзу с самой Старой Земли. Как это ни удивительно, манна выносliва, не нуждается в специальном уходе и способна с поразительной быстротой изменить всю экосистему.

— Как изменить? — резко спросила Толли Мьюн.

Таф слегка шевельнул пальцем, нажав на светящуюся кнопку на ручке своего кресла. Дакс замурлыкал.

Включился свет.

Толли Мьюн моргнула и в изумлении широко раскрыла глаза.

Они сидели в центре огромного круглого зала диаметром с полкилометра. Свод потолка-купола возвышался над их головами на добрую сотню метров. Позади Тафа на стенах располагалось с десяток экосфер, открытых сверху и заполненных землей. В каждой был свой тип почвы — рыхлый белый песок, плодородный чернозем, жесткая красная глина, голубой кристаллический гравий, серо-зеленый болотный ил, мерзлая почва тундры. В каждой экосфере росло по одному побегу манны.

Они все увеличивались и увеличивались в размерах.

В центре растения достигали пяти метров в высоту; их вьющиеся стебли густо переплетались. Усики свисали к полу в полуметре от Тафа. Плети манны покрывали три четверти стен зала. Ветви как-то ухитрялись прицепиться к белому металлопластовому потолку, наполовину закрывая лампы, так что на пол отбрасывалась кружевная тень. Профильтрованный листьями свет казался зеленоватым. Повсюду зрели плоды. Большие белые стручки размером с человеческую голову свисали со стеблей над послами, выглядывали из пучков зелени. Один стручок шлепнулся на пол с мягким мокрым звуком. Теперь Толли поняла, почему эхо звучало так глухо.

— Эти образцы, — бесстрастно заявил Таф, — выросли из спор, посеянных около двух недель назад, перед моей первой встречей с многоуважаемым Первым Советником. В каждую экосферу я положил по

одной споре; за это время я ни разу их не поливал и не удобрял. Если бы я это сделал, растения были бы не такими маленькими и чахлыми, как эти.

5

Толли Мьюн поднялась на ноги. Она много лет жила в невесомости, и сейчас ей трудно было стоять; что-то сжимало грудь, во рту появился противный вкус, но она сделала все, чтобы овладеть собой. Таф ошеломил ее своим фокусом с манной, и она не знала, что делать, какое принять решение. Черныш куда-то запропастился, между тем как Дакс сидел у Тафа под ухом, довольно мурлыкал и смотрел на нее своими большими золотистыми глазами, видевшими ее насквозь со всеми ее дурацкими уловками.

— Это очень впечатляет, — стараясь не выдать свое замешательство, сквозь зубы проговорила она.

— Я рад, что вы так считаете, — сказал Таф, поглаживая Дакса.

— Что вы предлагаете конкретно?

— Мое предложение таково: мы немедленно начинаем засеивать Сатлэм манной. Для доставки можно воспользоваться челноками «Ковчега». Я уже позволил себе загрузить трюмы разрывными воздушными стручками со спорами манны. Если их выпустить в атмосферу планеты по определенной схеме, которую я продумал, ветры разнесут их по всему Сатлэму. Они сразу же пойдут в рост. Больше от сатлэмцев ничего не потребуется — только рвите и ешьте.

Таф повернулся к послам.

— Господа, — сказал он. — Я думаю, вам интересно, какая роль отводится вам.

Рэч Норрен, ущипнув себя за щеку, высказался за всех.

— Совершенно верно, — сказал он и беспокойно огляделся. — Я уже говорил. Этот сорняк накормит всех сати. Ну и что? Нам-то что?

— Мне кажется, что последствия очевидны, — сказал Таф. — Сатлэм представляет собой угрозу для союзных миров только потому, что его населению постоянно грозит голод. Это делает Сатлэм, в сущности, миролюбивый и цивилизованный мир, крайне нестабильным. Пока технократы остаются у власти и сохраняют равновесие, Сатлэм дружен с соседями, но этому балансированию, каким бы умелым оно ни было, обязательно придет конец. Экспансионисты придут к власти, и сатлэмцы станут опасными агрессорами.

— Я не экспансионистка, черт возьми! — с жаром воскликнула Толли Мьюн.

— Этого я не говорил, — ответил Таф. — Но и на пост Первого Советника вы избраны не пожизненно, несмотря на весь ваш опыт. Война уже идет, хотя и оборонительная. Когда ваше правительство падет и если вас сменят экспансионисты, война перерастет в завоевательную. В таких условиях, какие создали себе сатлэмцы, война так же неизбежна, как и голод, и ни один лидер, каким бы хорошим и компетентным он ни был, не сможет ее предотвратить.

— Вы правы, — отчетливо произнесла женщина-подросток с Мира Генри. В ее глазах светилась проницательность, не соответствующая мальчишескому облику. — И если война неизбежна, то нам лучше довести ее до конца сейчас и решить проблему раз и навсегда.

— Лазурная Троица такого же мнения, — прошептал посол этой планеты.

— Совершенно верно, — сказал Таф, — если основываться на вашей предпосылке, что война неизбежна.

— Да ты только что сам сказал, Таффер, что эти паршивые экспансионисты обязательно начнут войну, — обиделся Рэч Норрен.

Таф погладил черного кота своей большой белой ладонью.

— Нет, сэр. Мой вывод о неизбежности войны и голода основывался на нарушении шаткого равновесия между сатлэмским населением и запасами продовольствия. Если же это зыбкое равновесие будет сохранено, Сатлэм перестанет представлять угрозу для других планет сектора. При таких условиях, я считаю, война и не нужна, и не приемлема нравственно.

— И вы заявляете, что это сделает ваш гнойный сорняк? — презрительно спросила джазбойка.

— Несомненно, — ответил Таф.

Посол Скраймира покачал головой.

— Нет. Это растение, конечно, поможет на какое-то время решить продовольственную проблему на планете, Таф, и я уважаю ваши усилия, но считаю, что вы не правы. Думаю, что я выражу мнение всех послов, если скажу, что мы не можем надеяться на еще одно чудо. На Сатлэме уже бывали и процветания, и расцветы, и экологические революции. Но ничего не меняется. Мы должны покончить с этой планетой раз и навсегда.

— Я отнюдь не собираюсь мешать вашему самоубийственному безумию, — сказал Таф, почесывая Дакса за ухом.

— Самоубийственное безумие? — переспросил Рэч Норрен. — Что это значит?

Толли Мьюн выслушала все эти высказывания и повернулась к послам.

— Это значит, что вы проиграли, Норрен, — сказала она. Послы засмеялись: генрийка вежливо хихикнула, джазбойка грубо захохотала, а киборг гулко зарокотал.

— Никогда не перестану удивляться самонадеянности этих сатлэмцев, — сказал скраймирец. — Пусть вас не вводит в заблуждение эта временная заминка в переговорах, Первый Советник. Мы, шесть миров, едины. Мы превосходим вас в численности и в вооружении, даже несмотря на вашу новую флотилию. Мы уже били вас раньше, если вы помните. Мы побьем вас и теперь.

— Не побьете, — сказал Хэвиланд Таф.

Все как один повернулись к нему.

— В последнее время я позволил себе провести небольшое исследование. И выяснил кое-какие факты. Во-первых, последняя местная война произошла несколько веков назад. Сатлэмцы потерпели сокрушительное поражение, но союзники до сих пор приходят в себя после победы. Сатлэм же, со своим многочисленным населением и более развитой технологией, уже давно позабыл обо всех последствиях той войны. Сатлэмская наука продвигалась вперед со скоростью роста манны, если вы мне позволите сделать такое красочное сравнение, тогда как союзные миры могут похвастаться только теми знаниями и технологией, что они импортировали с Сатлэма. Конечно, объединенный флот союзников по числу кораблей превосходит флотилию планетарной обороны, но большая часть кораблей союзников функционально устарела по сравнению со сложнейшим вооружением и новой сатлэмской боевой техникой. Кроме того, было бы весьма ошибочно говорить, что союзники

превосходят Сатлэм по численности. Да, вас шесть миров против одного, но общее население Вандина, Мира Генри, Джазбо, Роггандора, Скраймира и Лазурной Троицы составляет едва ли четыре миллиарда — менее одной десятой населения одного Сатлэма.

— Одной десятой? — изумилась джазбойка. — Не может быть. Это неправда!

— Лазурной Троице известно, что их население превосходит наше не больше чем в шесть раз.

— Две трети из них женщины и дети, — заметил посол Скраймира.

— Наши женщины воюют, — резко возразила Толли Мьюн.

— В перерывах между родами, — съязвил Рэч Норрен. — Таф, их не может быть в десять раз больше. Их ужасно много, не спорю, но по нашим оценкам...

— Сэр, — перебил его Таф, — ваши оценки ошибочны. Не огорчайтесь. Это держится в строгом секрете, а когда подсчитываешь такие большие цифры, легко ошибиться миллиардом-другим. Тем не менее факты я вам изложил. Сейчас непрочное военное равновесие пока сохраняется — у союзников больше боевых кораблей, а сатлэмская флотилия более совершенна и лучше вооружена. Но очевидно, что долго так продолжаться не будет, так как сатлэмская технология позволяет им строить боевые корабли гораздо быстрее, чем это делают союзники. Смею высказать предположение, что сейчас сатлэмцы именно этим и занимаются.

Таф взглянул на Толли Мьюн.

— Нет, — сказала она. Но Дакс тоже смотрел на нее.

— Да, — сказал Таф послам. Он поднял палец. — Поэтому я предлагаю вам использовать это нынешнее равновесие и получить выгоду от предложенного

мною способа решения проблемы Сатлэма, не прибегая к ядерным бомбардировкам и другим малоприятным вещам. Во время перемирия, которое должно длиться один стандарт-год, я засею Сатлэм манной. Когда этот срок истечет и вы решите, что Сатлэм попрежнему представляет угрозу для ваших миров, можете продолжить войну.

— Нет, торговец, — тяжело проговорил киборг с Роггандора. — Вы невероятно наивны. Дать им год, вы говорите, и позволить вам делать свои фокусы? А сколько новых флотов они построят за этот год?

— Мы готовы договориться о моратории на создание новых вооружений, если ваши миры сделают то же самое, — сказала Толли Мьюн.

— Так мы вам и поверим! — Рэч Норрен фыркнул. — Ну вас к черту! Вы, сати, уже показали свою честность, когда тайно вооружались в нарушение договора. О каком доверии тут может идти речь!

— О, конечно, вы бы предпочли воевать с беспомощными людьми. Что за лицемерие, черт побери! — с отвращением воскликнула Толли Мьюн.

— Уже поздно заключать соглашения, — вставила джазбойка.

— Вы же сами говорили, Таф, — сказал скраймирец. — Чем больше мы медлим, тем хуже становится ситуация. Следовательно, у нас нет другого выбора, кроме немедленного массированного удара по Сатлэму. Лучше все равно не будет.

Дакс зашипел на него.

Хэвиланд Таф моргнул и аккуратно сложил руки на животе.

— Неужели вы не передумаете, если я обращусь к вашему миролюбию, к вашей гуманности? Неужели для вас война и разрушения не отвратительны?

Рэч Норрен презрительно фыркнул. Остальные члены делегации один за другим с негодованием отвернулись от Тафа.

— В таком случае, — сказал Таф, — вы не оставляете мне другого выбора.

Он встал. Вандинец нахмурился.

— Эй, ты куда?

Таф задумчиво пожал плечами.

— В данный момент в гигиенический блок, — ответил он, — а потом в зал управления. Пожалуйста, примите мои заверения, что лично я не питаю ни к кому из вас никакой вражды. Но, к сожалению, обстоятельства таковы, что сейчас я должен вылететь и уничтожить ваши миры, все по очереди. Может быть, вы хотите бросить жребий — с кого мне лучше начать?

Женщина с Джазбо поперхнулась и злобно выругалась. Глубоко внутри своего облака из туманных голограмм посол Лазурной Троицы откашлялся — звук был такой сухой и тихий, словно какое-то насекомое ползло по листу бумаги.

— Вы не посмеете, — прогудел роггандорский киборг. Скраймирец в ледяном молчании скрестил на груди руки.

— Ага! — воскликнул Рэч Норрен. — Ты! Ага! Вот! Ты этого не сделаешь. Нет, конечно.

Толли Мьюн рассмеялась.

— Он не шутит, — сказала она, хотя и была поражена не меньше, чем все остальные. — И он может это сделать. Или, скорее, «Ковчег» может. А командующий Обер обеспечит ему эскорт.

— Не надо торопиться, — спокойно проговорила женщина с Мира Генри. — Возможно, мы передумаем.

— Отлично, — ответил Хэвиланд Таф. Он снова сел в кресло. — Тогда, как я и предложил, вы заклю-

чите перемирие на год, и я немедленно засею Сатлэм манной.

— Не спешите, — запротестовала Толли Мьюн. Она почувствовала, что от радости у нее закружилась голова. Так или иначе, война только что закончилась — Таф этого добился, Сатлэму пока ничто не грозит. Но эта радость не заставила ее потерять рассудок. — Все это прекрасно на первый взгляд, но, прежде чем вы начнете сеять споры, мы должны провести кое-какие исследования. Наши биотехнологи и экологи изучат эту чертову манну, а Высший Совет составит прогнозы. Месяца на это хватит. И конечно, Таф, все, что я говорила раньше, остается в силе — вы не можете просто высыпать на нас свою манну и исчезнуть. На этот раз вы останетесь на весь срок перемирия, а может быть, и дольше, пока мы не увидим, что получится из этого вашего нового чуда.

— Увы, — сказал Таф, — к сожалению, у меня есть неотложные дела в других местах галактики. Остаться здесь на целый стандарт-год или даже больше я не могу, впрочем, как и задержать на месяц выполнение моей программы.

— Черт возьми, подождите секунду, — начала Толли Мьюн. — Вы не можете просто так...

— Могу, — перебил ее Таф. Он многозначительно посмотрел на послов, потом опять на нее. — Первый Советник Мьюн, позвольте мне обратить ваше внимание на одну очевидную вещь. Сейчас между Сатлэмом и его противниками существует примерное равновесие сил. Мой «Ковчег» — грозное орудие разрушения, способное разорять целые миры. И если я могу присоединиться к вашему флоту и уничтожить любую из планет союзников, то я могу сделать и наоборот.

Толли Мьюн вдруг почувствовала, словно на нее напали. Рот у нее широко открылся.

— Вы, Таф, нам угрожаете? Я не верю. Вы угрожаете применить «Ковчег» против Сатлэма?

— Я всего лишь обращаю ваше внимание на то, что такой вариант возможен, — как всегда бесстрастно ответил Таф.

Дакс, должно быть, почувствовал ярость Толли Мьюн. Он зашипел, а она, совершенно сбитая с толку, беспомощно встала. Руки ее сжались в кулаки.

— Я не возьму гонорара за свои труды посредника и инженера-эколога, — объявил Таф. — Но все же я потребую определенных гарантий и уступок от обеих сторон. Союзники обеспечат меня, так сказать, телохранителем — небольшим флотом боевых кораблей, достаточным для того, чтобы отразить любую атаку на «Ковчег» Флотилии планетарной обороны и проводить меня из системы, когда моя задача здесь будет выполнена. Сатлэмцы, со своей стороны, разрешат этому флоту находиться в их системе, чтобы я мог работать спокойно. Если в период перемирия какая-либо из сторон вдруг начнет боевые действия, пусть она знает, что это обязательно вызовет мой гнев, и гнев этот будет ужасен. Меня трудно вывести из равновесия, но если я действительно разозлюсь, я иногда боюсь самого себя. По истечении стандартгода я улечу, а вы можете возобновить свое кровопролитие, если захотите. Но все же я надеюсь и даже предсказываю, что к тому времени предложенные мною меры окажутся настолько эффективными, что никому из вас не захочется продолжать войну.

Он погладил Дакса по густой черной шерсти: кот осмотрел каждого по очереди своими золотистыми, все понимающими глазами.

Толли Мьюн похолодела.

— Вы навязываете нам мир, — сказала она.

— Временно, — уточнил Таф.

— И вы навязываете нам свое решение, хотим мы этого или нет.

Таф взглянул на нее, но ничего не сказал.

— Да кто вы такой, черт возьми, и что вы себе позволяете?! — закричала она, давая выход скопившейся внутри ярости.

— Я — Хэвиланд Таф, — спокойно сказал он, — и мне надоел ваш Сатлэм и сатлэмцы.

6

Когда заседание закончилось, Таф повез послов к их челноку, но Толли Мьюн с ним не поехала.

Несколько долгих часов она бродила по «Ковчегу» одна, замерзшая, усталая, но упрямая. Она искала своего кота.

— Черныш! — кричала она, перегибаясь через перила движущихся лестниц.

— Сюда, Чернявчик, ко мне, — звала она, проходя по коридорам.

— Ныш! — вскрикивала она, услышав шум за углом, но это был всего лишь звук закрывающейся или открывающейся двери, жужжание ремонтирующей саму себя машины или, может быть, шаги какой-нибудь из кошек Тафа.

— Чееерныыыыш!!! — кричала она на перекрестках, где сходилось с десяток коридоров. Ее голос гудел, отражался от дальних стен и возвращался к ней эхом. Но кота она не нашла.

Бродя так по всему кораблю, Толли Мьюн поднялась на несколько палуб вверх и попала в слабоосвещенную центральную шахту, которая проходила через весь гигантский биозвездолет, — необъятный гулкий

туннель длиной тридцать километров. Потолок терялся во мраке, вдоль стен рядами стояли чаны для клонирования, большие и маленькие. Она наугад выбрала направление и пошла вперед, окликая Черныша.

Вдруг где-то впереди она услышала тихое мяуканье.

— Черныш! — закричала она. — Ты где?

Опять послышалось мяуканье. Она побежала.

Из тени, падавшей от двадцатиметрового металлопластового чана, выступил Хэвиланд Таф. Черныш сидел у него на руках и мурлыкал.

Толли Мьюн остановилась как вкопанная.

— Я нашел вашего кота, — сказал Таф.

— Я вижу, — холодно ответила она.

Таф осторожно передал ей огромного Черныша, коснувшись ее руками.

— Его похождения нисколько ему не повредили, — улыбнулся Таф. — Я позволил себе провести медицинский осмотр и убедился, что с вашим котом не произошло никаких неприятных недоразумений: я нашел его в полном здравии. Но представьте себе мое удивление, когда я обнаружил, что все бионические штучки, о которых вы мне говорили, куда-то загадочным образом исчезли. Я затрудняюсь это объяснить.

Толли Мьюн прижала кота к груди.

— Это я приврала, — сказала она. — Он телепат, как Дакс. Может быть, не такой хороший. Но это все. Я не могла позволить ему драться с Даксом. Может, он бы и победил, а может, и нет. Я не хотела, чтобы его запугали. — Она криво улыбнулась. — А вместо этого вы его просто спрятали. Где он был?

— Преследуя свой предмет страсти, он вышел из зала с манной через запасный выход, но дверь запрограммирована только впускать, так что все эти часы он провел, бродя по «Ковчегу» и знакомясь с други-

ми представителями кошачьего племени на моем корабле.

— Сколько у вас сейчас кошек? — спросила она.

— Меньше, чем у вас, — ответил Таф, — хотя не могу сказать, что это было для меня неожиданностью. Но вы-то, в конце концов, сатлэмка.

Тепло Черныша, сидевшего у нее на руках, подействовало на Толли Мьюн успокаивающе, ее вдруг осенило, что нигде не видно Дакса. У нее снова было преимущество. Она почесала Черныша за ухом. Он обратил свой ясный взор на Тафа.

— Вы меня не проведете, — сказала она.

— Я и не думал, что мне это удастся, — согласился Таф.

— Манна, — продолжала она, — это ведь ловушка, да? Признайтесь, вы все нам наврали?

— Все, что я рассказал вам о манне, правда.

Черныш пискнул.

— Нет, черт возьми, вы рассказали нам не все!

— Вселенная изобилует разнообразными сведениями. В сущности, этих сведений так много, что для того, чтобы узнать все, просто не хватит людей — факт поразительный, если учесть, что в общее число людей во Вселенной входит и население Сатлэма. Я не надеюсь рассказать вам все об интересующем вас предмете, каким бы малым он ни был.

Она фыркнула.

— Что вы собираетесь с нами сделать, Таф?

— Я собираюсь разрешить вашу продовольственную проблему, — сказал он.

Его голос был холоден и невозмутим, как ледяная вода в омуте, и так же, как омут, предполагал скрытые глубины.

— Черныш мурлычет, — заметила она, — значит, вы говорите правду. Но как, Таф, как?

— При помощи манны.

— Чушь собачья, — сказала она. — Мне плевать на то, какая она вкусная и как быстро растет. Никакое растение не решит наш кризис. Вы же все испробовали, черт возьми. Были у нас и омнизерно, и стручки, и ветропланеры, и грибные фермы. Вы что-то скрываете. Ну-ка выкладывайте все начистоту.

Хэвиланд Таф с минуту смотрел на нее молча. Их взгляды встретились, и ей на какой-то миг показалось, что он видит ее насквозь, как будто тоже умеет читать чужие мысли.

Наконец он ответил:

— Когда это растение приживется на вашей планете, его уже нельзя будет полностью уничтожить, как бы вы ни старались. Оно распространится с неумолимой скоростью повсюду, за исключением некоторых климатических зон. Манна будет расти не везде; она не выносит мороза, холод для нее неблагоприятен. Но она покроет все тропические и субтропические районы Сатлэма, и этого будет достаточно.

— Достаточно для чего?

— Плоды манны чрезвычайно питательны. За первые несколько лет они намного облегчат ваш продовольственный кризис и, таким образом, улучшат условия жизни на Сатлэме. В конечном счете, истощив своим мощным ростом почву, растения погибнут, и вы несколько лет будете вынуждены сеять свои обычные культуры, пока на этих землях снова не сможет расти манна. Но к тому времени, Первый Советник Мьюн, манна уже сделает свое дело. Пыльца, которая скапливается с обратной стороны каждого листика, — это не что иное, как симбиоз микроорганизмов, необходимых для опыления манны, но обладающих и некоторыми другими свойствами. Ее разнесет ветер, вредители или люди, и она покроет всю планету Сатлэма.

— Пыльца, — пробормотала она. Эта пыльца осталась у нее на пальцах, когда она трогала растение манны.

Черныш заворчал так тихо, что она не услышала, а скорее ощутила это всем телом.

Хэвиланд Таф сложил на груди руки.

— Пыльцу манны можно считать своего рода профилактическим средством, — сказал он. — Ваши биотехнологи увидят, что она оказывает сильное и постоянное воздействие на мужское либидо и на женскую плодовитость. Механизмы этого воздействия для вас интереса не представляют.

Толли Мьюн в изумлении уставилась на него, открыла рот, потом закрыла и заморгала ресницами, чтобы сдержать слезы. Слезы отчаяния, гнева? Она не знала. Но только не радости. Она не могла позволить себе радоваться.

— Это замедленный геноцид, — с трудом произнесла она. Голос ее звучал хрипло и жалобно.

— Едва ли, — возразил Таф. — У части сатлэмцев окажется естественный иммунитет к воздействию пыльцы. По моим расчетам, их будет от нуля целых семи сотых до нуля целых одиннадцати сотых населения. Они, разумеется, будут размножаться, и иммунитет будет передаваться из поколения в поколение. Но уже в этом году сатлэмская кривая рождаемости перестанет ползти вверх и начнет снижаться.

— Вы не имеете права, — медленно проговорила Толли Мьюн.

— Природа сатлэмского кризиса такова, что разрешить его можно только с помощью принципиально новых энергичных действий, — сказал Таф. — И я говорил вам об этом с самого начала.

— Может быть, — сказала она. — Ну и что? А как же свобода, Таф? Как же право на выбор? Может быть,

люди нашей планеты эгоистичны, глупы и недальновидны, но они все-таки люди, Таф, такие же, как вы. Они вправе сами решать, иметь ли им детей и сколько. Кто вам дал право решать за них, черт возьми? Кто вам дал право стерилизовать наш мир? — С каждым словом в ней все сильнее закипала ярость. — Вы ничуть не лучше, чем мы, Таф. Вы всего лишь человек. Чертовски странный, будьте уверены, человек, но всего лишь человек — не больше и не меньше. Кто дал вам право распоряжаться нашим миром и нашей жизнью, как Бог?!

— «Ковчег», — просто ответил Таф.

Черныш, вдруг забеспокоившись, заерзал у нее на руках. Толли Мьюн опустила его на пол, не сводя глаз с белого бесстрастного лица Тафа. Внезапно ей захотелось ударить его, причинить ему боль, сорвать эту маску безразличия и самодовольства, оставить на нем какую-то отметину.

— Я вас предупреждала, Таф, — сказала она. — Власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно, помните?

— Память мне не изменяет.

— Жаль, что этого не скажешь о вашей паршивой нравственности, — язвительно заметила Толли Мьюн. Черныш, сидевший у ее ног, заворчал, как бы соглашаясь с ее словами. — И какого черта я помогла вам сохранить этот проклятый корабль? Какой же я была дурой! Вы слишком долго один пользуетесь властью, Таф. Вы, наверное, думаете, что кто-то назначил вас Господом Богом?

— Назначают чиновников, — ответил Таф. — Богов, если они вообще существуют, выбирают с помощью других процедур. Я не претендую на роль бога в мифологическом смысле. Но все же я утверждаю, что я действительно обладаю властью, схожей с властью

Бога, и я полагаю, что вы поняли эту истину давным-давно, когда впервые попросили у меня хлебов и рыб.

Толли Мьюн хотела ответить Тафу, но он поднял руку.

— Нет, пожалуйста, не перебивайте меня. Я постараюсь быть кратким. Мы с вами не так уж отличаемся друг от друга, Толли Мьюн...

— У нас нет ничего общего, черт бы вас побрал! — выкрикнула она.

— Мы не так уж отличаемся, — спокойно и твердо повторил Таф. — Вы когда-то признались, что не религиозны, я тоже не из тех, кто боготворит мифы. Я начинал как торговец, но когда я нашел этот корабль под названием «Ковчег», то обнаружил, что на каждом шагу меня стали преследовать образы богов, пророков и демонов. Ной и всемирный потоп, Моисей и его казни, хлеба и рыбы, манна, огненные и соляные столпы — волей-неволей я узнал все это. Вы говорите, что я объявил себя Богом. Я на это не претендую. И все же должен сказать: первое, что я сделал на этом корабле, — это оживил мертвого. — Он задумчиво показал на рабочую станцию в нескольких метрах от них. — Вон на том самом месте я и совершил свое первое чудо, Толли Мьюн. Более того, я действительно обладаю властью Бога и могу влиять на жизнь и смерть миров. Могу ли я, пользуясь такими божественными возможностями, отказаться от ответственности, от тяжкой ноши моральных обязательств? Думаю, что нет.

Она хотела ответить, но не смогла вымолвить ни слова. Он сошел с ума, подумала Толли Мьюн.

— Более того, — продолжал Таф, — природа сатлэмского кризиса такова, что она допускает лишь божественное вмешательство. Представим на минуту, что я согласился продать вам «Ковчег», как вы просили. Неужели вы действительно полагаете, что ваши эко-

логи и биотехнологи, как бы они ни были опытны и преданны делу, сумеют найти ответ, который решил бы проблему вашей планеты на долгое время? Думаю, вы слишком умны, чтобы впасть в подобное заблуждение. Я не сомневаюсь, что эти мужчины и женщины (чей интеллект и образование намного превосходят мои), имея в своем распоряжении все ресурсы этого биозвездолета, конечно же, придумают множество гениальных вещей, временных мер, которые позволят сатлэмцам плодиться еще одно, может быть, два, а может быть, даже три или четыре столетия. И все же в конечном итоге эти меры тоже окажутся недостаточными, как и мои скромные предложения пяти- и десятилетней давности, как и все улучшения, которых достигали ваши технократы в прошлые века. Толли Мьюн, проблему населения, растущего в неразумной геометрической прогрессии, невозможно решить рационально — ни гуманными методами, ни с помощью научного или технического прогресса. Ее можно решить только с помощью чуда — хлебов и рыб, манны небесной и тому подобного. Дважды я потерпел поражение как инженер-эколог. Теперь я надеюсь одержать победу как Бог, так нужный Сатлэму. Если бы я и в третий раз подошел бы к вашей проблеме как простой человек, я бы опять ничего не добился. И тогда ее решили бы другие боги, более жестокие, чем я, — чума, голод, война и смерть. Следовательно, я должен отбросить на время свою человеческую природу и действовать как Бог. — Таф замолчал и, моргая, посмотрел на Толли Мьюн.

— Вы уже давным-давно отбросили свою человеческую природу, — набросилась она на него. — Но вы, черт возьми, не Бог. Дьявол — это может быть. Больной манией величия — это уж точно. Чудовище! Вы чудовище, а не Бог.

— Чудовище, — повторил Таф. — Несомненно.

Он моргнул. Его длинное белое лицо было, как всегда, неподвижно, но в голосе появились новые странные нотки, которых она никогда раньше не слышала, и это встревожило и испугало ее. Неужели он обиделся?

— Вы глубоко ошибаетесь, Толли, — возразил он.

Черныш тоненько, жалобно мяукнул.

— Ваш кот лучше понимает жестокую реальность, которая вас окружает, — сказал Таф. — Может быть, мне объяснить все сначала?

— Чудовище.

Таф моргнул:

— Вечно мои благие намерения недооценивают и встречают лишь незаслуженными обвинениями.

— Чудовище! — в третий раз проговорила она. Таф быстро сжал правую руку в кулак, потом медленно разжал.

— Очевидно, какое-то нервное потрясение резко сократило ваш словарный запас, Первый Советник.

— Нет, — ответила она, — просто это единственное слово, которое вам подходит, черт возьми.

— Несомненно, — сказал Таф. — В таком случае, раз я чудовище, мне и поступать следует как чудовищу. Учтите это, Первый Советник, когда будете принимать решение.

Черныш вдруг дернул головой и уставился на Тафа, словно увидел на его длинном бледном лице что-то, не видимое другим. Кот зашипел и попятился назад, густая серебристо-серая шерсть встала дыбом. Толли Мьюн нагнулась и взяла его на руки. Кот продолжал шипеть и дрожать.

— Что? — встревоженно спросила она. — Какое решение? Все решения приняли вы. О чем это вы говорите?

— Позвольте мне вам напомнить, что пока в атмосферу Сатлэма не выпущено ни одной споры манны, — сказал Хэвиланд Таф.

Она фыркнула:

— Ну и что? Вы же заключили эту паршивую сделку, мне все равно вас не остановить.

— Несомненно. И я вам очень сочувствую. Хотя вы наверняка найдете выход. Но пока вы этого не сделали, прошу вас ко мне. Дакс ждет ужин. Для своей трапезы я приготовил отличное пюре, еще могу предложить вам холодное могаунское пиво — достаточно крепкий напиток, пригодный и для богов, и для чудовищ. И, разумеется, в вашем распоряжении мои системы связи, если вы захотите что-нибудь сообщить своему правительству.

Толли Мьюн открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, но передумала.

— Вы действительно догадались о том, что я подумала? — изумилась она.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — ответил Таф. — Читать чужие мысли мне обычно помогает Дакс, но сейчас кошка-телепат есть только у вас, мадам.

7

Затем было бесконечно долгое возвращение в полном молчании и бесконечно долгий ужин, за которым оба чувствовали себя неловко.

Они сидели за столом в углу длинного, узкого зала связи в окружении пультов, телеэкранов и кошек. Таф, держа на коленях Дакса, методично поглощал еду. С другой стороны стола Толли Мьюн ковырялась в своей

тарелке. У нее не было аппетита. Она устала, казалась сбитой с толку и испуганной...

Ее замешательство отразилось и на Черныше: он съежился у нее на коленях и лишь изредка поднимал над столом голову, чтобы предостерегающе поворчать на Дакса.

И наконец наступил тот момент, которого она ждала. Зазвенел звонок, замигала синяя лампочка — кто-то хотел с ними связаться.

Толли Мьюн вздрогнула и быстро обернулась. Черныш испуганно спрыгнул с ее колен. Она сделала движение, чтобы встать, но застыла в нерешительности.

— Я ввел в программу строгую инструкцию, чтобы меня ни в коем случае не беспокоили во время еды, — сказал Таф. — Следовательно, это вас.

Синяя лампочка вспыхивала и гасла.

— Вы не Бог, — сказала Толли Мьюн, — и я, черт возьми, тоже. Я не желаю этого проклятого бремени, Таф.

— Может быть, это командующий Вальд Обер, — заметил Таф. — Думаю, вам лучше ответить, пока он не начал обратный отсчет.

— Права быть Богом нет ни у кого, — продолжала Толли Мьюн, — ни у вас, ни у меня.

Он задумчиво пожал плечами.

Лампочка все мигала.

Черныш завыл.

Толли Мьюн сделала два шага по направлению к пульту, остановилась и повернулась к Тафу.

— Бог — это созидание, — с появившейся откуда-то уверенностью сказала она. — Вы можете разрушать, Таф, но не можете создавать. Поэтому-то вы и не Бог, а чудовище.

— Создание жизни в чанах для клонирования — ежедневное и обычное дело в моей профессии, — возразил Таф.

Лампочка продолжала мигать.

— Нет, — сказала она. — Вы воспроизводите жизнь, но не создаете. Она должна была когда-нибудь и где-нибудь существовать, и у вас должны быть образцы клеток или ископаемые остатки, что-нибудь еще — иначе вы беспомощны. Да, черт! О, конечно, вы можете создавать — так же, как и я, как и любой мужчина и любая женщина во Вселенной. Деторождение, Таф. Вот где настоящая власть, вот где настоящее чудо — это единственное, что делает нас, людей, сродни богам, и именно это вы предлагаете отнять у девяноста девяти целых и девяти десятых процента населения Сатлэма. К черту! Никакой вы не создатель, никакой не Бог!

— Несомненно, — бесстрастно согласился Таф.

— Так что вы не имеете права принимать такие решения, — сказала она, — и я тоже, черт.

Она быстро и уверенно подошла к пульту и нажала кнопку. По экрану побежали разноцветные пятна, из которых возник зеркальный боевой шлем, украшенный стилизованным изображением глобуса. Под темной металлопластовой маской светились два красных сенсора.

— Командующий Обер, — обратилась Толли Мьюн.

— Первый Советник Мьюн, — сказал Вальд Обер, — я беспокоился. Союзные послы говорят репортерам какие-то невероятные вещи. Мирный договор, новый расцвет. Это правда? Что происходит? У вас все в порядке?

— Да, — ответила она. — Послушайте меня, Обер, и...

— Толли Мьюн, — перебил ее Таф.

Она резко повернулась к нему:

— Что?

— Если деторождение — признак божества, то тогда кошки тоже боги. Они тоже воспроизводят себе по-

добных. Позвольте мне заметить, что за очень короткое время возникла такая ситуация, что у вас стало больше кошек, чем у меня, хотя вы начинали с одной пары.

Толли Мьюн бросила на него сердитый взгляд.

— Я вас что-то не понимаю. — Она отключила звук, чтобы Обер не услышал слов Тафа. Вальд Обер беззвучно открывал рот и жестикулировал.

Хэвиланд Таф сжал пальцы.

— Я просто говорю вам, что, хотя я и люблю кошек, но все же принимаю меры по контролю за их рождаемостью. Я принял это решение, взвесив все «за» и «против». В конце концов, как вы увидите, есть только два выхода. Вы должны или смириться с необходимостью осудить плодовитость своих кошек, причем должен добавить, без их согласия, или в один прекрасный день вам наверняка придется спускать целый мешок новорожденных котят через тамбур в холодный вакуум космоса. Если вы не сделаете выбора, он будет сделан за вас. Непринятие решения — потому что у вас нет права — это тоже решение, Первый Советник. Воздерживаясь от голосования, вы тоже голосуете.

— Таф! — страдальчески воскликнула она. — Не надо! Я не хочу этой проклятой власти.

Дакс вспрыгнул на стол и обратил на нее свой золотистый взор.

— Профессия Бога еще труднее, чем профессия эколога, — сказал Таф, — хотя должен заметить, что, когда я взвалил на себя эту ношу, я знал, что это рискованно.

— Нет, — вздрогнула она. — Не говорите так. Дети не котята. Они люди, они... они... У них есть власть ума, власть сердца. Люди рациональны, и это они должны сделать выбор — они, а не я. Я просто не

могу сделать его за них — за миллионы, миллиарды людей!

— Несомненно, так, — заметил Таф. — Я забыл о замечательном народе Сатлэма и о его многовековой истории рационального выбора. Разумеется, они заглянут в лицо войне, голоду и чуме, а потом, миллиард за миллиардом, изменят свои привычки и решительно разгонят тучи, которые сгущаются над Сатлэмом и его величественными башнями. Как странно, что я этого не понял.

Они пристально посмотрели друг на друга.

Дакс замурлыкал. Потом он подобрался к тарелке Тафа и стал лакать из нее грибное пюре. Черныш потерся о ногу Толли Мьюн, подозрительно поглядывая на Дакса.

Толли Мьюн медленно-медленно повернулась к пульту; ей казалось, что это движение длится целый день — неделю, год, всю жизнь, сорок миллиардов жизней. Но между тем прошло одно мгновение, и, когда она взглянула на экран, все эти миллиарды забылись, как будто их и не было.

Толли Мьюн посмотрела на холодную немую маску, глядевшую на нее с экрана, и в этом темном блестящем куске пластика она, как в зеркале, увидела все зримые ужасы войны. Под маской горели мрачные, лихорадочные глаза голода и болезни. Она снова включила звук.

— Что у вас происходит? — спрашивал Вальд Обер. — Первый Советник, я вас не слышу. Какие будут распоряжения? Вы меня слышите? Что происходит?

— Командующий Обер, — сказала Толли Мьюн. Она заставила себя широко улыбнуться.

— Что случилось?

Она проглотила слюну.

— Случилось? Ничего, Командующий. Абсолютно ничего. Черт, да все просто прекрасно. Война закончилась, и кризис тоже.

— Вас принудили к решению силой? — рявкнул Вальд Обер.

— Нет, — быстро ответила она. — Почему вы это спросили?

— Слезы, — объяснил он. — Я вижу ваши слезы, Первый Советник.

— Это от радости, Командующий. Слезы радости. Манна, Обер, — так он это называет. Манна небесная. — Она легко рассмеялась. — Звездная еда. Таф — гений. Иногда... — Она прикусила губу. — Иногда я даже думаю, что, может быть, он...

— Что?

— ...Бог, — сказала она и нажала кнопку. Экран погас.

Ее имя было Толли Мьюн, но в историях, которые о ней рассказывали, ее называли по-разному.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ ТАФА 5
Чумная звезда 7
Хлеба и рыбы 142
Хранители 230
Повторная помощь 294
Зверь для Норна 348
Зовите его Моисеем 389
Манна небесная 446

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

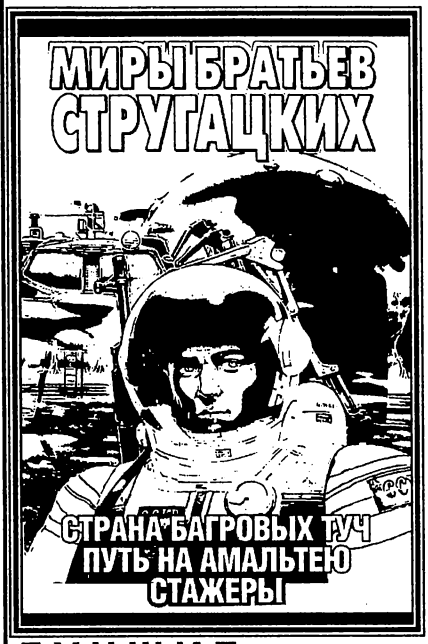
СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» — мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии

«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.
Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Луганская, д.7. Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31; проспект Просвещения, д. 76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фолио»

Литературно-художественное издание

Мартин Джордж

Путешествия Тафа

Фантастические повести

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Чернова

Подписано в печать 24.05.2000.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 10000 экз. Заказ № 1070.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Джордж Мартин не просто автор одного из самых культовых романов нашего века — уникальной «Игры престолов». Не просто лауреат практически ВСЕХ премий, присуждаемых писателям-фантастам. Не просто талант «литературной легенды»...

Джордж Мартин — последний из романтиков от фантастики. Писатель, которому подвластны совершенно несовместимые жанры — от поэтичных фэнтези до иронической «космической оперы»! Мастер приключений — и король сарказма. Тот, чьему прихотливому таланту просто нет равных...

Прочитайте — и узнайте сами!

Кто же он, профессиональный спаситель, летающий из мира в мир, с планеты на планету, из системы в систему?
Кто же он — великий герой и неудачливый бизнесмен, безуспешно пытающийся распродать «отборные товары по низким ценам»?
Он — Хэвиланд Таф. Лучший из лучших — или отъявленный неудачник? Положим, считают по-разному — те инопланетяне, которым Таф оказывал серьезные услуги, и те, коим он оказывал услуги медвежьи...

ISBN 5-17-001041-9